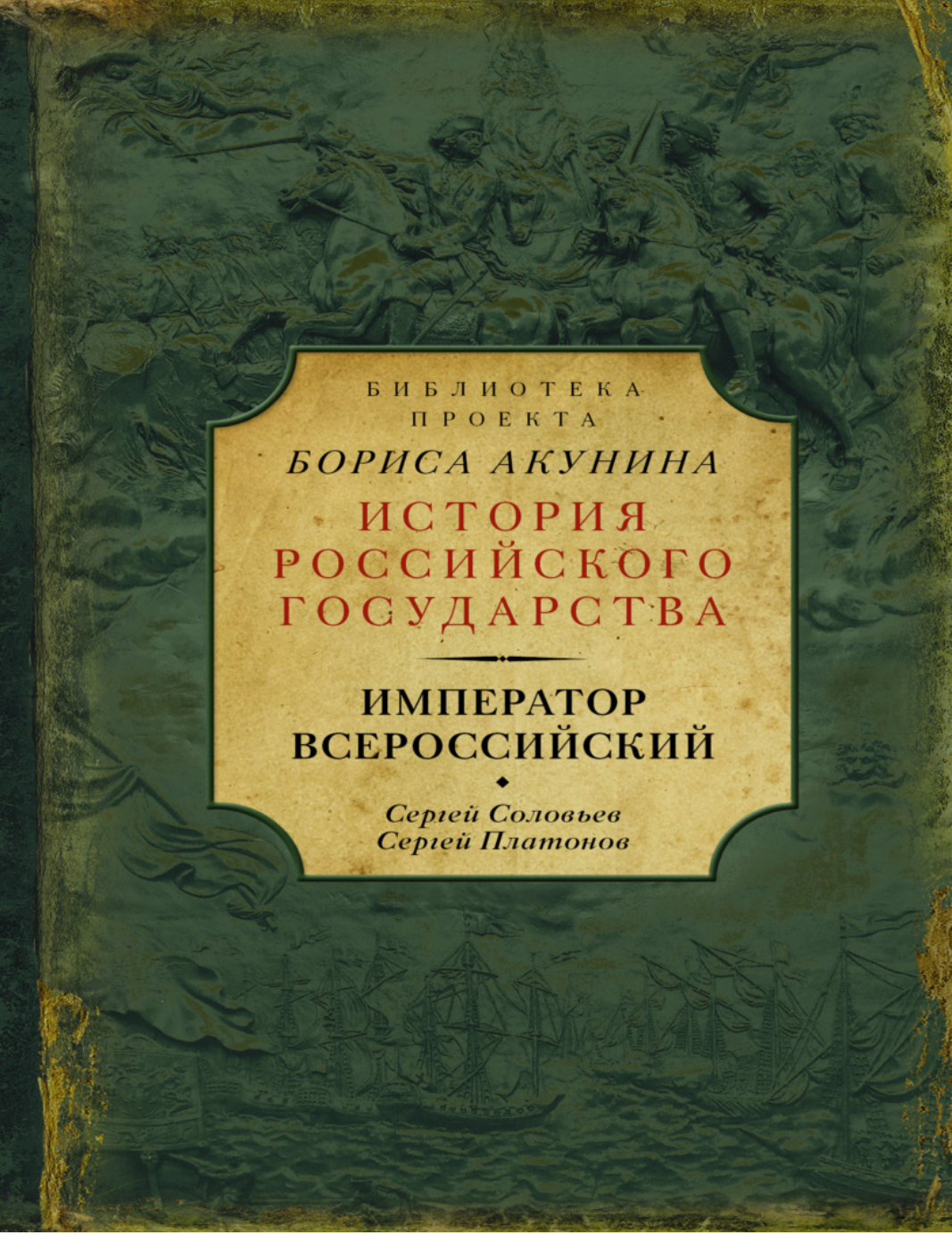


БИБЛИОТЕКА ПРОЕКТА

БОРИСА АКУНИНА

ИСТОРИЯ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА

ИМПЕРАТОР ВСЕРОССИЙСКИЙ

Сергей Соловьев
Сергей Платонов

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Библиотека проекта «История Российского государства» – это рекомендованные Борисом Акуниным лучшие памятники исторической литературы, в которых отражена биография нашей страны от самых ее истоков. О сложной и противоречивой личности императора Петра Первого – одного из наиболее выдающихся государственных деятелей, определившего направление развития России в XVIII веке, о его реформах, благодаря которым Россия стала великой державой, и их значении для страны, рассказывают русские историки С.М. Соловьев и С.Ф. Платонов.

- Император Всероссийский (сборник)
  - ○
  - ○ Сергей Михайлович Соловьев
    - ■ Падение Софии. Деятельность царя Петра до первого Азовского похода
    - ■ Окончание Двоевластия. Царствование Петра I Алексеевича
    - ■ Продолжение царствования Петра I Алексеевича
  - ○ Сергей Федорович Платонов
    - ■ I. Публицистические и философские оценки Петра Великого в XVIII веке и первой половине XIX века
    - ■ II. Научные оценки Петра Великого в позднейшее время
    - ■ III. Детство Петра Великого
    - ■ IV. Молодость Петра Великого
    - ■ V. Первые политические шаги
    - ■ VI. Воинский талант Петра
    - ■ VII. Петр Великий в последнем периоде жизни
- notes
  - ○ 1
  - ○ 2
  - ○ 3
  - ○ 4
  - ○ 5
  - ○ 6
  - ○ 7
  - ○ 8
  - ○ 9
  - ○ 10

- ○ 11
- ○ 12
- ○ 13
- ○ 14
- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20

Император Всероссийский (сборник)

© B. Akunin, 2018
© ООО «Издательство АСТ», 2018

* * *

Сергей Михайлович Соловьев
Учебная книга русской истории
Избранные главы

Падение Софии. Деятельность царя Петра до первого Азовского похода

Значение Петра и совершенного им переворота. – Воспитание Петра. – Учителя-иностранцы. – Строение судов. – Женитьба Петра. – Столкновение с правительницею. – Намерение Софьи венчаться на царство. – Вражда Софьи к царице Наталье Кирилловне. – В.В. Голицын и Шакловитый. – Напрасное старание поднять стрельцов. – Неудовольствия со стороны Петра. – Сбор стрельцов в Кремле 7 августа. – Бегство Петра в Троицкий монастырь. – Напрасные попытки Софьи примириться с братом. Стрельцы принуждают ее выдать Шакловитого. – Розыск Шакловитого; ссылка Голицыных. Распря между близкими к Петру людьми по поводу Голицыных. – Казнь Шакловитого с товарищами. – Новые доносы на князя В.В. Голицына и отягчение его участи. – Розыск и казнь Медведева. – Отстранение Софьи от правительства и заключение ее в монастырь. – Продолжение доносов. – Новое правительство. – Ссора князя Бориса Голицына с Долгорукими. – Лефорт. – Царские потехи. – Компания. – Состояние общества. – Дела малороссийские. – Положение русских людей в польских областях. – Мазепа и Палей. – Дела об откупе.

«В одном государстве царственный ребенок, вследствие семейной вражды и гонения от родственников, подвергался страшным опасностям, спасся чудесным образом, воспитывался в уединении, среди низких людей, набрал себе из среды этих людей новую храбрую дружину, одолел с нею противников и стал основателем нового общества, нового могущественного государства, проводил всю свою жизнь в борьбе и оставил по себе двойную память: одни благословляли его, другие проклинали».

О ком это идет речь? Что это хотят нам повторять старую сказку о Кире и Ромуле: кто ей теперь верит?

Сказывается не сказка, не о Кире и Ромуле идет речь, приводятся неоспоримые известия о русском царе Петре Алексеевиче, который жил в конце XVII и начале XVIII века; пора оставить толки о сказках, о мифах и подмечать общие законы исторических явлений.

Мы видели, что во второй половине XVII века русский народ явственно тронулся на новый путь; после многовекового движения на восток он начал поворачивать на запад, поворот, который должен был необходимо вести к страшному перевороту, болезненному перелому в жизни народной, в существе народа,

ибо здесь было сближение с народами цивилизованными, у которых надобно было учиться, которым надобно было подражать. Вопрос о том, могло ли сближение с европейскими народами и восприятие их цивилизации совершиться в России спокойно, постепенно, без увлечений, решается легко при внимательном наблюдении общих законов исторических явлений. Когда мы говорим о просвещении, о цивилизации, то разумеем громадную силу, которая бесконечно поднимает народ, ею обладающий, над народом, у которого ее нет: как же теперь с понятием о слабости соединить понятие силы?

Готфрид Кнеллер. Первый портрет молодого русского царя, написанный с натуры 9 сентября 1697 года во время пребывания Петра I в Утрехте, где он находился вместе с английским королем Вильгельмом III

Как предположить, что широта и ясность взгляда, сдержанность, самостоятельность, плоды цивилизации давней и крепкой, должны быть достоянием народа нецивилизованного? С другой стороны, в жизни народов мы замечаем известные периоды, в которые они проводят известное начало, живут им, подчиняются ему вполне; наступает другое время, на очереди становится новое начало, и народ предается ему; новое начало начинает господствовать на счет старого, обнаруживается обыкновенно сильная вражда к последнему, отрицание того, что было при его господстве, дурные отзывы о времени этого господства: народы в этом отношении не любят, не могут работать двум господам, если одного возлюбят, другого непременно возненавидят. Здесь возможна только злая борьба между двумя началами, старым и новым, борьба, необходимо раздражающая, ведущая к увлечению, к крайностям.

Можно ли себе представить, чтоб молодой, исполненный жизненных сил народ, сблизившись с другими, превосходящими его народами, понявши чрез сравнение недостатки своего быта, не бросился вдруг на все то, что казалось ему лучшим у других? Да и можно ли было медлить, когда несостоятельность во всем, несостоятельность материальная и нравственная, была так явна? Когда нельзя было начать ни одного дела, не начавши вместе с тем и многих других, этому делу способствующих, для него необходимых?

Западные европейские народы в описываемое время относительно цивилизации своей стояли высоко над русским, который должен был идти к ним в ученье; но для этих самых западных народов не прошло еще тогда время рабства чужому, нерадения о своем, презрения к нему; ослепленные блеском античной цивилизации, с неодолимою силою потянулись они к ней, доходя иногда вначале до диких увлечений, отдались в науку грекам, римлянам, даже италиянцам, прежде других познакомившимся с греками и римлянами; свое было в опале, к своему относились как к варварскому, значения, величия своей истории в сравнении с историею греков и римлян не понимали. Очередь поработать чуждому началу дошла и до русского народа, дошла по известным условиям позднее, чем до других, и в этом огромная невыгода, но причины этой невыгоды лежали в условиях хода всей предшествовавшей истории, в условиях, при

которых явился наш народ, основалось наше государство.

Долговременное пребывание в удалении от Западной Европы и ее цивилизации, крайность, исключительность одного направления необходимо условливали крайность противоположного направления, необходимость удовлетворить вдруг всему должна была неминуемо сообщить нашему так называемому преобразованию характер революционный. Наша революция начала XVIII века уяснится чрез сравнение ее с политическою революциею, последовавшею во Франции в конце этого века. Как здесь, так и там болезни накоплялись вследствие застоя, односторонности, исключительности одного известного направления; новые начала не были переработаны народом на практической почве; необходимость их чувствовалась всеми, но переработались они теоретически в головах передовых людей, и вдруг приступлено было к преобразованиям; разумеется, следствием было страшное потрясение: во Франции слабое правительство не устояло, и произошли известные печальные явления, которые до сих пор отзываются в стране; в России один человек, одаренный небывалою силою, взял в свои руки направление революционного движения, и этот человек был прирожденный глава государства.

Французские историки считают себя вправе плакаться на такой ход дела у себя и с завистью посматривают на соседний остров, где фундамент здания складывался издавна, постепенно и прочно; но пусть же они плачутся на весь предшествовавший ход французской истории, которого революция была необходимым следствием; что не было сделано исподволь, постепенно, и потому легко и спокойно, то приходится делать потом вдруг, с болезненными напряжениями, которые мы называем революциями. И мы имеем право плакаться на нашу революцию, но опять с обязанностью плакаться также на всю предшествовавшую историю, которая привела к той революции, ибо условия здоровья не производят болезни.

Если таков общий закон, если наша революция в начале XVIII века была необходимым следствием всей предшествовавшей нашей истории, то из этого вполне уясняется значение главного деятеля в перевороте, Петра Великого: он является вождем в деле, а не создателем дела, которое потому есть народное, а не личное, принадлежащее одному Петру. Великий человек есть всегда и везде представитель своего народа, удовлетворяющий своею деятельностью известным потребностям народа в известное время. Формы деятельности великого человека условлены историей, бытом народа, среди которого он действует. Чингисхан и Александр Македонский – оба завоеватели, но какая разница

между ними!

Эта разница происходит от различия народов, которых они были представителями. Деятельность великого человека есть всегда результат всей предшествовавшей истории народа; великий человек не насилует свой народ, не создает того, что непотребно и невозможно для народа. При настоящих успехах исторической науки великий человек теряет свое божественное значение, не является существом, разрушающим и создающим по своему произволу: но он получает великое значение как представитель народа в известное время, как произведение и поверка народной жизни, народной истории. Великий человек не утрачивает своего значения; народ не низводится до степени стада, бессознательно идущего туда, куда его гонит чуждая воля.

Но переворот сопровождался страшною борьбой, преобразователь встретил сильное сопротивление в народе, следовательно, дело преобразования было делом насилия со стороны верховной власти. Иностранцы не без некоторого, понятного, впрочем, удовольствия повторяли и повторяют, что Петр насильно и преждевременно цивилизовал русских, что и не могло повести и даже никогда не поведет ни к какому толку. Вооружаются вообще против преобразований, идущих сверху. Мы не знаем будущего и потому не станем говорить о нем; не будем преждевременно говорить того, что должны будем сказать впоследствии, проследив судьбы дел Петровых по его смерти. Но для устранения бесплодных толков опять обратимся к сравнениям из прошедшего.

Луи Каравак. Портрет Петра Первого. 1722 г.

В настоящее время ни один из европейских писателей, верующий ли он или неверующий, не станет отрицать цивилизующего значения христианства; каждый европеец гордится тем, что христианство пустило глубокие корни преимущественно в Европе, что доказывает высшее развитие, большую зрелость племен, населяющих эту часть света. Но пусть же припомнят историю принятия христианства европейскими народами, пусть припомнят, что обыкновенно дело шло сверху, принимали христианство князь и дружина его, ближние люди, и потом уже новая вера распространялась в массе, причем не обходилось без ожесточенной борьбы, без страшного сопротивления со стороны народа, отстаивавшего свою старину, веру отцовскую; да и после принятия крещения масса в продолжение веков оставалась двухверной, не могла забыть

старых богов своих. Что же из этого следует? То, что европейские народы были обращены в христианство насильно своими правительствами!

Еще пример ближайший: в Англии король Генрих VIII вздумал отложиться от римской церкви; но известно, какое сильное сопротивление встретил он своему делу, какие сильные восстания вельмож и народа должен был он побороть: значит, английский народ был насильственно отторгнут от папы и реформа, которою так гордятся англичане, была личным делом Генриха VIII. В Риме будут очень довольны таким мнением.

Петр был представителем, вождем своего народа в деле народном: отсюда обязанность историка при описании великого переворота не отрывать главного деятеля, вождя, от народа, от общества, с самого начала следить, как образовывалось его существо под влиянием условий, приготовленных историей народа, ибо явления, по-видимому, самые случайные, имевшие влияние на характер исторического деятеля, окрашиваются цветами, господствующими в обществе, и чрез это-то окрашивание общество и проводит свое влияние на исторического деятеля.

Мы видели, как вследствие известных условий русское общество к концу XVII века выработало мало своих сил, сдерживающих личную силу, которой было так много простору. Вот почему девственная страна представляла такое обширное поприще для богатырей всякого рода, для людей, которым, по выражению песни, было грузно от сил, которые стремились разминать свое плечо богатырское и, когда расходятся, не знали удержу. Богатырский, геройский период прекращается в народе вместе с цивилизациею, с развитием общественных сил; цивилизованное, развитое общество сжимает личную силу, вгоняет ее в известные пределы, ограничивает специализированием занятий: отсюда понятно, что в обществе цивилизованном сильные люди являются не в таких богатырских размерах, как в обществах юных. Мы очень хорошо знаем, как упражнение развивает всякого рода силы, и потому нечего удивляться, что старинные сильные люди были сильнее наших, ибо имели более простору упражнять свои силы во всех направлениях.

В России более, чем в каком-нибудь другом европейско-христианском государстве, общество, вследствие своей истории, предоставило простора для деятельности верховной власти, и потому неудивительно, что в России XVIII века мы встречаем двоих государей с неимоверною деятельностью – Петра Первого и Екатерину Вторую. Общество юное, неразвитое не допускает

разделения занятий: отсюда сильному человеку возможность и необходимость браться за все, упражнять свои силы в многоразличных родах занятий; отсюда многообразная деятельность Петра; вследствие тех же общественных условий увидим впоследствии на другом поприще многообразную деятельность Ломоносова.

Поединок богатыря Ильи Муромца с Соловьем-разбойником (аллюзия на Петра I и Карла XII). Ксилография. Первая половина XVIII века

Петр со своими сподвижниками заканчивает, собственно говоря, древний, богатырский отдел русской истории. Это последний и величайший из богатырей; только христианство и близость к нашему времени избавили нас (и то не совсем) от культа этому полубогу и от мифических представлений о подвигах этого Геркулеса.

Общество юное, кипящее неустроенными силами, произвело исполина, как юная земля в допотопное время производила громадные существа, скелеты которых приводят в изумление наш мелкий род. Но становится страшно: куда будут направлены эти силы при таком отсутствии умеряющих, образовательных начал? Какие нравственные пеленки приготовило общество для Петра,

как оно воспитает, образует исполина?

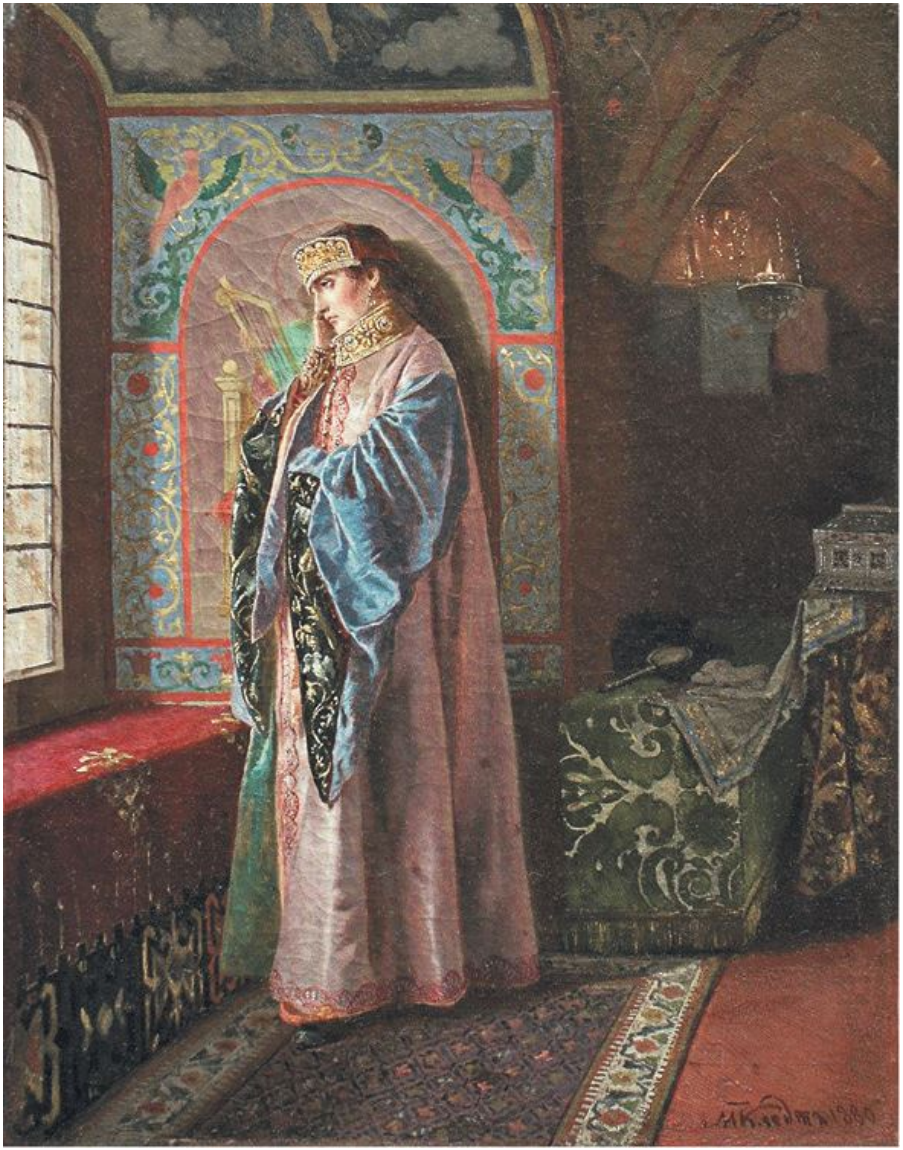
Мы видели неудовлетворительность нравственного состояния древнего русского общества; но видели также, что движение, начавшееся в обществе во второй половине XVII века, и борьба, вследствие того происшедшая, могли только ухудшить нравственное состояние. Как ни печально бывает нравственное состояние в известном обществе, но если последнее живет, не рушится, значит, существуют известные нравственные сдержки и связи, которые не дают ему окончательно распасться. Но если это общество двинется, взволнуется в сильном перевороте, то старые связи необходимо ослабевают, иногда совершенно рушатся, и общество подвергается сильному нравственному колебанию, шаткости, смуте, пока нравственные связи снова окрепнут или заменятся новыми. Поэтому справедливо говорят, что переходное время есть самое печальное для общественной нравственности. Прежде, до второй половины XVII века, был неоспоримым авторитет отцов духовных; теперь, с одной стороны, раскольники, с другой – новые учители, православные и неправославные, подкапывают этот авторитет; архиереи, священники оказываются несостоятельными как учители; молодое поколение и вождь его воспитываются в убеждении, что этих учителей нечего слушать, говорят они бог знает что, потому что невежды, учителей этих прежде всего надобно учить.

Древнее русское общество находило нравственные сдержки в родовом быте; член рода чтил своего старшего, находился под его надзором и властью, которая, как знаем, была очень обширна и при случае давала себя тяжело чувствовать ослушнику; член рода уважал мнение рода, боялся своим поведением нанесть бесчестие ему. Теперь и родовая связь ослабела, а других сдержек на ее место общество еще не выработало.

Древнее русское общество употребляло известные материальные сдержки в помощь нравственным: так, люди знатные и достаточные держали своих жен и дочерей взаперти, в теремах. Теперь это затворничество начало прекращаться. Но как никакая тюрьма не воспитывает, не приготовляет для свободы, не развивает и не укрепляет сил, так и терем не воспитал русской женщины для ее нового положения, не укрепил ее нравственных сил, а с другой стороны, общество не приготовилось еще к ее принятию, не могло представить ей чисто нравственных сдержек, как не представляло их и для мужчины. Пример исторической женщины, освободившейся из терема, но не вынесшей из него нравственных сдержек и не нашедшей их в обществе, представляет богатырь-царевна Софья Алексеевна.

Как же воспитывался богатырь-царевич Петр в

расшатавшемся обществе?



М.П. Клодт. В тереме

Трех лет остался Петр по смерти отца и с восшествием на престол старшего брата подвергся удалению, гонению вместе с матерью и ее родственниками. Спокойная, правильная обстановка во время младенчества способствует правильности развития, не ускоряет его в ребенке; напротив, печальная доля в младенчестве, гонения, бури способствуют раннему развитию в детях способных. Перед глазами постоянно печальная мать, толкующая с ближними людьми о своей невзгоде, ссылке братьев, благодетеля

Матвеева: ребенок пламенный, восприимчивый, питается, раздражается семейною враждою; то, что другие дети узнают только из нянькиных сказок, как злые родственники гонят невинных детей, как последние или гибнут, или торжествуют, то маленький Петр испытывает в действительности, он уже герой драмы, действующее лицо, он ненавидит гонителей настоящею, действительною ненавистью, и сочувствие его к героям посильнее, чем у других детей к их сказочным героям, ибо эти герои он сам, его мать, дядья. Царевича начали учить грамоте, призвали по обычаю дьяка, умевшего хорошо читать и писать. Дьяк был Никита Моисеев сын Зотов, знаменитый впоследствии пресбургский патриарх.

Петру оканчивался десятый год, когда умер царь Феодор. Петра выбирают в цари; но этот выбор ведет к стрелецкому бунту. До сих пор удаление, гонение раздражали ребенка; теперь страшные, кровавые сцены перед глазами, мучительная смерть родных, отчаяние матери, власть похищается, переходит в руки прежних гонителей. После приближенные к Петру люди рассказывали иностранцам, что во время стрелецкого бунта маленький Петр сохранил удивительное спокойствие, нисколько не изменился в лице, и указывали на это как на признак будущего величия. Но как бы ни держал себя Петр во время стрелецкого бунта, кровавые сцены не могли остаться без влияния, и чувства, возбужденные ими, должны были действовать разрушительно, хотя бы и сдержаны были на время.

Опять удаление и гонение, опять перед глазами вечно печальная мать и вечные жалобы, вечные толки о том, что власть похищена и делается бог знает что в государстве. Грустно и скучно! Страшно скучно для ребенка, которому уже «начинает быть грузно от силушки, как от тяжелого бремени». Ученье кончилось с уходом Зотова; у старших братьев Петра после дьяка, выучившего грамоте, был другой учитель, Симеон Полоцкий; Петру не дали такого учителя. Что же делать огненному мальчику, который, когда и вырос, не умел ходить, а только бегать? Оставалось одно занятие – «ходить по улице широкой, с ребятами тешиться», как говорила старинная песня. И Петр выбегает из дворца на улицу, чтоб больше уже не возвращаться во дворец с тем значением, с каким сидели там его предки.

В потехах с ребятами на улице, в воинских играх новый Ромул кличет клич по новую дружину, и дружина собирается, удалые потешные конюхи, будущие образцовые полки. Молодой богатырь расправляет свои силы. В то время, когда Россия повернула на новый путь, как нарочно грусть и скука выгоняют молодого царя из дворца на улицу, в новую сферу, где он окружен

новыми людьми, где он вождь новой дружины, разорвавшей с прежним бытом, с прежними отношениями. Без оглядки бежит он из скучного дворца, чистым и свежим, новым человеком и потому способным окружить себя новыми людьми; он убежал от царедворцев и ищет товарищей, берет всякого, кто покажется ему годным для его дела.

Образуется новое общество, новое государство и, как обыкновенно бывало при этом, является дружина со своим вождем, которая и движется, разрушая старое, созидая новое; царь по происхождению (rex ex nobilitate) становится вождем дружины по личной доблести (dux ex virtute) удерживает за собою преимущественно этот характер. В нем не было ничего, что старинные русские люди привыкли соединять со значением царя; это герой в античном смысле; это в новое время единственная исполинская фигура, каких мы видим много в туманной дали, при основании и устроении человеческих обществ.

П.В. Басин. Петр I мальчиком в окружении бояр

Следя за деятельностию Петра, мы не должны ни на минуту забывать, что имеем дело не с государем только, а с начальником нового общества, с вождем дружины, основывающей новое государство, с человеком, проникнутым исключительно одною мыслью, служащим одному началу. Новые отношения не могли не высказаться в новых формах: отсюда перемена в обращении у

Петра со своими, простой, совершенно товарищеский тон его переписки с новыми людьми, на каких бы ступенях они ни находились, какого бы происхождения ни были, лишь бы только принадлежали к новому обществу, были товарищами царя в деле преобразования. Современное общество хорошо понимало эти отношения: когда русские люди разделились и пошла борьба, те, которые стали за старину, обратили свою вражду на эту дружину, на этих новых людей, окружавших Петра.

Таково значение имело то обстоятельство, что молодой царь выгнан был грустию и скукою из дворца и выбежал на улицу, где в потехах, столько соответствовавших его натуре, он расправил свои силы и получил те дружинные привычки, которые так соответствовали его деятельности, его историческому значению. Но дружинная жизнь если, с одной стороны, предполагает сильную деятельность, подвиги, то, с другой, предполагает веселую, разгульную жизнь, опять соответствующую природе людей, способных к дружинной жизни.

Так жилось в старой Руси, где князь прежде всего был вождем дружины; поработать и потом сесть пить с дружиною – таков был день старого русского князя, который не мог принять магометанства, потому что «Руси есть веселие пити». Следовательно, нечему удивляться, если и новая дружина петровская не разнилась в этом отношении от старых дружин. Но здесь мы должны припомнить еще и другие условия, которые нам объяснят дело во всех подробностях.

Припомним, что для Петровых деда, отца и брата, кроме их природы, недоступный, окруженный священным величием и страхом дворец служил тем же, чем терем для древней русской женщины, – охранял нравственную чистоту, хотя мы знаем, что более живой по природе царь Алексей Михайлович любил иногда попировать, напоить бояр и духовника. Младший сын его, с пылкою, страстною природою, выбежал из дворца на улицу, а мы видели, как грязна была русская улица в конце XVII века; справимся с известиями о господствовавших пороках тогдашнего общества, и нам объяснятся привычки Петра, которые так нам в нем не нравятся.

Но неужели молодой Петр был совершенно предоставлен самому себе? Неужели при нем не было ни одного человека, могшего силою своего характера и значения удержать его от крайностей, к которым влекла страстная, огненная природа? Самым влиятельным человеком в этом отношении мог быть кравчий князь Борис Алексеевич Голицын, двоюродный брат знаменитого князя Василья. Князь Борис, человек умный, энергический, распорядительный, образованный не менее князя

Василья, знавший латинский язык и любивший говорить на нем, честно исполнил свои обязанности к Петру в том отношении, что оставался непоколебимо ему верен, берег его интересы, оказал важные услуги в борьбе с Софьею и после со стрельцами, с достоинством относился к своему воспитаннику, когда тот уже начал свою славную деятельность; вот, например, как он отвечал ему на письмо, извещавшее о победе:

«Милостивое письмо твое истинное и победительное принял с великим благодарением, за что не помалу воздам хвалу богу. *Ласкать и манить не буду,* только прошу у Бога всегда такое одолжение и славу чтоб всегда одержать». Но этого самого князя Бориса иностранцы и русские не иначе называют, как пьяницей. Один из иностранцев рассказывает, что князь Борис и молодой Андрей Артамонович Матвеев набились к нему на обед и привели с собою своих друзей, датского комиссара и несколько иностранных купцов; они остались так довольны кушаньями, что несколько блюд отослали к своим женам и без церемонии унесли с собою конфекты. Эти известия очень важны для нас, потому что лучше всего изображают тогдашнее общество: вот передовые люди, одни из первых повернувшие на новую дорогу, сознавшие необходимость образования и преобразования; но как они еще недалеко ушли! Двуверы, двуглавые Янусы: одна голова обращена вперед, другая назад, говорят по-латыни и пьянствуют, уносят с собою конфекты с чужого обеда! Вот еще любопытный рассказ о том же князе Борисе. Знаток латинского языка позвал к себе иностранцев и изумил их своим грубым обращением с музыкантами-поляками, привел в ужас выходкою против несчастного учителя детей своих, также поляка. Князь Борис не любил, как видно, сдерживаться; он был также очень откровенен и в письмах своих к Петру: он начинает их обыкновенно латинскими фразами, но одно оканчивает так: «Бориско, хотя быть пьян».

А.П. Рябушкин. Московская улица XVII века в праздничный день. 1895 г.

Граф Андрей Артамонович Матвеев – сподвижник Петра Великого, дипломат, один из первых русских мемуаристов, автор записок о дворе Людовика XIV

С князем Борисом Голицыным соединяется в рассказах иностранцев молодой человек, также очень близкий к Петру, Андрей Матвеев, сын знаменитого Артамона. О двадцатидвухлетнем Матвееве говорят, что он был очень умен, хорошо говорил по-латыни, любил читать и с жадностию слушал повести обо всем, что происходило в Европе, имел особенное расположение к иностранцам; жена его была единственная русская женщина, которая не румянилась.

Люди, самые приближенные к Петру, так тянут к Западу,

такие охотники до иностранцев; Петр, сгоравший неудовлетворяемою жаждою знания и деятельности, не мог долго оставаться в удалении от людей, которые могли его кое-чему научить, могли о многом порассказать.

Однажды императрица Елисавета Петровна, вшедши в комнату племянника своего Петра Федоровича, который занимался черчением, поцеловала его и сказала со слезами: «Не могу на словах рассказать того удовольствия, какое я чувствую, когда вижу, что ты хорошо употребляешь свое время, и вспоминаю, как батюшка, застав однажды меня с сестрою за уроками, сказал со вздохом: “Ах, если б я в моей молодости был выучен, как должно!”»

Петра не учили, как должно, по его собственному признанию, но он многое знал; как же он приобрел эти знания? Пусть расскажет сам.

Князь Яков Долгорукий перед отъездом своим во Францию в посольстве разговорился с четырнадцатилетним Петром и между прочим сказал, что у него был важный инструмент, да, жаль, украли: можно было этим инструментом брать дистанции, не доходя до того места. Искра упала в порох: «Купи мне инструмент во Франции». Долгорукий купил, привез, астролябия в руках Петра, но что он с нею станет делать: не умеет, как взяться, а у кого спросить? К дохтуру немцу, не знает ли? Дохтур сам не знает, но говорит, что сыщет знающего, голландца Франца Тиммермана. Учитель нашелся, а ученик «гораздо пристал с охотою учиться геометрии и фортификации».

«И тако, – говорит Петр, – сей Франц чрез сей случай стал при дворе быть беспрестанно в компаниях с нами».

Нашелся знающий человек, и дело не ограничивается учением в четырех стенах; ученик не умеет ходить, а только бегает. Огненный мальчик таскает Тиммермана всюду, и при виде всякого нового предмета расспросы: что это? зачем? Предметов новых мало, и беспокойный мальчик всюду пробирается, заглядывает, нет ли где чего, все ему надобно, все отопри и покажи. В Измайлове забрался в амбары, где лежали старые негодные вещи двоюродного дяди царского, Никиты Ивановича Романова, и вдруг судно особого рода, иностранное!

Запрос Тиммерману: что это за судно? «Бот английский». – «Где его употребляют?» – «При кораблях для езды и возки». – «Чем лучше наших?» – «Ходит на парусах не только что по ветру, но и против ветру». – «Против ветру быть не может! Надобно посмотреть: есть ли такой человек, который бы починил бот и ход его мне показал?» – «Есть. Сейчас отыскали голландца Карштен-Бранта, который при царе Алексее вызван был для постройки

кораблей в Дединове. Брант починил бот, сделал мачту и паруса и начал лавировать на Яузе». – «Это мне паче удивительно и зело любо стало, – говорит Петр. – Потом, когда я часто то употреблял с ним, и бот не всегда хорошо ворочался, но более упирался в берега, я спросил его: для чего так? Он сказал, что узка вода. Тогда я перевез его на Просяной пруд (в Измайлове), но и там немного авантажу сыскал, а охота стала от часу быть более».

Рассказывая, как возбуждена была в нем эта охота, Петр рассуждает: «Монархию Русскую дед наш очистил и успокоил отомщение ж (врагам) и распространение сыну своему оставил, который какое тщание к тому прилагал, а особливо в воинских делех, о том всем есть известно, и не точию на земле, но и на море покушался (которое дело так у нас странно было, что едва слыхали о нем), как то из осады города Риги и из строения двух кораблей в Дединове на Каспийское море видеть возможно. Но чего ради тогда тому не исполниться и на нас сие бремя воля вышнего правителя возложить изволила, то оставляем непостижимым судьбам его».

Астролябия Гуалтеруса Арсениуса (1568 г.) – первый экспонат, приобретенный для Кунсткамеры, основанной Петром Первым

Что было тайною для Петра, то уже не тайна для потомства. Прежде него была сознана необходимость моря и флота для России: царь Алексей Михайлович строил корабли в Дединове, мало того, предлагал герцогу курляндскому, нельзя ли строить русские корабли в его гаванях? Но мы видели, как строили корабли в Дединове, с какою медленностию, с какими остановками одни приказывали, другие исполняли, не умея и нехотя, и дело не пошло. Чтобы оно пошло, нельзя было сидеть в Кремлевском дворце и слать указы; надобно было, чтоб в царе разгорелась страсть к морскому делу, чтоб он сам взялся за топор и начал строить корабли, чтоб ему печальные болотистые места при устьях Невы казались земным раем, *парадизом*, потому только, что они были близки к морю, что на них можно было

строить корабли. Необходимость преобразований, новых учреждений была сознана до Петра; но привести в исполнение то, на что прежде только покушались, мог один Петр.

«Охота стала от часу более». Начал проведывать, где больше воды. Отвечали, что ближе нет большего озера, как Переяславское, – в ста двадцати верстах. Но как туда пробраться? Сказать прямо матери, что идет на большое озеро плавать и суда строить, – не отпустит, надобно уехать обманом. Сказал, что дал обещание съездить к Троице на богомолье, а от Троицы пробрался в Переяславль. Вид обширного красивого озера, где бот уже не будет стукаться о берега, разумеется, еще более разманил Петра: он стал просить у матери завести новую потеху на озере, царица согласилась, и Брант с мастером Кортом отправились в Переяславль строить корабли.

Молодой богатырь рвался из дому от матери – поразмять своего плеча богатырского, спробовать силы-удали молодецкой, только не в чисто поле, а на широкое озеро; мать употребила сильное средство, чтоб привязать его к дому: Петру не минуло еще семнадцати лет, как его женили 27 января 1689 года на дочери окольничего Лопухина, Евдокии; отец царской невесты по обычаю переменил старое имя Илариона на новое Федора.

Русская пословица «женится – переменится» не исполнилась на Петре: он по-прежнему рвался из дому от матери и от молодой жены. В апреле 1689 года он уже был на Переяславском озере, откуда писал матери:

«Вселюбезнейшей и паче живота телесного дражайшей моей матушке, государыне царице и великой княгине Наталии Кирилловне. Сынишка твой, в работе пребывающий, Петрушка, благословения прошу и о твоем здравии слышать желаю; а у нас молитвами твоими здорово все. А озеро все вскрылось сего двадцатого числа, и суды все, кроме большого корабля, в отделке; только за канатами станет; и о том милости прошу, чтобы те канаты, по семисот сажен, из Пушкарского приказу, не мешкав, присланы были. А за ними дело станет, и житье наше продолжится. По сем паки благословения прошу». Любопытно видеть, как Петр хитрит: чтоб получить поскорее канаты, он стращает мать, что иначе не скоро возвратится: «А за ними дело станет, и житье наше продолжится».

Занятия с Тиммерманом, потехи на суше и на воде, обучение солдатских полков, сформированных из старых потешных и новых охочих людей, явившихся отовсюду, из знати и из простых, преимущественно из придворных конюхов, строение крепости, которая носила уже иностранное название Пресбурга (на берегу Яузы), строение судов на Переяславском озере заняли все

внимание Петра: ему был недосуг ни до чего. Мать зовет его из Переяславля в Москву на панихиды по брату Феодоре – он отвечает: «Быть готов, только, гей, гей, дело есть». Голова занята одним, об одном твердил он матери: «О судах паки подтверждаю, что зело хороши все».

Петр I и Евдокия Лопухина. Иллюстрация из книги иеромонаха Кариона Истомина «Книга любви знак в честен брак»,

преподнесенной в 1689 году в качестве свадебного подарка Петру Первому

Но не кораблики были на уме у царицы Натальи; глухая борьба не переставала между нею и падчерицею, которая отняла у нее правительство. Положение похитительницы было незавидное: по инстинкту самосохранения взялась она за отчаянное средство, подняла стрельцов, вырвала правление из рук мачехи, подставила старшего, неспособного брата в цари; но надолго ли все это? Сын Нарышкиной остался царем, возмужает – и правительница будет более не нужна, монастырь удален на время, но постоянно в виду. Положение Софьи было похоже на положение тех людей в легендах, которые заключили договор со злым духом – пользоваться до известного времени всевозможными наслаждениями жизни, но по прошествии срока сделаться добычею ада.

Понятно, что Софья должна была думать о средствах, как бы упрочить свою власть; понятно, что об этом хлопотали люди, взысканные ею и которые лишались всего с ее падением. Софья – правительница благодаря неспособности одного брата и молодости другого; возмужает последний – и правительство Софьи должно окончиться; надобно сделать, чтоб оно не кончилось. Первый шаг уже сделан, учреждено двоевластие, оба брата венчаны на царство: отчего не быть троевластию? Отчего Софье не венчаться на царство? Тогда помазанницу Божию никто не свергнет.

Софья в государственных бумагах присоединила свое имя к именам обоих братьев, вместе с ними называлась *самодержицею* всея Руси. Дьяк Волков, отправленный посланником в Венецию, объявил там, что с великими государями *соцарствует* сестра их, великая государыня Софья Алексеевна. Один из сенаторов заметил: «Дож и весь сенат удивляются, как служат их царскому величеству подданные их, таким превысоким и славным трем персонам государским?» Волков отвечал, что подданные всех трех персон вместе повеление исполняют. Но все эти провозглашения не крепки, все это не помазание.

А между тем страшный срок приближался: Петр вырастал, и вместе с ним росли надежды мачехи, и смелее, резче становились ее слова; когда Софья присоединила свое имя к именам братним, царица прямо сказала царевнам Михайловнам и Алексеевнам: «Для чего она стала писаться с великими государями вместе? У нас люди есть и того дела не покинут». Две постельницы царицы Натальи передавали Софье все, что говорилось про нее нехорошего, враждебного у мачехи, передавали, что сильнее всех

бранят ее брат царицы Лев Кириллович Нарышкин и князь Борис Алексеевич Голицын.

Лев Нарышкин и князь Борис Голицын были самые приближенные люди к царице Наталье; князь Василий Голицын и Шакловитый были самые приближенные люди к царевне Софье. Князь Василий был сам неспособен на преступные, кровавые меры; но мы видели, в какое затруднительное положение поставил он себя отношениями к Софье. В этом положении ему приходили в голову страшные мысли, что хорошо было бы, если бы что-нибудь сделалось, только от других, а не от него, и проговорился он однажды: «Жаль, что в стрелецкий бунт не уходили царицу Наталью вместе с братьями: теперь бы ничего и не было». Другая была природа Шакловитого: он не дрожал ни перед какими средствами, не довольствовался бесплодными сожалениями о прошедшем: всем обязанный Софье, он погибал с ее падением; худородного подьячего, произведенного милостию царевны в окольничие, не спасет знатный род, знатные родственники; обязанность быть верным благодетельнице красила расчеты себялюбия. Софья или Наталья? Шакловитый со страшною наивностию высказывал свой выбор: «Чем тебе, государыня, не быть, лучше царицу известь».

В.П. Верещагин. Цари Иоанн и Петр Алексеевичи. Правительница Софья Алексеевна

Понятно, что Шакловитый спешил наложить свою руку на кого мог из людей, высказывавших свою приверженность к Петру; пытал и выслал из Москвы стольника Языкова, который говорил, что царь Петр Алексеевич – царь только по имени, а бить челом ему никто не смеет. Но поймать и сослать того или другого неосторожного на слова ничего не значило. «У нас люди есть», – говорила царица Наталья, и действительно у царя Петра были люди, которые при случае не ограничатся одними словами; у царя Петра есть свое войско, это ненавистные *потешные конюхи, озорники,* как величала их Софья со своими приверженцами. От них одно спасение в стрельцах; надобно опять к ним обратиться, как в 682 году. Но не притупилось ли это оружие с 682 года и не

сама ли Софья с Шакловитым способствовали этому притуплению, вырвавши его из рук Хованского?

Наталья Кирилловна Нарышкина, вторая жена царя Алексея Михайловича, мать Петра Первого

Самые дерзкие из стрельцов были удалены из Москвы по предложению Шакловитого, осталось большинство людей спокойных, довольных своим положением, которых трудно поднять. Да и чем поднять, на какое дело? В августе 1687 года

Шакловитый вдруг предлагает начальным людям стрелецким написать челобитную, чтоб Софья венчалась царским венцом. «Мы челобитной писать не умеем», – отвечали стрельцы. «Челобитная будет написана», – уверяет Шакловитый. Челобитная будет написана, но кому ее подать? Царям? О старшем никто не думал, все дело было в младшем. «Послушает ли нас царь Петр Алексеевич?» – спрашивают стрельцы. «Если не послушает, ступайте в Верх, задержите боярина Льва Кирилловича и кравчего Бориса Алексеевича: тогда примет челобитье». – «А патриарх и бояре?» – опять спрашивают стрельцы. «Патриарха можно переменить, а бояре – отпадшее, зяблое дерево; разве постоит до поры до времени один князь Василий Васильевич Голицын».

Так вот в чем дело! Чтоб исполнить желание царевны и Шакловитого, надобно пойти в Верх бунтом, задержать двоих самых близких к царю людей, сменить патриарха! Прежде стрельцы были постепенно приготовляемы к бунту раздражением и разнуздыванием, да и тут масса была поднята известием, что Нарышкины задушили царевича; а теперь велят бунтовать, чтоб достигнуть небывалого, странного дела, и это после того, как употреблены были все средства, чтоб охладить стрельцов к бунту, заставить их бояться его.

Начальным людям дали по пяти рублей с наказом, чтоб поговорили с товарищами в полках. Но в полках предложение было принято так же холодно, и Софья поспешила сама отказаться от него.

Надобно было, по крайней мере, разогреть преданность стрельцов, упрочить себе их защиту на всякий случай, выставить им опасность, которой подвергается Софья. Правительница призвала к себе ночью несколько стрельцов и начала им натолковывать, что царица Наталья с братьями и Борисом Голицыным поднимает бунт, и патриарх против нее, Софьи, чем бы мирить, только мутит. Шакловитый, как будто обращаясь с советом к царевне, давал знать стрельцам, какие средства должно употребить, чтоб успокоить Софью: «Отчего бы князя Бориса и Льва Нарышкина *не принять?* Да и царицу можно бы принять. Известно тебе, государыня, каков ее род и как в Смоленске в лаптях ходила». Софья отвечала на это: «Жаль мне их, и без того их Бог убил». Стрельцы отвечали очень неопределенными словами: «Воля твоя, государыня, что изволишь, то и делай».

Неопределенными словами отвечали стрельцы на неопределенные требования, неопределенные жалобы. Какой бунт поднимает царица? Понятно, что Шакловитый мог найти из стрельцов только пять человек, готовых на все; эти пятеро были: Петров, Стрижов, Кондратьев, Чермный и Гладкий, которых

интересы были тесно связаны с интересами Софьи. Шакловитый говорил Чермному: «Хотят нас перевесть, а мутит всем царица; меня хотят высадить из приказу, а вас, которые ко мне в дом вхожи, разослать всех по городам».

И вот Чермный, чтоб избыть беды, начинает толковать товарищам: «Как быть? Хотя и всех побить, а корня не выведешь; надобно уходить старую царицу, *медведицу*». Ему возражали, что за мать вступится царь Петр; Чермный не останавливался: «Чего и ему спускать? за чем стало?» Гладкий толковал: «У царя Ивана Алексеевича двери завалили дровами и поленьем и царский венец изломали, а кому ломать только с ту сторону».

Стрельцы оставались холодны к этим рассказам: поленьем закидали, венец изломали! Прежде было сказано, что и совсем задушили, а что вышло? Придумали средство посильнее: ночью в двух местах подъезжала к стрелецким караулам вооруженная толпа, схватывала десятника, и начальник толпы приказывал его бить до смерти, несчастного начинали колотить, но слышался голос из толпы: «Лев Кириллович! За что его бить до смерти? Душа христианская!» После было узнано, что мнимый Нарышкин был подьячий приказа Большой казны Шошин, доверенный человек правительницы.

Князь Василий Васильевич Голицын – дипломат, государственный деятель и фаворит царевны Софьи Алексеевны. Фактический глава русского правительства во время регентства царевны Софьи Алексеевны

И это средство не раздражало. Не поддавались и на обещания грабежа, когда Гладкий прельщал, что станут стрельцы грабить домы бояр и торговых людей и делить богатую добычу. Гладкий, свой человек у Шакловитого, следовательно, и у Медведева, затрагивал и интерес религиозный, обвинял патриарха в новом учении, по которому не велят кланяться, когда поют аминь (после «приимите, ядите»); стрельцы холодно слушали о винах

патриарха: они помнили 5 июля 1682 года. Не трогались и словами Гладкого, когда он выставлял противоположность поведения Софьи и Петра: «Наша государыня все богу молится, а там только на органах и на скрипицах играют».

Стрелецкий голова. Титул соответствовал чину полковника. На этот пост назначались из дворян и детей боярских, каждый из них, как правило, был начальником пяти сотен стрелецкой пехоты. Гравюра. XVII в.

Стрельцы не трогались, а между тем в 1689 году стали обнаруживаться выходки Петра против Софьи; в них не было ничего очень важного, систематического: Петр был еще молод и занят кораблями; несмотря на то, Софья не могла не раздражиться и не обеспокоиться, увидав начало дела, в конце которого являлся монастырь. 8 июля, в Казанскую, Петр в соборе сказал сестре, чтоб она не ходила в крестный ход; Софья не послушалась, взяла образ и пошла; Петр рассердился, не пошел за крестами и уехал из Москвы. С его стороны все и кончилось этою вспышкою. Но положение Софьи было таково, что она сочла необходимым приготовиться к защите от потешных конюхов, которые придут вырывать власть из рук ее. 25 июля, когда Петра ждали в Москву по случаю именин старшей царевны Анны Михайловны, пятьдесят стрельцов было тайно поставлено у Красного крыльца с наказом слушать набат, которым дается знать, что над государынею «хитрость чинится».

Хитрости не учинилось никакой, но со стороны Петра новая выходка, сильно раздражившая Софью, ибо дело шло о славе ее правления и о князе Василье Васильевиче. Петр не соглашался на назначение наград Голицыну и товарищам его за второй крымский поход, потом позволил уговорить себя согласиться, но сорвал сердце, не допустивши к себе Голицына и других воевод и генералов с благодарностью за награды. Это было 27 июля.

В тот же день вечером Софья пошла к Всенощной к празднику в Новодевичий монастырь в сопровождении пятисотных и пятидесятников и после службы стала жаловаться им на царицу Наталью, что опять начинает беду. «Если мы вам годны, – говорила Софья, – то стойте за нас, а если негодны, то мы оставим государство». Стрельцы отвечали, что готовы исполнить ее волю; Софья велела им ждать повестки. Но большинство стрельцов не хотело начинать дела по набату; если действительно грозит беда кому-нибудь из членов царского дома, то пусть идет дело законным порядком: пусть думный дьяк скажет царский указ, того они и возьмут, а без указа ничего делать не станут, сколько бы ни били в набат; надобно бить челом о розыске. Понапрасну приверженцы Шакловитого старались противодействовать такому расположению большинства, понапрасну толковал Стрижов, что из розыска ничего не выйдет, злодеи царевны известны: принять их! А без царевны стрельцам будет плохо. Петр присылает за Стрижовым, Шакловитый не дает его; Петр велит арестовать самого Шакловитого в Измайлове – но скоро выпускает. С этой стороны действуют робко, нерешительно, но всё же действуют, и этого довольно для другой стороны, чтоб

сильно беспокоиться и волноваться.

Седьмого августа на Верху толковали, что нашли подметное письмо: ночью придут потешные конюхи из Преображенского, чтоб побить царя Ивана Алексеевича и всех его сестер. Вечером Шакловитый распоряжается, велит собрать в Кремль 400 человек стрельцов с заряженными ружьями, 300 других собрать на Лубянке, троих денщиков своих посылает к Преображенскому смотреть, куда пойдет царь Петр.

Но распоряжения плохо исполняются: денщики не идут к Преображенскому на указные места, на Лубянке нет сбора; сильно волнуются в Кремле Гладкий и Чермный, но их задор не сообщается другим; никто не знает, зачем их собрали: защищать или нападать; в том и другом случае будет усобица, в которой они не хотят участвовать. В это время всеобщего тяжелого, тревожного ожидания приезжает в Кремль из Преображенского спальник царя Петра Плещеев. Гладкий, который давно уже ждет случая начать дело, бросается на Плещеева, стаскивает его с лошади; срывает саблю, бьет и ведет его в Верх к Шакловитому. Гладкий действительно начинает дело.

К.Е. Маковский. Портрет царевны Софьи.

Софья Алексеевна – одна из шести дочерей царя Алексея Михайловича и Марии Ильиничны Милославской. В 1682–1689 годах регент при младших братьях Петре и Иване

Если масса стрельцов была недоступна внушениям Шакловитого с товарищами, не хотела начинать бунта в пользу Софьи, то не двигалась также и в противоположном направлении; из этой массы выделились, как мы видели, не более пяти человек, которые готовы были, как 15 мая 1682 года, принять на копья кого угодно в пользу Софьи; но в противоположность им образовался небольшой кружок из осьми человек, которые в действиях Шакловитого, Чермного и Гладкого видели

преступление и безумие и решились прямо действовать наперекор им, в пользу царя Петра, имеющего все права на своей стороне. Эти восемь человек были стремянные: пятисотный Елизарьев, пятидесятники Мельнов, Ульфов, десятники Ладогин, Феоктистов, Турка, Троицкий и Капранов.

В ночь с седьмого на восьмое августа, когда масса остается неподвижною, действия, разумеется, должно ожидать в этих обоих крайних кружках, ибо здесь самые решительные люди, определившие свои цели, люди не колеблющиеся, не шатающиеся. Елизарьев с товарищами стояли на Лубянке в ночь на восьмое число; один из них, Мельнов, был послан ими в Кремль для наблюдения и, возвратясь, объявил о поступке Гладкого с Плещеевым. В этом поступке они увидали начало дела и решились действовать со своей стороны: Мельнов и Ладогин посланы были в Преображенское уведомить царя, что на него и на его мать умышляется смертное убийство.

Но не одни Мельнов и Ладогин спешили в Преображенское со своим изветом. Вечером вельможи узнали, что в Кремль пускают только самых известных и доверенных лиц у правительницы. Это так встревожило людей, державших сторону Петра, что они отправились немедленно в Преображенское. Немного за полночь, когда Петр спал уже крепким сном, его будят и говорят: приехали из Москвы стрельцы и другие люди с известием, что множество стрельцов собрано в Кремле, хотят приходить в Преображенское бунтом. Испуганный царь вскочил с постели как был и прямо на конюшню, сел на лошадь и в ближний лес, куда уже ему принесли платье. Одевшись, поскакал с постельничим Гаврилою Головкиным, карлою и одним из изветчиков-стрельцов к Троице, куда приехал около 6 часов утра в сильной усталости, и только что успел войти в комнату, как бросился на постель и, заливаясь слезами, рассказал о своей беде прибежавшему архимандриту Викентию и просил у него защиты. Осьмого же числа приехали к Троице царица Наталья Кирилловна с дочерью и невесткою, преданная Петру знать, потешные и стрельцы Сухарева полка. Главным распорядителем здесь явился князь Борис Голицын.

Москва пришла в ужас, когда восьмого числа распространилась весть об отъезде царя из Преображенского. Усобица начиналась; чем-то кончится? На Верху старались показывать вид, что не обращают на это происшествие большого внимания. Шакловитый, узнавши об нем, сказал: «Вольно ему, взбесяся, бегать». Софья объявила стрельцам, что если б они не остереглись, то всех бы их передавили потешные конюхи. Но другое было объявлено царю Петру, когда девятого числа он прислал к царю Ивану и Софье спросить, зачем были собраны

стрельцы в такое необычное время. Ему отвечали, что стрельцы должны были провожать царевну в монастырь на богомолье. Вслед за тем другая присылка от Петра – отпустить к нему полковника Цыклера с пятьюдесятью стрельцами. После узнали, что это была хитрость Цыклера. Как мы видели, он был ревностным приверженцем Софьи и участником в стрелецком бунте. Теперь он увидел, что, по всем вероятностям, возьмет верх Петр, и дал знать к Троице, чтоб его вызвали туда и он откроет много нужных вещей. Цыклера отпустили после долгих совещаний и отговорок. За Цыклером отправились также с изветами к Троице Елизарьев, Феоктистов, Ульфов, Турка, Капранов, Троицкий.

Софье нельзя было долго оставаться в спокойном ожидании, что начнут у Троицы. Она не могла не понимать, как выгодно было положение Петра в борьбе; она сама прежде, в распре с Хованским, указала эту дорогу к Троице как самую удобную.

В.И. Суриков. Посещение царевной женского монастыря. 1912 г.

Тринадцатого числа отправлен был к Петру боярин князь Иван Борисович Троекуров; пятнадцатого он возвратился и привез не очень любезный ответ, а на другой день явилась в Москве грамота от царя Петра в солдатские и стрелецкие полки, чтоб начальные люди и по десять человек рядовых из каждого полка были у Троицы к восемнадцатому числу. Софья, посоветовавшись

с ближними людьми, велела позвать к себе начальных людей из каждого полка, держала к ним сильную речь и настрого запретила, чтоб не смели ходить к Троице и вмешиваться в распрю ее с братом, и когда стрелецкие полковники обнаружили свое недоумение, то Софья сказала им, что если кто-нибудь из них пойдет к Троице, то будет пойман и потеряет голову.

Надобно было спешить окончанием дела, и в тот же день дядька царя Ивана князь Петр Иванович Прозоровский вместе с духовником Петра были отправлены к Троице с извинением, что никак нельзя было исполнить требование царя и прислать к нему требуемое войско; в то же время Прозоровский и духовник должны были употребить все средства к примирению Петра с сестрой, и для успокоения стрельцов и солдат в Москве был распущен слух, что царская грамота была прислана без ведома Петра, умышлением князя Бориса Голицына.

Восемнадцатого числа возвратились Прозоровский и духовник ни с чем. Схватились за соломину, решились послать патриарха, о котором Софья сама прежде говорила: «Посягает он на меня; чем бы ему уговаривать, а он сам посягает». Иоаким был рад вырваться из Москвы, из рук врагов своих, уехал к Троице и там остался: Петр приобрел важного союзника. Прошло несколько дней в ожиданиях. Двадцать седьмого августа новая царская грамота от Троицы в стрелецкие полки, в гостиную сотню, в дворцовые слободы и черные сотни, чтоб все полковники и начальные люди с десятью рядовыми из каждого полка, а из сотен и слобод старосты с десятью тяглецами явились немедленно к Троице, а кто не явится, тому быть в смертной казни. Толпы стрельцов, повинуясь указу, двинулись из Москвы. У Троицы сам царь вышел к ним с матерью и патриархом и объявил об умысле Шакловитого. Дьяк прочел выписку из расспросных речей и стрелецких изветов, патриарх стал увещевать, чтоб пришедшие стрельцы объявили всю правду, что знают, грозя в случае несправедливого показания архиерейским неблагословением. Стрельцы завопили, что они Федькина злого умысла не знают, великим государям служат и работают, как служили и работали их предкам, рады ловить воров и изменников и во всем исполнять волю государскую. Но некоторые порассказали кое-что.

Софья решилась ехать сама к Троице. В том самом селе Воздвиженском, где семь лет тому назад она велела казнить Хованского, встретил ее стольник Бутурлин и от имени великого государя объявил, чтоб она в монастырь не ходила. «Непременно пойду», – отвечала Софья; но за Бутурлиным явился боярин князь Троекуров с объявлением, что если она пойдет, то с нею нечестно поступлено будет; отряд вооруженных людей уже показался в

Воздвиженском.

Софья поспешно возвратилась, велела позвать к себе стрельцов, *старых*, на которых особенно полагалась, и стала им жаловаться, что чуть ее не застрелили в Воздвиженском, насилу ушла, что Нарышкины с Лопухиными хотят извести царя Ивана, добираются и до нее. «Можно ли на вас надеяться? – говорит Софья. – Надобны ли мы вам? А если не надобны, то пойдем с братом где-нибудь себе кельи искать». Горько жалуется, что нет житья от Бориса Голицына и Льва Нарышкина: «Меньшего брата с ума споили, старшего ни во что ставят, комнату его дровами завалили; ее, Софью, называют девкою, как будто не дочь она царя Алексея Михайловича; хотят отрубить голову князю Василию Васильевичу, который сделал так много добра: с Польшею заключил мир вечный; с Дону прежде беглых не выдавали, а теперь выдают его промыслом; житье наше ставится коротко; радела она обо всячине, и всё из рук тащат». «Не уходите к Троице, пожалуй, и вы побежите? Целуйте крест!» И привела стрельцов к присяге, что не побегут. Но это не помогло.

Наступило первое сентября, праздник Нового года. Нерадостно встретила его Софья и ее приверженцы: из Троицкого монастыря приехал полковник Нечаев с стрельцами, привез к царю Ивану и Софье грамоту, в которой Петр извещал их о заговоре и требовал присылки Федьки Шакловитого и старца Сильвестра Медведева с сообщниками для розыска к Троице. Это произвело сильное движение при дворе; народ был поражен; большинство, по словам очевидца, решило оставаться спокойным и ждать, чем кончится дело. Нечаева позвали на Верх и спросили, как он смел привезти грамоту? Тот отвечал, что не смел ослушаться царского повеления. Софья велела отрубить ему голову, но он спасся тем, что не могли или не хотели скоро сыскать палача, а между тем гнев Софьи прошел. Но от Троицы вместе с Нечаевым приехали также и стрельцы.

А.П. Рябушкин. Стрелецкий дозор у Ильинских ворот в старой Москве

Софья велела позвать их к Красному крыльцу и, сошедши вниз, начала говорить:

«Для чего вы приехали? И с каким указом? Чему вы тому верите, что вам в Троицком монастыре прочитали, те письма от воров составлены, и вы без указу с Москвы в Троицкий монастырь не ездите для того: брат мой, Петр Алексеевич, меня к себе в монастырь не допустил. И за которыми людьми вы присланы, и я их вам не отдам для того: будет отдать вам девять человек, а они оговорят и девятьсот человек, чему тому верить? Довелось прислать тех к Москве для розыску, которые их оговаривают, и я вас не отпущу, и которые пойманы и сидят на съезжих избах – не дам и для того в Троицкий монастырь пошлю боярина. Знатно то дело клонят, хотят меня извести. Злые люди учинили между нами ссору и научили говорить об умысле против царя Петра Алексеевича и других. Завистию к верной службе и радению Федора Шакловитого назвали его заводчиком злого умысла. Чтоб разведать обо всем, я сама пошла к Троице, но царь Петр Алексеевич велел меня остановить по наущению злых советников, и должна была я возвратиться с великим срамом. Всем вам ведомо, как я в эти семь лет правительствовала, а приняла правительство в самое смутное время, учинила славный вечный мир с христианским соседним государем, а враги креста Христова от оружия моего в ужасе пребывают. Вы за ваши службы пожалованы нашим великим жалованьем, и милость нашу к себе всегда видели. Ужели после того вы нам учинитесь неверны, повери вши вымыслу злых людей, которые всему христианству

добра не желают и смуту заводят. Не головы Федора Шакловитого ищут, ищут головы моей и брата моего, Ивана Алексеевича».

В сильном волнении Софья не чувствовала усталости; подозвала к себе лучших из торговых и посадских людей и говорила им в том же роде; наконец велела собрать весь народ, бывший в Кремле, и держала перед ним, по свидетельству очевидца, длинную прекрасную речь.

А между тем в Кремле все было приготовлено к празднованию Нового лета. Но патриарха нет, царь Иван нездоров, царевне-правительнице не до праздника – и приготовления были отменены. Стрельцов угостили водкою. Знать и служилые иноземцы получили свою чарку водки из рук самого царя Ивана Алексеевича. В это время Шакловитый служил последнюю службу царевне: писал сказку ко всем чинам Московского государства с изложением всего дела для оправдания Софьи, для обвинения стороны противной, писал, как царевна приняла правительство по челобитью всего народа, по благословению патриарха, а теперь Нарышкины ее и брата ее царя Ивана Алексеевича бесчестят, к руке не ходят, прибрали потешных конюхов, от которых многим людям чинятся обиды и насилия; на челобитные об этом царю Петру нет ответа; комнату царя Ивана забросали поленьями, изломали его венец.

Шакловитый служил последнюю службу, но Голицын не принимал никакого участия в московских движениях. Шла переписка между родственниками: князь Борис писал князю Василью, чтоб приезжал к Троице, чтоб заслужил этим расположение царя Петра; князь Василий отправил подьячего к Троице уговаривать князя Бориса, чтоб примирил обе стороны. Князь Борис велел отвечать, что лучше всего, если он, князь Василий, как можно скорее приедет к Троице, что царь примет его отлично. Между тем из Троицкого монастыря новые требования о выдаче Шакловитого; стрельцы начинали роптать, зачем так долго тянется дело; Софья велела повестить, что сама вместе со старшим братом отправится к Троице.

Стрельцы роптали в Москве, что дело долго не оканчивается; их братья у Троицы также теряли терпение: в Москве у них были жены, дети, промыслы; они приступили с просьбою, чтоб им позволено было идти в Москву и захватить Федьку Шакловитого с товарищи; но молодой царь и советники его не согласились на это, боясь усобицы. Насчет дальнейшего поведения мнения делились у Троицы: одни хотели, чтоб царь ускорил решение дела, приблизившись к Москве, остановившись в Алексеевском или Преображенском. Но благоразумнейшие противились этому,

представляя, что тут может произойти кровопролитие, тогда как дело сделается само собою. Князь Василий Голицын приговаривал, чтоб от Троицы стрельцов человек десяток-другой подговорить, чтоб, на них смотря, иные бежали; а как стрельцы побегут, то и государь будет в Москве, и здесь сойдутся и между собою переговорят.

Ф.Я. Алексеев. Троице-Сергиева лавра. 1800 г.

Еще второго сентября отправились к Троице некоторые из Немецкой слободы, и Гордон поручил им извинить его, что он нейдет, не зная, будет ли приятен его приход или нет. Четвертого числа явилась в слободе царская грамота (от 31 августа), призывавшая всех служилых иноземцев к Троице. Иноземцы решили, что должно показать грамоту князю Василию Васильевичу Голицыну, как главному своему начальнику. Гордон с несколькими полковниками отправился к Оберегателю. Тот был сильно смущен, когда они подали ему грамоту, но поспешил оправиться и отвечал, что покажет грамоту старшему царю и царевне и тогда скажет, что им делать. Гордон заметил, что они боятся за свои головы, если не послушаются. Голицын обещал прислать ответ не позже вечера; но иноземцы не хотели дожидаться ответа, вечером двинулись в путь и утром на другой день были у Троицы, целовали руку у царя, который каждому поднес по чарке водки. В такое время натянутого ожидания и нерешительности всякое движение в ту или в другую сторону чрезвычайно важно, сильно увлекает: начали громко говорить в пользу царя Петра, когда узнали, что и немцы ушли к нему.

У Софьи всё еще оставались стрельцы; но когда разнеслась весть, что царевна не поедет к Троице, потому что ее туда не

пустят, то стрельцы потеряли всякое терпение и вечером шестого сентября явились большою толпою в Кремль с челобитьем к царевне, чтоб выдала Федьку Шакловитого, которого они поведут к Троице. Сначала Софья отвечала, что не выдаст и чтобы они жили спокойно, не вмешивались в ссору ее с братом. В толпе раздался шум, послышались голоса, что нечего дожидаться, надобно приниматься за набатный колокол. Это сильно поразило Софью.

Сцена 1682 года повторилась, только с переменою лиц: тогда стрельцы требовали у царицы Натальи выдачи брата ее, Ивана Нарышкина, и перетрусившие бояре уговаривали царицу пожертвовать братом, чтоб им всем не погибнуть из-за одного. Теперь стрельцы, грозя бунтом, требуют у Софьи выдачи Шакловитого, и окружающие царевну уговаривают ее исполнить требование, иначе многим придется поплатиться жизнью. Софья выдала Шакловитого, но Медведев успел скрыться. В тот же день бояре, остававшиеся в Москве, по вызову Петра отправились к Троице: не поехал один Голицын, он удалился со своими приближенными в подмосковное село Медведково: весть о выдаче Шакловитого сильно поразила его.

Седьмого сентября привезли Шакловитого в монастырь. На расспросы о преступных замыслах он отвечал: в 1687 году, в Великий пост в Казанском соборе за иконою Богородицы вынули письмо с непристойными словами на царевну Софью Алексеевну, и в то же время у государя Петра Алексеевича начали прибирать потешных конюхов, и от того возродилось опасение. Царевна Софья сказала ему, Шакловитому, чтоб выбрал стрельцов радетельных и верных к ней и к царю Ивану, и он, призвав пятисотных, говорил, что если будет замешание, то чтоб государей оберегали. Стрельцы к нему прихаживали и говаривали, что их потешные конюхи везде обижают и побивают, говорят: вас-де станут за ноги таскать, и если с ними не управиться, то будет всем худо, и он им отговаривал.

На первой пытке после пятнадцати ударов он повинился во всем, что на него ни взводили. Перед второю он обещал объявить всё без утайки и написал, что на жизнь царя Петра Алексеевича никогда не умышлял, об убийстве царицы были разговоры с Кузьмою Чермным, который первый начал, князь В.В. Голицын жалел, что царицу не убили прежде, в 1682 году, намеревались произвести пожар в Преображенском, стрельцов собирали для собственной защиты, а не для бунта. Кто внушил царевне мысль венчаться на царство, он не знает, ни он, ни Голицын ей этого не советовали, и Голицын даже писал об этом из похода с ужасом; наконец, он, Шакловитый, писал последнюю сказку для народа об

обидах царевне.

В умысле на жизнь Петра Шакловитый не повинился, хотя Филипп Сапогов объявлял, что Шакловитый подговаривал его, как пойдет царь Петр в поход, бросить на дороге ручные гранаты или тайком положить их в сани, также убить государя во время пожара в Преображенском. Впоследствии, в 1699 году, стрелец Петрушка Кривой показывал: «После 1682 года я бывал в доме у Федьки Шакловитого и вместе с Федькою у князя Ивана Засекина, и Федька с князем Иваном при мне между собою говорили: ходит он (государь) на пожары не со многими людьми: убить бы его стрельцам».

Шакловитый был так тесно связан с Голицыным: участь обоих должна была решиться вместе. В тот же день, как привезли Шакловитого, седьмого сентября, около пяти часов пополудни явился к Троице и князь В.В. Голицын со своими приближенными, известными своею военною и приказною деятельностию, окольничим Леонтием Неплюевым, Венедиктом Змеевым, думным дворянином Григорьем Косоговым и думным дьяком Емельяном Украинцевым. Их не пустили в монастырские ворота, велели стать на посаде и не съезжать без указа. Вечером Гордон навестил Голицына и нашел его в раздумье. Вечером девятого числа позвали Голицына с сыном Алексеем во дворец.

Когда они поднялись на лестницу, навстречу вышел думный дьяк и прочел им указ, что они лишаются чести боярства, ссылаются с женами и детьми в Каргополь, имение отписывается на государя за то, что, во-первых, они сестре великих государей о всяких делах докладывали мимо великих государей и писали ее с великими государями обще и в книгах и на деньгах обще ж с великими государями ее печатать велели, без указа их великих государей. Во-вторых, был послан в 1689 году в Крымские юрты, князь Василий Голицын, пришед к Перекопу, промыслу никакого не чинил и отступил, каковым нерадением царской казне учинил великие убытки, государству разорение, а людям тягость.

За Голицына шла сильная распря между близкими к Петру людьми. Уничтожение местничества нанесло сильный удар родовому быту; но следствия этого удара еще не могли обозначиться в такое короткое время; все еще были пропитаны понятием о родовом единстве, вследствие которого честь одного члена рода поднимала целый род, а бесчестие одного падало на всех родичей. Вот почему князь Борис Алексеевич хлопотал изо всех сил, чтоб родич его князь Василий не был обвинен в измене, чем запятнался бы весь род Голицыных. Гордон рассказывает за достоверное следующее: после первой пытки и когда грозила вторая, Шакловитый обещал представить царю на письме самое

правдивое изложение дела. Сам князь Борис пошел к нему, понес перо и чернила. Шакловитый исписал от восьми до девяти листов бумаги; время было уже за полночь, когда он кончил, царь лег спать, и князь Борис взял бумаги к себе домой, чтоб следующим утром показать царю. Но люди, злобившиеся на князя Бориса за его желание спасти князя Василия от обвинения в измене (т. е. Нарышкин с товарищами), следили зорко за всеми движениями князя Бориса, поспешили донести царю, что князь взял себе признание Шакловитого, верно, для того, чтоб прочесть и вырвать то, что клонилось к вреду князя Василья. Царь посылает к Шакловитому – написал ли он признание? Тот отвечает, что написал и отдал князю Борису. Но один из приятелей успел уже дать знать князю Борису о беде, и тот спешит с бумагами к царю, который встречает его грозным вопросом: зачем не подал бумаг сейчас же? Голицын отвечает, что было уже очень поздно. Петр удовлетворяется ответом и продолжает по-прежнему держать князя Бориса в приближении; но царица Наталья и друзья ее не мирятся с ним.

По прочтении приговора князю Василью Голицыну прочли приговор товарищу его Неплюеву: у него также отнято было окольничество, имение и назначена ссылка в Пустозерск (после в Колу). Вина – жестокие притеснения находившимся в его ведении комарицким солдатам, которых жалобам до сих пор не давали ходу в Москве друзья Неплюева. Змееву велено жить в его костромском имении, Косогов и Украинцев оставлены на прежних местах.

Шакловитого с главными сообщниками осудили на смерть. Сохранилось любопытное известие, что Петр не соглашался на казнь их, и только патриарх уговорил его, и что когда разнеслась весть, что Шакловитого будут казнить без вторичной пытки, то многие из служилых людей собрались в монастырь, «служа великому государю», как они говорили, и били челом, чтоб велено было Шакловитого пытать еще раз: пусть объявит своих соумышленников. Царь выслал сказать им, что он доволен показаниями Шакловитого и что им не пригоже мешаться в это дело.

Одиннадцатого сентября Шакловитый, Петров и Чермный были казнены, пятисотного Муромцева, полковника Рязанцева и стрельца Лаврентьева били кнутом и с урезанием языка сослали в Сибирь. А за Голицына все еще продолжалась борьба. Враги его настояли, что ссылка в Каргополь слишком легкое наказание и что надобно сослать его в Пустозерск; но потом, как видно, князь Борис пересилил, и назначен был Яренск местом ссылки. Настояли, чтоб Голицыным был сделан, по крайней мере, допрос

на основании показаний Шакловитого. Их допросили на дороге, в Ярославле, и отец и сын клялись, что не принимали никакого участия в умыслах Шакловитого.

Д.Н. Кардовский. Стрельцы

После допроса они послали государям челобитную: «Вам,

великим государям, приносим, аки самому Богу в емвериском (емпирийском?) небе, пред самым престолом его спасителевым, что никогда Федька Шакловитый мне, Ваське, крайний друг николи не бывал, а знакомство отдавали, как обычай и с иными, просто».

Голицыных повезли далее. Когда они стояли в Вологде, неожиданно является перед князем Васильем комнатный стольник князь Кропоткин, не с новым допросом, а с утешительным письмом и с деньгами от царевны Софьи Алексеевны. Достигнув Яренска, Голицыны написали новое челобитье царям: «Страждем мы, бедные, близ конца живота своего, а оклеветаны вам, великим государям, невинно. Как нас, холопей ваших, везли к Тотме, и, не доезжая города, на реке Сухоне, возки жен наших и детей и дворовых людишек в воду обломились, и жен и детишек наших малых насилу из реки вытаскали и лежали в беспамятстве многое время».

Бил челом боярину Стрешневу и пристав Голицыных, который должен был вместе и ведать город, жаловался, что кормиться нечем. «Городишко здесь самое убогое: всего, и с целовальниками, и с подьячими, и с приставом, 30 *дворитков*. А уездные люди в городе мало бывают; все сами промеж собою судятся, а государские всякие подати выбирают промеж себя: лишь наша сухота!»

И в Яренске Голицыны не остались. Дело о сообщниках Шакловитого тянулось, являлись новые показания, обвиняли Голицына в сношениях с колдунами; нашли переписку его с Шакловитым во время первого крымского похода: из переписки оказывалось, что он был именно *крайний* друг Шакловитому, а не простой знакомец; явился донос, что Голицын взял деньги с хана и потому отступил от Перекопи.

Попался и Кропоткин: наконец явился самый опасный донос: монах Иоасаф извещал, что когда он был в Яренске, то князь Василий велел сказать князю Борису, чтоб его, князя Василья, берегли, пригодится, потому что царю Петру только год жить. Донос оказался совершенною клеветою, монах никогда и не бывал в Яренске, а вздумал оклеветать князя Василья, чтоб заслужить милость князя Бориса Алексеевича! Остальные обвинения Голицын отвергнул.

Несмотря на то, его перевели в Пустозерск; с дороги он писал царям: «Ныне в пути мучим живот свой и скитаемся Христовым именем, всякою потребою обнищали и последние рубашки с себя проели. А в Пустоозере хлеб зело дорог и всякая живность, и помереть будет нам томною и голодною смертию. Милосердые великие государи! Велите нас, бедных и невинных, возвратить из

такого злого тартара».

Голицыных перевели в Пинежский волок – и здесь забыли: князь Борис, как увидим скоро, потерял свое первенствующее положение, которое перешло к Нарышкиным.

Решилась участь и третьего близкого к Софье человека, имя которого неразлучно с именами Голицына и Шакловитого. Мы видели, что *Леший Медведь*, как называли Сильвестра Медведева враги его, успел скрыться из Москвы и направлял путь к западной, польской, границе, но дорогобужский воевода схватил его в Бизюкове монастыре вместе с известным пятидесятником Гладким и отправил обоих в Троицкий монастырь.

«Шакловитый, – говорил Сильвестр при допросе, – о государском здоровье и об убийстве никаких слов мне не говаривал, а сказывал мне пятисотный Ларион Елизарьев и, пришед ко мне, плакал, говорил: пришла на нас беда великая, не знаем, как быть, призывал нас Федор Шакловитый, меня, да Андрюшку Кондратьева, Алешку Стрижова, Оброску Петрова, и говорил, чтоб им тайно в ночь побить боярина Льва Кирилловича Нарышкина, да кравчего князя Бориса Алексеевича, и иных; я им отвечал: если вы так сделаете, то пропадете и с Федором здесь и в вечное душами; скажите ему, Федьке, что вам того дела учинить одним невозможно, а иным говорить вы о том не смеете, говорил бы он сам. И он, Ларион, со товарищи ему, Федьке, отказали и того делать не стали. Говорил Федька дважды мне, Селиверстку, наедине: как бы не было царицы Натальи Кирилловны, так бы у царевны с царем Петром было советно. Церкви святой я не смущал, а которые тетрадки писал дьякон Афанасий, что был у Спаса на дворце, о пресуществлении, и ту тетрадку принес ко мне показать он, дьякон, и я с той тетрадки списал себе две тетрадки; на патриарха в той тетрадке ничего не написано, а писано на греков; а книгу о Манне я написал по приказу царевны, и та книга послана была к гетману Ивану Степановичу и к киевским властям к свидетельству и с нею другая греческая книга, и в Киеве на обличение греческой книги написана обличительная книга и прислана князем В.В. Голицыным, как в 197 [1689] году был на службе. Извет Филиппа Сапогова, что умышлял я с Шакловитым убить патриарха, – ложный; а караул у меня был от Велика дни для того, чтоб патриарх тайно меня не сослал. И была у меня написана книга летописная, начата с 190 года, о правлении великой государыни и что было с того году, а писана та книга с письма Карионова, а чернил ту книгу я, а переписывал дьячок Ивашка».

На очной ставке с Сапоговым Медведев заперся. Его расстригли и пытали, дали пятнадцать ударов; не признался.

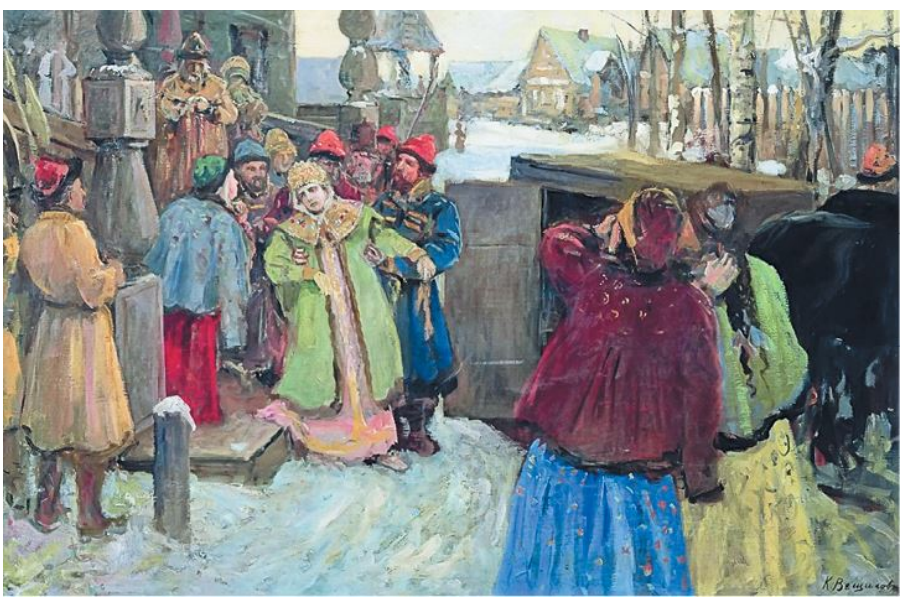
Винился в одном, что говорил стрельцам: «Не бойтесь! Хотя царя Петра сторона и повезет, и много будет дней на десять, а то опять будет рука сильна стороны царевны». Это говорил ему Шакловитый, слыша от одного юродивого. Повинился, что говорил про патриарха: учился мало и речей богословских не знает; повинился, что под портретом царевны подписывал полный титул «Вседержавнейшей самодержицы», семь добродетелей и вирши.

Расстриженного, называвшегося теперь уже Сенькою, Медведева отдали в руки духовному начальству, которое приставило к нему двоих увещателей, новоспасского архимандрита Игнатия и Софрония Лихуда; Сенька принес покаяние в ереси, объявил свою *Манну обманною*. Собор определил *сжечь Манну* всенародно, Медведева разрешить от церковной клятвы и сослать в монастырь. Но этим дело не кончилось. После долгого укрывательства схвачен был один из главных сообщников Шакловитого, Стрижов, который показал на Медведева, что тот имел связь с каким-то поляком Силиным, занимавшимся чародейством и вызванным в Москву лечить глаза царю Ивану Алексеевичу. Силин долго жил у Медведева, и тот говорил ему, что Софья хочет выйти замуж за Голицына, а Медведева возвести на патриаршество вместо Иоакима. Медведева подвергли новой страшной пытке огнем и железом и потом казнили 11 февраля 1691 года. Что же делала Софья в то время, когда на пытках и казнях лилась кровь ее приверженцев? После выдачи Шакловитого, на которой настояли стрельцы, – единственной надежды царевны – судьба ее была решена.

Питер ван дер Верф. Портрет Петра Первого. Около 1697 года

Петр написал к старшему брату от Троицы, что «милостию Божиею вручен нам, двум особам, скипетр правления, также и братьям нашим, окрестным государям, о государствовании нашем известно; а о третьей особе, чтоб быть с нами в равенственном правлении, отнюдь не вспоминалось. А как сестра наша царевна Софья Алексеевна государством нашим учала владеть своею волею, и в том владении, что явилось особам нашим противное, и народу тягости, и наше терпение, о том тебе, государь, известно. А ныне злодеи наши Федька Шакловитый с товарищи, не удоволяся милостью нашей, преступя обещание свое, умышляли с иными ворами об убийстве над нашим и матери нашей здоровьем, и в том по розыску и с пытки винились. А теперь, государь братец, настоит время нашим обоим особам Богом врученное нам царствие править самим, понеже пришли есми в

меру возраста своего, а третьему зазорному лицу, сестре нашей, с нашими двумя мужескими особами в титлах и в расправе дел быти не изволяем; на то б и твоя, государя моего брата, воля склонилася, потому что учала она в дела вступать и в титла писаться собою без нашего изволения; к тому же еще и царским венцом, для конечной нашей обиды, хотела венчаться. Срамно, государь, при нашем совершенном возрасте, тому зазорному лицу государством владеть мимо нас! Тебе же, государю брату, объявляю и прошу: позволь, государь, мне отеческим своим изволением, для лучшие пользы нашей и для народного успокоения, не обсылаясь к тебе, государю, учинить по приказам правдивых судей, а неприличных переменить, чтоб тем государство наше успокоить и обрадовать вскоре. А как, государь братец, случимся вместе, и тогда поставим все на мере; а я тебя, государя брата, яко отца, почитать готов».



К.А. Вещилов. Арест царевны Софьи

В этой грамоте ничего еще не говорится о будущей участи свергаемой правительницы. Но через некоторое время приехал от Троицы в Москву боярин князь Иван Борисович Троекуров с приказом Софье идти в монастырь; после долгих отговорок она принуждена была повиноваться, и переселилась в Новодевичий монастырь.

Софья была в монастыре, Голицын в ссылке. Шакловитый в могиле, а все еще работали заплечные мастера, все еще продолжались доносы, пытки и казни по тому же делу. Неизвестно, по каким причинам старый стольник Безобразов

должен был поневоле отправиться воеводою на Терек. Когда он находился в дороге, явился извет от холопей в сношениях его с Шакловитым и с разными колдунами, которые брались своими средствами приворотить к нему царя Петра и царицу Наталью, чтоб были к нему добры и возвратили его в Москву. На пытке и Безобразов, и колдуны – все повинились; Безобразову отсекли голову, двоих колдунов сожгли в срубе.

Уже четыре года спустя на Белоозере явились подметные письма: в них монахи Кириллова Белозерского монастыря обвинялись в страшно безнравственном поведении, в сношениях с князем В.В. Голицыным, в желании испортить царя Петра с семейством. В начале 1694 года открылось, что составителем писем был монах Кириллова монастыря Иоанникий, в мире Иларион Семенович Лопухин. Иоанникий повинился, что писал письма, желая освободиться из монастыря и расстричься. Его били кнутом и сослали в Соловки.

Софья была в монастыре; царь Иван Алексеевич оставался по-прежнему царем только по имени, занимал царское место в церемониях, власть перешла к одному царю Петру. Но семнадцатилетний Петр был еще неспособен к управлению государством, он еще доучивался, довоспитывал себя теми средствами, какие сам нашел и какие были по его характеру; у молодого царя на уме были потехи, великий человек объявился после, и тогда только в потехах юноши оказались семена великих дел.

Кто же правил государством? Кто, по крайней мере, имел самое сильное влияние в правительстве? Мы видели, что у Троицы всем заведовал князь Борис Голицын, потому что был умнее, энергичнее, смелее всех. «Князь Борис Алексеевич Голицын распоряжался всем у Троицы, – говорит Гордон, – потому что никто другой не смел вмешиваться в такое щекотливое дело, каким оно сначала казалось». Но мы видели также, какое сильное негодование навлек на себя князь Борис со стороны царицы Натальи и ее родственников, выгораживая князя Василья из изменного дела. Эта ссора с Нарышкиными повела к

тому, что когда опасность миновала, когда, следовательно, прошла нужда в человеке, способном управлять во время опасности, то князь Борис по возвращении двора в Москву потерял то значение, какое он имел у Троицы, и главным лицом в управлении явился брат царицы боярин Лев Кириллович со своими родственниками.

Царь Иоанн (Иван) V Алексеевич – соправитель Петра I.

Об Иване Алексеевиче говорили, будто был он слабоумен, что, возможно, являлось следствием болезни и наветом Нарышкиных. Доподлинно известно, что Иван Алексеевич не проявлял интереса к государственной деятельности.

Лев Нарышкин стал заведовать первым по своей важности приказом – Посольским, хотя и без титула Оберегателя; князь Борис Голицын должен был удовольствоваться Приказом Казанского дворца. Родственники молодой царицы получили свою долю в лице самого видного из них, боярина Петра Абрамовича Лопухина, которому достался Приказ большого дворца и Дворцовый судный; Стрелецкий приказ был поручен князю Ив. Бор. Троекурову; Разряд – боярину Тихону Никитичу Стрешневу. Князь Борис, потерявши прежнее значение, стал подвергаться большим оскорблениям в самом дворце. Сильно нападали на него Долгорукие: однажды в 1691 году князь Яков Федорович Долгорукий, побранившись с ним во дворце, называл его изменничьим правнуком, потому что прадед его в Яузских воротах был проповедником. Вражда не утихала, и в следующем году в хоромах царя Петра Долгорукие – князь Яков и брат его, князь Григорий Федоровичи, напали на князя Бориса, обвиняя его, что он велел своему держальнику прибить брата их, князя Бориса. «Ах ты, пьяница! – кричали Долгорукие. – Да таких же собрав пьяных, водишь с собою, и, напоя держальников своих, велишь бить брата нашего, и возишь пьяную станицу не в причинные места, куда и возить не надобно, полно увернулся за сани, быть было в тебе ножу; поди теперь, вон брат князь Борис дожидается у Спаса вверху, подери его за волосы, так из тебя и оходы вырежет, а се подь сюда, мы скорее вырежем и выпустим кишки и годовалые дрожжи выбьем из тебя, ты весь налит вином. Ты бы сам, налив белки, лучше об угол ударился, чем брата нашего за волосы драть, ты бы отца своего за бороду драл! не дорожи делом, *ныне не старая пора, с мечами стоять не велите*».

Лев Кириллович Нарышкин – боярин, глава Польского приказа, брат царицы Натальи Кирилловны, родной дядя царя Петра Великого. Парсуна. XVII в.

С Долгоруких велено было взыскать в пользу обоих

Голицыных – отца и сына – бесчестье 3000 рублей с лишком; но князь Борис бил челом, что отец его при кончине своей приказал не брать бесчестья, также и он, князь Борис, о своем бесчестье на Долгоруких не челобитчик.

Гордон называет Льва Нарышкина новым любимцем или новым первым министром, противополагая его старому, т. е. князю Борису Голицыну. Второе название – первый министр, разумеется, единственно справедливое. Ни Голицын, ни Нарышкин не были любимцами Петра; любимцем его был служилый иноземец знаменитый Лефорт.

О Лефорте, его значении существуют у нас различные мнения. Одни говорят, что он сделался известен Петру очень рано, очень рано приобрел на него большое влияние; другие утверждают, что Петр сблизился с Лефортом не ранее августа 1689 года, когда Лефорт прежде других иностранцев явился к Троице и там заявил свою привязанность к Петру. Одни, сочувствующие делу преобразования, величают Лефорта благодетельным наставником Петра, пробудившим его гений; другие во встрече и сближении Петра с Лефортом видят несчастие, потому что Лефорт говорил Петру о русских обычаях с презрением, а все европейское возвышал до небес; некоторые, наконец, отвергают всякое влияние Лефорта на Петра.

Вопрос о времени, когда Лефорт сблизился с Петром, не имеет важности: когда бы ни произошло сближение, важны только его следствия. Все согласны в одном, что привязанность Петра к Лефорту была самая сильная, и этого довольно. Важный вопрос состоит в том, что за человек был Лефорт? Мы видели, что Россия поворачивала к Западу и при этом повороте встретилась с Западом у себя, в Немецкой слободе. Молодой царь, сгорая неудовлетворенною жаждою знания, уже начинает создавать новое и тут встречается с людьми, которые были именно призваны для того, чтобы выучить русских необходимым вещам, завести то, что сами русские не могли у себя устроить. Понятно, что царь должен был обратиться преимущественно к этим людям. Но этого мало, что один из них выучил его разным частям математики, другой строил ему кораблики: между иностранцами он нашел человека, к которому сильно привязался, с которым стал неразлучен; этот человек и был Лефорт.

Лефорт был полным и блестящим представителем людей, населявших Немецкую слободу. Он не имел прочного образования, не мог быть учителем Петра ни в какой науке, не был мастером никакого дела; но это был человек бывалый, необыкновенно живой, ловкий, веселый, открытый, симпатичный, душа общества, мастер устраивать пиры на славу. Иностранец,

который смог выучить Петра геометрии, показать ему, как пользоваться астролябией, и ограничившийся этим, не мог иметь влияния на знаменитого ученика, но могущественное влияние должен был иметь человек с характером Лефорта, человек, умевший сделаться неразлучным товарищем, другом молодого государя. Это влияние не могло обнаружиться в делах внутреннего управления: Лефорт по характеру своему в них не вмешивался; влияние обнаруживалось в другом: Лефорт возбуждал Петра предпринять поход на Азов, уговорил ехать за границу, по его внушению царь позволил иностранцам свободный въезд и выезд.

Франц Яковлевич Лефорт – ближайший помощник и советник царя Петра Первого. Сыграл активную роль в создании новой царской армии, обученной по европейскому образцу, сначала в виде «потешных» войск. Участвовал в Азовских походах. В 1698 году вместе с Петром возвратился в Москву для подавления восстания стрельцов

Очевидно, что Петр как преобразователь в известном

направлении окончательно определился в тот период времени, к которому, бесспорно, относится близкая связь его с Лефортом, т. е. от 1690 года до возвращения из-за границы: в это время он ушел из Москвы в Немецкую слободу, из Немецкой слободы в Западную Европу. И, кроме неоспоримых свидетельств, нельзя предполагать, что Петр относился к Лефорту только как к веселому товарищу приятельских бесед, незаменимому в искусстве устроить пир на славу; что Петр ставил Лефорта высоко, свидетельствует назначение его одним из главных вождей Азовского похода, адмиралом, главою посольства в Западную Европу; если бы Петр смотрел на Лефорта как на веселого товарища в пирах только, то назначил бы его не адмиралом и не послом, а Кокуйским патриархом, как Зотова. Пусть говорят, что Петр ошибся в способностях Лефорта, который не был искусным полководцем ни на суше, ни на море, но эта самая ошибка для нас и важна, ибо показывает, какое преувеличенное мнение имел Петр о Лефорте, как, следовательно, легко подчинялся его влиянию, и неудивительно, если обратим внимание на возраст Петра.

Петр в 1690 году не был тем Петром Великим, каким он был в 1709 или 1721 годах. Молодой Петр привязался к иностранцу Лефорту и дал ему такое важное значение в государстве. Возмужавший Петр, Петр Великий, имел правило не возводить иностранцев на первые места в государстве.

Лефорт не вмешивался в дела внутреннего управления, не вмешивался в него и сам царь, предоставив все Льву Нарышкину с товарищами; молодого Петра занимали прежние потехи, за которые иногда приходилось дорого платить: так, второго июня 1690 года при штурме Семеновского двора ему опалило лицо. Четвертого сентября подле Преображенского происходила примерная битва: лучший стрелецкий полк – стремянной, состоявший из конных и пеших стрельцов, должен был драться против потешных, против семеновской пехоты и конных царедворцев; в то же время два стрелецких полка должны были драться друг с другом; дрались, пока смерклось, много было раненых и обожженных порохом. В октябре 1691 года «был великий и страшный бой у генералиссимуса Фридриха Ромодановского, у которого был стольный город Пресбург. Рейтары ротмистра Петра Алексеева отличились; отличился и сам ротмистр, взявший в плен неприятельского генералиссимуса».

«И тот бой равнялся Судному дню»; ближний стольник князь Ив. Дмитр. Долгорукий «от тяжкия своея раны, паче ж изволением Божиим, переселилися в вечные кровы, по чину Адамову, идеже и всем нам по времени быти», – писал Петр.

Осенью 1694 года происходили бои в самых обширных размерах – знаменитый кожуховский поход (подле деревни Кожухово, недалеко от Симонова монастыря). Русскою армиею командовал старый генералиссимус князь Федор Юрьевич Ромодановский; у него были потешные полки: Преображенский и Семеновский, выборные полки солдатские – Лефортов и Бутырский, три роты гранатчиков, восемь выборных рот рейтарских, две роты даточных людей под именем Нахалов и Налетов и двадцать рот стольничьих. Неприятельскою армиею командовал польский король – Ив. Ив. Бутурлин, у него были полки стрелецкие, роты из дьяков и подьячих, всего 7500 человек. Король защищал безыменную крепость, Ромодановский брал ее и, разумеется, взял; бомбардир Петр Алексеев отличился и тут – взял в плен стрелецкого полковника; потеряв крепость, польский король засел в укрепленном лагере и упорно отбивался, наконец должен был сдаться. Потеха не обошлась без раненых и даже убитых.

Бот «Фортуна» – единственное уцелевшее до наших дней судно «потешной» флотилии, по преданию, сделанное самим Петром Первым

Рядом с потехами на суше шли потехи на воде. Царь собственноручно построил яхту и спустил ее на Москву-реку весною 1691 года; на Переяславской верфи работы продолжались,

и царь так был погружен в них, что в феврале 1692 года Лев Кириллович Нарышкин и князь Борис Алекс. Голицын сами ездили в Переяславль уговаривать царя приехать в Москву для приема персидского посла. Первого мая был спущен на озеро первый корабль; в июле весь двор отправился в Переяславль и пробыл там до сентября: царица Наталья, не имея возможности удержать сына в Москве, должна была сама отправляться на место его любимых потех.

Но матери трудно было следовать за богатырем, который рвался на более широкую воду, «охоте его равную». Переяславское озеро стало ему тесно; он посмотрел Кубенское – то было мелко. Неодолимая сила тянула его к морю. К матери за благословением – не пускает; наконец, «видя великое желание и неотменную охоту», пустила поневоле, взявши обещание не ходить самому по морю, а только посмотреть корабли. В июле 1693 года с большою свитою царь отправился на север, к Архангельску. Как только завидел море, обещание, данное матери, было забыто: поплыл провожать иностранные корабли.

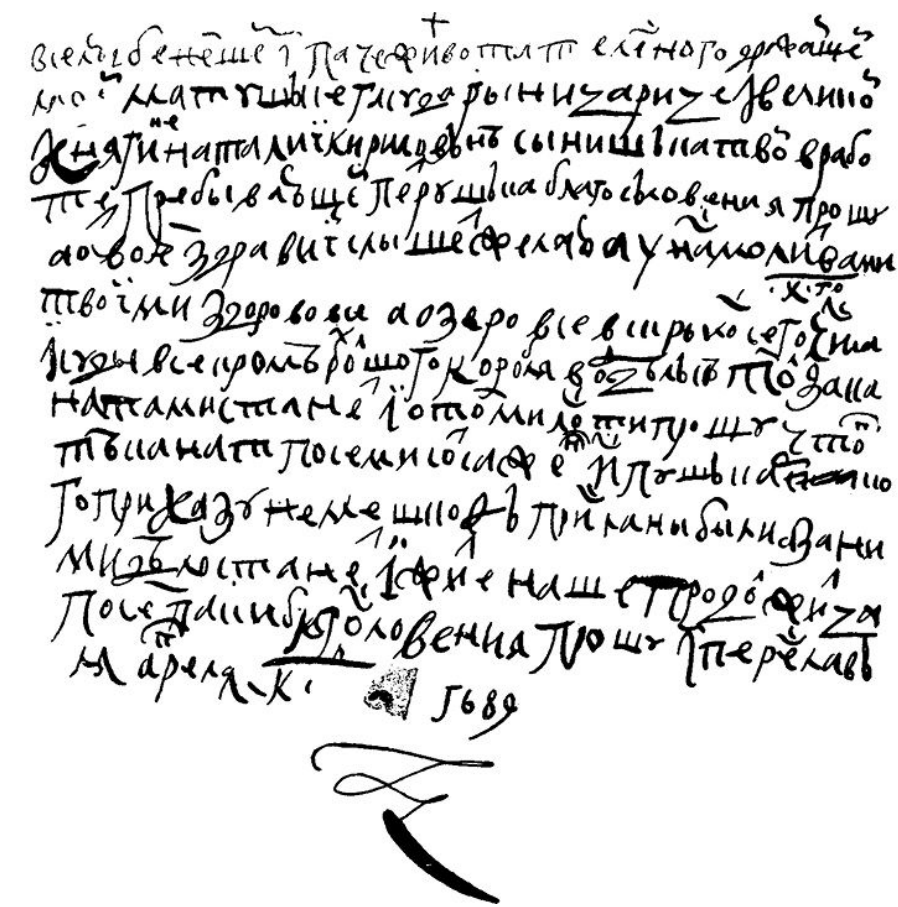
А мать шлет письмо за письмом, пишет о возвращении: «О том, свет мой, радость моя, сокрушаюсь, что тебя, света моего, не вижу. Писала я к тебе, к надежде своей, как мне тебя, радость свою, ожидать: и ты, свет мой, опечалил меня, что о том не отписал. Прошу у тебя, света моего, помилуй родшую тя, как тебе, радость моя, возможно, приезжай к нам не мешкав. Ей, свет мой, несносная мне печаль, что ты, радость, в дальнем таком пути. Буди над тобою, свет мой, милость Божия, и вручаю тебя, радость свою, общей нашей надежде Пресвятой Богородице: она тебя, надежда наша, да сохранит».

«И ныне подлинно отписать не могу (о своем приезде), для того что дожидаюсь кораблей, – отвечает Петр, – а как они будут, о том никто не ведает, а ожидают вскоре; а как они будут, и я, искупя что надобеть, поеду тотчас день и ночь. Да о единой милости прошу: чего для изволишь печалиться обо мне? Изволила ты писать, что предала меня в паству Матери Божией; такого пастыря имеючи, почто печаловать? Тоя бо молитвами и предстательством не точию я един, но и мир сохраняет Господь. За сим благословения прошу – недостойный Петрушка».

Петр пишет, что был на море – обещание не сдержано. Новая причина матери беспокоиться, торопить сына, чтоб возвратился: «Сотвори, свет мой, надо мною милость, приезжай к нам, батюшка мой, не замешкав. Ей, ей, свет мой! Велика мне печаль, что тебя, света моего – радости, не вижу. Писал ты, радость моя, ко мне, что хочешь всех кораблей дожидаться: и ты, свет мой, видел, которые прежде пришли – чего тебе, радость моя, тех

дожидаться? Не презри, батюшка мой свет, сего прошения. Писал ты, радость моя, ко мне, что был на море, а ты, свет мой, обещался мне, что было не ходить».

А у сына было на уме, как бы пойти подальше на будущий год. Он устроил верфь в Архангельске, заложил корабль, другой заказал в Голландии. По праздникам ходил в церковь, сам читал «Апостол» и пел с певчими на клиросе; обедывал у архиепископа Афанасия, с которым, между прочим, толковал о плавании по морям и рекам кораблями и другими судами; обедывал и ужинал у иностранных купцов и корабельных капитанов, которые могли порассказать ему так много любопытного. Сжегши фейерверк, Петр девятнадцатого сентября выехал из Архангельска в Москву. Здесь всю осень работал над приготовлениями к новому морскому походу и принял название шкипера вместо бомбардира.



Письмо Петра I к матери Наталье Кирилловне

На этот раз помехи быть не могло к морскому походу: 25 января 1694 года умерла царица Наталья Кирилловна на 42-

м году своей жизни, после пятидневной болезни. Петр оплакивал кончину матери чрезвычайно, записал очевидец. После похорон (26-го числа) вечером явились к царю братья и родственники покойницы, и приход их причинил новую чрезмерную скорбь. Через день, 28-го числа, записано, что Петр был на празднике у Лефорта, на другой день там же. Но не одни пиры Лефорта развлекали Петра в его горе. «Федор Матвеевич! – писал он к двинскому воеводе Апраксину. – Беду свою и последнюю печаль глухо объявляю, о которой подробно писать рука моя не может, купно же и сердце. По сих, яко Ной, от беды мало отдохнув и о невозвратном оставя, о живом пишу». Это живое состояло в том, чтоб приготовлено было все нужное для строения нового корабля в Архангельске.

Первого мая Петр отправился во второй морской поход, которому придан был такой же потешный характер, как и сухопутным походам. Адмиралом был назначен известный генералиссимус князь Ф.Ю. Ромодановский – «человек зело смелый к войне, а паче к водяному пути», как в шутку выражался о нем Петр; вице-адмиралом – И.И. Бутурлин, контр-адмиралом (шаутбенахтом) – Гордон.

Первым делом Петра по приезде в Архангельск был спуск на воду корабля, который заложил он в прошлый год. Потом царь отправился на яхте «Святой Петр» в Соловки; по дороге поднялась страшная буря, кораблекрушение казалось неминуемо. Петр приобщился уже святых таин из рук сопровождавшего его архиепископа Афанасия; к счастию, нашелся искусный кормчий, Антон Тимофеев, который успел ввести яхту в Унскую губу, и они стали на якоре близ Пертоминского монастыря. Собственными руками Петр сделал крест в полторы сажени вышиною и поставил на том месте, где вышел на берег; на кресте виднелась голландская надпись: «Сей крест сделал шкипер Петр в лето Христово 1694».

Побывав в Соловецком монастыре, Петр возвратился в Архангельск, где спущенный перед тем на воду корабль был оснащен, вооружен и назван «Святой Павел», ждали с нетерпением корабля, заказанного в Голландии, наконец и он явился, то был сорокачетырехпушечный фрегат «Santa profeetie» («Святое пророчество»). Радость при получении этого сокровища ознаменовалась по обычаю большими пирами. «Что давно желали, ныне совершилось, – писал Петр в Москву к своим, – пространнее писать буду в настоящей почте; а ныне, обвеселяся, неудобно пространно писать, паче же и нельзя; понеже при таких случаях всегда Бахус почитается, который своими листьями заслоняет очи хотящим пространно писати».

После пиров царь со своим флотом, состоявшим из трех кораблей, отправился провожать иностранные корабли и доплыл до Святого Носа, крайнего пункта на Белом море. В первых числах сентября Петр был уже в Москве.

Кроме этих потех было еще одно любимое удовольствие молодого Петра – приготовление и сожжение фейерверков. Во всех потехах участвовала компания, эта знаменитая дружина, собранная из людей разных сословий, разного происхождения, побратавшихся во имя своего вождя, бомбардира и шкипера. Петр, несмотря на свою молодость и потешный характер своих занятий, успел уже из окружающего общества притянуть к себе лучшие силы, взять лучших людей, отличавшихся тою или другою способностию. Относительно этих способностей нас не должны смущать какие-нибудь иностранные известия, что тот или другой из сотрудников Петра имел мало сведений в том деле, которое было ему вверено: странно было бы предположить, чтоб Петр мог найти сонм гениальных людей, которые вдруг каким-нибудь чудом могли бы приобрести полное приготовление. Если бы Петр хотел окружить себя только людьми вполне приготовленными, то он должен был бы окружить себя одними иностранцами, отстранив всех русских; но этого-то он именно и не хотел и все важнейшие должности поручал русским, хотя бы и недостаточно приготовленным, но способным людям, ибо ему не нужно было делать новое дело чужими руками, что было бы легко для него, но не прибыльно для России: ему нужно было приучать русские руки к новому необходимому делу.

Соловецкий монастырь

Но понятно, что с самого же начала иностранцы, долженствующие служить своими сведениями новому делу, были необходимы, и подле русских мы встречаем в компании иностранцев, обруселых и необруселых еще, подле Ромодановского, Плещеева, Стрешнева, Апраксина, Головкина, Трубецкого, Куракина, Репнина, Бутурлина, Матвеева, Головина видим Виниуса Вейде, Кревета, Брюса. Люди, владевшие могущественным средством приобретения знаний, иностранными языками, выдвинулись, и те из них, которые были способны воспользоваться своим знанием, были способны к многообразной и сильной деятельности, были притянуты Петром.

Так, одним из близких к нему людей сделался думный дьяк Андрей Андреевич Виниус. Сын известного нам голландского выходца Андрея Денисова Виниуса, Андрей Андреевич родился в России, обрусел, был православный, от русских отличался только своим образованием, еще при царе Алексее Михайловиче был известен как переводчик книг, составитель краткой географии. Теперь уже старик, Виниус откликнулся на зов молодого преобразователя, и мы увидим многообразную, изумительную в его годы деятельность. Подобною же деятельностию отличался и переводчик английского языка в Посольском приказе – Кревет; в Посольском приказе сидел еще переводчик – Шафиров: это будущий вице-канцлер. Дела было много, рук мало, и члены дружины должны были заниматься многими делами, по примеру своего вождя – бомбардира, шкипера и корабельного плотника.

После марсовых и нептуновых потех дружина отдыхала на веселых пирах, в сильной борьбе с иностранцем Бахусом и со своим доморощенным Ивашкою Хмельницким. Как на сухопутных и морских потехах генералиссимусом и адмиралом был Ромодановский, а Петр ротмистром, бомбардиром или шкипером, так и на пирах главою компании был Никита Зотов, «Всешутейший отец Иоаникит, пресбургский, кокуйский и всеяузский патриарх». Петр был и здесь только дьяконом. На святках компания ездила Христа славить; сам царь ездил по всем боярам и палатным людям, Зотов ездил к купцам.

В январе 1694 года было большое торжество: женился шут Яков Тургенев на дьячьей жене; а за ним в поезду были бояре, окольничие, думные и всех чинов палатные люди, а ехали они на быках, на козлах, на свиньях, на собаках, а в платьях были смешных: в кулях мочальных, в шляпах лычных, в крашенинных кафтанах, опушенных кошачьими лапами, в разноцветных кафтанах, опушенных бельими хвостами, в соломенных сапогах, в

мышьих рукавицах, в лубочных шапках. А Тургенев сам ехал с женою в государской лучшей бархатной карете; а за ним шли Трубецкие, Шереметевы, Голицыны, Гагины в бархатных кафтанах; женился он, Яков, в шатрах на поле между Преображенским и Семеновским, и тут был банкет великий три дня.

Когда молодой царь со своею компаниею потешался таким образом, в остальном обществе происходили явления, которые, с одной стороны, объясняли поведение компании, с другой – показывали, как необходимо было обществу обновление, которого собственными, внутренними средствами оно достигнуть не могло. Вот печальная летопись.

В 1693 году била челом казначея царевича Алексея Петровича Татьяна, вдова стольника Всеволожского, что в доме боярина Кондратия Фомича Нарышкина при боярине и других свидетелях стольник Афанасий Кораваев называл ее воровкою. Свидетели показали: Кораваев говорил, что Всеволожская – воровка и если б так приехала к нему, Афанасию, как приезжала к Степану Фефилатьеву, то он бы ее срубил. «Уже и женки ездят по разбоям!» – говорил Кораваев и, когда Нарышкин спросил его, кто женки, отвечал: македонская княгиня за воровство на площадь вывожена и на плаху кладена, а вдова Татьяна приезжала к Фефилатьеву двора зажигать. Кораваев показал, что он был у Нарышкина бить челом о родственнике своем Степане Фефилатьеве по делу с Всеволожскою. Татьяне доправлено бесчестье по Уложению.

Яков Федорович Тургенев – придворный шут Петра Первого

Князь Александр Крупский бит кнутом за то, что жену убил. В 1694 году явились в воровстве по язычной молвке стольники Владимир с братом Васильем Шереметевы; в этом деле пытаны князь Иван Ухтомский, Лев и Григорий Ползиковы, Леонтий Шеншин: языки на них с пытки говорили, что на Москве они приезжали середи бела дня к посадским мужикам и домы их грабили, смертные убийства чинили и назывались большими. Шереметевы были освобождены на поруки и даны для береженья боярину Петру Васильевичу Шереметеву; и после того языки их казнены. В том же году изменил Федор Дашков, поехал было служить к польскому королю; пойман на рубеже, расспрашиван и повинился в отъезде; из Смоленска прислан скованный в Москву, в Посольский приказ, а из Посольского приказа освобожден, потому что дал думному дьяку Емельяну Украинцеву двести золотых.

В 1693 году послана была царская грамота алатырскому

воеводе о посылке стрельцов в Печерскую пустынь для обереженья богомольцев от разбойников: «В ту пустынь ежегодно, июля к восьмому числу, к чудотворному образу Казанской Богородицы бывает съезд для богомолья, и в то же время от воровских людей и от разбойников на пустынь, и на братию, и на богомольцев бывает всякое разорение и разграбление, и в прошлых годах ту Печерскую пустынь разбойники разбивали не по одно время».

В том же году по указу великих государей в Сольвычегодске бывшему земскому всеуездному старосте Пачезерской волости крестьянину Степану Пустынникову велено учинить наказание: на площади перед приказной избою бить батоги, сняв рубаху, нещадно, для тою что он, будучи в малых числах (короткое время) во всеуездных старостах, по совету с малыми людьми, без ведома усольцев посадских и уездных людей, бил челом великим государям, будто со всего мирского ведома, о Максимке и Федьке Пивоваровых, чтоб им быть по-прежнему в приказной избе в подьячих, и к той челобитной он, Стенька, дважды руку приложил: вверху подписался старостою Стенькою Пустынниковым, а в другой раз вместо выборного Козырева и за себя подписался крестьянином Пачезерской волости Стенькою Федоровым; кроме того, посылал челобитную, будто от всего мира, на именитого человека Григория Дмитриевича Строганова; писал челобитье, в котором челобитье архимандрита Введенского монастыря называл ложным, затейным и своевольным, писал, что от этого в мире учинилась смута; к своему выбору и к челобитным велел прикладывать руки выборным и посадским и уездным людям, а посадские люди и волостные крестьяне с мирского совета его в старосты не выбирали, и выборному посадскому и волостным выборным его выбирать не велели. Понимали, что дела идут дурно, что так нельзя быть, но как помочь беде?

Мнения делились: одни говорили, что за морем лучше и надобно смотреть туда, другие повторяли, что надобно, прежде всего, выгнать немцев, от которых все зло. Последнего мнения держался, как мы видели, патриарх Иоаким. Он торжествовал с падением Софьи: враг его Медведев был расстрижен, повинился в ереси, казнен как изменник, малороссийские духовные спешили уверениями, что во всем согласны со святейшим.

Патриарх Иоаким решительно противодействовал планам коронации царевны Софьи, встал на сторону Петра. Оставил подробное завещание, где просил будущих царей русских «не сближаться с латинянами, лютеранами, кальвинистами и прочими иноверцами, просил не назначать их на высшие должности ни в армии, ни в суде». Патриарх призывал запретить строительство любых неправославных молитвенных сооружений, а «все, уже построенные, снести». Петр I, кому в первую очередь было адресовано это завещание, ему не последовал

К Барановичу, который отговаривался малороссийским

обычаем, послана патриаршая грамота: «Писали мы к тебе, желая ведать согласие и единомыслие твое к св. восточной церкви и к нам, архипастырю твоему; и твое боголюбие, презирая и в ничто полагая нас, отца и архипастыря твоего, по прошествии многого времени едва отписал, и то не по своей мудрости; мы тебя спрашивали об одном, а ты отвечал о другом. Мы тебе предложили от востока, а ты, отскочивши в противную сторону, говоришь от запада; и простому человеку стыдно так говорить; вместо того чтоб противопоставить нам обычай, преданный св. отцами, ты толкуешь о своем застарелом обычае и о новшествах, обретающихся неосмотренно в новосочиняемых ваших книгах. Изъяви нам все искренно и немедленно, да не обнаружится пред нами твое непокорство и презрение. Или ты один вне власти, нам данной? Митрополит Гедеон и архимандрит Варлаам прислали нам свое согласие и единоумие во всем. Коли ты нас о себе не известишь, не смей священнодействовать до совершенного о тебе суда; да знаешь главу и отца твоего и да научишься не быть презорлив и непослушлив к архипастырю своему и восточной церкви святой. Если же будешь согласен с св. восточной церковию и объявишь немедленно свое согласие и единоумие с нами, то священнодействуй невозбранно».

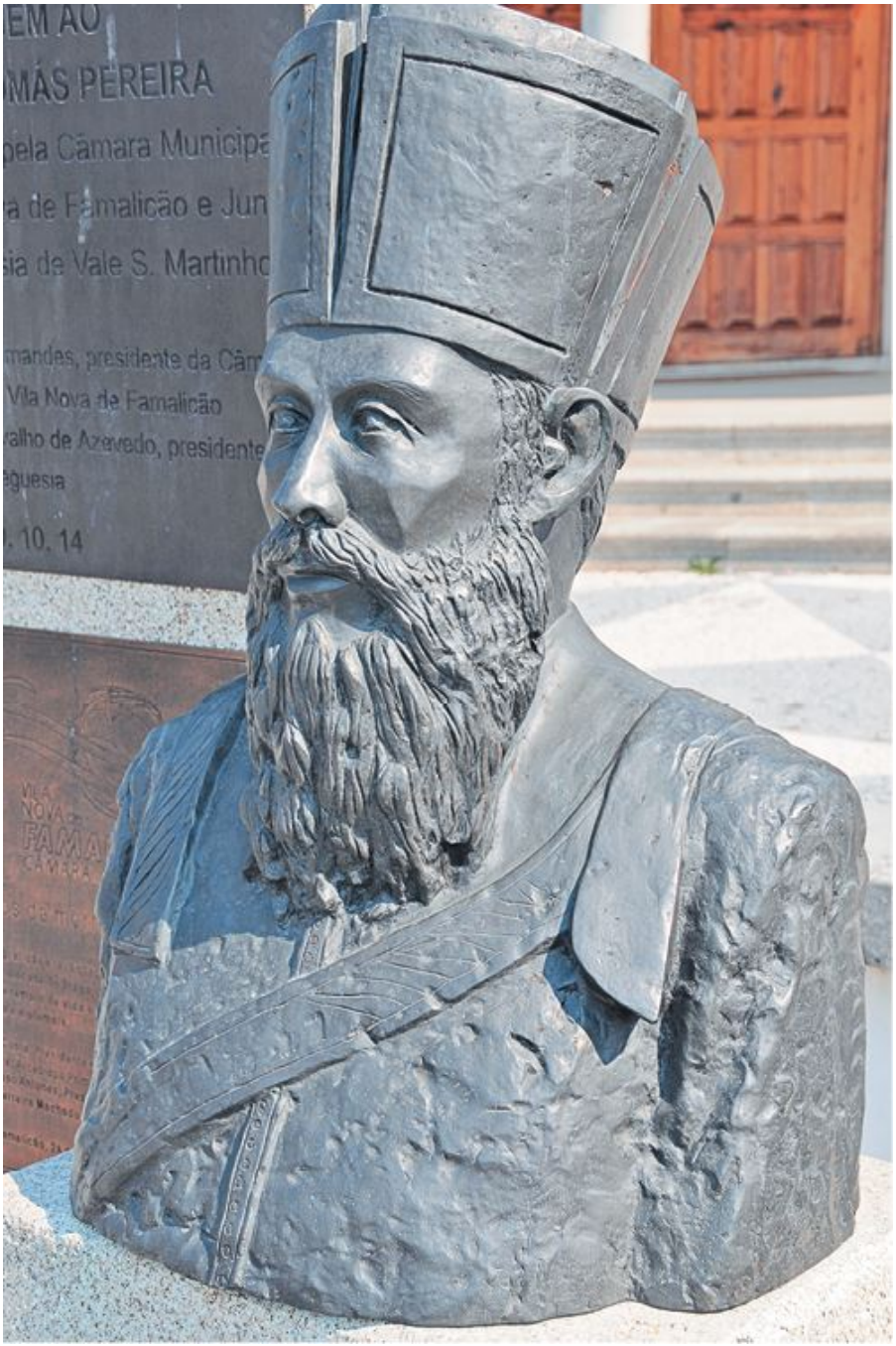
В.В. Голицын, покровитель иезуитов, сослан, и патриарх со всем освященным собором бьет челом, что «езувиты живут на Москве многое время без дела, а прежде сего изстари при предках государских римские езувиты в Московском государстве никогда не были и не живали; а ныне живучи они, езувиты, в Москве чинят многую св. соборной апостольской церкви и догматом ея противность печатными письмами и образами на полотнах и на роговой кости, также и иными прелестями, а у св. соборной апостольской восточной церкви с западным римским костелом многие несходства, и чтоб великие государи больше сего им, езувитам, за такими вышепомянутыми препятствиями в Московском государстве жить не позволили».

Великие государи указали: «Езувитов (Давида и Товию) с Москвы отпустить милостиво и дать им жалованье и подводы до литовского рубежа». Иезуиты били челом, чтоб позволено им было описаться об отпуске своем к цесарскому величеству и дать бы им сроку до тех пор, пока они продадут двор свой в Немецкой слободе, который куплен из цесарской казны, и сами в дорогу уберутся. Пересылаться им с цесарем не позволили и для сборов в дорогу дали только два дня.

Чтоб вперед иезуиты как-нибудь не прокрались в Россию, издан был указ: «Великие государи указали для братской дружбы с его цесарским величеством быть на Москве при одном ксендзе и

другому, только б те ксендзы, живучи на Москве, ни в какие неподлежащие и не в свои дела не вступались и вере греко-российской никакой противности не чинили и русских людей не отвращали, и в домы к русским людям не ходили, а службу отправляли в домах у начальных людей римской веры, также бы и чрез почты как вестовых, так и затейных никаких писем в иные государства отнюдь не писали и не посылали, и под именем тех ксендзов в их ксендзовом платье не жили б на Москве езуиты, а были б те ксендзы светские плебаны, а не езуиты; а буде вместо тех плебанов объявятся на Москве езуиты, и те езуиты, также и плебаны высланы будут из Москвы вовсе и впредь им на Москве жить будет не позволено».

В торжестве своем над Медведевым и иезуитами Иоаким, разумеется, не мог стать ласковее к служилым иноземцам, против которых сильно вооружался и прежде. 28 февраля 1690 года, по случаю рождения царевича Алексея Петровича, знатнейшие из этих иноземцев должны были обедать за царским столом; патриарх настоял, чтоб их не было за столом, и это в то время, когда молодой царь и вельможи его не могли обойтись без иностранцев, сами ездили к ним и к себе постоянно приглашали. Перед смертию (в марте 1690 года) Иоаким составил завещание, в котором увещевал государей не допускать православных христиан дружиться с еретиками-иноверцами, латинами, лютеранами, калвинами и безбожными татарами, не давать иноверцам строить свои мольбища, а которые уже построены, разорить; чтоб запретили в полках и во всем государстве проклятым еретикам быть начальниками:



Португалец Томаш Перейра – один из первых иезуитов, посетивших Россию

«Какая от них православному воинству может быть помощь? Только гнев Божий наводят. Когда православные молятся, тогда еретики спят; христиане просят помощи у Богородицы и всех

святых – еретики над всем этим смеются; христиане постятся – еретики никогда. Начальствуют волки над агнцами! Благодатиею Божиею в русском царстве людей благочестивых, в ратоборстве искусных очень много. Опять напоминаю, чтоб иноверцам-еретикам костелов римских, кирок немецких, татарам мечетей не давать строить нигде, новых латинских и иностранных обычаев и в платье перемен по-иноземски не вводить. Удивляюсь царского синклита советникам полатным и правителям, которые на посольствах в иных землях бывали, видели, что всякое государство свои нравы и обычаи имеет в одеждах и поступках, свое держат, чужого не принимают, чужих вер людям никаких достоинств не дают, молитвенных храмов им строить не позволяют; в немецких государствах есть ли где церковь благочестивой веры?»

Не ранее трех месяцев по смерти Иоакима, в июле 1690 года, собор начал рассуждать о выборе ему преемника: высшие указывали на Маркелла, митрополита псковского, человека ученого и образованного, низшие были против Маркелла и указывали на Адриана, митрополита казанского. Царь Петр пристал к архиереям и хотел Маркелла, но царица Наталья Кирилловна с архимандритами, игуменами и нижним духовенством стояла за Адриана. Врагам Маркелла не нравилась его обширная ученость, и они говорили, что ученый патриарх будет благоприятствовать иноверцам; какой-то архимандрит подал царице сочинение, где обличал Маркелла в ереси. Враги Маркелла пересилили, и Адриан был возведен на патриаршество. Новый патриарх не мог не обратить внимания на страшное зло, семейную неурядицу, происходившую от неправильных отношений двух полов, от странного способа заключения браков.

В ноябре 1693 года Адриан издал указ: «Священницы сопружествующие согласия жениха и невесты не истязуют и небрежно о сем имут, можицею и не хотяще едино лицо другому и не любящися между собою сопружествуют и по сицевому началу и прочее житие тех мужа и жены бывает бедно и друг друга наветно и детей бесприжитно, и то творится вельми грешно и пребеззаконно; и великий господин указал досматривать, чтоб отныне к венчанию приходящих жениха и невесту священником поособно истязовати и накрепко допрашивати, по любви ли и согласию друг другу сопружествуются, а не от насилия ли или неволи каковы, а будет женское лицо, а паче девицы стыдятся сие рещи, допрашивати родителя ея, паче же матерь, или аще матери не имать, сестры ея допрашивать о том, и аще кое их лице, паче же девическое совершенно умолчит или иное каковое знамение появит, отвращение лица от сопружника, плевание или отрясение

руками, и таковых не сопружествовати, дондеже совершенное согласие ко друг другу появят».

Адриан – патриарх Московский и всея Руси. Парсуна начала XVIII века

Разумеется, средства, предложенные в указе, не могли уничтожить или ослабить зло; странно было допрашивать отца и мать, когда браки заключались по их единственной воле; но указ этот очень важен для нас в том отношении, что служит введением к последующим мерам Петра насчет заключения браков.

Правительство светское должно было обратить внимание на

бесчинства, которые позволяли себе безместные монахи и монахини, попы и дьяконы. В марте 1694 года состоялся именной указ: «Буде безместные чернецы и черницы в Кремле, Китае, Земляном городе и попы и дьяконы безместные же, безчинно и неискусно, также которые гулящие люди, подвязав руки или ноги, а иные глаза завеся и зажмуря, будто слепы и хромы, притворным лукавством просят на Христово имя милостыни, а по осмотру они всем здоровы, и тех чернецов и черниц и попов и дьяконов имать и приводить их в Стрелецкий приказ, а из Стрелецкого приказа отсылать в Патриарший приказ, чтоб отнюдь чернецы и черницы и безместные попы и дьяконы по улицам нигде не бродили и по кабакам не водились». Еще прежде новгородский митрополит Корнилий велел своим подьячим и недельщикам хватать на кружечных дворах лиц духовного звания, также и по улицам в нетрезвом виде и приводить в митрополичий приказ, «и от того себе скупов и поминок не имать и их не отпускать».

Борьба с раскольниками продолжалась в прежней силе. Мы видели, что козаки-раскольники ушли с Дону на реку Аграхань, во владения шевкала тарковского. В начале 1691 года был отправлен к ним с призывною грамотою дворянин Басов. Когда в половине марта он приехал на Дон и потребовал у тамошних козаков, чтоб они дали ему провожатых и отпустили на Аграхань, то козаки отвечали: «Отпустить нам тебя нельзя, потому что мы уже раз посылали к раскольникам с царскою же грамотою, и они одного посланного убили и двоих других отпустили на Дон и с ними к нам приказали, чтобы мы отнюдь вперед с государевыми грамотами и войсковыми письмами к ним никого не присылали, а пришлем, то всех побьют».

Послали в Москву к великим государям за указом; указ пришел: ехать Басову на Терек к вдове князя Алегука Сунгеневича Черкаского, княгине Тауке Салтанобековне, и как она велит ему поступать, так и делать. Басов взял троих козаков с Дону и поехал к княгине Тауке на Царицын, на Астрахань и на Терек, из Терека приехал в улусы к княгине Тауке. Выслушав, в чем дело, княгиня послала в улусы к шевкалову брату Алибеку, чтоб приехал с нею повидаться. Алибек приехал, и Таука говорила ему, чтоб взял Басова с козаками и отвез их к брату своему шевкалу и сам уговаривал бы его, чтоб отдал в царскую сторону беглых с Дону козаков-раскольников.

Поехали к шевкалу; тот, выслушавши Басова, отвечал: «Козаки пришли ко мне с Дону волею и живут в моем владении по воле же; я за ними не посылал и выслать мне их неволею нельзя, потому что у нас так не водится, почитаю я их у себя за гостей; а чтоб они великим государям вины свои принесли и шли

жить по-прежнему на Дон, о том я говорить им буду и милостию государскою обнадеживать, как возможно, но обратятся ли и пойдут ли на Дон или нет, того не ведаю; если пойдут, то я их держать не стану, отпущу тотчас; а ты бы к ним не ездил; если поедешь, то убьют они тебя до смерти, обошлюсь с ними я».

Послал шевкал к раскольникам в первый раз есаула; есаул возвратился с ответом, что козаки ездить к себе Басову не велели; а приедет, убьют. Послал шевкал в другой раз брата своего Алибека; тот привез ответ подробнее, раскольники говорили: «Чтоб вперед к нам из Москвы и с Дону никого не присылали и людей понапрасно не теряли; нам здесь жить хорошо и повольно, шевкал веры у нас не отнимает, живем, как хотим, веру держим, как кто знает, нужды нам никакой нет, идти нам назад в домы за каким добром? Знаем, что нам будет!»

А.И. Ригельман. Казак верховых станиц

Чрез несколько времени приехали к шевкалу от раскольников четыре человека, долго сидели у шевкала, а потом виделись и с Басовым; тот их всячески увещевал, царскою милостию

обнадеживал и давал им государскую грамоту; но раскольники грамоты не приняли и говорили: «Ваши цари солгали голове нашему шевкалу в жалованье, обещанного не прислали, а нам и подавно солгут; а хотя и ратных людей на нас пошлют, то нам весть будет из Астрахани от иноземцев тотчас, и по ведомости пойдем мы к хану в Большую Кабарду; а там нам никто ничего не сделает». Басов узнал, наверное, что шевкал раскольников не выдаст, потому что с ними вместе ворует, посылает людей своих с ними на море грабить и половину добычи берет себе.

В начале 1693 года атаман козаков-раскольников Семен Саратовец с семью товарищами явился к крымскому хану с жалобою на кумыков, ханских подданных, которые осенью напали на козаков и взяли в плен 250 человек жен и детей, кроме того, отбили всю добычу, которую взяли раскольники, разбивши два персидских судна. Козаки просили управы у хана, просили также указать место, где бы им поселиться на Куме-реке особо, а между кумыками и черкесами жить больше не хотят. В думе у хана было приговорено исполнить все просьбы козаков, причем хан обещал дать им две пушки с припасами. В это время в Крыму жил русский гонец Айтемиров; толмач его при встрече с Саратовцем спросил его: «Для чего вы милость государскую к себе забыли и, оставя христианство, какого добра у бусурман себе ищете?» Саратовец отвечал: «А как нам на Дону жить? Старую веру ныне выводят, а держат новую, и крестное сложение не так, как прежде бывало, и для той новой веры с Дону у нас к Москве забрали людей добрых и заслуженных. Кирея Матвеева с товарищи, и показнили неведомо за что, и нам на Дону поэтому жить нельзя. Увидим мы и здешнюю татарскую правду, как они нам все отдадут; а если татары ничего доброго нам не сделают, то мы знаем дорогу и на Дон по-прежнему и надеемся, что великие государи принять нас туда укажут».

Как видно, раскольники были удовлетворены, потому что в июне 1693 года черноярский воевода доносил астраханскому, что шестого июня прибежали безвестно сверху из стана воровские воинские люди, человек сот с пять и более, и к городу приступали, и с теми воровскими воинскими людьми бой был долгое время; а знатно с теми ворами были раскольщики-козаки. Астраханский воевода отвечал черноярскому: писал с Дону атаман Фрол Минаев, что вышли к ним в войско из-за Кубани два полоняника и сказали: воровские козаки-раскольщики, которые живут за Кубанью, собираются идти, соединясь с крымскими и едисанскими мурзами, большим собранием, для воровства, под царицынскую заставу к Волге-реке, на рыбные ватаги и к Черному яру.

С севера также неутешительные вести: в марте 1690 года в Устюжском уезде, в Черевковской волости, сожглось более сотни раскольников, мужчин, женщин и младенцев. Двадцать первого июля 1693 года пришли силою в Пудожский погост раскольники, незнаемые люди и жители того же погоста, вошли в церковь, били всполох в церковные колокола, церковь у попов отняли и засели, самих попов били, домы их разграбили и разорили, а по смете раскольников было ста два и больше, между ними монах и много дьячков, один назывался Василием Емельяновым, которого другие называли учителем. Раскольщики влезли на церковные главы и кресты на них и внутри церкви иконы водою обмывали; при этом три женщины были будто вне ума, а как образумились, говорили, что в церквах надобно действовать Василью Емельянову с советниками, а попам отказать.

По царскому указу олонецкие воеводы послали на раскольников сотника стрелецкого и подьячего. Посланные, узнав, что раскольники засели в деревне Строкиной в четырех избах, отправились с понятыми людьми их уговаривать, чтоб принесли покаяние; но раскольники в ответ говорили всякие богомерзкие слова, на церковь и на четвероконечный крест великую хулу износили; стрельцы обступили около дворов и хотели перехватать раскольников живыми, но те начали отстреливаться; стрельцы стали просекать стены, тогда раскольники зажгли избы и сгорели все без остатка.

В Олонецких местах образовался знаменитый Выговский монастырь, о начале которого рассказывал крестьянин Терентий Артемьев из Шуйского погоста Мунозерской волости: «Приходил в нашу деревню Ек-наволок к сестре своей в гости той же волости крестьянин Митрошка Терентьев и, призвавши меня, начал подговаривать в раскол на леса за Онежское озеро. Я его послушал и с ним в раскол пошел; да с нами же шли прежние его, Митрошкины, товарищи, и пришли мы, пять человек, в Шуйский погост в вотчину Тихвина монастыря к празднику, к Благовещеньеву дню, и жили в деревне на Хошозере две недели для распутного времени. Жили мы у Митрошкиных советников, и приходили к Митрошке на совет для расколу крестьяне Шуйского погоста, советовались, чтоб в раскол на леса ходить. Проживши здесь две недели, прошли мы по льду чрез Онежеское озеро на лыжах на берег в пристанище судовное и пошли на леса к востоку, а дорога учинена пешеходная, верхом на лошади для болот, дрябей и лесов проехать с нуждою можно. У Белого озера у Митрошки построена келья, где с Митрошкою живут раскольники, человек с десять из разных мест. От Митрошкиной кельи до Верхнего Выгареки дикими лесами болотами и дрябями

пешею дорогою 15 верст, а на лошадях проехать нельзя. Подле той реки построено келей с десять, живут в них начальник раскольнический, беглый соловецкий чернец Корнышка (Корнилий) с товарищами и советниками своими; ростом он, чернец, невелик, седат и стар; в сборе у него раскольников из разных городов и мест, мужеского пола, женок, девок и старин человек со сто. Кельи стоят подле Выга-реки врознь, между иными кельями расстояния полверсты и больше; да на реке против тех келий построена мельница; ружья никакого мелкого и припасов в тех кельях нет, а только у них построены малые хороминки на столбах и в них держат хлеб, а пашут они без лошадей и землю размягчают железными кокотами. При мне приходили к чернецу из иных келий на исповедь, и он их исповедовал и причащал, а как он причастье строил, я видел: взяв ягоды брусники и муку белую ржаную или пшеничную, смешав вместе, и тем их причащал. Будучи в тех пристанищах на лесах, слышал я, что есть раскольническое пристанище на той же реке Выгу выше, начальник в нем бывший церковный дьячок Данило Никулин, и с ним в сборе многое число и беспрестанно множатся; келья у Данилы великая, и в ней устроены окна, откуда от присыльных людей борониться, три пушки медные привезены от моря, пищалей, бердышей и пороху много, покупают оружия, выезжая по ярмаркам, хлеб пашут на лошадях, рыбу ловят на диких озерах».

Г.Г. Мясоедов. Самосожигатели. 1882 г.

Кроме раскольников у церкви были другие враги, которые не бежали ни в леса, ни в степи, но открыто в столице объявляли свои взгляды, не подвергаясь, впрочем, за них ни заточению, ни сожжению. От описываемого времени дошла до нас любопытная проповедь, говоренная патриархом в день св. Алексия

митрополита перед одним из походов на турок. Вооружаясь против старого порока – пьянства, проповедник вооружается и против новых грехов: «Не только прочие в году узаконенные посты, но и Великую четыредесятницу многие презирают. Мужчины, женщины, юные отроки и священного чина люди всегда упиваются; и вином, и табаком, и всяким питием без сытости пьяны, и съедают не только запрещенные яствы, но рвением и завистию друг друга съедают, убивают и грабят, неправдосудствуют и обижают. Общая пословица носится: все то людям изъян, отчего кто пьян. Мера во всем человека в доброе дело будит, безмерно же не токмо вредный и скаредный табак, но и ренское вино губит. Теперь и благородные и простые, даже юноши, хвастаются пьянством, говоря бесстыдно друг другу: тогда-то и тогда я был пьян и церковное торжество в праздники господни проспал. Не только по пьяным и ночным своим празднищам, но повсюду люди не ученые, в церкви святой наших благопреданных чинодейств не знающие и других о том не спрашивающие, мнятся быть мудрыми, но от пипок табацких и злоглагольств люторских, кальвинских и прочих еретиков объюродели. Совратясь от стезей отцов своих, говоря: для чего это в церкви так делается, нет никакой в этом пользы, человек это выдумал, и без этого можно жить. Едва только святым книгам узнает имя или склад словесный, и уже учит архиереев и священников, монастыри правит, людям всем тщится повелевать, устроять чины церковные и гражданские. Еретики и раздорники говорят: на что эти посвящения, памяти по усопших душах, молебны Богу, Богородице, угодникам Божиим?»

Выгорецкие старцы: Даниил Викулов, Семен Денисов, Андрей Денисов, Петр Прокопьев, иноки Корнилий и Виталий. Настенный лист. Конец XVIII – начало XIX века

Призванные на защиту церкви ученые старцы Иоанникий и Софроний Лихуды преподавали в Заиконоспасском монастыре риторику на греческом и латинском языках и логику по системе Аристотеля. Но эти занятия были прерваны соблазнительным происшествием. У старца Иоанникия был сын Николай, который носил в Москве княжеский титул, хотя более был известен под именем учителева сына. Этот Николай завел связь с дочерью задворного конюха Марьею Селифонтовою; он ее увез, одел в

мужское платье, привез в школы, запер в чулане. Потом нанял ей квартиру, где держал под надзором своего холопа и жены его. Наконец стал ей говорить, что, одевши ее в мужское платье и убравши в накладные волосы, будет водить ее в школы, учить по-гречески, под именем своего племянника.

Это предложение пришлось не по нраву Марье Селифонтовой; особенно не понравилось ей, когда Николай объявил, что увезет ее в Венецию или выдаст замуж за одного своего родственника, и в случае сопротивления грозил смертию. Марье удалось склонить на свою сторону караулившего ее холопа, чрез которого она дала знать обо всем отцу своему. Отец поспешил к ней на помощь и «вынул ее с стрельцами», хотя прежде смотрел благосклонно на поведение дочери. Когда Марья рассказала все в Разряде, то отсюда послали в школы взять Николая Лихудия и привести его для допросу.

На Никольскую отправились разрядные подьячие и стрельцы. Подьячие поставили стрельцов у ворот, а сами пошли для повестки к учителям; взявши Николая, они вели его по верхним переходам, как вдруг из школы выбежали старцы и ученики, схватили подьячего, начали его бить и за волосы таскать; подьячий кликнул стрельцов, чтоб не подали, но и стрельцы на этот раз не могли ничего сделать: монах с учениками гонялся за ними, бросал скамьею, кричал: «Что вы приходите воровски!»

Наконец подьячих и стрельцов согнали с переходов и ворота заперли. Такое поведение стариков Лихудов, разумеется, не могло заставить правительство благосклонно смотреть на князя Николая, хотя он и клялся, что не имел намерения уехать в Венецию, будучи облагодетельствован царями, что девка Манка – особа, известная своим безнравственным поведением, и верить ей нечего. Лихудам, как видно, не понравилось после этого в Москве, и в августе 1694 года пограничным воеводам были разосланы указы – ловить греческих монахов, братьев Иоанникия и Софрония, и детей последнего, Николая и Анастасия, ушедших из Москвы. Беглецы были пойманы, и понятно, что не могли остаться в прежнем значении: их сослали из академии в типографию, где они стали учить италиянскому языку.

От 1694 года дошла до нас роспись боярских и иных чинов детям, которым по именному указу учиться италиянскому языку у учителей-греков – Иоанникия и Софрония Лихудиевых. Боярские дети: князя Петра Ив. Хованского два сына, Федора Петр. Салтыкова два, Алексея Петр. Салтыкова два, Ив. Фед. Волынского два. Дети стольников: князя Фед. Андр. Хилкова два сына, князя Ив. Мих. Черкаского шесть сыновей, Сем. Алексеев. Языкова один. Дьячьи дети: Волкова один сын, Кондратова один,

Степанова один, Иванова два, Верещагина два, Полянского один, генерального писаря Инехова один. Из дворян: Палицына один; уставщика один. Гостей и гостиной сотни 23 человека.

Иоанникий Лихуд и Софроний Лихуд – греческие православные монахи, первые преподаватели Славяно-греко-латинской академии – первого официально утвержденного высшего учебного заведения в Русском государстве

Новости, начавшие вводиться в описываемое время, корабли, фейерверки, возбуждая умственное движение в одних, распаляли воображение в других и повели к следующему явлению. В апреле 1694 года закричал мужик «караул» и сказал за собою государево слово, приведен в Стрелецкий приказ и в расспросе сказал: сделал он крылья, станет летать, как журавль. По указу великих государей сделал он себе крылья слюдяные, стали 18 рублей из государевой казны. В назначенный день боярин князь Ив. Бор. Троекуров вышел смотреть, как полетит журавль; мужик надел крылья, перекрестился и начал подымать мехи, но никак не мог подняться. «Тяжелы сделал крылья», – говорил он, бил челом, чтоб ему сделать другие крылья, станут всего в пять рублей. Но боярин раскручинился, и вместо крыльев учинено мужику

наказание: бить батоги, сняв рубашку, и деньги 18 рублей велено доправить на нем, продать все имение.

Внешняя деятельность правительства в описанные четыре года по свержении Софьи представляла не много замечательного. Заведование иностранными делами после В.В. Голицына принял на себя Лев Кириллович Нарышкин. Он отличался важным в его положении качеством – спокойным беспристрастием; но вовсе не отличался предприимчивостию; притом же неудачные походы в Крым и холодность, даже враждебное расположение союзников-поляков не могли дать больше охоты к деятельному продолжению войны. А между тем в Малороссии и в русских областях, находившихся под польским владычеством, происходили любопытные явления.

Десятого августа 1689 года, когда Москва, вследствие удаления царя Петра, была в недоумении и страхе, подъезжал к столице, к Калужским воротам, гетман обеих сторон Днепра Иван Степанович Мазепа. По указу великих государей и великой государыни к нему навстречу отправился дьяк Бобинин с каретою из царской конюшни. Мазепа, севши в карету, сказал: «Слава Господу Богу, что, по милости великих государей, благоволил Господь Бог быть в их царского величества карете. Какая это карета? Видно, что стародавнего немецкого дела». – «В этой карете всегда въезжают великие и полномочные послы иностранных государей», – отвечал дьяк.

Потом гетман завел речь о крымском походе, о победе великороссийских и малороссийских войск над татарами: «Никогда еще такой победы над крымцами и такого страха им не бывало, как теперь промыслом ближнего боярина князя Вас. Вас. Голицына. А что за безводными и бескормными местами и за другими препятствиями перекопского вала и башен не разорено, так сделать это было трудно. Читал он, гетман, хронику, в которой написано именно: в древних летах приходил на Крым Дарий, царь персидский, с множеством войска и хотел Крым взять и разорить, а в то время Крым еще и не так был укреплен, и за такими же безводными и бескормными местами и иными трудностями Перекопи взять и Крыму разорить не мог, только войска своего под Крымом потерял с 80 000, и с великим стыдом насилу от Перекопи отступил и впредь обещание положил – на Крым войною отнюдь не приходить. А ныне царского величества ратные люди бились с татарами под Перекопом мужественно и поганских трупов положили множество, а сами отведены в целости».

На встрече во дворце Ивану Степановичу говорили длинную речь, что мужественною и храброю службою князя Вас. Вас.

Голицына и его, гетмана, бусурманы нечаянно и никогда неслыханно от государских ратей в жилищах своих поражены и от страха сами своим жилищам явились разорители.

Жан-Мартин Бернигерот. Верховный военный вождь запорожских казаков Иван Мазепа. Гравюра. XVIII в.

Дела пошли плохо для Софьи и Голицына, Шакловитый был выдан, все стремились к победителям к Троице, поехал туда и гетман в большом страхе за свои прежние отношения к падшему правительству. Действительно, у Троицы были люди, которые советовали отделаться от голицынского клиента; но другие думали иначе: до сих пор гетманы сменялись только вследствие явной измены или желания самих малороссиян. А если не сменят гетмана, то надобно привлечь его на свою сторону милостями, и вот Мазепа был встречен и у Троицы также похвальною речью за верную и радетельную службу и за усердное в воинском деле попечение. Гетман, жалуясь на болезнь, отвечал короткою речью, что обещается служить великому государю до последней капли крови.

Мазепа, видя милостивый прием, спешил рассеять всякое подозрение в новом правительстве полным разрывом со старым: доносил, что угрозы Леонтия Неплюева заставили его давать Голицыну богатые подарки деньгами и вещами, и потому бил челом, чтоб его вознаградили за это из имения Голицына. Челобитье было принято как знак полной приверженности к новому правительству, и все просьбы Мазепы были исполнены. Он приезжал в Москву за жалованною грамотою, подтверждавшею все прежние права и вольности малороссийские; грамота была дана. Мазепа также бил челом о прибавке великороссийских ратных людей в малороссийские города; о точной переписи козаков, чтоб после, смотря по обстоятельствам, нельзя было никому сказываться то козаком, то мужиком; о пополнении охочих полков; о том, чтоб великороссийские посланцы не смели требовать подвод без предъявления царских грамот: на все последовало согласие.

Гетман поставил на вид, что необходимо ограничить винокурение, которое страшно истребляет леса, вследствие чего большинство жителей терпит и еще более будет терпеть вреда, тогда как очень немногие обогащаются; государи указали гетману сделать по своему рассмотрению, остерегая, однако, накрепко, чтоб посполитым людям не было никакой тягости и разорения, потому что малороссияне пожалованы прежними их правами и вольностями. Мазепа обещал посоветоваться об этом со старшиною. Следовали частные дела: гетман жаловался на бывшего переяславского полковника Дмитрия Райчу, который постоянно бранит его заочно и бесчестит при старшине и полковниках; Мазепа объявил, что он будет жаловаться на Райчу на Рождественском съезде старшине и полковникам. Наконец, Мазепа выхлопотал царский указ, которым велено было стольнику князю Юрию Четвертинскому выехать из Москвы в

Малороссию. Четвертинский, приехав в Малороссию, женился на дочери Самойловича и жил, по приказанию Мазепы, в Глуховском уезде, в хуторе Дунаевском вместе с тещею.

Таким образом, падение Софьи и Голицына не нарушило добрых отношений гетмана к правительству русскому. Враги Мазепы сильно обманулись, но еще не думали отказываться от надежды повредить гетману в Москве. Польша была готовым к тому орудием. К русскому резиденту в Польше стольнику Волкову 16 декабря 1689 года пришел по знакомству шляхтич благочестивой веры Подольский, который при короле исправлял должность *покоевого* (комнатного) дворянина. На этот раз Подольский принес важные вести. Недели с три тому назад приехал к королю из России через Смоленск монах Соломон, который был с образом Спаса в крымском походе. Соломон привез к королю письмо от гетмана Мазепы, написанное еще в то время, как гетман пошел от Перекопи в Батурин. О чем писано в письме, Подольский сказал, что не знает, только подпись не гетманской руки, а печать гетманская большая.

Король велел монаху жить близ Жолквы в монастыре, и не знает, как отвечать на это письмо, ибо ему известно, что цари к гетману и ко всей старшине благоволят. Волков отвечал, что Мазепа служит царям верно, и письмо должно быть составное, воровское, а не гетманское, составлено для того, чтоб навести на гетмана царскую немилость: подлог ясен из того, что подпись не гетманской руки, а печать могли подделать; король таким письмам верить бы не изволил и приказал бы чернеца отослать в Россию. Шляхтич заметил, что выдать монаха нельзя, потому что ему и тем людям, которые писали письмо, придется плохо.

В то же время Волков узнал, что приехали к королю из Запорожья полковники Лазука и Забияка с письмами от кошевого Гусака. Запорожцы жаловались, что с царской стороны им большое утеснение; запасов в Сечь не пропускают, за добычею ездить вниз Днепром нельзя, опасно от татар. Для этого они с ханом крымским помирились и бьют челом королю, чтоб принял их под оборону и прислал указ, как им с русской стороны быть безопасными и держать ли мир с крымским ханом или воевать с ним? Тот же шляхтич Подольский говорил Волкову, что король запорожцев в подданство не примет, разве прикажет им что тайно. Достоверно, что король имеет дружбу с Крымом и будет рад всякой смуте между козаками городовыми и запорожскими, потому что нынешний вечный мир королю не прибылен и не потребен, королю жаль городов и земель, уступленных царям. Подольский объявил также, что король послал на Украйну шляхтича Искрицкого неизвестно зачем, а дочь Искрицкого за

миргородским полковником Апостоленком.

Волков при первом свидании с коронным гетманом Яблоновским спросил у него, что значит этот приезд запорожцев к королю? Яблоновский отвечал, что король никогда не нарушит мирного договора, не примет Запорожья в свое подданство; запорожцы приехали для вступления в службу королевскую под тем предлогом, что на Запорожье большой голод вследствие непропуска туда запасов из России; но вступление нескольких запорожцев в службу королевскую договора не нарушает.

Двадцать четвертого декабря опять пришел к Волкову Подольский с вестями: двадцать второго числа король отпустил монаха Соломона на Украйну, письма никакого с ним не послал, а велел на словах привлекать гетмана к себе, обнадеживать его своею милостию и жалованьем. Подольский подтвердил и о запорожцах, что они действительно просятся в оборону королевскую; король призывал к себе Лазуку и Забияку, после чего при дворе разгласилось, что король хочет принять всех запорожцев в оборону тайными вымыслами; король старается всякими мерами, чтоб и городовых козаков помутить и к себе привесть.

Станислав Ян Яблоновский – польский государственный деятель, русский воевода, один из величайших польских полководцев конца XVII века

В начале 1690 года новые вести о неприязни польской. Лубенский козак Мозыра ездил по своим делам в Польшу и, возвратясь в Батурин, рассказывал о своем разговоре с гетманом Яблоновским. Гетман, расспросив его, что делается на Украйне, примолвил: «Мы знаем, наверное, что взят в Москву и со старшиною гетман Мазепа и также сослан в Сибирь, где и старый Самойленко; видишь хитрость и лживость московскую: не хотят они распространять вольность Войска Запорожского, хотят его ни

на что свести, чего не дай боже. Москва и нас обманула: однако мы промышляем отплатить ей таким же способом».

В марте месяце монах Соломон возвратился из Украйны в Польшу и, не доезжая полмили до Варшавы, в селе Солке нанял студента писать письма от имени гетмана Мазепы: одно к королю, другое к гетману Яблоновскому; в обоих письмах говорилось, что он, Мазепа, со всем Войском Запорожским желает быть в подданстве у королевского величества; за работу студенту монах дал два ефимка, имя гетманское написал сам и запечатал поддельною печатью. Монах остался в Солке, а студент отправился в Варшаву, где, пьянствуя с товарищами в корчме, он расхвастался, каким способом заработал ефимки, и в доказательство прочел черновые письма, оставшиеся при нем. Донесли королю, тот призвал к себе студента, и студент рассказал ему дело, как было. Чрез несколько времени приезжает в Варшаву и сам Соломон, прямо к королю, и подает письма от гетмана Мазепы; но тут сейчас же очная ставка со студентом, который подает и черновые письма для окончательной улики. Соломон должен был повиниться, повинился, что и прежде приезжал также с воровскими письмами, а у гетмана Мазепы никогда не бывал. Король велел его посадить в нижние палаты дворца Яна Казимира и держать за крепким караулом, а студенту велел выдать два сукна и несколько ефимков. Все это Волков проведал от верных людей, от православных священников, которые знакомы с ближними королевскими людьми.

Этим, однако, дело не могло кончиться, потому что король, когда в первый раз получил гетманское письмо от Соломона и отослал последнего с устным ответом к Мазепе, в то же время поручил львовскому епископу Иосифу Шумлянскому войти в сношения с гетманом. Шумлянский охотно принял поручение, потому что в отпадении Мазепы от Москвы увидал средство достигнуть заветной цели – киевской митрополии.

Он немедленно же отправил к Мазепе доверенного человека шляхтича Доморацкого с таким письмом: «Молю вашу милость поскорее объявить, в какие отношения желает вступить к королю и республике; теперь, во время сейма, самое удобное для тебя время отозваться со своим желательством к королевскому величеству чрез меня, желательного тебе, республике и королю слугу. Желаем одного: отпусти как можно скорее вручителя этого письма, объявивши ему, что хочешь сделать для короля и республики. В Божие время работайте и промышляй те, как бы снять то иго с вольной шеи своего народа. Когда уверимся в приязни вашей милости, сейчас же начнем работать насчет обеспечения, какое должны будут дать вашей милости король и

республика».

Изустно Доморацкий объявил, чтоб гетман поскорее отзывался со своим желательством на сейм, который будут нарочно тянуть до того времени, пока получат этот отзыв, и ему, Доморацкому, велено как можно спешить, чтоб непременно возвратиться к Светлому воскресенью по новому календарю. Двум полковникам, стоящим недалеко от границ малороссийских, дано приказание быть наготове и по первой обсылке гетмана спешить безо всякой отговорки в Малороссию. Если бы теперь гетман вскоре отозвался с желательною склонностию к польской державе, то епископ Шумлянский, одевшись в мирское купеческое платье, сам приехал бы тайно в Батурин, чтоб именем королевским переговорить обо всем из уст в уста: о вольностях и правах войсковых и чести гетманской, как все это должно быть на будущее время.

Мазепа стоял с войском в Лубнах, когда получил это страшное посольство: он велел отдать Доморацкого под караул, подвергнуть его пытке, а письмо Шумлянского отправил немедленно в Москву, куда вслед за тем прислан был и Доморацкий, который был поставлен пред польским резидентом Домиником Довмонтом и повторил пред ним, от кого и зачем был прислан к Мазепе. Резиденту дано было выразуметь, какая с королевской стороны явная противность: как теперь после этого поступать, чему верить, где обнадеживание и обязательство союзное и правда?

Между тем в марте 1690 года в Киеве подкинуто было письмо на имя царей, в котором говорилось: «Мы все, в благочестии живущие в сторонах польских, благочестивым монархам доносим и остерегаем, дабы наше прибежище и оборона не была разорена от злого и прелестного Мазепы, который прежде людей наших подольских, русских (галицких) и волынских бусурманам продавал, из церквей туркам серебро продавал вместе с образами; после, отдавши господина своего в вечное бесславие, имение его забрал и сестре своей в наших краях имения покупил и покупает; наконец, подговоривши Голицына, приехал в Москву, чтоб вас, благочестивого царя Петра Алексеевича, не только с престола, но и со света изгнать, а брата твоего Иоанна Алексеевича покинуть в забвении. Другие осуждены, а Мазепу, источник и начаток вашей царской пагубы, до сих пор вы держите на таком месте, на котором если первого своего намерения не исполнит, то отдаст Малороссию в польскую сторону. Одни погублены, другие порассыланы, а ему дали поноровку, и он ждет, как бы свой злой умысл втайне совершить. И Шумлянский наш униат, а на деле римлянин, поддается московскому патриарху нарочно, чтоб там,

вместе с Мазепою, мог удобнее ковать пагубу престолу вашему царскому».

Киевский воевода князь Михайла Ромодановский переслал письмо в Москву, откуда немедленно отправился в Батурин подьячий Михайлов, который должен был отдать письмо гетману, уверить его в милости царской и спросить: «Как он, гетман Иван Степанович, рассуждает, в польской ли стороне это письмо писано и какое он в Польше имеет подозрение? Или подозревает он кого-нибудь из великороссийских и малороссийских жителей? не из Запорожья ли? Написаны такие дела, о которых в Польше и Литве, кажется, и знать нельзя. Подумал бы гетман, как об этом письме розыскать?»

Приняв письмо у посланного, Мазепа пять раз поклонился до земли, благодаря за милость царскую; потом прочел письмо, осмотрел его со всех сторон, взглянул на образ Богородицы, прослезился и сказал, воздев руки к образу: «Ты, Пресвятая Богородица, надежда моя, зришь на убогую и грешную мою душу, как денно, так и ночью непрестанно имею попечение, чтоб помазанникам Божиим до кончины живота своего услужить, за их государское здравие кровь свою излить; а враги мои не спят, ищут, чем бы могли меня погубить».

Портрет гетмана Ивана Степановича Мазепы

Насчет составителя письма гетман писал государям: «Не могу я вполне малым моим умом понять, от кого бы именно произошло это лукавое, плевелное и злоумышленное письмо. Подозреваю я Михайлу Гадяцкого, который недавно еще обнаружил ко мне неприязнь, старался навести на меня гнев

царский и домогался сам быть гетманом и при бывшем гетмане пасквиль на меня подкинул, будто я отравил гетманского сына Семена и дочь его, боярыню Шереметеву, а на самого гетмана напустил болезнь глазную, да и в Москве живучи, писал на меня пасквили. Неисцелимую он имет болезнь рассылать всюду письма – и на Запорожье, и на Дон, и в Белую Церковь, и в Крым. От полковничества Гадяцкого он отставлен, но ревность к исканию славы и чести никогда в нем не угаснет. Покорно прошу перевести его из села, в котором он живет в Лебединском уезде в близости к Малой России, на другое какое-нибудь место. Да и то смею покорно донести: кто это письмо писал, тот должен знать и о чернеце Соломоне, которого какой-то враг мой отправил в Польшу с воровскими письмами будто от моего имени, потому что в нынешнем воровском письме написано, будто Шумлянский во всем со мною соглашается; к этому Шумлянскому и Соломон в Польше имел прибежище: если б этот враг не надеялся что по наущению Соломона Шумлянский будет ко мне писать, то для чего ему в своем пасквиле поминать о Шумлянском?»

В разговоре с Михайловым Мазепа сказал, что вместе с Гадяцким он подозревает Райчу и Полуботка; в письме есть выражение «для милосердия Божия», это выражение употребляет всегда Райча в письмах, а Полуботок Гадяцкому свой и с Райчею друзья. «Неприятности мне большие еще оттого, – прибавил Мазепа, – что живет в Малороссии сын митрополичий, зять Самойловича князь Юрий Четвертинский, беспрестанно рассевает он в народе злые слова, что быть Самойловичу опять гетманом; недавно батуринскому попу Василью говорил, что, где прежде была вода, там и опять будет; к тестю моему царская милость есть, будет здесь по-прежнему, увидишь, что его злодеям будет!» Мазепа просил, чтоб перевести Четвертинского с женою в Москву, а тещу его отослать к мужу; князь Юрий – стольник, и в этом чине ему далеко от Москвы быть не годится.

Когда на прощание Михайлов потребовал у Мазепы назад подметное письмо для хранения в Посольском приказе, то гетман переменился в лице и, выслав всех вон из хоромины, сказал: «Сперва я милостию царскою был обрадован, а теперь во сто раз больше опечален: думаю, что этому письму великие государи изволили поверить и о голове моей будут мыслить». Тщетно Михайлов уверял гетмана в противном, говорил, что письмо нужно в Москве для розыска о злодее, кто его сложил, – Мазепа никак не согласился отдать письмо и при этом сказал писарю Кочубею: «Еще мне за сердце щепа влезла: просят письмо назад».

Просьба Мазепы была исполнена: Михайлу Гадяцкого велено взять из Лебединского уезда в Москву; туда же велено выслать

князя Юрия Четвертинского с женою и тещею; Леонтия Полуботка отставить от переяславского полковничества.

Но Мазепа этим не удовольствовался относительно Гадяцкого и Полуботка; он писал царям, что после смены Полуботка новый полтавский полковник Лысенко и более ста полтавских жителей били челом на Полуботка во многих обидах, разорениях и ругательствах и что необходимо казнить его за это смертию, иначе народ малороссийский вознегодует на гетмана, старшину и полковников, что таким мучителям потакают. Полуботок, послышав беду, бросился в Москву, но отсюда его снова переслали в Малороссию для суда по войсковому праву. Мазепа дал знать в Москву, что Полуботок, будучи в Киеве, клеветал на него тамошнему воеводе князю Михайле Ромодановскому, что он, Мазепа, хочет изменить, уехать в Польшу, куда посылает войсковую казну, покупает себе имения и переписывается с коронным гетманом. Воеводе сейчас запрос из Москвы, правда ли это? Ромодановский отвечал, что ничего этого Полуботок ему не говорил, говорил только, что Мазепа к нему не добр, ищет ему всякого разорения, и нынешняя беда стала ему от гетмана, а сам-то он хорош! посылает в Польшу к сестре своей чрез монахиню Липлицкую, которая живет у матери его в Киевском девичьем монастыре, много денег и покупал там сестре своей имения, и вообще Полуботок бранил Мазепу всячески. Когда сказка Ромодановского была отправлена к Мазепе, тот отвечал, что он «по своему простодушному незлобию» уже отпустил Полуботка в дом его в Чернигов на житье, причем Полуботок прислал ему письмо со страшными клятвами, что никогда ничего не говорил такого, о чем писал Ромодановский.

Выпроваживая из Малороссии Гадяцкого, Четвертинского, Мазепа в то же самое время хлопотал о переводе в русское подданство человека, который потом оказался злым врагом его и которого имя в народных преданиях тесно соединилось с его именем. Козак Семен Палей, родом из Борзны, вышел сначала на Запорожье, а оттуда с несколькими товарищами вступил в службу королевскую, прибрал себе выходцев из Молдавии и Поднестровья и засел с ними в городе Хвастове. Еще в 1688–1689 годах присылал он к Мазепе с просьбою, чтоб великие государи приняли его со всеми войсковыми и жилыми хвастовскими людьми под свою державу, потому что поляки ищут его смерти. На донесение об этом гетмана из Москвы отвечали, что вследствие договора с Польшею явно нельзя принять Палея, но пусть он со всеми людьми идет сначала в Запорожскую Сечь и, побывши там несколько времени, пусть переходит в малороссийские города. Проведали ли поляки о желании Палея

перейти на русскую сторону или по каким другим причинам, только они схватили его и посадили в тюрьму в Немирове, а потом перевели в Каменный городок и держали целую зиму. Пользуясь этим, в Хвастов явились двое ксендзов-униатов и объявили намерение обратить православную церковь, построенную Палеем, в униатскую; но козаки, несмотря на отсутствие полковника, отстояли свою церковь. Весною Палей успел уйти из заключения, пришел в Хвастов и прежде всего начал высылать вон из города ксендзов; те не послушались, твердили, что надобно обратить церковь в униатскую, и стали браниться с Палеем, тот рассердился и, поговоря с козаками, велел отрубить головы ксендзам.

После этого Палей, разумеется, еще усерднее начал просить Мазепу о переводе своем в русское подданство, указывая на запустелый город Триполье в царской стороне, куда бы ему хотелось переселиться со всеми людьми, а на Запорожье нельзя ему идти, потому что у людей его жены, дети и скот, да и полякам жаловаться не на что, потому что валахи, которых он прибрал, люди вольные. Опираясь на это, Мазепа просил государей позволить Палею перейти в Триполье, где он пригодится для обороны Киева и Малороссии. Из Москвы вторично отвечали (в апреле 1690 года), что нельзя принять Палея без нарушения мирного договора, пусть сначала идет на Запорожье. Палей остался в королевской стороне, но не долго пожил в покое.

В 1691 году он ходил промышлять над турками под Белгород (Аккерман); возвращаясь с набега, под Поволочью он встретил польский отряд, высланный хелмским каштеляном Яном Друшкевичем схватить его. Палей пошел на неприятелей; но эти неприятели были русские люди; они не захотели, в угоду поляку, сражаться со своими, убили начальствовавшего ими полковника Апостольца и передались Палею. После этого хвастовский полковник, целуя икону, объявил посланцу Мазепы, что он уже никак не хочет оставаться больше в Польской державе, потому что поляки дали ему себя знать; татары уже трижды присылали к нему звать его на свою сторону; но он, кроме царского величества, никуда не мыслит. Мазепа писал ко Льву Кирилловичу Нарышкину, что Палея надобно монаршескою милостию обнадежить и жалованьем потешить, а он человек явственно рыцарский и воинских людей у него три тысячи. Ему отвечали: Палея не принимать; но, чтобы не отпустить его к татарам, царские величества тайным обычаем посылают ему бархату доброго десять аршин, два сорока соболей по восемьдесят рублей сорок.

В России остерегались нарушить договор с Польшею; но в Польше не остерегались заводить смуту в Малороссии, не остерегались и явно сноситься с крымским ханом об отдельном мире. В Вене также мало думали о союзнице России, только в Варшаве австрийский резидент не упускал случая внушать русскому резиденту, что царям нельзя ждать ничего доброго от поляков. Это заставило и русское правительство войти в сношения с Крымом сначала по средством Мазепы, который от себя послал сказать хану Саадат-Гирею, что если он хочет мира, то пусть отправляет послов в Москву. Саадат прислал гонца с объявлением, что желает мира на прежних условиях. Но в Москве и начали войну именно для того, чтоб избавиться от этих прежних условий, избавиться от посылки разменной казны, попросту дани.

В начале 1692 года в Крым поехал гонец, подьячий Айтемиров, с требованием уничтожения этого условия со стороны Крыма и возвращения св. мест грекам со стороны Турции. Ближние люди нового хана Сафат-Гирея, который сменил Саадата, спросили Айтемирова: «Гроб божий когда и кому отдан? В мирное ли время у Московского государства с Турским или после разрыва?» Айтемиров отвечал, что гроб господень года с два как отдан французским монахам. «Как же, – возразили татары, – отнять у французов за то, что французский король подал помощь султану против цесаря? Взять у французов и отдать грекам, а французы на турок будут воевать: тогда Москва турскому султану поможет ли? Прежде никогда с московской стороны в договоре о гробе господне не бывало; а теперь начато об этом вновь, неведомо для чего». Айтемиров отвечал, что прежде об этом никогда не говорилось, потому что св. места были исстари за греками.

«Портрет напольного гетмана» кисти И.Н. Никитина – любимого придворного живописца Петра Первого

Но татарам гораздо ближе к сердцу были другие статьи: статья о возвращении пленных с обеих сторон без выкупа и статья об уничтожении присылки разменной казны. «У нас в Крыму, – говорили татары, – московского и козацкого народа сто тысяч человек и больше, а в Москве нашего полону тысячи две или три: как же освобождать без выкупа? – Но больше всего вооружились они против статьи о разменной казне: – Для чего великие государи изволили разменную казну отставить? Кто им так

придумал? Потому что они государи великие и разумных бояр при себе имеют многих, которые крымские дела знают исстари. Годовую разменную казну отставляют они напрасно, потому что великие государи от этого уж не разорятся, а прежние ханы, также наши деды и отцы, государским жалованьем довольствовались; а нынешний хан чем хуже прежних ханов, и мы чем хуже прежних ближних людей? Мы знаем, что и прежде вся недружба с Москвою ставалась из-за казны: когда, бывало, ее не пришлют, татары и пойдут на Русь воевать. А нынешний хан и весь Крымский юрт Москвы не боятся и к миру и к бою готовы, потому что если Москва и пойдет воевать на Крым, то взять нечего: у каждого татарина только и пожитку – два коня да третья душа. За казну станут юртом и дружбы никогда не будет, потому что вы хотите казну отставить вовсе».

Айтемиров подлил масла в огонь, заметив: «Можно с обеих сторон пересылаться поминками». – «Прежние ханы к московским государям никогда ничего не посылали, и нынешний хан ничего не пошлет», – отвечали татары.

Переговоры прекратились, потому что татары были обрадованы сильною смутою в Малороссии, откуда приглашали их вместе с козаками воевать Москву.

Первым лицом после гетмана в Малороссии был генеральный писарь Василий Кочубей. Кочубей был сначала канцеляристом у Дорошенка. В 1675 году он был отправлен гетманом в Турцию, но на возвратном пути недалеко от Умани челядник его, покравши визиревы грамоты и другие бумаги, убежал неизвестно куда; Кочубей, боясь возвратиться в Чигирин с пустыми руками, прямо из Умани переехал к Самойловичу и здесь поднялся до звания генерального писаря. В описываемое время канцелярист Петрик, женатый на племяннице Кочубея, ушел на Запорожье, покравши важные бумаги из канцелярии. Первым делом Петрика по приезде в Сечь было разгласить о сношениях Мазепы с Крымом по приказу из Москвы; потом стал разглашать, что Мазепа согласился с Москвою – хотят всю Сечь разорить и козаков порубить.

Вследствие этого, когда весною 1691 года приехал в Запорожье стольник Чубаров, привез царское жалованье, 500 червонных, соболи, сукна, то один из куренных атаманов закричал: «Это жалованье не в жалованье! Мы служим долго, а кроме этого ничего не выслужили побольше; такие соболи мы и прежде видали!» Взявши соболи, он бросил их на землю и сказал: «Пришли к нам москали, велят нам с турками воевать, а сами мирятся». Другие козаки кричали: «Если так, то надобно старших москалей побить или в Чертомлын посажать, остальных же отдать в городки! Соболи присланы только четверым, а надобно

прислать нам всем, как донским козакам присылают. Велико жалованье – прислали пятьсот золотых червонных! Нам надобно присылать по пять тысяч!» В Переволочне находился у Мазепы дозорцею преданный ему человек Рутковский, который доносил ему обо всем, что делалось вокруг.

Василий Леонтьевич Кочубей

Двадцать второго февраля 1692 года Рутковский писал гетману: «Захар, сын полтавского протопопа Луки, вместе с

полтавским жителем Иваном Герасименком, возвратясь из Перекопи, где покупали лошадей, рассказывали слово в слово разговор свой с казыкерменским писарем Шабаном. “Знаете ли вы, господа полтавцы, – спросил Шабан, – каков человек у вас Кочубей?” Те отвечали: “Не знаем, только слыхали, что писарь генеральный”. – “Знаю я, что писарь, – продолжал Шабан, – писарь-то он писарь, да гетманом хочет быть и уже дважды писал в Крым, призывал Орду, чтоб пришла поставить его гетманом. Дело и сделалось бы, да хана не было. Он, Кочубей, и канцеляриста Петрика прислал в Сечу”». Тот же Захар клялся и божился Рутковскому, что Петрик говорил ему тайно: «Знаю, что гетман не будет жив от моего пана писаря; писарь хотел, усмотря время, его заколоть, и я жду каждый день о том ведомости».

Мазепа передал эти известия в Москву и прибавил от себя, что смотрит зорко за Кочубеем, и если тот действительно что-нибудь замышляет, то отпишет немедленно к государям.

В мае месяце 1692 года замысел Петрика обнаружился. Он вдруг скрылся из Запорожья и очутился у турок в Казыкермени. Отсюда он прислал в Сечь грамоту, которую читали на раде: Петрик благодарил запорожцев за хлеб, за соль и за писарство, которым он у них занимался; просил прощения, что без войскового ведома ушел из Сечи. «Часто многим из вас говорил я, – писал Петрик, – в каком опасении от разных неприятелей пребывает наш малороссийский край и до какого приходит упадка, благодаря ненавистным владетелям; я говорил, чтоб промыслили об этом усердно; но так как никто не хотел приняться за дело, то я стал за Войско Запорожское и за весь малороссийский народ, для чего вышел в государство Крымское; когда предки наши жили с этим государством в союзе, то никто нам не смеялся, и теперь все вы, добрые молодцы, будете довольны договором, который я заключу с Крымом».

Выслушавши грамоту, старшина объявила, что не согласна на соединение с крымцами и на поход под государевы украйные города; но большая половина войска закричала: «А мы с крымцами и Петриком войною на украйные города пойдем!» По Украйне пошли слухи, что Петрик поднимает орду и хочет искоренить арендаторов, панов и всех богачей. *Своевольники* начали к нему собираться. Рутковский давал знать, что Петрик говорит в Казыкермени: «Стану промышлять и сделаю лучше, чем Хмельницкий; гетман Мазепа прислал за мною, чтоб меня выдали, а я теперь сам к нему поеду».

Шестого мая Петрик послал на Запорожье грамоту, в которой извещал, что заключил с ханом договор: Войску Запорожскому на Днепр и по всем речкам по обеим сторонам Днепра вольно, безо

всяких податей добывать рыбу, зверя и соль; чигиринская сторона, как была завоевана Хмельницким у ляхов, будет под властию Войска Запорожского. «Кто хочет, – писал Петрик, – добывай себе рыбу, соль, зверя, а кто хочет добычи московской, пусть идет с нами, потому что мы скоро с Войском Запорожским и ордами пойдем отбирать у Москвы свою Украйну». Рутковский давал знать Мазепе: «Непременно надобно городовое своевольство удержать, чтоб туда не теснились, потому что не только полем, но и рекою начали бежать: по пяти, по шести человек в липе плывут».

Запорожский казак и конный стрелец. Иллюстрация из издания М.И. Маркова «История конницы». 1887 г.

Из Запорожья давали знать, что лучшие козаки о Петрушкине воровстве имеют великую печаль, но пьяницы и голытьба говорят между собою: «Пойдем с Петрушкою арендаторов бить!» К счастию, взяли верх лучшие козаки; они были недовольны кошевым Федькою и закричали на раде, чтоб оставил чин, в котором не умеет исправляться; Федька сначала не хотел было

оставлять уряда, но когда бросились за поленьями, то оставил, и на его место выкрикнули Гусака, который сказал: «Теперь свет зажжен, а вы меня в этот огонь гоните, чтоб я его гасил: кто то дело начал, тот пусть и кончит»; но, делать нечего, принял должность.

Новый кошевой, получив увещательную грамоту от Мазепы, отвечал ему: «У Войска Запорожского злого умысла нет и знать о нем не хотим; к такому безумию склонным может быть только тот, кто Бога единого в Троице не знает. Правда, и Хмельницкий был в союзе с татарами, но потом поддался пресветлым монархам. Тогда в Посполитой Раде такой приговор был, чтоб никаких досад на Украйне не было; а ныне видим, что бедным людям в полках великие утеснения чинятся. Ваша вельможность правду пишет, что при ляхах великие утеснения войсковым вольностям были, за то Богдан Хмельницкий и войну против них поднял, чтоб из подданства мог высвободиться. Тогда мы думали, что во веки веков народ христианский не будет в подданстве; а теперь видим, что бедным людям хуже, чем было при ляхах, потому что кому и не следует держать подданных, и тот держит, чтоб ему сено или дрова возили, печи топили, конюшни чистили. Правда, если кто по милости войсковой в старшине генеральной обретается, такому можно и подданных иметь, никому не досадно; так и при покойном Хмельницком бывало; а как слышим о таких, у которых и отцы подданных не держали, и они держат и не знают, что с бедными подданными своим делать. Таким людям подданных держать не следует, но пусть как отцы их трудовой хлеб ели, так и они едят».

Мазепа отправил в Сечь козака Горбаченка с подарками кошевому, судье, писарю, есаулу. Гусак взял Горбаченко к себе в чулан и говорил: «Пусть благодетель господин гетман ни в чем не сомневается, потому что я его милости во всем желателен; скажи от меня господину гетману: если не отсечет голов троим тамошним: первому Полуботку, другому Михайле (Гадяцкому?), третьему, что всегда при нем живет (Кочубей?), сам додумается кто, то никогда ему не будет покоя в гетманстве, да и добра не будет на Украйне. Чтоб гетман не думал, будто все от нашего Войска Низового бунты начинались или от тех, которые из городов приходили на добычу: в Лубенском полку не хотят аренды и бунтуются, с Петриком хотят идти; гадячане и полтавцы говорят: много гетман старост в городах и по селам поставил, и также бунтуют, Петрика дожидаются».

Кошевой просил гетмана приготовить войско тысяч пятнадцать для промысла над Петриком; обещал приманить его в Сечь и схватить; в заключение просил гетмана, чтоб Москва

милостивее обходилась с малороссиянами, потому что приезжие из городов жалуются на москалей, которые в городах живут: людей бьют, крадут, насильством отнимают, детей малых крадут и увозят в Москву.

Горбаченко привез договор, заключенный *Петром Ивановичем* (Петриком) с ханом: княжество Киевское и Черниговское со всем Войском Запорожским и народом малороссийским остается удельным при всяких своих вольностях; Крым обязан его защищать от ляхов, от Москвы и от всех неприятелей; чигиринская сторона будет под властию княжества Малороссийского; полки харьковский и рыбинский будут переведены на чигиринскую сторону; чтоб крымцам были отворены муравские шляхи для походов на Москву; добыча московская будет воздаянием крымцам за настоящую их помощь народу малороссийскому; когда княжеству Малороссийскому даст Бог полное господство, то оно вольно установить у себя порядок, какой захочет; в Крыму будет резидент малороссийский, в Малороссии крымский.

На Запорожье Петрик опять прислал длинное письмо, уговаривая добрых молодцов соединиться с ханом: «Будучи у вас в Сечи, не раз я говорил вам, в какой опасности обретается наш Малороссийский край и до какого упадка приходит отчизна наша чрез ненавистных монархов, среди которых живем: как львы лютые, пасти свои разинув, хотят нас проглотить, т. е. учинить своими невольниками. Не дивно, что поступает так король польский, потому что издавна мы были его подданные и, за божиею помощию, выбились из подданства и такой ему причинили урон, от которого он и по сие время не может оправиться. Хан крымский за то на нас враждует, что мы ему на поле и на воде чиним беду. Но удивительно, что московские цари, которые не чрез меч нами завладели, перевели наш край Чигиринский на заднепровскую сторону, обсадились нашими людьми со всех сторон, и, откуда бы ни пришел неприятель, наши города и села горят, наших людей в неволю ведут, а Москва за нами как за стеной цела и, всем этим не довольствуясь, старается всех нас сделать своими холопями и невольниками. Для этого первых наших гетманов, Многогрешного и Поповича, которые за нас стояли, забрали совсем в неволю, а потом и нас всех хотели взять в вечное подданство, но Бог им не помог: не могли разорить Крым и осадить своими людьми казыкерменские города, а потом прогнать нас из Сечи и учинить по городам воевод. Не могши исполнить этого, позволили нынешнему гетману пораздавать старшине маетности, а старшина, поделившись нашею братьею, позаписывали себе и детям своим в вечность, и только что в

плуги не запрягают, а уже как хотят, так и поворачивают, точно невольниками своими. Москва для того нашим старшим это позволила, чтоб наши люди таким тяжким подданством оплошились и в замыслах их им не противились; когда наши люди от таких тяжестей замужичают, то Москва Днепр и Самару осадит своими городами. Король польский, имея досаду на царей московских за то, что не воевали Крыма, хотел с ордами идти на Москву, но прежде отобрать в свое подданство нашу Украйну. Если бы это ему удалось, то хорошо ли бы нам было? Сами вы подлинно знаете, что делалось при Чарнецком и при других панах ляцких, которые приходили с войсками на нашу Украйну, как они нас мучили. Не бывали ли братья наши на колах, в прорубях, не принуждены ли были козацкие жены детей своих в вару варить? Не поливали ли ляхи людей наших водою на морозе? не сыпали ли огонь за голенища? не отнимали ли солдаты имения? Ляхи этого не забыли и теперь еще готовы то же самое над нами делать. А если бы московские цари заключили мир с крымским ханом, то также взяли бы нас в вечную неволю, как подщипанную птицу. Если бы король польский или цари московские с крымским ханом помирились, то к кому бы нам было приклониться, кто бы нам в такой беде подал помощь? Много я об этом с вами говорил, но так как никто из вас за своих людей стоять не захотел, то я взялся за это дело. Сами, разумные головы, рассудите, лучше ли быть в неволе или на воле? лучше ли быть чужим слугою или себе господином? лучше ли быть у москаля или поляка невольником-мужиком или вольным козаком? Когда Богдан Хмельницкий с Войском Запорожским и ордами из-под ляцкого подданства выбился, то не добро ли нашей Украйне делалось? Разве не было тогда у козаков золота, серебра, сукон добрых и коней и разной скотины стадами? А когда стали мы холопями русских царей, то запустела наша чигиринская сторона, и перегнали нас на сю сторону Днепра, ни у кого не только имения, и лаптей не стало; большая часть нашей братьи очутилась в московских городах поневоле, и каждый год берут их там татары в полон. Объявлю вашим милостям и то, что господин гетман по совету всех полковников тайно прислал ко мне человека с таким словом: как только мы к Самаре приблизимся, то они все от Москвы отстанут и, соединясь с ними, пойдут воевать в Москву; этот человек гетманский и теперь при мне находится, и я вам его покажу. Поэтому будьте во всем надежны и безопасны, идите с нами».

Офицер запорожских казаков

В начале июля татары под начальством калги-султана явились у Каменного Затона, Петрик был с ними. Как скоро узнали об этом в Сечи, несколько куренных атаманов и бывший кошевой Григорий Сагайдачный отправились на свидание к калге; Петрик говорил ему, что у него есть письма и от гетмана, только он им их не покажет, разве приедет сам атаман кошевой. Кошевой с куренными атаманами и товариществом в числе шестисот человек отправились на свидание. Кошевой стал требовать у Петрика гетманских писем; Петрик отговаривался: «Не надобно

требовать от меня писем, верьте словам моим». Но кошевой не отставал: «Покажи письма или присягни, что они у тебя есть».

Тогда Петрик объявил прямо, что никаких писем у него нет и никто его на это дело не наговаривал, заключил он за все Войско Запорожское договоры с ханом своим разумом, сжалившись над притесненным малороссийским простым народом. Калга стал требовать, чтоб атаманы присягнули в приязни к Крыму; атаманы согласились; но когда они присягнули, то калга начал требовать, чтоб запорожцы шли с татарами на московские города; кошевой отвечал, что запорожцы разошлись теперь в разные места и на кошу войско ненадежное, нельзя его употребить туда, куда захочешь; кто за вами захочет идти, того мы удерживать не будем, а кто не захочет, того силою не будем высылать. Возвратившись к своему отряду, кошевой начал спрашивать, угодно ли сделать по просьбе калги. Одни отвечали, что не доводится с бусурманами ходить войною на христиан; но другие говорили: «Как вы калге уже присягнули, то можно с ним и на войну идти».

Возвратясь в Сечь, рано утром 28 июля кошевой собрал раду, сложил с себя атаманство кошевое, судья, писарь, есаул также сложили свои уряды, говоря, что есть в войске крикуны, которые принуждают их своими криками идти с бусурманами на православных христиан, и мы не хотим, чтоб при нашем старшинстве такое зло на кошу сделалось. Целый день *комышина* (булава) атаманская в раде лежала, а между войском разные голоса происходили: одни говорят *добре*, а другие *зле*. На другой день рано опять рада; кончилось тем, что знатные товарищи по общему согласию отправились в курень к кошевому и упросили его, чтоб оставался в уряде, упросили и всю старшину; кошевой пришел на раду и говорил: «Кто хочет за плутом Петриком идти, того я не удерживаю, а кто будет постоянно на кошу сидеть, того высылать не буду». К Петрику пристали тысячи с три козаков.

Мазепа, узнавши об этих событиях, послал в Москву с просьбою о немедленной высылке великороссийских войск на помощь: сам он стоит под Гадячем и дальше один не пойдет, потому что не так боится орды, как внутреннего волнения в Малороссии. Вследствие этого боярин Борис Петрович Шереметев и окольничий князь Федор Борятинский получили приказ выступить против неприятеля – первый из Белгорода, второй из Севска. Пятого августа приехал в Москву пятисотенный стрелецкого полка, находившегося при гетмане, и рассказывал, что в Малороссии между чернью многие непристойные речи заносятся ко всякой малости, говорят явно: «Когда придет Петрик с Войском Запорожским, то мы пристанем к нему, побьем

старшину, арендаторов и сделаем по-прежнему, чтоб все было козачество, а панов бы не было». За которыми козаками гетман посылает свои листы, чтоб шли к нему в обоз, – из тех приходят немногие, а за которыми не посылали, те приходят, своевольники, голутьба, и вмещают в войско своевольные, худые слова. Мазепа сильно жаловался, что Шереметев и Борятинский не спешат походом и пожар может разгореться, а ему, гетману, с войском малороссийским против тех неприятелей идти ненадежно, потому что и на внутренние поведения принужден осматриваться. Жители городков орельских Цариченки и Китай-городка уже сдались неприятелям. Гетман, не дожидаясь воеводы, принужден выступить из-под Гадяча к Полтаве.

Булава гетмана Украины Богдана Зиновия Хмельницкого. На протяжении веков булава символизировала у казаков высшую честь, доблесть, славу, являясь персональным знаком отличия. Рог носорога, резьба, эмаль. XVII в.

Но татары с Петриком не стали дожидаться гетмана: Мазепа дал знать в Москву, что в начале августа татары осаждали городок Моячку; но, услыхав, что несколько малороссийских полковников по приказу гетмана идут к городу на выручку, бросили осаду и ушли. В Москве очень обрадовались окончанию дела, грозившего такою сильною смутою в Малороссии, и цари послали Мазепе шубу соболью в 800 рублей. Но вслед за тем боярин Борис Петрович Шереметев прислал в Москву письмо с объяснениями, почему он не соединился с гетманом: Мазепа писал ему, чтоб он шел для соединения с ним к Рублевке и был там непременно пятого августа; Шереметев по этому письму пришел в Рублевку шестого августа до полудня, но Мазепа, вместо того чтоб идти к Рублевке же, пошел к полтавским местам по Заворсклю крепкими местами, прислал сказать боярину о своем походе под Полтаву и чтоб шел для соединения с ним, но куда именно – не объявил. Шереметев пошел, однако, к Полтаве, но восьмого августа на дороге получил весть от посланных им вперед сумского и ахтырского полковников, что татары, узнав о походе боярина для соединения с гетманом и испугавшись

приближения передовых полков, сумского и ахтырского, ударились бежать.

Как бы то ни было, Мазепа получил богатую шубу; а скоро после того кончилось дело о Соломоне. Начиная с 1690 года русский резидент Волков не переставал твердить панам, что король должен выслать вора Соломонка в Москву для розыска и наказать Шумлянского. В октябре 1690 года Соломона привезли в Жолкву к королю и объявили о домогательстве русского правительства; монах бил челом, чтоб его казнили в Польше, а в царскую сторону не выдавали. Мазепа также со своей стороны хлопотал об отсылке Соломона в Москву; когда Волков был во Львове, подьячий его, Герасимов, встретил на рынке козака, который сказал, что зовут его Александр Ивановский, служит при гетмане Мазепе и приехал от него к коронному гетману Яблоновскому с просьбою выслать Соломона в Смоленск. Ивановский был и в Жолкве, видел там Соломона, сидит нескованный; в одно время с ним приходили к Соломону епископы львовский и перемышльский и говорили ему: «Пора тебе повиниться и сказать правду». Монах говорил им прежние речи, а какие – о том козак не сказал подьячему. Волков обратился к гетману Яблоновскому с требованием выдачи Соломона; Яблоновский отвечал: «Король велит выдать монаха; а мне известно подлинно, что Соломон приносил письма составные воровские, а не подлинные; я знаю письмо гетмана Ивана Степановича Мазепы, и подпись руки, и разум письменного слога; а в Соломоновых письмах и рука не гетманская, и разум не его».

После этого Волков узнал, что из Польши на Украйну ходит еще один монах, Ираклий Русинович, и переносит вести королю. Передают ему эти вести двое слуг гетмана Мазепы, которые вышли из Польши и поженились на русских девицах, оставшись католиками; оба они знали о воровстве Соломона и помогали ему в подделке печати, Мазепа же сам ничего не знает, узнать ему не от кого.

Для объяснения по делу Соломона в августе 1691 года приехал в Москву польский посланник Ян Окраса и объявил бывшему с ним в *ответе* окольничему Чаадаеву: «Королевское величество с их царским величеством всегда желает быть в непременной братской дружбе и любви и никаким ссорам верить не изволяет; а в прошлом году объявился у нас в Польше чернец Соломон с воровскими составными письмами и с поддельными печатями и подал королевскому величеству от имени заднепровского гетмана лист. Король, видя, что письма составные и печати поддельные, приказал чернеца держать за крепким

караулом, и теперь этот чернец прислан в Могилев и отдан межевым судьям; а воровские письма и две поддельные печати изволил королевское величество для братской дружбы и любви прислать к их царскому величеству со мною». Окраса передал при этом три письма и две печати. Приведем для примера одно письмо. Мазепа пишет к королю:

Иван Мигура. Гетман Мазепа в окружении славных дел.

Гравюра. 1705 г.

«Наияснейший король и государь наш милостивый, монарше непобедимый! К вашей государской милости в третий раз пишем, как отцу своему и монарху великому. Знатно, что ваша государская милость не изволяет нас, слуг своих, под свои крылья принять; потому что ваша государская милость нам никакой утехи не даете чрез нашего монаха, а своих присылаете, особенно Искрицкого, с зятем которого я в большой ссоре; а Доморацкому мог бы я поверить, только по городам везде Москва и чутко стерегут новоприезжего человека, и по Днепру от самого Киева вниз до Чернобыля. А Соломон знает, где перейти Днепр, и мало будет городами идти. Просим у вашей королевской милости надежной ведомости, потому что не могу ничего делать. Пишет ко мне полковник полтавский, чтоб Москвы не пускать в города, а по орду непременно посылать; до приезда Соломона от вашей королевской милости будем держать Шеленбея-мурзу, а другой татарин приехал из Крыма недавно, на третьей неделе поста, и говорил, что к вашей королевской милости пошел татарский посол. И о том вашей королевской милости объявляю, что я слышал про гетмана коронного, будто ваша королевская милость на него гневаетесь, и потому к нему, гетману, не смел писать и к пану подскарбию, только знаю хорошо, что и он не ведает о тех секретах, потому что ваша королевская милость на то не соизволяет. Дайте же нам подлинную ведомость через нашего Соломона, и мы будем сами с ордою бить Москву; мы начнем, а ваша королевская милость давайте помощь, присылайте своего войска несколько тысяч на назначенное место, чрез Днепр на Канев; а если ваша королевская милость своего верного человека хотите прислать с Соломоном, то будем верить ему, а так нельзя одному ему проехать чрез города и чрез Днепр; не дай бог чего – сейчас же погибнем от Москвы. Сами рассудите, ваша королевская милость, что страшное дело мы начали и будем его сколько можно доканчивать, на божию милость надеемся и на вашу королевскую милость, потому что мы уже совсем тайно прибрались, только ожидаем от вашей королевской милости совету, и затем кланяемся вашей королевской милости».

По рассмотрении писем Чаадаев имел другой разговор с Окрасою. «Ты объявил, – говорил он посланнику, – что король прислал письма и печати по братской дружбе к царскому величеству; но в этой братской дружбе есть сомнение немалое. Король изволил прислать Соломонковы письма самые последние, которые он составил под Варшавою в третий раз; писаны они коротко, безо всякого объявления о деле, только упомянуто о

первых и вторых письмах, которые он же, Соломонка, подал королю и Шумлянскому, написавши в них пространно о приеме гетмана Ивана Степановича под оборону королевскую; этим первым письмам при дворе королевском поверили и послали к гетману Доморацкого. С этих первых писем гетман коронный Яблоновский по королевскому указу прислал гетману Мазепе списки, которые с поданными тобою подлинными письмами ни в чем не сходны». Тут Чаадаев показал Окрасе письмо Яблоновского к Мазепе и списки с прежних Соломоновых писем: все это Мазепа переслал в Москву. «Доложи королевскому величеству, – продолжал Чаадаев, – что если он хочет правдивым сердцем с царским величеством по-братски поступить, то изволил бы прислать и первые, и вторые Соломонковы письма подлинные».

«Первые и вторые письма Соломонко действительно королю подавал, – отвечал Окраса, – только им король ни в чем тогда не поверил, поэтому их бросили без внимания, они затерялись, и перед моим отъездом отыскать их никак не могли, сыскали только последние листы, которые я и привез. Посылки к гетману Мазепе с призывом в польское подданство никакой не бывало от короля; пусть великие государи Соломонка на границе велят принять, а Доморацкого с письмом Шумлянского отдадут королю».

«Теперь Доморацкого отдать великие государи не приказали, – говорил Чаадаев, – потому что доведется ему с Соломонком дать очную ставку, а как дело кончится, то и Доморацкий будет отпущен. Ты говоришь, что король и первым письмам не поверил и не посылал к Мазепе; но по чьему приказанию посылал Шумлянский?» Окрасе показали подлинное письмо Шумлянского к Мазепе, прочли и расспросные речи Доморацкого, в которых тот показал, что послан был Шумлянским к Мазепе по приказанию королевскому. Окраса вздумал оправдывать Шумлянского, говорил, что в его письме нет ничего, кроме призыва на войну против бусурман. «Но о каком это иге говорит Шумлянский, которое надобно свергнуть? – спросил Чаадаев. – На украинских жителях татарского или турецкого ига нет!» Окраса замолчал.

Соломон был выдан. Его привезли в Москву, расстригли и под прежним его светским именем Семена Гродского подвергли пытке. Что он показал – неизвестно. Известно только то, что в Батурин поехали царские посланцы с известием, что Михайло Гадяцкий сослан в Сибирь, повезли к гетману и Семена Гродского. Мазепа требовал его неотступно, жаловался, что думный дьяк Украинцев без царского указа и без приказа боярина

Льва Кирилловича Нарышкина велел Кочубею надзирать за гетманским поведением, отчего учинилось Кочубеево многое лукавственное коварство; гетман об этом ничего не знал, потому его и ни во что ставят; а Кочубей в дружбе с Полуботком. Полуботок бранил гетмана всячески в Киеве и доносил на него в Москве, но не мог ничего доказать и отослан был к гетману головою, однако в царской грамоте велено ему жить в своем имении до указу; от этого гетману учинилась великая стыдная печаль. Петрик, племянник Кочубеев, по такому же воровскому вымыслу отпущен в Крым, как Соломонка к королю; гетман слезно молит Бога, чтоб Бог выдал врага Соломонка на обличение других врагов.

Но когда Гродского привезли в Батурин, чтоб там казнить его смертию, то гетман, побивши челом за царскую милость, объявил, что он не может казнить Гродского без полковников, да и не желает его смерти, а гораздо лучше возить его по всем малороссийским городам и показывать народу для совершенной ему, гетману, старшине и всему Войску Запорожскому очистки. Но в Москве смотрели иначе; к Мазепе был послан указ: чернеца Соломонка, государственного изменника и замутителя, во время съезду старшины в Батурин казнить смертию, а по городам не возить, потому что о его воровстве известно всем. Когда старшина собралась, Мазепа велел генеральному писарю Кочубею прочесть перед нею московский розыск Гродского и показать его воровские письма и поддельные печати. Старшина и полковники, посмотря на письма и печати, сказали, что это дело не одного вора Соломонка, ясно, что он призван и научен другими злыми людьми. Гетман сказал им, чтоб они поставили перед себя преступника и расспросили, не было ли другого предводителя с ним в этом злом деле? Гродский был приведен к старшине и говорил с клятвою свои прежние речи, что кроме Мишки Васильева других советников с ним не было, а если б были, то он и в Москве бы про них сказал и таких жестоких пыток и огня не терпел.

Памятник гетманам в Батурине. Слева направо: Демьян Многогрешный, Иван Самойлович, Иван Мазепа, Филипп Орлик, Кирилл Разумовский

Седьмого октября Гродского казнили, и у казни он сказал прежние же речи. Мазепа был недоволен, что Соломонка казнили смертию, а Михайлу Гадяцкого только сослали в Сибирь. «Следовало бы казнить смертию и Мишку, без пощады, – писал он царям, – потому что Соломонка перед казнию показал на Мишку как на человека, который его подучил на злобу; да будет монаршая воля; но мы просим покорнейше сына Мишкина не отпускать сюда на Украйну, потому что дерево злое плод злой творит». Гетманское желание насчет Гадяцкого исполнить было нельзя, ибо вот что говорит современное известие: «Пытан черкасский полковник Михаил Гадяцкий в государственном деле; с пытки он ни в чем не винился, очистился кровью и сослан в ссылку».

Петрик в своих возмутительных грамотах указывал на две тягости для малороссиян, за которые обвинял московское правительство: на аренду, или винный откуп, и на обычай жаловать населенные земли чиновникам, которые притесняют своих подданных. В Москве обратили на это внимание и послали сказать гетману, чтоб он подумал хорошенько, нельзя ли отстранить оба обвинения. Мазепа отвечал:

«Аренда здесь, в малороссийских городах, не так налогами своими тяжела, как самым именем из давних времен ненавистна,

надобно думать оттого, что при польской державе жиды ею владели и много вымышленных отягощений делали. Мы, посоветовавшись со старшиною и полковниками, разослали по всем полкам и городам универсалы, в которых прежде всего увещеваем, чтоб старшина наблюдала за арендою, не позволяя обижать людей, т. е. чтоб каждому человеку позволено было выкурить дома вина или купить где-нибудь в другом месте, кроме арендовых шинков, на свадьбу и на крестины; также разошлем универсалы с обнадеживанием народа, что гетман со старшиною ищет способов отменить аренду, а вместо нее найти какие-нибудь другие средства достать денег на войсковые расходы; пусть и весь народ, старшие и меньшие, посоветуются между собою и дадут нам знать, как им лучше: платить ли вместо аренды новую подать народом или наложить пошлину со всяких шинков? Касательно маетностей мы так рассудили со старшиною: которые особы в войске и народе считаются к службе негодными, а в силу наших универсалов владеют маетностями, у тех маетности отнять; у тех же, которые владеют маетностями по царским грамотам, отнять маетностей не смеем, ибо это значило бы нарушение монаршеской воли. Об этом просим милостивого указа и докладываем: запорожцы не раз давали нам знать и теперь чрез посланца нашего объявили, чтоб маетности от меньших особ были отобраны; не так нелюба им аренда, как это владение маетностями, и если мы их не отберем, то между народом встанет смута. Мы уже давно разослали повсюду универсалы, чтоб никто из владельцев не смел в пожалованных ему селах отягощать жителей большими работами и поборами и делать им какие бы то ни было обиды, чтобы на владельцев-притеснителей крестьяне подавали нам челобитья, по которым будет непременно расправа».

Новая мера отобрания маетностей прежде всего приложена была к Леонтию Полуботку. Миргородский полковник Данила Апостол донес, что когда Мазепа был в Москве, то сын Полуботка говорил ему, Апостолу, о враждебных намерениях Михайлы Гадяцкого. «Если, – писал Мазепа, – молодой Полуботок знал о замыслах Гадяцкого, то должен был знать и о замыслах Соломона, должен был знать об этом и отец его, тем более что старик, находясь на полковничестве переяславском, промышлял о гетманстве». Вследствие этого Полуботки, отец и сын, были посажены под караул и маетности отобраны.

В то время, когда Мазепа преследовал своих внутренних врагов, на западном берегу Палей все более и более приобретал славы в неутомимой борьбе с татарами. Тяжел пришелся он Крыму: там сравнивали его с Серком и подсылали к нему с

предложениями, что хан сделает его лучше Хмельницкого, если только он перейдет на татарскую сторону. Положение Палея действительно стало похоже теперь на положение Хмельницкого: в польской стороне он оставаться не хотел, потому что козак не мог ужиться в ладу с панами; бил челом великим государям, но те не принимали, боясь нарушить мирный договор с Польшею, как из той же боязни не принимал Хмельницкого отец их; но Хмельницкий стал пугать Москву тем, что если не примет его православный царь, то он поддастся бусурманам; и Палей теперь, вследствие присылки из Крыма, получил возможность грозить тем же. При личном свидании с Мазепою в Барышевке он сказал ему, чтоб великие государи приняли его без отлагательства, а если он на их службу не надобен, то пусть ему об этом объявят прямо, и он сыщет себе место; и татары его к себе примут; великие государи напрасно так боятся нарушить мирный договор с Польшею: поляки хлопочут изо всех сил, как бы только отыскать случай к войне. Мазепа, сообщая об этом разговоре в Москву, прибавляет от себя, что если Палей перейдет к татарам, то и запорожцы пойдут вместе с ним туда же, что будет очень вредно для России: хорошо было бы поэтому Палея принять, а перед поляками отговориться тем, что он родился в Борзне; и если великие государи Палея примут, то он, Мазепа, сделает его полковником переяславским. Но из Москвы прежний ответ: Палея принять нельзя; гетман должен его уговаривать, не допускать, чтоб он в отчаянии перешел на бусурманскую сторону; а если учинится Палею совершенное утеснение, то он бы от полка своего отлучился тайно на переяславскую сторону. Но Мазепа этим не успокоился и в декабре 1692 года снова писал царям о Палее: просил внушить польскому правительству, какой вред будет христианству, если Палей будет приведен в отчаяние польскими притеснениями и отложится к татарам; но при этом гетман повторял прежнее: «Лучше было бы принять Палея со всеми людьми и с городком Хвастовым под царскую руку; если он, будучи малороссиянином по происхождению и приобретши такую знаменитость, перейдет к неприятелю, то в Малороссии поднимется волнение, прельщенные своеволием и добычею, многие люди потянутся отсюда к нему. Цари отвечали, что в случае крайности Палей с теми из своих полчан, которые из Запорожья и с восточной стороны Днепра, может перейти опять в Запорожье и, побывши там несколько времени, пусть расходятся в малороссийские города, куда кому сручно, где у кого есть родственники; за этот переход выговоров и причитанья с польской стороны не будет, а Палею перейти на Запорожье вовсе не бесчестно: каким путем он вышел из Запорожья в Польшу, тем

же самым возвратится из Польши в Запорожье».

И кроме Палея было много людей за Днепром, которые постоянно обращали свои взоры к Москве.

Шумлянский спешил оправдаться перед царями. Весною 1692 года русский резидент стольник Михайлов находился во Львове. Тридцатого апреля епископ прислал к нему своего архидиакона с приглашением приехать к нему на другой день в кафедральный собор к обедне и смотреть комедию, которая будет действоваться в честь св. мученика Георгия, а после комедии обедать у него, епископа. Резидент не поехал, отговорившись нездоровьем. На другой день, первого мая, – новый посол от Шумлянского, соборный священник монах Красинский, у которого резидент Великим постом исповедовался. Монах начал говорить о сильном огорчении епископа, что нигде не может видеться с резидентом; все это из-за Соломона, но епископ тут не виноват, ввязался он в дело поневоле. Михайлов отвечал, что он никакого дела не знает, не видался с епископом по болезни и за недосугами, и если Шумлянский хочет непременно с ним видеться, то пусть четвертого мая с немногими провожатыми приезжает в загородную пустынь Иоанна Богослова: там он, резидент, будет у обедни.

Шумлянский приехал в назначенное место и, удалив всех свидетелей, начал говорить резиденту: «В нечаемую беду и в гнев царского величества вшел я неволею, а не охотою. – Тут взял он крест, поцеловал и, прослезясь, продолжал: – Ей, самою истиною, буду говорить: когда чернец Соломошко с фальшивым письмом к королю явился, то король сейчас же прислал за мною и говорил: “Пане отче, приспело твое время нам помогать, а кроме тебя делать этого дела некем”. И я по тому королевскому приказу писал к гетману Мазепе письмо своею рукою, чтоб он по желанию своему приступал к наследственному государю. А кроме того ничего дурного я не писал. Прежний резидент Волков бесчеловечно на меня наносил, будто я законопреступник и вор, писал в Украйну воровские письма и с архидиаконом своим прислал будто какой-то лист за королевскою рукою. Этим я оклеветан, и дело доходило уже до того, чтоб и мне так же поступить, как перемышльский епископ. Скажи, пожалуйста, какой это королевский лист и откуда он в Москве взялся?» – «Не слыхал и не знаю ничего, что ты мне говоришь, – отвечал Михайлов, – а по словам твоим рассуждаю, что и то письмо, которое ты писал к гетману Мазепе, очень нехорошее письмо, и думаю, что ты это сделал сам собою, без королевского указа, и короля клеплешь, чтоб себя оправдать».

Шумлянский клянется и божится, что делал по королевскому

указу. «У меня об этом, – говорит он, – два королевских письма за его подписью и печатью. Да и без этого каждому можно рассудить, мог ли я это сделать сам собою: ведь Мазепа с Украйною никогда мне в особое подданство не поддастся, да и мне от себя призывать его нельзя. Царское величество требовал от короля, чтоб он выдал меня в Москву на казнь, и король отмалчивался; а если б я писал к Мазепе сам собою, то король рассердился бы на меня и отстаивать меня не стал. Но, слава Богу, что от этого ничего не сделалось, все по-прежнему, и вперед будет в науку; король не перестает жалеть об этом и до сих пор, хлопочет, как бы поскорее дело прекратилось, и Соломона отдал». – «Так как я ни у кого об этом, кроме тебя, не слыхал, то много рассуждать мне и толковать нечего, – говорил резидент, – только и из немногих слов твоих могу понять, что дело это немалое, и надобно тебе о себе порадеть, как в том исправиться, и душу свою от такого великого греха избавить».

Памятник в честь освобождения города Белая Церковь в 1702 году казаками под предводительством казацкого атамана Семена Палия

Шумлянский, вздохнувши, сказал на это: «Сатана меня

искусил; а король разве не умный человек, и другие, которые в то дело ввязались, разве не умные люди? однако были обмануты чернецом, без рассмотрения поступили. Говорю тебе, наверное, что полякам отыскивать Украйны: в средине Великого поста вдруг присылает за мною король; я поехал; а он меня встречает словами: отец! прежнее то наше дело исполнилось, Мазепа уж наш, приехал в Белую Церковь. Целый тот день король был весел и напоил меня добрым вином, какого уже давно никто у него не пивал. Но потом, четыре дня спустя, опять прислал за мною и говорил, что дело отменилось, еще не исполнилось. Из этого можно видеть, какую здесь имеют надежду». – «Слышу от тебя дела дивные, – говорил резидент, – не ожидал я от твоей особы и от твоего чина, чтоб ты впал в такие тяжкие грехи своевольно. Но какими же способами ты хочешь исправиться, вину свою покрыть?» – «Что было, то было, – отвечал Шумлянский, – прогневал я великих государей письмом к Мазепе, очень жалею, да воротить нельзя; а хочу за ту вину заслужить великим государям вот чем: хотя у царского величества и заключен вечный мир с поляками, только мир этот очень некрепок; поляки царскому величеству большие недоброхоты и ждут только случая, как бы малороссийские города оторвать, для того мирный договор и в конституциях их не напечатан, подкреплен он одною королевскою присягою, а Речью Посполитою не подтвержден. Но дело известное, что королевские решения может последний шляхтич оспорить. Как только поляки соберутся с силами и увидят удобный случай, так вечный мир и нарушат. Союза с ними иметь невозможно, потому что все обманывают и всякими способами ищут зла: за вечным миром мало не все благочестие привели неволею в унию, остался с своею епархиею я один. Прекратить это зло и подкрепить вечный мир можно так: потребовать на сейме, чтоб мирный договор в конституциях своих напечатали, а если не напечатают, то великие государи не будут ставить этот мир в мир. Не худо бы им и погрозить да спросить: зачем премышльскую епископию обратили в унию? Станут говорить, что епископ приступил к унии своею охотою, отвечать: пусть он один и будет ваш, а православным его епархии пусть будет воля выбрать другого епископа; а с челобитьем об этом выборе много православных на сейм приедет, и я челобитье изготовлю; полякам отказать будет нельзя, епископия восстановится и благочестие утвердится на долгие времена; потому пусть царские послы поднимут на сейме дело обо мне, потребуют мне наказания за письмо к гетману Мазепе; я, будучи огражден конституциею, выступлю против короля смело, письма королевские всем покажу. Думаю, что тут король станет утекать.

А на сейме надобно с ними обходиться по французскому обычаю, некоторых сенаторов надобно подкупить; так войною поляков не повоюешь, как подачкою; подарками царское величество может сделать на сейме все что угодно. Если же великие государи прежде подтверждения договора конституциею начнут дело обо мне, то я приступлю к уний или за границу уеду. Совесть мою Бог видит, что я писал письмо по крайней неволе, укрывая благочестие, принужден я поступать подозрительно, ношу сапоги то красные, то желтые, шапку надеваю вместо клобука, угождая польским политикам, как бы только епархию свою от гонения избавить».

Успенская церковь – главный православный храм Львова начиная с XVI века

Пятнадцатого мая, в Троицын день, Шумлянский служил в соборной церкви, молился усердно, торжественно за царей, за вселенских и за московского патриархов, за царскую палату, за

умножение благочестивой веры греческого закона; резидент был в церкви, и все львовское братство «с великим благочинием и рацеями отдавало перед ним великим государям свое доброжелание и рабскую уклонность».

А между тем по-прежнему шла церковная борьба у русских с поляками, по-прежнему поляки не переставали теснить православных. Вот что доносил русский резидент Волков в Москву. Четырнадцатого мая 1690 года в Варшаве канцлер коронный Эрнст Денгоф судил владимирских мещан с епископом владимирским, отступником от православия, униатом. Епископ хотел обратить в унию две благочестивые церкви, построенные владимирским братством; он выставлял на вид, что все русские церкви теперь в унии и находятся под его паствою; остались только две эти церкви, и священники их ходят по своей воле, а его, епископа, не слушают. Мещане доказывали, что церкви эти исстари благочестивые и потому не следует обращать их в унию, король при избрании своем присягал, чтоб вере никакого утеснения не делать.

Канцлер произнес такое решение: «Хотя прежде эти церкви в унии и не были, так теперь будут». Но только что он выговорил эти слова, как всем показалось, что своды в палате начали трещать и стены колебаться. Все бросились бежать: канцлер в дверях зацепился за что-то своими широкими рукавами и упал, бежавшие за ним попадали на него и чуть не задушили, вынесли его чуть живого. Опомнившись в сенях, канцлер послал верных людей осмотреть, нет ли кого на крыше и отчего своды грозили падением; на крыше никого не нашли, и своды стояли безо всякого повреждения. Несмотря на то, канцлер не решился досуживать суда и больше уже не входил в ту палату, а дело предоставил на королевское решение; король решил в пользу униатов. Сколько было тогда православных в Варшаве при дворе, видно из следующего донесения Волкова. На дворе у резидента была православная церковь, где служил священник из Перемышля. В церковь сходилось множество православного народа, покоевые дворяне королевские и шляхта, священник исправлял требы, исповедовал, приобщал, крестил младенцев, венчал свадьбы. Это сильно не нравилось польскому духовенству, и двадцатого мая познанский бискуп Витвицкий велел схватить священника на улице и привести к себе. Наговоривши ему о вере благочестивой противных вещей, бискуп велел посадить его под караул у себя на дворе.

Но на другой же день умер скоропостижно королевский сокольник, русский человек; товарищи его, сокольники, подали королю просьбу, чтоб позволено было похоронить умершего по

православному обряду; король согласился, и по его указу освободили священника из-под епископского караула. Осенью того же года униатский перемышльский епископ Малаховский захватил пять православных церквей, причем униаты отняли у православных священников дворы, разграбили имение. По королевскому указу велено было дворы и пашенную землю священникам отдать; но униаты не послушались, а вдова бывшего коронного подскарбия Андрея Модреевского Урсула, в имении которой находились захваченные церкви, велела поймать одного священника и бить перед собою дубьем: несчастный получил триста ударов, после чего другие православные священники привезли его в Жолкву к королю для осмотра, но не получили никакой управы. Сначала в Львове в школах иезуитских ученье русским людям было свободное; но в девяностых годах иезуиты начали русских принуждать к унии и присяге; кто из русских учеников выучился у них в школах грамматике и риторике, того допускали они слушать философию только год, кто же хотел оставаться долее в школах, тот должен был принять унию.

Собор во имя святых апостолов первоверховных Петра и Павла. Собор был основан в 1612 году. Минск

В 1691 году на смену Волкову отправился в Польшу другой резидент, стольник Борис Михайлов; в Минске явились к нему православные мещане, Демьян Шишка с товарищами, и жаловались, что на них от панов литовских, от гетмана Сапеги и других великое гонение, принуждают их к унии всякими мерами. В мае месяце униатский плебан Салган Юревич, собравшись с католиками и униатами, приезжал в минский Петропавловский

монастырь многолюдством, и хотели насильно обратить монастырь в унию. Архимандрит монастыря Петр Пашкович с братиею поостерегся, дал всем православным знать заранее, и православные, собравшись, сидели в монастыре с оружием и каменьями трое суток, положивши оборонять монастырь до самой смерти, католиков и униатов с великою запальчивостию били и сказали им напоследок, что помрут в монастыре все, а кто останется в живых, побегут с женами и детьми в Москву и будут им мстить, как смогут. Тогда осаждающие отступили от монастыря. Гонят православных и всякие налоги и наезды чинят по всей Литве униатский митрополит Киприан Жуховский, виленский епископ Константин Брестовский да плебан Юревич. Татарам и жидам, говорили мещане, больше уважения от панов, нежели благочестивым христианам: татары могут строить новые мечети и жиды кагалы, а православным древних церквей покрывать и починять не позволяют, ведут к тому, чтоб благочестие до конца известь.

Летом 1692 года, будучи во Львове, резидент шел однажды предместьем и за иезуитским костелом встретил старика очень почтенной наружности, который подошел к нему, объявил, что он шляхтич русской веры именем Попара, и попросил позволения поговорить без свидетелей. С тяжелым вздохом начал свою речь Попара, что бывал он в Москве еще при царе Михаиле, не раз целовал у него руку, а при державе царя Алексея Михайловича в продолжение многих лет ссылался о всяких тайнах с боярином Матвеевым, и будто его службою Киев остался в царской стороне. В те годы всем православным был покой большой, принуждения к унии ни от кого не было, во всем русских людей поляки почитали и ничем обидеть не смели, опасаясь царского гнева. Но когда заключен был вечный мир и иезуитам в Москве веру свою распространять позволено, то сейчас же в Польше началось гонение великое на церкви божии, больше семисот церквей обратили в унию, а теперь и последнюю львовскую епископию принуждают к унии. Поляки хвастаются, будто и в Москве их веру больше любят, чем свою русскую. «Нас, православных, здесь, – продолжал Попара, – поляки ни в чем не слушают и за скотов почитают; нынче призывал меня к себе епископ Иосиф Шумлянский и говорил, что прислан королевский указ о присоединении, к унии. Я один и без братства сказал епископу, чтоб он объявил королю нашу русскую раду: никогда мы добровольно в унии быть не захотим, по милости божией у нас вера добрая, и никогда мы о вере королевскому величеству не докучали; изволил бы король оборонять нас от татар, а не от веры. Я в преклонной старости и кончину свою вижу при дверях,

так объявляю для христианской веры самую истину, что львовская епископия в благочестии не устоит, если не в этом году, так все же скоро будет в унии, потому что Шумлянский на епископство возведен силою, обороною и желанием нынешнего короля, когда тот был еще гетманом, и при поставлении обещался непременно приступить к унии; а перемышльского епископа ставил он, Шумлянский, при таком же обещании, и прошлого года перемышльский епископ унию принял. И Шумлянский втайне униат, а явно не присягает, потому что братство крепко стоит. А вся эта слабость сделалась оттого, что позволено быть католикам в Москве, все государство иезуиты вызнали, описали все города и обычаи; и трое французов были недавно в Москве для того же. У папы, цесаря, королей французского и польского положено: если война с турками и у цесаря с французом прекратится, то всем сообща войною и всякими вымыслами внести в Московское государство католическую веру; многие иезуиты, которые в Москве были, предложили к тому способы, и многие охотники собираются о том радеть и присягают, что это дело могут в Московском государстве совершить в короткое время. Нам, православным, от этого великое спасение».

Киприан Жуховский – униатский митрополит Киевский, Галицкий и всея Руси. 1680 г.

Резидент успокаивал старика, что все это нестаточное дело, говорит он о небывалых вещах, не дознавшись подлинно; но Попара настаивал на своем: «Верно знаю, что поляки чрез иезуитов, папу, цесаря и француза уговорили вводить в Москву католическую веру». Русских людей Западной России трудно было успокоить насчет иезуитов, которые являлись для них постоянно главными двигателями гонения, готовыми на все. Могилевское духовенство дало знать резиденту, что приезжали в Могилев из Вильны комиссары пан Вербецкий, пан Шпиловский, Жембоцкий да Ильинич и, по иезуитскому настоянию, с великим надругательством разорили церковь Петра и Павла в селе Езере, в трех милях от Могилева, позволили разорять ее близ живущим

татарам; побивши прихожан, которые защищали церковь, татары влезли на крышу, столкнули ногами крест, а потом всю церковь до последнего бревна разметали, иконы покололи ругательски. Место осталось пусто, православные христиане без церкви начали быть в размышлении и многие стали клониться к иезуитскому учению. Когда львовские жители являлись к королю на визит с поздравлениями и подарками, то впереди шли поляки, потом армяне, а уже за армянами русские православные, тогда как прежде русские стояли выше армян. Перемышльский епископ Иннокентий Винницкий, приняв унию, стал жестоким гонителем православия: по его наущению шляхта напала на православную церковь св. Троицы в местечке Коморне, в четырех милях от Львова; в церкви священник Иван Ревенец служил обедню, шляхта хотела вытащить его вон и убить, но прихожане заперлись в церкви и оборонялись часа с три; но потом, видя, что отсидеться никак нельзя, надели на священника женское платье, выпроводили его тайком и потом отперли церковь. Шляхта, не найдя священника, била прихожан насмерть, а церковь запечатала для отдачи униатам.

В Москве не могли быть равнодушны при получении подобных известий: резиденту было велено потребовать от польского правительства, чтоб по всем русским поветам посланы были универсалы со строгим запрещением обращать православных в унию, чтоб на место отпадших епископов позволено было русским людям избрать новых, которым для поставления ехать в Киев к митрополиту. На это был ответ: «Ни королю в государство Московское, ни царям в государство Польское заглядывать и в тамошние распоряжения вступать не следует; смоленская шляхта вся приневолена и стала Русью, и мы об этом не говорим, потому что в обоих государствах вера христианская одна и всякий государь в своем государстве волен».

Резидент возражал: «Дело идет не о заглядывании в государство; смоленская шляхта никакой в вере неволи не имела и не имеет; дело идет о нарушении договоров, о нарушении присяги, данной королем и всею Речью Посполитою. В вере неволя, в присяге неправда – дела начальные!» – «В добре зла никакого нет, и иначе потому уже быть нельзя», – отвечали поляки.

Насилия не прекратились: в 1693 году воевода полоцкий Красинский в своем имении Соколове отдал в унию церковь Покрова Богородицы, застращав прихожан войском: «Русские люди стонут и плачут, а пособить себе не могут и стали в вечном помрачении». В Каменце литовском подканцлер князь Радзивил обратил в унию церковь Рождества Богородицы. На

представления резидента отвечали, что в Каменце было руси только человек с тридцать и сами просились в унию; что же касается до полоцкого воеводы, то он распоряжался в своей отчине, запретить ему трудно, пусть резидент поговорит с ним сам.

Иосиф (Шумлянский) – церковный деятель Речи Посполитой, православный, епископ Львовский униатской церкви

«Все вы толкуете о вечном мире! – говорили паны. – Этим вечным миром великие государи хотят распоряжаться в наших отчинах, как будто по вечному миру мы стали их невольниками! По нашему праву всякий шляхтич в своем имении волен и без

королевского ведома может хлопов своих казнить, как хочет, и неужели нельзя какого-нибудь негодного попа переменить? В договоре с царским величеством идет дело об одних королевских имениях, а не о панских и шляхетских маетностях, потому что пану в его имении указывать нельзя. Из Москвы иезуитов выслали, римской вере неволя – но король молчит, потому что цари в своем государстве вольны». Делать было более нечего, потому что на плечах была опасная война: не русские рати ходили на Крым, а татары навещали Украйну.

В начале 1693 года 40 000 татар вместе с Петриком явились на Украйне, но не могли привлечь Запорожье на свою сторону, не могли взять ни одного города и с ничтожною добычею возвратились назад, «только едва копытами своими погаными богохранимой вашей монаршеской державы коснулись», как извещал царей Мазепа. Петрику, который, по современному выражению, продолжал «пялить душу на крюк адовой пропасти», оставалось писать на Запорожье грамоты, стращать козаков Москвою: «Разумные головы, рассудите, что не всегда московские цари такое вам будут давать жалованье, как теперь часто присылают червонные золотые: это Москва делает, потому что слышит в лесу волка, а когда беда минется, то не только жалованья вам не даст Москва, но, помирившись с Крымом, вас из Сечи выгонит, вольности ваши войсковые отнимет, Украйны нашей часть орде отдаст в неволю, а остаток возьмет в свою неволю вечную. И тогда к кому прикинетесь, кто вам поможет и избавит вас из неволи? Сами знаете сказку, что за кого стоит крымский хан, тот будет и пан. Дивное дело, что прежде все вы жаловались на неправды от Москвы и от своих господ, жаловались, что нет такого человека, который бы начал дело. А теперь, когда такие люди нашлись, то вы не очень охотно позволили на свое освобождение: охочее войско на Русь пускали, а сами, лучшие люди, в Сечи оставались. Я вашим милостям, добрым молодцам, советую: воспользуйтесь удобным временем! А если это время упустите, то уже никогда другого такого иметь не будете, и когда свои вольности потеряете, то возьмите на свои души грехи всей Украйны, которая вами защищается и на вас надеется».

Запорожцы отвечали «врагу воплощенному», что вся клятва падет на него; потому что он с бусурманами приходит опустошать крайнее гнездо православной веры, Москву и особенно Малую Россию. Петрик жестоко ошибся, положившись на речи недовольного меньшинства в Запорожье и задумав сыграть роль Богдана Хмельницкого. Огромное большинство в Малороссии крепко стояло за единство русской земли, т. е. за союз с Москвою

во имя православия.

Вот что доносил царский посланец дьяк Андрей Виниус, бывший в Малороссии в начале 1693 года и внимательно наблюдавший расположение умов: «По городам, селам и деревням видел я в народе совершенную твердость православной церкви, большую набожность и к великим государям всесовершенную и постоянную верность. Говорят: где нам такого покрова, защиты и благополучного жития сыскать, какое получили под царским правлением? Живем при православной вере, при правах и вольностях своих по домам мирно, чего никогда не видали от ляхов, у которых были в таком же порабощении, как Израиль в Египте. Кому из нас в голову может прийти мысль соединиться опять с ляхами, которые, если б могли, всех бы нас отдали бусурманам, или под меч положили, или в душевредительную унию обратиться приневолили. А что дьявольский сосуд Петрик делает, то ясно, что христианину с бусурманом никогда в союзе быть нельзя: пример Молдавия и Валахия, запустошенная бусурманами».

Уход врага дал возможность заняться внутренними делами. Надобно было порешить вопрос об аренде, или винном откупе. Гетман велел полковникам съехаться в Батурин и привезти с собою всю полковую старшину, городских урядников, знатное войсковое товарищество и мещан, с которыми можно было бы посоветоваться и решить дело об аренде. Собралось много людей всяких чинов, долго между собою говорили и советовали, оставить ли аренду по-прежнему или уничтожить? Многие стояли на том, что аренду надобно удержать непременно, потому что она никому, кроме шинкарей, не вредит, и в городах от нее большая оказалась прибыль: все свои нужды они исправили благодаря аренде, а в иных городах и денег по тысяче и по другой золотых положили себе в запас. Но большинство оказалось против аренды: аренда, говорили они, издавна дело ненавистное, вечный повод беспокойным людям к порицанию, вечный предлог вредить общему добру; и теперь запорожцы по ее поводу кричали и вопили. Порешили на том, что аренду уничтожить, а деньги, необходимые на жалованье охотницкому войску и на всякие полковые расходы, собирать с тех людей, которые будут содержать шинки, и с винокуров, которые развозят свое вино по ярмаркам. Но согласились ввести этот новый порядок только на один год, чтоб посмотреть, что из него выйдет. Петрик не приходил с татарами на Украйну; тем не менее гетману не было от него покоя. Козаки, бежавшие от Петрика, показали, что у него есть грамоты от Мазепы. Показание было такого рода, что в Москве не могли дать ему веры, но Мазепа сильно кручинился.

Н.К. Бодаревский. Первый Спас в Малороссии

В.И. Штернберг. Малороссийский шинок. 1837 г.

В Глухове на обеде у стародубского полковника Миклашевского Мазепа бросился на Кочубея, бил его по щекам, топтал пинками, кричал: «Ты с Петриком писал листы моим именем, отчего я в невинности моей сокрушаюсь и ношу такое нарекание!» – «Я ни в чем тут не виноват, ничего не знаю, – отвечал Кочубей. – Разве Петрик захватил какие-нибудь старые письма из моей канцелярии, – этого я не знаю». После этой сцены Мазепа сейчас же поехал из Глухова в лагерь к стольнику и полковнику Батурину и начал ему говорить: «Что теперь делать?» Батурин отвечал: «Одного опечалили, а другого оскорбили; ступай опять в Глухов к Миклашевскому». Мазепа сейчас же поехал к Миклашевскому, послал за Кочубеем и помирился с ним.

Петрик не давал покоя Мазепе и тем, что не переставали приходить вести об его новых замыслах. Петрик твердил хану: в Малороссии непременно будет бунт от черни на панов и откупщиков, особенно если хан пойдет к малороссийским городам и гетман соберет все полки в один обоз: тут прежде всего чернь станет старшину бить, а потом в городах чернь перебьет панов и откупщиков, и тогда весь малороссийский народ соединится с крымцами и пойдет войною на Московское государство. Хану и Петрику прежде всего хотелось переманить на свою сторону Запорожье, в котором постоянно были люди, готовые с ними соединиться, постоянно по куреням слышались слова: «Если хан будет давать войску деньги и коней, то мы готовы служить хану и панству крымскому: за кем хан, тот и пан».

Гетманский посланец Горбаченко, возвратившись из Сечи, рассказывал: «Множество там легких людей, голутьбы, безодежных, безоружных. Кошевой атаман Гусак говорил мне: видишь, сколько голутьбы прихожей из городов, а в раде против всякого нельзя говорить нам; если бы по раденью гетманскому отворилась война на бусурман, то вся бы эта голутьба пошла на войну, и все бы прекатели пропали на боях».

Мазепа стал хлопотать в Москве, чтоб позволено было начать наступательную войну против турок. Сильно обеспокоило гетмана известие, что козачество обратило свое внимание на Палея. Петрик хотел сыграть роль Богдана Хмельницкого, много наобещал и ничего не сделал; но перед козаками был знаменитый полевой воин, который ничего не обещал, но много делал, воюя постоянно и успешно с татарами; Палей многим из козаков представлялся желанным вождем для всякого козачества, храбрым и счастливым. Когда Палей шел под турецкие городки, в Запорожье говорили: «Дадим Палею гетманство, вручим ему все клейноты; Палей пойдет уже не Петриковою дорогою, знает он, как украинских панов прибрать к рукам».

Скоро представился случай втянуть Палея в дальнее и опасное предприятие, и Мазепе очень хотелось им воспользоваться. Господарь молдавский, враждуя с господарем волошским, прислал к Мазепе с просьбою помочь ему схватить своего врага, а если гетман не согласится употребить для этого своих козаков, то нельзя ли поручить это дело Палею. Мазепа немедленно написал Льву Кирилловичу Нарышкину: «Палей гнушается поляками, а великие государи наши не принимают его по причине договоров с Польшею, один перейти к нам с семейством он не хочет, сластолюбствуя совершенною в Хвастове над многими людьми властию. Так было бы хорошо затянуть его в такое дело, в котором бы он не повредил своего христианского правоверия, ибо так как он пересылается с начальниками белогородской орды, то надобно опасаться, чтоб бусурманы не прельстили его; если же он предпримет военное дело, потребное христианству, то уже никакая вражья прелесть не будет иметь над ним силы». Но великие государи отвечали, что этот промысел должно оставить, потому что, по вестям, в Валахию должны войти большие турецкие силы, и Палею может быть беда.

В конце июня голутьба на Запорожье взяла верх, и возобновлено было перемирие с ханом; кошевой Гусак, не хотевший мира с бусурманами, сдал атаманство, и на его место был выбран Рубан. В Москве для успокоения запорожцев написали грамоту, в которой говорилось, что нынешнего лета воинского похода под турецкие городки не будет и чтоб запорожцы не обвиняли в этом гетмана. С этою грамотою Мазепа отправил в Запорожье козака Кныша.

Когда грамоту прочли в Сечи на раде, то поднялся крик: «Ясно, что поход отложен по гетманскому желанию, гетман же исходатайствовал и у великих государей грамоту, чтоб мы на него не жаловались! Когда мы узнали, что похода под городки не будет, то заключили с ними перемирие, а гетман, узнавши об этом, послал старого нашего кошевого Федка под Очаков; Федка похватал турок и татар, ходивших за солью, и многих побил, а татары побрали за это наших запорожцев невинных на соляной добыче пятьдесят человек. Гетман должен нам выдать всех пленных, взятых Федкою, и его самого, а если этого не сделает, то пусть ждет нас с ордами к себе на зиму в гости, увидит, что ему, его панам-арендарям и дозорцам будет. Бывший гетман Иван Самойлович такого подкопа над нами не делал; однажды попробовал сделать такой же подкоп, но когда Серко ему написал, что готовится на него сто тысяч сабель, то испугался и прислал тотчас к нам вина, ветчины и всякого запасу. А этот гетман называет нас пастухами, дозорца его Рутковский ватаг с

запасами на Запорожье не пропускает; только мы Рутковского скоро возьмем в руки, чтоб нам больше пакости не делал. Пока Мазепа будет гетманом, нам от него нечего добра чаять, потому что он всякого добра желает Москве и к Москве смотрит, а нам никакого добра не желает; только тот гетман будет нам на руку, которого мы поставим в Черной Раде».

Писарь запорожский говорил тайно Кнышу: «Как хан возвратится из войны венгерской, то запорожцы хотят тотчас утвердить с ним мир и идти войною на великороссийские города, а в Малой России воевать им не для чего, потому что она сама в себе кого надобно повоюет: винокурники, пастухи, овчары и голутьба всех своих начальников и панов побьют. Хотят запорожцы идти на великороссийские города за то, что им присылается из Москвы жалованье не такое, как донским козакам. Запорожцы сердятся и за то, что на Самаре построены города и осажены людьми, что лес их стародавный вырублен, в Орле сидит воевода с воинскими людьми, тогда как в статьях Хмельницкого написано, что московским ратным людям быть на Украйне только в трех городах. И то запорожцам в тягость, что гетманов, старшину и полковников без их ведома берут в Москву и в Сибирь ссылают».

От Палея приходили также неприятные вести. Посылал он своего козака к королю и к коронному гетману с татарскими языками. Коронный гетман призвал к себе козака ночью и говорил ему: «Зачем Семен Палей мне не доверяет, я никого еще своим гетманским словом не обманул. Лучше бы Палею было, когда бы он моих указов слушал и ходил туда, куда я велю, чем самовольно ходить по татарским саклям, из чего ему нет никакой выгоды. Оттого, что он не слушает моих указов, и вам деньги из королевской казны не даются. А если Палей в другую сторону оборачивает свою службу, то там пуще пропадет, вешаясь на двух голях. Пусть он знает, что если захочу, то сейчас же мне его выдадут: пишут ко мне полковники заднепровские, что все они его ненавидят и щадить не будут. Если бы вы, добрые молодцы, блюдя свою верность королевскому величеству, другого себе полковника выбрали, то очень бы хорошо сделали, потому что у вас, козаков, не новость старших переменять; а если б так сделалось, то сейчас бы вам дана была из казны королевской достаточная плата».

Батуринская крепость на реке Сейм. В 1669–1708 годах здесь находилась резиденция украинских гетманов Демьяна Многогрешного, Ивана Самойловича и Ивана Мазепы

В Москве сочли нужным отправить на Запорожье сто половинок сукна в прибавку. Когда сукно привезли в Батурин и стали осматривать, то нашли, что три половинки испачканы дегтем. Мазепу это обстоятельство очень опечалило; но делать было нечего, послал сукно со своим козаком Сидором Горбаченком. Не доезжая четыре мили до Сечи, Горбаченко послал сказать о своем приезде кошевому. Тот назначил раду и во всех куренях велел запечатать вино, чтоб пьяных не было. Когда Горбаченко приехал, атаман велел идти ему в раду, собранную по обычаю подле церкви. Горбаченко вошел в раду, помолился на церковь, поклонился до земли на четыре стороны и подал кошевому лист гетманский. Писарь громко прочел лист, и все начали кланяться, благодарить великих государей за жалованье. Стали смотреть сукна, хвалили, говорили, что прежде к ним таких сукон не присылали; запачканных сукон не успели осмотреть, потому что писарь и судья, заметивши их, спрятали и сказали, чтоб все расходились по куреням, а сукна они и без них примут. Двадцать седьмого декабря ночью прискакал в Малороссийский приказ капитан Ярышкин с важными делами. Мазепа наказал ему объявить Льву Кирилловичу Нарышкину и думному дьяку Украинцеву следующее:

«Если укажут великие государи принять Семена Палея, то изволили бы прислать к нему о том указ вскоре. По принятии

Палея надобно прислать новые войска на Украйну для защиты Палея и Украйны от поляков, которые Палеев прием даром не оставят. Палей пишет и приказывает гетману словесно, что если ему обороны и помощи от гетмана не будет, то он обратится в другую сторону, куда его давно зовут, потому что поляки совершенно ему не доброхотствуют и ищут способа, как бы его схватить и казнить; если же такого удобного случая не найдут, то хотят убить его тайно чрез злохитрых людей. Если Палей пристанет к бусурманской стороне, то вся Украйна разорится, потому что козаки пойдут все к Палею, и помешать тому никак будет нельзя, потому что Палей – человек военный, имеет в воинских делах счастие, за что козаки его очень любят, и такого другого человека на Украйне нет: и теперь, хотя под жестоким страхом было заказано, однако пошло к нему из киевского полка много козаков».

В письме своем к Мазепе Палей уведомлял, что коронный гетман разослал универсалы к козакам и мещанам с увещаниями отстать от Палея. Вслед за тем польские хоругви и козацкие толпы напали врасплох на сотни Палеева полка, убили много народа; Палей писал, что должен будет драться, и просил у Мазепы наставления, совета и войска. Не дожидаясь совета и наставления, Палей двадцать девятого декабря послал новое письмо к Мазепе: «Прошу об ответе немедленном: если мне нет надежды на милостивую помощь войском, то позволь мне с моими людьми выйти из Хвастова и поселиться в Треполье или Василькове, потому что насилия мучительского от поляков невозможно выдержать; кругом все их крепости, под боком Белая Церковь, от которой не раз была уже пагуба Хвастову. Тысячекратно упадая к ногам регментарским, прошу плачевно: дай ведать – будет ли помощь, или мне от тех врагов сбрести?»

Из Москвы прежний ответ: нельзя принять Палея прямо и поселить в Треполье: это будет явное нарушение договора; пусть идет и с полчанами своими сначала в Запорожье и оттуда переходит в города царского величества. Но Мазепа не переставал петь старую песню, что надобно принять Палея, и прямо высказал, что в противном случае он боится встретить в Палее опасного соперника, другого гетмана Хмельницкого.

Памятник украинскому гетману Мазепе, установленный в Полтаве

«Теперь, – писал Мазепа в Москву, – Палею уже нельзя прекратить ссор с поляками, потому что с обеих сторон побито человек с двести. Палей хочет оставить Хвастов и поселиться в Умани; чтоб он, поселясь там, не призвал к себе татар на помощь против поляков; призовет татар, станет воевать и разорять поляков – опасно, чтоб и этой стороны не разорил, потому что захочет писаться гетманом и с этой стороны козаков переманивать; чтоб не был он другой Хмельницкий, надобно заблаговременно размыслить, как с ним поступить? Лучше малую искру загасить, чем большой огонь тушить, особенно для того, чтоб не произвел он в Малой России мятежа и перезовом жителей опустошения; удержать же их будет тогда невозможно, потому что малороссийские жители имеют на той стороне пасеки и всякие угодья».

Палей отразил поляков; но, видя, что цари не согласны его принять, как бы ему хотелось, написал коронному гетману Яблоновскому, что готов смириться пред королем. Яблоновский отвечал ему: «Рассуди, ваша милость, накрепко, не всякая ли из нижеписанных статей влечет за собою суд, казнь и меч? Ты указов моих не слушал в самых важных военных обстоятельствах; в отчинных имениях разных лиц своевольно раздавал становища людям непослушным полка своего; шляхту, их подстарост, товарищество и разных людей многих бил, убивал, мучил, доходы шляхетские побрал, людей из деревень силою сгонял; край целый польский себе в послушание отобрал; меды мои своевольно брал; в имениях моих людей расставлял; письма, ко мне посланные, самые нужные, с разными ведомостями и остерегательствами, по дорогам перехватывал; людей, ко мне идущих за письмами, к себе поворачивал и свои письма им давал; и кто перечтет все твои насилия, преступления, убийства, дела бессудные, непослушания, слова злые? Все это понудило королевское величество и меня отправить войско в Полесье, чтоб заставить тебя одуматься; но ваша милость, прибавляя зло к злу, посланного к тебе Драгомира, вопреки обычаю самых невежливейших народов, велел бить на убой и в колодку посадить; кроме того, козаков Искрицкого и Ярему велел бить и грабить и перед собою, как невольников, гнать. А я всегда посланных вашей милости чествовал, всегда они были у меня свободны, ни в чем не нуждались, уходили одарены и накормлены. Теперь, ваша милость, смиряешься, добиваешь челом, милосердия желаешь, исправление обещаешь и в то же время ротмистра Бландовского, шедшего по моему указу в Белую Церковь, схватил и ограбил! Как же после этого тебе верить? Несмотря на то, я и теперь у королевского величества

ходатайствую о милосердии, и сам готов все вины вашей милости простить, только бы ты сдержал свои обещания; а на свидетельство своего исправления выпусти Бландовского и людей его, за что и мы освободим пленных козаков полка твоего; пасынков своих и дочь пришли в аманаты; принеси присягу королю и республике, и тогда будешь оставлен в совершенном покое; в противном случае велю кончить начатое с тобою дело, кончить мечом и огнем. Если же примешься за верность и послушание – не опасайся ничего, на мою веру и совесть полагайся и приезжай сам за королевским жалованным листом, приезжай поклониться королевскому величеству и добить челом, не бойся: цел будешь и безопасен».

Получив это послание, Палей поехал не к королю, а в Батурин к Мазепе со старым вопросом: «Можно перейти в Треполье?» – «Нельзя», – отвечал гетман. Тогда Палей начал говорить: «На Запорожье идти мне не хочется; хотя войско и два раза меня туда звало и предлагало кошевое атаманство и даже высший чин, однако я, привыкши к городовому житью, в Сечь идти не желаю; потому что, пришедши туда, в Низовое Войско, должен буду делать то, чего войско захочет. Лучше мне еще в Хвастове до времени держаться, нежели вдруг неведомо куда оттуда уходить. Знаю, что польские войска всеми своими силами наступать на меня не будут, потому что им и без меня есть что делать при бесконечной войне с турками и татарами, а от малых войск всегда оборонюсь. Кроме того, покажу кротость перед польскою стороною, ротмистра Бландовского и всех пленных поляков отпущу на волю; своих в аманаты не дам, но присягу принесу, что на самого короля (а не на тех, которые будут на меня наступать) не подниму руки; часть своей пехоты на службу королевскую послать не откажусь, потому что эта пехота от меня не отстанет, но, одевшись у них, возвратится назад. Таким образом, могу еще несколько времени подержаться в Хвастове. Жаль мне сильно расстаться с этим местом, не только потому, что там много домостройства моего, пространное поле хлебом насеяно, но и потому, что я взял это место пустое и населил не польскими подданными, но от реки Днестра частию из Войска Запорожского, частию из волохов; церкви божии украшенные устроил, чего непригоже покинуть».

Дом гетмана. Батуринская крепость

Мы видели, что для отстранения причин к неудовольствию, возбуждаемому постоянно из Запорожья, уничтожен был винный откуп, или аренда, но уничтожен на время, чтоб попробовать, можно ли без него обойтись. Опыт оказался неудачен: гетман отовсюду начал получать донесения, что при сборе денег с торгов и шинков великие споры и вздоры чинятся и в деньгах против прежней аренды оказался большой недобор. Во время Рождественского съезда старшин и полковников в Батурин гетман объявил им, что опыт не удался, и как быть? Старшина и полковники отвечали, чтоб гетман бил челом великим государям о присылке денег на жалованье охотницкому войску и на другие войсковые расходы, потому что и прежде, по челобитью гетмана Самойловича, царь Федор Алексеевич прислал десять тысяч золотых червонных. Мазепа написал об этом боярину Льву Кирилловичу Нарышкину и думному дьяку Украинцеву.

Письменного ответа он не получил, только словесно наказано посланнику: «Прежде по многой докуке гетмана Самойлова посланы были деньги 30 000 золотыми червонными из имения боярина Матвеева; а теперь бить об этом челом гетман не должен, потому что теперь такой нужды, какая была во время чигиринских походов, нет, особенно же потому, что всякие доходы в Малороссии за гетманом, старшиною и полковниками, и бить еще челом о деньгах стыдно».

Когда старшина и полковники съехались в Батурин после Светлого воскресенья 1694 года, Мазепа объявил им ответ из Москвы. Старшина и полковники сказали, что когда так, то надобно опять ввести аренду, аренда выгоднее, а поборы черному

народу тягостнее, потому что поборы берут и с того человека, который одним хлебом, без промыслов довольствуется, отчего бедный человек до конца разоряется. Гетман возразил, что пойдут опять крики из Запорожья; ему отвечали на это, что запорожцам от аренды никакой тягости нет, тягостнее народу их запорожская аренда, которая в Сечи заведена: из всякой куфы вина берут на старшину и на куренных атаманов третью долю, остальное же вино велят продавать по той цене, какую они же наложат, а не вольною ценою. Тогда гетман сказал полковникам и знатным товарищам, чтобы они, возвратясь домой, велели везде, в городах и селах, собирать людей и советоваться с ними, поборам ли быть или аренде? Так и было сделано во всех городах, городках и селах, и повсюду единогласно приговорили – быть аренде. Гетман, получивши донесения об этом, отправил их в Москву с просьбою о милостивом повелительном указе.

Окончание Двоевластия. Царствование Петра I Алексеевича

Окончание потех. – Замыслы Петра относительно морских предприятий. – Роль Лефорта. – Греческое духовенство просит о деятельном продолжении войны с турками. – Первый азовский поход. – Воронежский флот. – Кончина царя Иоанна Алексеевича. – Второй поход и взятие Азова. – Впечатление, произведенное этим событием в Москве и Польше. – Торжественный вход победителей в Москву. – Строение кораблей кумпанствами. – Посылка молодых людей учиться за границу. – Намерение Петра ехать самому за границу. – Неудовольствия. – Розыск монаха Аврамия. – Розыск Цыклера и Соковнина. – Отъезд Петра за границу. – Неудовольствие в Риге. – Пребывание в Пруссии. – Дела польские. – Свидание Петра с двумя курфюрстинами; их отзыв о нем. – Петр в Голландии, в Англии, в Вене. – Стрелецкий бунт. – Возвращение Петра в Москву. – Брадобритие. Стрелецкий розыск и казни. – Пострижение царевен и царицы Евдокии. – Раздражение Петра. – Любимец Меншиков. – Поездка Петра в Воронеж. – Новые розыски и казни по возвращении в Москву. – Разбои. – Злоупотребления воевод. – Учреждение бурмистров. – Алексей Курбатов. – Гербовая бумага. – Указ о торговле компаниями. – Меры для улучшения положения Сибири. – Дела на украйнах. – Дело Петра Артемьева.

И Белое море, как видно, показалось узко, печально и бесцельно для Петра. Он мужал, и одна потеха уже не удовлетворяла. Была мечта отыскать проход к Китаю или Индии чрез Северный океан; но недостаток средств и времени должен был скоро рассеять юношескую мечту. Сильно прельщало Балтийское море, хотелось пробраться туда, но как? Ключ к морю был у шведов. Оставалось Каспийское море, на которое уже давно указывали иностранцы, требуя свободного проезда на него для торговли с богатою Азиею: разве не может Россия сама овладеть этим средством обогащения, заведши флот на Каспии, овладевши торговлею с прибрежными странами? Еще при царе Алексее строили корабль для Каспийского моря. Корабль был сожжен Разиным; но когда будет сильный флот на Каспийском море, то Разин будет невозможен.

Четвертого июля 1694 года Лефорт писал из Архангельска в Женеву: «Через два года поговаривают о путешествии в Казань и Астрахань; но, быть может, в два года времени это пройдет. Впрочем, я буду всегда готов исполнять приказания. Есть

намерение выстроить несколько галиотов и идти к Балтийскому морю… Меня возводят в адмиралы всех судов его величества; этого непременно желает сам наш великий царь Петр Алексеевич». Тринадцатого сентября Лефорт писал: «Будущим летом выстроят пять больших кораблей и две галеры, которые, ежели даст Бог, через два года отправятся в Астрахань для заключения важных договоров с Персией».

Годфрид Схалкен. Портрет царя Петра Алексеевича. 1703–

1706 гг.

В два года многое может измениться, думал Лефорт. Действительно, многое изменилось, и на Лефорта указывают как на виновника этих изменений; на него указывают как на человека, уговорившего Петра предпринять поход под Азов. Потехам пора была кончиться. В народе шел ропот: царь связался с немцами, и какое же из этого добро? Одни потехи, от которых понапрасну гибнут и страдают люди. Для собственной выгоды Лефорт должен был настаивать на прекращении потех и на каком-нибудь важном предприятии, которое могло бы выставить в выгодном свете царя и компанию, иначе рождались очень неприятные сравнения с свергнутым правительством: если при Софье походы в Крым были неудачны, то все же русские рати искали врагов в их жилищах, а теперь татары приходят на Украйну. Союзники упрекают в бездействии, гетман Мазепа пишет, что необходимо начать наступательное движение; этого желает народ, это особенно нужно, чтоб дать упражнение беспокойным силам, собранным на Запорожье. Лефорт хотел, чтоб Петр предпринял путешествие за границу, в Западную Европу; но как показаться в Европе, не сделавши ничего, не принявши деятельного участия в священной войне против турок. Не забудем, что тотчас по взятии Азова предпринимается путешествие за границу: эти два события состоят в тесной связи. Были увещания к деятельному продолжению войны и с той стороны, с которой, по прежнему опыту, трудно было ожидать их. В сентябре 1691 года была получена грамота от иерусалимского патриарха Досифея от 18 марта.

«Пришел в Адрианополь посол французский, – извещал патриарх, – принес от короля своего грамоту насчет св. мест, случился тогда там и хан крымский; подарили французы визирю 70 000 золотых червонных, а хану 10 000 и настаивали, что турки должны отдать св. места французам, потому что москали приходили воевать Крым; хан толковал о том же. Взяли у нас св. гроб и отдали служить в нем французам, дали нам только 24 лампады, взяли у нас французы половину Голгофы, всю церковь Вифлеемскую, св. пещеру, разорили все деисусы, раскопали всю трапезу, где раздаем св. свет, и хуже наделали в Иерусалиме, чем персы и арабы, и какие беды старцам нашим тамошним причинили – кто может рассказать? Кстати, были и синайские старцы и просили у визиря некоторого повышения чести, заступились за них французы, чтоб нас одолеть, однако визирь не послушался; только упрямится, св. мест нам не отдает, народ турецкий кричит, что москали были смирны, а теперь из-за

Иерусалима войну начнут, но визирь это ни во что ставит. Теперь просят французы вновь указу, чтоб обновить им в Иерусалиме своды церковные и таким образом явиться старыми владетелями. Если вы, божественные самодержцы, оставите святую церковь, то какая вам похвала будет? Если вы отправите сюда посла, то прежде всего он должен стараться о нашем деле, о возвращении нам св. мест, и без этого не должен заключать мира; ибо если вы заключите мир без этого, то лучше уже ничего не предлагайте о Иерусалиме, ибо иначе турки поймут, что у вас нет о нем попечения, и тогда французы завладеют св. местами навеки, и нам вперед нельзя будет подавать на них челобитья. Так, если хотите предлагать об Иерусалиме, то в случае отказа уже не заключайте мира, а начинайте войну. Теперь время очень удобное; возьмите прежде Украйну, потом требуйте Молдавии и Валахии, также Иерусалим возьмите и тогда заключайте мир. Нам лучше жить с турками, чем с французами, но вам не полезно, если турки останутся жить на севере от Дуная, или в Подолии, или на Украйне, или если Иерусалим оставите в их руках: худой это будет мир! потому что ни одному государству турки так не враждебны, как вам. Тому 18 лет, как я писал письмецо из Адрианополя блаженной памяти отцу вашему государю царю кир Алексею Михайловичу и советовал: покиньте поляков и усмирите прежде турок, потому что непременно хотят прийти к Днепру; он не послушал, не поверил, а потом случилось все так, как мы писали. И теперь советую, если хотите мириться, так миритесь, чтоб Украйна была освобождена, Иерусалим был отдан и турки отступили за Дунай, а не так, лучше воюйте вместе с соседями, гоните и смиряйте нечестивых, а о поляках нечего заботиться: когда захотите смирить их, тогда и смирите. Нынешний визирь – человек достойный, взял Нису и Белград, а причиною вы, потому что татары были с ним вместе, а если бы татары были вами сдержаны, то турки ничего бы не сделали. Однако они никакой благодарности вам не воздают, потому что, думать надобно, доброта ваша от неразумия. Теперь визирь вместе с ханом хочет вас обмануть; победит немцев, а потом и за людей вас не станет почитать, потому что очень он глубок и лукав. Победивши немцев, станут воевать с великим гневом по многим причинам. Поэтому опять пишу: если не будет освобождена Украйна и Иерусалим и если турки не будут изгнаны из Подолии, не заключайте мира с ними, но стойте крепко. Будете заключать мир и станете вначале требовать Иерусалима, и если они его вам не отдадут, то не заключайте мира, турки убьют визиря за напрасную войну. Если будут отдавать вам весь Иерусалим, а Украйны не поступятся и из Подолии не выйдут – не заключайте

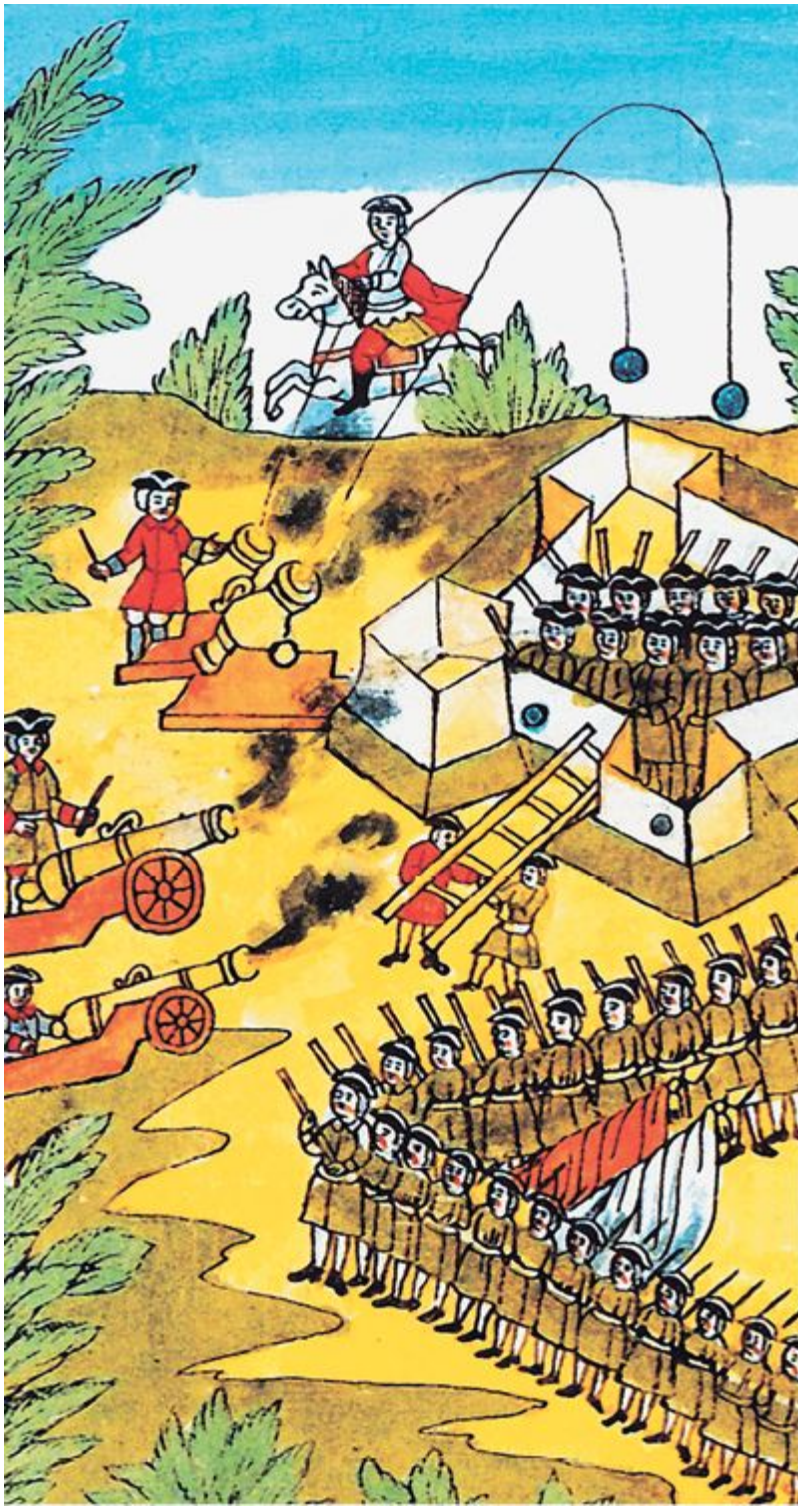
мира, потому что если засядут они в Подолии, то сыщут удобное время и не будут молчать. Помогайте полякам и иным, пока здешние погибнут. Если татары погибнут, то и турки с ними, и дойдет ваша власть до Дуная, а если татары останутся целы, то они вас обманут. Вперед такого времени не сыщете, как теперь. Мы желали взять Иерусалим от французов чрез вас, и не для Иерусалима только; мы хотим, чтоб вы не позволяли туркам жить по сю сторону Дуная и за Дунаем, чтоб вы разорили татар, тогда и Иерусалим будет ваш. Александр Великий не ради Бога, но ради единоплеменных своих на персов великою войною ходил; а вы ради святых мест и единого православия для чего не бодрствуете, не трудитесь, не отгоняете от себя злых соседей? Вы упросили у бога, чтоб у турок была война с немцами; теперь такое благополучное время, и вы не радеете! В досаду вам турки отдали Иерусалим французам и вас ни во что ставят; смотрите, как смеются над вами: ко всем государям послали грамоты, что воцарился новый султан, а к вам не пишут ничего. Татары – горсть людей, и хвалятся, что берут у вас дань, а так как татары – подданные турецкие, то выходит, что и вы турецкие подданные. Много раз вы хвалились, что хотите сделать и то и другое, и все оканчивалось одними словами, а дела не явилось никакого».

Дэвид Робертс. Храм Гроба Господня

Патриарх счел нужное приписать: «Чтоб греки, живущие в Москве, ничего не знали о моем письме, кроме Николая Спафари».

Второго сентября 1691 года Досифей писал другую грамоту к

царям, которая дошла в Москву не ранее начала 1693 года. Патриарх был сильно озабочен тем, что французы добыли себе позволение возобновить свод церковный в Иерусалиме, и просил царей начать мирные переговоры с турками, причем требовать, чтоб св. места отданы были грекам по-прежнему, ибо англичане и голландцы хлопочут о мире между Австриею и Турциею, и австрийцы по наущению папы могут внести в договор, чтоб св. места остались за католиками. «Мы надеемся, – писал Досифей, – что турки исполнят вашу просьбу, потому что вы ничего нового не будете просить; не просите, чтоб вам самим владеть святыми местами, но только чтоб они были под властию греков, как прежде; так как греки – турецкие подданные, то султану от этого никакого бесчестья не будет».



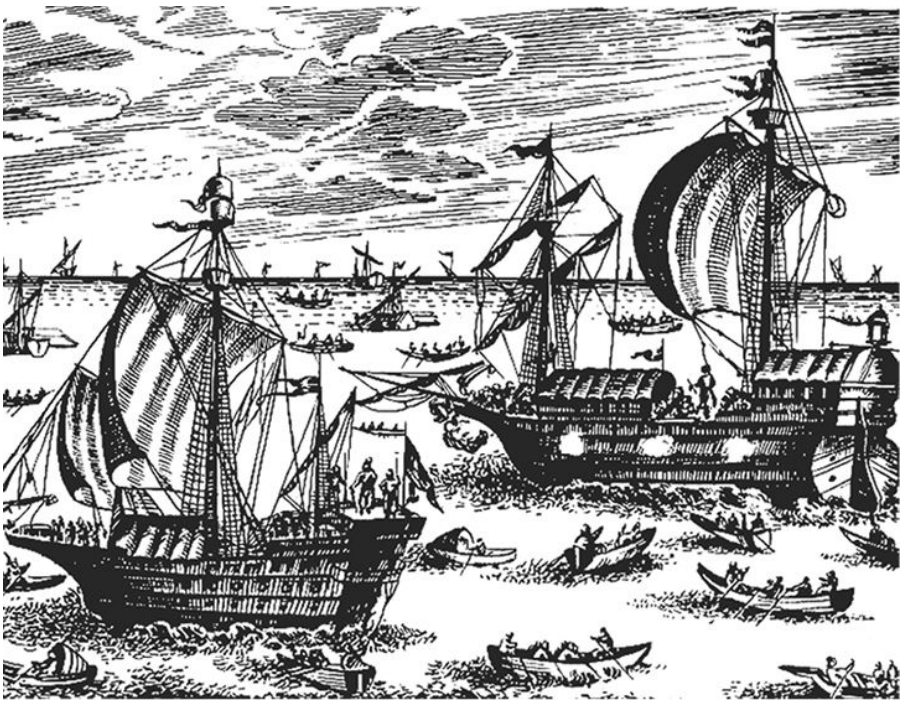
Учения потешных полков Петра Первого. Миниатюра первой половины XVIII века

Кожуховский поход был последнею потехою. «Как осенью, – писал Петр, – трудились мы под Кожуховым в марсовой потехе, ничего более, кроме игры, на уме не было; однако ж эта игра стала предвестником настоящего дела». Опыт Голицына показывал, что степные походы не могут обещать успеха, и потому решено было направить поход на Азов, путь к которому облегчался Доном и близкими к городу поселениями донских козаков. Взятие важной турецкой крепости могло произвести сильнейшее впечатление в Европе, чем война с татарами. *Шкипера* должна была прельщать мысль, что Азов был ключ к Азовскому морю. Хотели оплошить турок, напасть нечаянно на Азов, и в начале 1695 года объявлен был поход – только на Крым. И действительно, огромное войско, старая дворянская конница, под начальством боярина Бориса Петровича Шереметева отправилось к низовьям Днепра, взявши с собою и малороссийских козаков; но войско нового строя, полки: Преображенский, Семеновский, Бутырский и Лефортов, вместе с московскими стрельцами, городовыми солдатами и царедворцами всего 31 000, выступило под Азов под начальством трех генералов – Автамона Головина, Лефорта и Гордона; бомбардирскую роту вел *бомбардир Петр Алексеев*. В апреле месяце передовой Гордонов отряд собрался в Тамбове и отправился сухим путем через Черкасск к Азову. Войска Головина и Лефорта сели на суда в Москве и поплыли Москвою-рекою, Окою и Волгою. «Шутили под Кожуховым, а теперь под Азов играть идем», – писал бомбардир в Архангельск к Апраксину; дьякон Петр приписывал: «Про твое здоровье пьем водку и ренское, а паче пиво».

Поход был не без препятствий. Бомбардир из Нижнего писал к своему потешному генералиссимусу и королю Ромодановскому: «Min Her Kenich! Письмо вашего превосходительства, государя моего милостивого, в стольном граде Прешбурге писанное, мне отдано, за которую вашу государскую милость должны до последней капли крови своей пролить, для чего и ныне посланы, и чаем за ваши многие и теплые к Богу молитвы, вашим посланием, а нашими трудами и кровьми оное совершить. А о здешнем возвещаю, что холопи ваши, генералы Автамон Михайлович и Франц Яковлевич, со всеми войски дал Бог здорово, и намерены завтрашнего дня иттить в путь, а мешкали для того, что иные суды в три дня насилу пришли, и из тех многие, небрежением глупых кормщиков, также и суды, которые делали гости, гораздо худы, иные насилу пришли». К Виниусу Bombardir Piter писал: «Min Her! Ветры нас крепко держали в

Дединове два дни, да в Муроме три дни; а больше всех задержка была от глупых кормщиков и работников, которые именем словут мастера, а дело от них, что земля от неба».

Войско плыло Волгою до Царицына; отсюда до козачьего городка Паншина на Дону шло сухим путем с большою нуждою, потому что ратные люди, и без того уставшие от гребли, должны были теперь тащить на себе орудия и пушечные припасы, по недостатку лошадей. В Паншине новая беда: подрядчики не поставили нужное количество съестных припасов. Из Паншина войско поплыло Доном, отдохнуло три дня в Черкасске и 29 июня приблизилось к Азову, под которым уже стоял Гордон. «Min Her, – писал Петр Виниусу, – в день святых апостолов Петра и Павла пришли на реку Койсу, верст за десять от Азова, и на молитвах святой апостол, яко на камени утвердясь, несомненно веруем, яко сыны адские не одолеют нас». Между тем в Москве сильно беспокоились насчет судьбы царя и войска, и начинали ходить разные зловещие слухи; поэтому приведенное письмо к Виниусу произвело большую радость; Виниус отвечал: «Та почта такую всем радость принесла, что мнозии и в церквах Божиих и в домах своих того ж часа молебствовали, прияв сию радостную почту, яже яко солнце тму многие лжи разогнала и повсюду, *даже и в стрелецких слободах*, великую радость принесла».



Отправление русского флота в Азов. 1696 г.

Восьмого июля начали действовать русские батареи. На одной батарее бомбардир Петр Алексеев сам начинял гранаты и бомбы и сам стрелял в продолжение двух недель и потом записал о своей службе: «Зачал служить с первого азовского походу бомбардиром».

Турки еще шестого числа получили подкрепление морем, а к русским водою нельзя было доставлять съестных припасов: препятствовали две турецкие каланчи, построенные по обоим берегам Дона, между каланчами протянуты были железные цепи и набиты сваи. Кликнули клич по охотникам из донских козаков – кто пойдет на каланчу? Каждому обещано по десять рублей. Козаки взяли одну каланчу. Осажденным представился случай отмстить: к ним перебежал вступивший в русскую службу и перекрестившийся голландский матрос Яков Янсен и указал слабое место в русском стане, рассказал, что русские спят в полдень, во время самого сильного зноя. Турки вышли в это время из Азова, пустивши перед собою одного из кубанских или аграханских раскольников, который, окликнутый часовыми, сказался по-русски козаком и, высмотревши, что русские беспечно отдыхают, дал знак туркам. Те стремительно ворвались в лагерь, побили сонных, и хотя были выгнаны с большим уроном, однако успели увезти 9 полевых орудий и перепортить все осадные. Зато ночью турки, сидевшие в другой каланче, ушли из нее, покинув свои пушки, и утром козаки заняли каланчу.

Это произвело большую радость в русском войске, Петр писал: «Теперь зело свободны стали, и разъезд со всякими живностями в обозы наши, и будары с запасами воинскими съестными с реки Койсы сюда пришли, которые преж сего в обоз зело с великою провожены были трудностию от татар сухим путем. И, слава Богу, по взятии оных, яко врата к Азову счастия отворились».

Надежды эти, однако, не исполнились; Петр увидал, что под Азовом нельзя «играть». «Пешие наклонясь ходим, – писал он Кревету, – потому что подошли к гнезду близко и шершней раздразнили, которые за досаду свою крепко кусаются, однако и гнездо их помаленьку сыплется». Труды понадобились сильные, чтоб рассыпать гнездо, а уменья и единства было мало.

В Москве стали беспокоиться, что письма из-под Азова начали запаздывать; Петр должен был ободрять. «Писать изволишь, – отвечал он Ромодановскому, – что почты урочным днем не бывали и тому учинися препоною недосужество, потому что многие знатные в воинских трудах люди за оными писем своих писать не успели; также и отец ваш государев и богомолец (Зотов) был в непрестанных же трудах письменных

расспрашиванием многих языков и иными делами. А здесь, государь, милостию Божию и вашими государскими молитвами и счастием все, дал Бог, здорово. – Для Бога, не сомневайтеся о почтах, что замешкиваются; истинно за недосужеством, а не для того, храни Боже! чтоб за какою бедою. И сам можешь рассудить, что если б что учинилось, как бы то утаить возможно? И сие выразумев, донести кому пристойно». К Виниусу Петр писал: «В Марсовом ярме непрестанно труждаемся. Здесь, слава Богу! Всё здорово и в городе Марсовым плугом всё испахано и насеяно, и не токмо в городе, но и во рву. И ныне ожидаем доброго рождения, в чем, Господи, помози нам, в славу имени Своего Святого».

Но в этот год ничего не взошло из посеянного. Два штурма не удались. 27 сентября решено отступить от Азова, занявши только каланчи. С большим успехом действовало войско, посланное на маленькие турецкие городки в низовьях Днепра: Шереметев и Мазепа взяли приступом два из них – КазиКермень и Таган, два другие были оставлены турками.

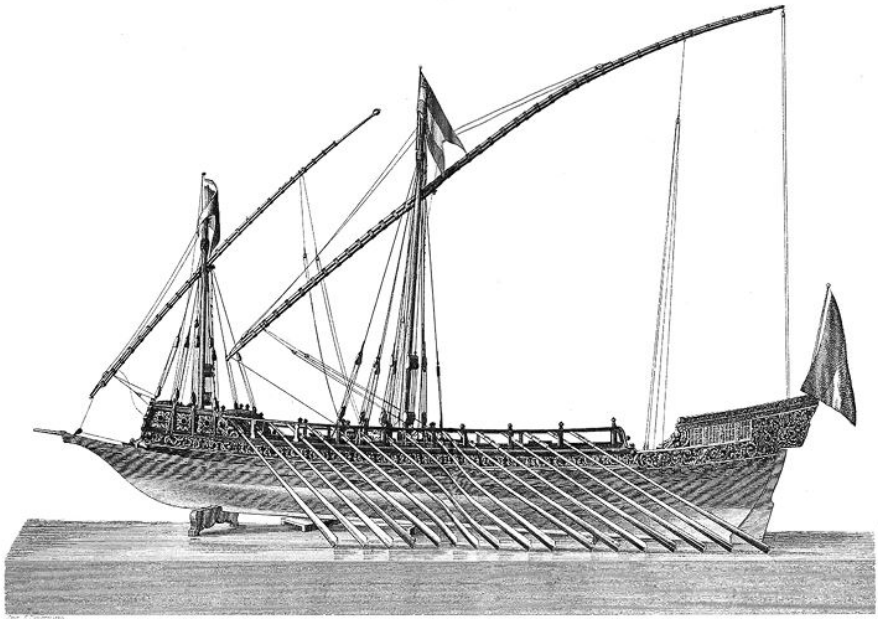
Двадцать второго ноября царь вступил с торжеством в Москву; но неудачу было трудно скрыть: тяжкий и дальний поход с самим царем, большие потери не окупались взятием двух каланчей, которые не могли получить большей важности от того, что их окрестили громким именем Новосергиевского города, по примеру царя Алексея Михайловича, который взятые в Ливонии города называл по именам русских святых. Неудача страшная: первое дело молодого царя не было благословенно успехом! Это, видно, не кораблики строить, не под Кожуховым потешаться, не с немцами пировать! Но тут-то благодаря этой неудаче и произошло явление великого человека: Петр не упал духом, но вдруг вырос от беды и обнаружил изумительную деятельность, чтоб загладить неудачу, упрочить успех второго похода. С неудачи азовской начинается царствование Петра Великого.

На молодого царя роптали за то, что он сблизился с иностранцами; многим после неудачи азовской должны были приходить на память слова покойного патриарха Иоакима, что не может быть успеха, божьего благословения, если русскими полками будут предводительствовать иностранцы-еретики. Что же царь? Тотчас по возвращении из похода хлопочет, чтоб прислано было ему еще больше иностранцев, посылает в Австрию и Пруссию за инженерами и подкопными мастерами. До сих пор царь строил кораблики с иностранными мастерами для своей потехи; теперь вызывает еще из-за границы новых мастеров, вызывает из Архангельска иностранных корабельных плотников, хочет строить суда, которые должны плыть к Азову и запереть его

от турецких судов, чтоб они не могли доставить осажденным помощи. Корабли должны быть готовы к весне будущего 1696 года; возможно ли это! Мы знаем, как медленно строился корабль при царе Алексее Михайловиче, но сын царя Алексея сам корабельный плотник, при нем дело пойдет иначе.

Галера, которую строили в Голландии, предназначая ее для Волги и Каспийского моря, привезена была в Москву, в Преображенское, на лесопильную мельницу; здесь по ее образцу начали строить суда, и к концу февраля 1696 года срублены были из сырого, мерзлого леса части 22 галер и 4 брандеров; работали преображенские и семеновские солдаты, работали плотники, взятые из разных мест, как обыкновенно в старину сгоняли рабочих в Москву к государеву делу, работали иностранцы. В лесных местах, ближайших к Дону, в Воронеже, Козлове, Добром и Сокольске, 26 000 работников должны были к весне срубить 1300 стругов, 300 лодок, 100 плотов. Адмиралом зачинавшегося флота был назначен Лефорт. Шкипер и бомбардир Петр Алексеев носил теперь звание капитана. Двадцать седьмого ноября был сказан поход и сухопутному войску, главным начальником которого был назначен боярин Алексей Семенович Шеин.

Среди этой небывалой деятельности, поднятой вторым царем, умер первый, Иван Алексеевич, умер незаметно, как жил, 29 января 1696 года. Первым делом единовластителя Петра было ехать в Воронеж, несмотря на больную ногу: надобно было к вскрытию рек перевести галеры в Воронеж, собрать их и пустить на воду. Шкипер, бомбардир и капитан должен был сам быть на месте, чтоб дело шло быстро и порядочно. А препятствий много к быстроте и порядку. У главного заводчика дела больная нога, препятствующая скорому переезду из Москвы в Воронеж. Адмирал Лефорт болен, остался в Москве, не может ехать в Воронеж. Тысячи работников не являются к работе, на указные места, тысячи бегут с работы: солдаты, отправленные в Воронеж для флота, так дуруют дорогою, что Лефорт должен писать об этом из Москвы в Воронеж к государю: «Покладаюсь на твою милость, чтоб ты пожаловал, приказал капитанам, чтоб они учили солдат и надсматривали, чтоб от них дуровства не было, дорогою много они дуровали».



В 1694 году по приказу Петра Первого была заказана 32-вёсельная галера. Доставленная в Москву голландская галера послужила образцом для строительства галер Азовского флота

Лефорт, несмотря на болезнь, спешил в Воронеж. «Путь такой, – писал он к царю от 20 марта, – что ни в санях, ни в телеге, морозы и ветры великие, однако же, на той неделе поеду. День места, другой, приму лекарство и не буду мешкать, каков ни будет путь, жить дале не стану. Лекарства всякого круг себя наставлю, и морозы меня не проймут, такожде и лекарев со мною будет. По письму от милости твоей слышу, что тебе дал Бог лучше, и чаю, что мне в дороге лучше будет. Сего числа князь Борис Алексеевич у меня будет кушать, и за ваше здоровье станем пить, а с Москвы мой первый ночлег будет в Добровицах, и там мы милость вашу не забудем. Чаю, что у милости вашей пиво доброго нет на Воронеже, я к милости твоей привезу с собою и мушкателенвейн и пива доброго. Доски многие посланы к милости вашей, сам изволишь рассудить, какой нужный путь, что по се число не бывали; а веревки готовые есть и посланы, а ныне делать великая трудность в такие морозы. Изволишь от меня поклониться всем капитанам, которые каторги свои делают и готовят, а с теми, которые не бывали с каторгами, я с ними справлюсь».

Е.Е. Лансере. Корабли времен Петра Первого

Эти люди, члены компании, все тут в своих письмах: болезнь и пир, управа с нерадивыми капитанами, отсылка, досок и веревок и мушкателенвейн – все вместе. Чтоб сохранить этих людей живыми в истории, а не мумиями, не должно представлять их ни только менторами, ни только собутыльниками.

Лефорт выехал из Москвы и с дороги из Ельца писал Петру: «На Ефремове новоприезжие лекари, которые три человека со мною идут, а достальные девять человек особо сошлися вместе, стали пить, всякий стал свое вино хвалить; после того учинился у них спор о лекарствах, и дошло у них до шпаг, и три человека из них ранены, однако ж не тяжелые раны».

Лекаря режут друг друга, подводчики бегут с дороги, бросая перевозимые вещи. Новая, страшная беда – леса горят именно там, где рубят струги, и «струговому делу чинится великое порушение и морскому воинскому походу остановка». Капитаны в Воронеже жалуются и кричат, что в кузнице уголья нет: «За тем дело наше стало!» Погода также чинит порушение и остановку. Капитан Питер пишет к Стрешневу в Москву от 23 марта: «Здесь, слава Богу, все здорово, а суды делаются без мешкоты, только после великого дождя был великий мороз так крепкий, что вновь реки стали, за которым морозом дней с пять не работали». В другом письме, от седьмого апреля, к Виниусу пишет: «Здесь, слава Богу, всё здорово, только сегодня поутру ост-винт великую

стужу, снег и бурю принес».

Несмотря на все порушения, все было, слава Богу, здорово, и дело шло с поспешением, потому что «мы, – писал Петр Стрешневу, – по приказу Божию к прадеду нашему Адаму, в поте лица своего едим хлеб свой». Этот хлеб ел он в маленьком домике, состоявшем из двух горниц с сенями и крыльцом, бани и поварни.

Флот был построен: 2 корабля, 23 галеры и 4 брандера. С первых чисел апреля начали спускать суда на воду; в этом занятии прошла Святая неделя. Петр поздравил с праздником всех своих, оставшихся в Москве, в одном письме к Виниусу «не для лени, но великих ради недосужек и праздника». Король Ромодановский прислал выговор капитану, что получил поздравление вместе с другими; Piter отвечал: «Изволишь писать про вину мою, что я ваши государские лица вместе написал с иными, и в том прошу прощения, потому что корабельщики, наши братья, в чинах неискусны». Между тем еще в марте пришли один за другим в Воронеж и полки, которые должны были садиться здесь на струга. Двадцать третьего апреля суда с войском двинулись, третьего мая поплыл и «морской караван», как тогда называли флот; впереди, начальствуя осьмью галерами, плыл капитан Петр Алексеев, на галере Principium, которую сам строил.

Труды, употребленные на постройку флота, были не напрасны: русский флот загородил дорогу турецкому в устьях Дона, и Азов остался без помощи. Большое нападение татар на русский лагерь было отбито, после чего происходили с ними почти ежедневные сшибки, удачные для русских, кроме одного раза, когда, по словам Петра, русские позабыли свою оборону – воинский строй и гнались по прадедовскому обычаю без порядка за неприятелем, вследствие чего и потеряли несколько людей, но потом оправились. Начались осадные работы. На увещания сестры Натальи, чтоб был осторожнее, Петр отвечал: «По письму твоему я к ядрам и пулькам близко не хожу, а они ко мне ходят. Прикажи им, чтоб не ходили; однако хотя и ходят, только по ся поры вежливо. Турки на помочь пришли, да к нам нейдут, и чаю, что желают нас к себе».

Обстреливание города началось 16 июня с большим успехом: осажденные не могли оставаться в своих разбитых домах, укрывались в землянках; но городские укрепления оставались нетронутыми, и осаждающие не знали, что делать? Выписанные австрийские инженеры, артиллеристы и минеры еще не приезжали; по желанию войска приступили к работе по прадедовскому обычаю: стали насыпать огромный вал в уровень с

валом неприятельским и засыпать ров; приехали наконец иностранные мастера, и городские укрепления тронулись от выстрелов, направленных искусным артиллеристом Граге. 2000 малороссийских и донских козаков – первые под начальством наказного гетмана Якова Лизогуба, вторые – атамана своего Фрола Минаева пошли на штурм, были выбиты из внутренних укреплений, но засели на валу, откуда турки никак не могли сбить их. После этого всем войскам велено было готовиться к приступу; но турки не стали дожидаться его и 18 июля объявили готовность сдаться, выговаривая себе позволение выйти из города в полном вооружении, с женами, детьми и пожитками. Условие было принято.

Медаль с изображением галеры «Принципиум», построенной в начале 1696 года в Воронеже по голландскому образцу

«Min Her Kenich, – писал Петр Ромодановскому, – известно вам, государю, буди, что благословил Господь Бог оружие ваше государское: понеже вчерашнего дня, молитвою и счастием

вашим государским, азовцы, видя конечную тесноту, сдались». К Виниусу писал: «Ныне со святым Павлом радуйтеся всегда о Господе, и паки реку: радуйтеся! Ныне же радость наша исполнися: понеже Господь Бог двалетние труды и крови наши милостию своею наградил; вчерашнего дня азовцы, видя конечную свою беду, сдались. Изменника Якушку (Янсена) отдали жива в руки наши».

И в Москве сильно обрадовались, 31 июля все значительнейшие люди в управлении сидели у «первого министра», Льва Кирилловича Нарышкина, когда получено было известие о сдаче Азова; Виниуса сейчас же послали к патриарху, святейший заплакал от радости и велел ударить в большой колокол к молебну, на который сошлось бесчисленное множество народа; думный дьяк Емельян Украинцев читал царскую грамоту к патриарху: «По прежде писанному нашему извещению вашему святейшеству о целости здравия нашего и о военных наших трудах довольно предложено, а ныне извествуем: егда по повелению нашему промыслом и усердно радетельными трудами боярина нашего Алексея Семеновича Шеина великороссийские и малороссийские наши войска земляной вал к неприятельскому рву отовсюду равномерно привалили, и из-за того валу ров заметав и заровняв, тем же валом через тот ров до неприятельского валу дошли, и валы сообщили толь близко, еже возможно было с неприятели, кроме оружия, едиными руками терзатися; уже и земля за их вал метанием в город сыпалась. И сего же настоящего июля месяца 17-го числа, в пяток, малороссийские наши войска, по жребию своему в тех трудех пребывающие, при которых неотступно пребывая муж в добродетели и в военных трудех искусный гетман наказный Яков Лизогуб, общедонского нашего войска с атаманом Фролом Миняевым и с донскими козаками предварили неприятельской раскат подкопать, и на него мужески взойтить, и с неприятели бившись довольно, и тем раскатом овладели и, дождався ночи, с того раската четыре пушки стащили; а в 18-м числе, в субботу, о полудни, неприятели, азовские сидельцы, видя войск наших крепкое на град наступление и промысл радетельный, а свою конечную погибель, замахали шапками и знамена приклонили и выслали для договора от себя двух человек знатных людей, и били челом, чтоб даровать животом и отпустить бы их с женами и с детьми, а на знак уверения в твердости и в праве оставили двух человек аманатов и отдали немчина Якушку, который, изменя, из войск наших ушел к ним в Азов и обусурманился прошлого году. А в 19-м числе азовские сидельцы город Азов со всем, что в нем было, отдали».

Взятие Азова принадлежало к числу тех немногих торжеств, которые должны сильно поражать народное воображение; это было первое торжество над страшными турками, которые недавно еще разорили Чигирин в глазах нашего войска; после первого литовского похода царя Алексея Михайловича, похода, за которым следовали такие неудачи и тягости, русские люди впервые были порадованы блестящим делом русского оружия; помнили, что когда-то Азов был взят донскими козаками, и в Москве хотелось сильно удержать его, но не смели и отдали туркам. Но, разумеется, больше всех радовались люди, близкие к Петру, компания, потому что успех увенчал дело, показывалось ясно, что недаром употреблены были такие усилия для заведения флота, недаром вызывали иностранцев; новое правительство с его новизнами поднималось высоко над старым с его крымскими походами. «Всем известно, – писал Виниус Петру, – что единым промыслом вашим и одержанием помощи с моря столь знаменитый в свете град к ногам вашим преклонился».

Теперь любопытно посмотреть, какое впечатление было произведено взятием Азова в Польше, где уже не было более Собеского.

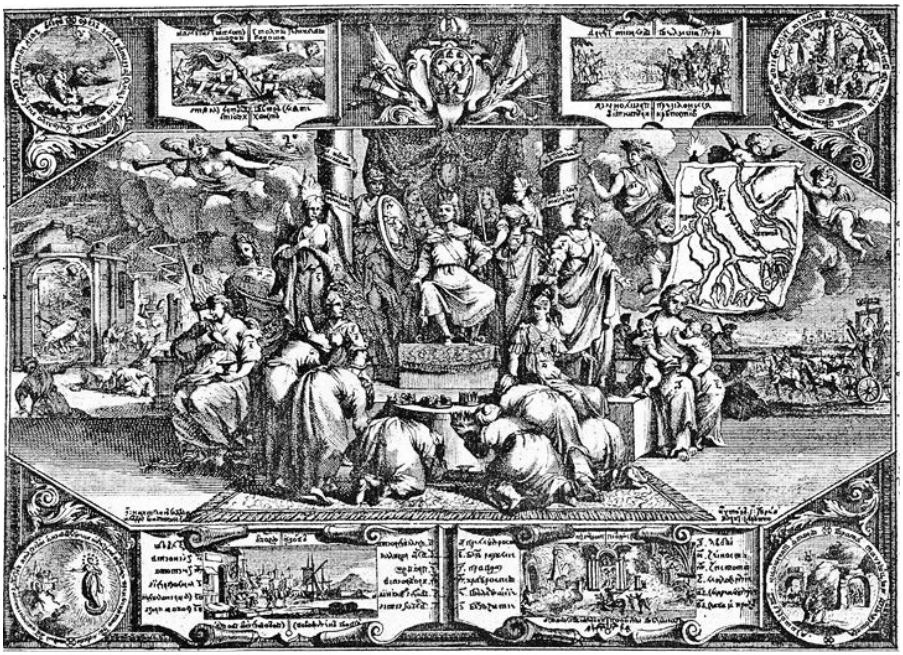
Еще прежде взятия Азова француз Фурни, провожавший в Россию иностранных офицеров и возвращавшийся чрез Варшаву, рассказывал панам с похвалою о действиях русских под Азовом, о действиях молодого царя. Сенаторы слушали, качали головами и говорили про Петра: «Какой отважный и беспечный человек! И что от него впредь будет?» Воевода русский Матчинский говорил: «Надобно москалям поминать покойного короля Яна, что поднял их и сделал людьми военными; а если б союза с ними не заключил, то и до сей поры дань Крыму платили бы, и сами валялись бы дома, а теперь *выполируются*». Воевода плоцкий заметил на это: «Лучше б было, чтоб дома сидели, это бы нам не вредило; а когда выполируются и крови нанюхаются, увидишь, что из них будет! до чего, господи боже, не допусти».

Резидент Никитин получил известие о взятии Азова 29 августа во время обедни и приказал священнику до отпуска литургии начать благодарственный молебен, и как начали петь великому государю многолетие, то один шляхтич православной веры Иван Матковский закричал что есть силы: «Виват царю его милости!» И весь народ трижды прокричал: «Виват!», а посланник велел в то же время трижды выстрелить из двух пушек и из ружей, сколько их набралось. На стрельбу прибежало множество народа, которому Никитин велел выкатить пять бочек пива и три бочки меду; народ голосил: «Виват царю его милости! Нех будет пан Бог благословен!»

Первого сентября Никитин в торжественном собрании сената и земских послов подал примасу царскую грамоту с известием о взятии Азова, причем говорил следующую речь: «Теперь, ясновельможные господа сенаторы и вся Речь Посполитая, да знаете вашего милостивого оборонителя, смело помогайте ему по союзному договору, ибо он знаменем креста господня, яко истинный Петр, отпирает двери до потерянного и обещанного христианам Иерусалима, в котором Христос Господь наш на престоле крестом триумфовал. Идет прямо его царское величество к татарскому Крыму, а союзникам шлет грамоты, чтоб укреплялись на продолжение войны, чтоб вдруг безопасно ударили на зверя, лакающего кровь христианскую и пожирающего отчизну вашу. По договорам царское величество зовет наияснейшую монархию польскую с таким желанием, дабы та дорога, которую блаженной памяти король Ян торил чрез Буджаки до Константинополя, была бы теперь докончена. Здесь должны за крест господень соединиться ваши коронных гетманов кресты; здесь должны соединиться вождей княжества Литовского стрелы и мечи, чтоб отчизну свою отыскать и братию из неволи поганской высвободить; могли бы вы и самую богатую Арабию подбить свободному польскому орлу; теперь хорошо бы гербовною косою наповал скосить неприятеля: подается жниво, когда крест господень действует; теперь время с крестом идти вооруженною ногою топтать неприятеля; теперь время шляхетным подковам попрать наклоненного поганина и тыл дающего; теперь время владения свои расширить там, где только польская зайти может подкова, и оттуда себе титулами наполнить хартии, согласно договорам, вместо того чтоб писать такими титулами, каких договоры не позволяют». На третий день после этой церемонии приезжал к Никитину цесарский резидент и рассказывал, что сенаторы испугались и порешили, чтоб впредь короли их не писались лишними титулами – киевским и смоленским; резидент говорил, что паны не очень рады взятию Азова, никак они этого не ожидали, но что простому народу очень любо. Никитин писал в Москву: «11 сентября было в Варшаве по всем костелам благодарное молебствие за взятие Азова, стреляли из пушек трижды по двенадцати выстрелов только для оказии, будто совершенно тому радуются, и были с поздравлением у меня от всех гетманов и воевод трубачи, сиповщики и литавщики, играли великому государю виват, а на сердце не то. Слышал я от многих людей, что они хотят непременно с Крымом соединиться и берегут себе татар на оборону; из Крыму к ним есть присылки, чтоб они Москве не верили: когда Москва повоюет Крым, то и Польшу не оставит; а к гетману Ивану Степановичу Мазепе

беспрестанные от поляков подсылки».

В сентябре резидент был с визитами у гетманов коронных и литовских и говорил им, что войска польские и литовские уже два года в походы не выступают и царские войска выдают. Гетман коронный Яблоновский сказал на это: «Я хлопочу постоянно, публично и приватно, всем сенаторам говорил и теперь говорю, что войску надобно заплатить жалованье и выполнить союзный договор с царским величеством; конвокационный сейм разорвался, так надобно ждать избирательного, как даст нам Бог государя нового и доброго». Гетман польный Потоцкий говорил: «Что прошло, того уж не вернуть; было время благоприятное для похода, да наш польский беспорядок не позволяет пользоваться временем; король давно уже стал слаб здоровьем, а тут и смерть закусила; сеймы уже столько лет не оканчиваются порядком, все рвутся, и войску от того жалованья нет. Виновные отдадут ответ Богу. И теперь войско заставили бунтовать, конвокационный сейм разорвали; за грехи наши такое несчастие, бич божий. Коронный гетман оправдывается, что он ни в чем не виноват: но обоим им, коронному и литовскому, да королеве Бог пошлет на душу и на тело язву. Не удовольствовавши войско, делать нам нечего; пока не выберут нового короля, никакого дела не будет». В ином духе отвечал литовский гетман Сапега на жалобы Никитина: «Царские войска хотя и рано вышли, однако никакого храброго дела не показали, взяли Азов на договор, а не военным промыслом и на море побрали чайки небольшие». Резидент возразил: «Всему свету и вам известно, что царские войска не спали под Азовом, но беспрестанно и храбро дрались с неприятелем. А хотя бы Азов и на договор был взят, то разве можно в этом упрекать? Дай господи великому государю взять на договор не только всю турецкую землю, но и самое государство Польское и княжество Литовское в вечное подданство привести, и тогда вы, поляки, будете всегда жить в покое и тишине, а не так, как теперь, в вечной ссоре друг с другом от непорядка своего». Поляки стали смеяться и говорить: «Ой, помирит хоть кого московский долгий бич!», а один шляхтич сказал: «Лучше, где страх есть».



Яков Нахтглас. Триумфальная картина на взятие Азова. Петр на престоле

Враги имели право беспокоиться, ибо в России был царь, не отдыхавший после подвигов. Тотчас по взятии Азова он уже осмотрел ближние приморские места и на мысу Таганрог решил построить крепость и гавань. Азов был сильно укреплен и сделан русским городом, мечети превращены в церкви. Царь оставил Азов 15 августа и из Черкасска писал Виниусу: «Понеже писано есть: достоин есть делатель мзды своея; того для мню, яко удобно к восприятию господина генералиссимуса и прочих господ, чрез два времени в толиких потах трудившихся, триумфальными портами (воротами) почтити; место же мню к сему удобное на мосту, через Москву-реку устроенном, или где лучше. Сие же пишу не яко уча, но яко помня вашей милости о сем николи так бываемым». Виниус отвечал, что, «собрав мастеровых людей и всякие потребы, начали строить, и, по признаванию мастеров Ивана Салтыкова со товарищи, тому делу прежде сентября 18-го поспеть не мочно, понеже то дело не мало».

Времени дано было гораздо более, потому что царь долго пробыл на тульских железных заводах. Триумфальные порты были построены и украшены: над фронтоном среди знамен и оружия сидел двуглавый орел под тремя коронами. На фронтоне виднелись надписи: «Бог с нами, никто же на ны. Никогда же бываемое». Слава в одной руке держала лавровый венок, в другой масличную ветвь; под славою надпись: «Достоин делатель мзды

своея». Фронтон поддерживали статуи Геркулеса и Марса. Под Геркулесом на пьедестале изображен был азовский паша и двое скованных турок; под Марсом – татарский мурза с двумя скованными татарами. Над пашою вирши: «Ах! Азов мы потеряли и тем бедство себе достали». Над мурзою: «Прежде на степях мы ратовались, ныне же от Москвы бегством едва спасались». Подле Геркулеса и Марса пирамиды с надписями; на одной: «В похвалу прехрабрых воев морских»; на другой: «В похвалу прехрабрых воев полевых». По обеим сторонам ворот картины на полотне: на одной представлено морское сражение и Нептун, гласящий: «Се и аз поздравляю взятием Азова и вам покоряюсь». На другой картине изображена была битва с татарами и приступы к Азову.

Тридцатого сентября был торжественный вход победителей – адмирала Лефорта и генералиссимуса Шеина со всеми полками; за раззолоченными санями адмирала шел пешком капитан Петр Алексеев. Везли и изменника Янсена в чалме под виселицею, на которой виднелась надпись: «Переменою четырех вер, Богу изменою возбуждает ненависть турок, христианам злодей». Главный устроитель торжества Виниус оставил и себе роль: с триумфальных ворот в трубу говорил вирши победителям. Награды были розданы по прадедовскому обычаю: золотые медали, кубки, шубы, прибавка денежного жалованья и крестьянских дворов.

Прошло около месяца после этого торжества, и 20 октября у великого государя было в Преображенском сиденье с боярами о делах. Великий государь предложил на письме: «Понеже фортеция Азова разорена внутри и выжжена до основания, также и жителей фундаментальных нет, без чего содержаться не может, и того для требует указу, кого населить и много ли числом?» Приговорено: быть 3000 семьям из низовых городов; коннице быть 400 с калмыками. «Егда же сия крепость, – продолжал в. государь, – в сицевом благоустроится, тогда сим ли только довольствоваться имеем, и аще тако, то воистину двух времен прошедших труды, крови и убытки всуе положены, понеже ниже татарам походы, ниже салтану тягости единым точию взятием сей крепости учинить возможно, потому что из оной пешим людем татар перенять и поиски чинить невозможно, а конницы толикое число, еже бы довольно было вышеписанному делу, там держать невозможно; что же по сем, егда ниже конницею, ниже пехотою неприятеля воевать и держать возможно, а неприятель, видя пресечение генеральных промыслов на себя, паки прежнею гордостью паче прежнего взнявся, воевати будет? Тогда не точию о погибели его размышлять, но ниже желаемого мира получити можем. Ныне же, аще воля есть, радети от всего сердца в

защищение единоверных своих и себя к бессмертной памяти просим, понеже время есть и фортуна сквозь нас бежит, которая никогда к нам так близко на юг не бывала: блажен, иже имется за власы ея. И аще потребна есть сия, то ничто же лучше, мню, быть, еже воевать морем, такоже зело близко есть и удобно многократ, паче нежели сухим путем, к сему же потребен есть флот, или караван морской, в 40 или вяще судов состоящий, о чем надобно положить не испустя времени, сколько каких судов и со много ли дворов и торгов, и где делать?» Приговорено: «Морским судам быть, а сколько им – о том справиться о числе крестьянских дворов, что за духовными и за всяких чинов людьми, о том выписать и доложить, не замотчав (не замешкав), и положить суды по дворам сколько пристойно, а о торговых людях выписать из таможенных книг, что с них взято в 694–695 и 696 годах пятые и десятые деньги и с каких промыслов».

Для окончательного решения дела по справкам четвертого ноября было другое сидение не по прадедовскому обычаю: в нем присутствовали иностранцы. Было приговорено: корабли сделать со всею готовностию, и с пушками, и с мелким ружьем, как им быть в войне, к 1698 году или прежде, а делать их так: святому патриарху и властям и монастырям с 8000 крестьянских дворов корабль. С бояр и со всех чинов служилых людей с 10 000 крестьянских дворов корабль; гостям и гостиной сотне, черных сотен и слобод, беломесцам и городам вместо десятой деньги, которая с них сбиралась в прошлых годах, сделать 12 кораблей со всеми припасами. Тогда же, 4 ноября, было приговорено, что к 3000 семей жилых быть всегда в Азове московским стрельцам и годовым солдатам 3000 человек. Вследствие постановления о постройке кораблей землевладельцы духовные составили 17 отдельных кумпанств (компаний), а светские восемнадцать. Для составления этих кумпанств помещики и вотчинники, имевшие сто дворов и больше, должны были приехать в Москву в Поместный приказ к 25 декабря 1696 года под страхом отписки поместий и вотчин на государя; мелкопоместные должны были внести по полтине с двора. Все дела по кораблестроению отданы в ведение Владимирского судного приказа, которым управлял окольничий Протасьев: по новым занятиям своим Протасьев получил звание адмиралтейца. Приказ разослал во все кумпанства росписи предметов, нужных для постройки и вооружения судов, с показанием их размеров и с приложением чертежей корабельных частей. Кроме русских плотников каждое кумпанство обязано было содержать на свой счет мастеров и плотников иностранных, переводчиков, кузнецов, резчика, столяра, живописца, лекаря с аптекою. Заготовлять

материалы должны были в лесах, находившихся к северу от Воронежа, в уездах: Воронежском, Усманьском, Белоколодском, Романовском, Сокольском, Добренском и Козловском. Иностранные мастера были вызваны правительством из Венеции, Голландии, Дании и Швеции и распределены по кумпанствам. Тогда же предположено соединить Волгу с Доном каналом между реками Иловлею и Камышинкою.

Чем более нового необходимого дела, тем больше нужды в иностранцах, которых надобно вызывать толпами. Долго ли же так будет? Неужели надобно оставаться во всегдашней зависимости от иностранцев? Необходимо, чтоб русские выучились; но как это сделать? Иностранным мастерам некогда учить, они для другого дела призваны, а главное, учителя остались в своих землях, не могли заморские страны выслать в Россию лучших своих людей, надобно было, следовательно, послать русских за границу учиться; дело не новое, бывшее уже при Годунове; тогда опыт не удался, посланные не захотели возвратиться на родину, но теперь другие условия, возвратятся. «Началось новое в России дело: строение великим иждивением кораблей, галер и прочих судов. И дабы то вечно утвердилось в России, умыслил государь искусство дела того ввесть в народ свой, и того ради многое число благородных послал в Голландию и иные государства учиться архитектуры и управления корабельного». Пятьдесят комнатных стольников и спальников отправлены были с этой целию за границу: 28 – в Италию, преимущественно в Венецию, 22 – в Англию и Голландию.

Молодые придворные были посланы учиться за границу: но как они там будут учиться и у кого? И как потом узнать, хорошо ли они выучились и к чему способны? Надобно, чтоб кто-нибудь прежде них там выучился, все узнал, и кто ж мог быть этот человек, как не сам шкипер, бомбардир и капитан Петр Алексеев? При повороте народа на новый путь самодержавный царь, одаренный необыкновенными силами духа, взял на себя руководительство. Выучиться у иностранцев тому, чем они превосходили русских, сделалось главною целию, ясно сознанною, и Петр начал дело уже в России: его шкиперство, бомбардирство и капитанство показывают это прямо; выучиться в России нельзя, надобно ехать за границу – и Петр поедет туда, поедет не как царь, но как ученик, как корабельный плотник, ибо его посланничество другое: он великий человек, начальник нового общества, начальник новой истории своего народа. Надпись на печати писем Петровых, присылаемых из-за границы, говорила: «Аз бо есмь в чину учимых и учащих мя требую». Чему же будет Петр особенно учиться за границею? Корабельному

искусству, ибо это была его страсть, которая оправдывалась тем, что достижение моря было заветною целию России XVI и XVII веков, было царственным преданием для Петра; кроме того, в настоящую минуту Петр сознавал, что только морем можно с успехом воевать турок. Таинственный голос, который нашептывал вождям германских варваров: «Рим, Рим!» – и неудержимо влек их к столице образованного мира, путешествие в Константинополь русской Ольги, мудрейшей из жен, и путешествие на Запад Петра – суть явления одинаковые, в которых выражается неодолимое стремление нецивилизованных, но исторических, благородных народов к цивилизации.

Что относительно Петра таинственный голос заменялся явным голосом Лефорта – это нисколько не изменяет дела: Петр поехал бы за границу и без Лефорта, точно так же, как сделался бы мореплавателем и устроителем флота без нахождения ботика боярина Никиты Романова; но и Лефорт с его увещаниями к заграничной поездке и к Азовскому походу вместо путешествия на Каспийское море, и ботик, послуживший первым побуждением к кораблестроению, – суть явления засвидетельствованные, и мы не станем отстранять их, ибо повсюду отмечаем в истории общие движения и стремления и частные побуждения, одинаковые для великих и невеликих людей.

Дэниел Маклис. Петр Великий посещает в 1698 году лондонские верфи в Дептфорде

Неизвестно, кем придумана была форма поездки царя за границу: он отправлялся в свите великого посольства,

назначенного к цесарю, королям английскому и датскому, к папе римскому, к голландским штатам, к курфюрсту бранденбургскому и в Венецию. Тут достигались две цели: Петр мог сохранять инкогнито и учиться, а где нужно – направлять переговоры о союзе против Турции, об условиях войны или мира с нею и лично объясняться с государями и министрами. Целию посольства было прямо объявлено «подтверждение древней дружбы и любви, ослабление врагов креста господня, салтана турского, хана крымского и всех бусурманских орд», следовательно, посольство должно было прежде всего направиться в Вену, где должен был решиться вопрос турецкий; но царский посланник в Вене Нефимонов донес, что вопрос решен, с цесарем и Венециею заключен им наступательный и оборонительный союз против турок на три года: это позволяло переменить направление пути и отправиться прямо в западные поморские государства для изучения корабельного дела.

Великими полномочными послами были назначены: генерал и адмирал, наместник новгородский Франц Яковлевич Лефорт, генерал и воинский комиссарий, наместник сибирский Федор Алексеевич Головин и думный дьяк, наместник белевский Прокофий Богданович Возницын; при них более 20 дворян и до 35 волонтеров, между которыми был Преображенского полка урядник *Петр Михайлов*. Правительство в отсутствие царя оставалось, как было при нем: на старых местах прежние лица; кто был прежде влиятельнее других, тот оставался и теперь с тем же влиянием: это было тем легче, что и до заграничной поездки царь был почти в постоянном отсутствии, и к боярскому управлению привыкли с 1689 года. Со всеми делами относились на царское имя, как будто Петр и не выезжал из Москвы.

В феврале 1697 года назначен был отъезд Великого посольства из Москвы, когда было донесено о заговоре на жизнь государя.

Чем яснее обозначались стремления Петра, тем сильнее становился ропот в толпе, и роптали не одни те люди, которые уперлись против естественного и необходимого движения России на новый путь; роптали и люди, которые признавали несостоятельность старины, необходимость преобразований, но которые не могли понять, что преобразования должны совершаться именно тем путем, по которому шел молодой царь. Им бы хотелось, чтоб Петр вдруг явился на престоле русском новым Соломоном во всей премудрости и славе, чтоб вдруг все правители из кормленщиков сделались строжайшими и бескорыстнейшими блюстителями правосудия, чтоб вдруг бедная страна закипела млеком и медом; эти люди хотели, считали

возможным внезапное облегчение и улучшение, видели, наоборот, требование страшного напряжения сил, требование пожертвований – и роптали, причем некоторые стороны поведения молодого царя давали оправдание ропоту. Оскорблялись, что царь убежал из дворца, из Кремля, из Москвы, пренебрегает обязанностями семейными, проводит время в потехах, привязался к иностранцам, не радит о делах правительственных и бояре ближние делают что хотят; между родственниками царскими, с материнской и жениной стороны, Нарышкиными и Лопухиными, встала распря; Лев Кириллович Нарышкин осилил Лопухиных, по всем вероятностям, благодаря холодности Петра к жене; самый видный из Лопухиных, боярин Петр Абрамович, управляющий приказом Большого дворца, подвергся страшной опале, и разнеслась весть, что сам царь пытал дядю жены своей. Милославские и другие недовольные, разумеется, пользовались этим и со злорадством распространяли подобные вести, указывая, как мало выиграно отстранением правительницы.

Участник Великого посольства – дипломатической миссии русского царя Петра I Алексеевича в Западную Европу в 1697 году, своеобразный пролог для его широкомасштабных реформ

Неизвестно, откуда взялся и распространился слух, будто царь Иван Алексеевич извещал всему народу: «Брат мой живет не по церкви, ездит в Немецкую слободу и знается с немцами». На Кружечном дворе потешный хвастает, что государь непрестанно бывает у них в слободе; бывший тут иконник отвечает: «Не честь он, государь, делает, бесчестье себе».

В конце 1696 или в начале 1697 года монах Аврамий, бывший прежде келарем в Троицком Сергиеве, а потом строителем в московском Андреевском монастыре, подал царю тетради, в

которых указывалось, что именно в поведении Петра соблазняет народ: «В народе тужат многие и болезнуют о том: на кого было надеялись и ждали, как великий государь возмужает и сочетается законным браком, тогда, оставя младых лет дела, все исправит на лучшее, но, возмужав и женясь, уклонился в потехи, оставя лучшее, начал творити всем печальное и плачевное». Аврамия пытали, чтоб сказал подлинно про людей, которые к нему прихаживали. Монах показал, что друзья ему и хлебоядцы давные – владимирского Судного приказа подьячий Никифор Кренев, Преображенской приказной избы подьячий Игнатий Бубнов, Троицкого монастыря стряпчий Кузьма Руднев да села Покровского крестьяне Ивашка да Ромашка Посошковы, и те все, бывая у него в Андреевском монастыре, такие слова, что в тетрадях написано, говаривали. Аврамий прибавил, что, когда он был в келарях у Троицы, приезжал туда молиться боярин Матвей Богданович Милославский и говорил: «Петр Лопухин был человек добрый и много прибыли в приказе учинил, а запытан он напрасно по наносу Льва Кирилловича Нарышкина».

Взяли Никифора Кренева; он сказал, что слышал написанное в тетрадях, будучи на потехах, от разных чинов людей, как были потехи под Семеновским и под Кожуховым; про судей, что без мзды дел не делают, со старцем Аврамием говаривали от себя и слыша от народа; Кренев признался, что говорил: если б посажены были судьи и дано бы им было жалованье, чем им сытым быть, а мзды не брать, и то б было добро; а таких слов не говорил, что, покинув всякое правление, царь приказал государство править похотникам-мздоимцам, не имущим страха божия, и будто государь про тех судей, что они почести берут и для того в приказы посажены, чтоб им покормиться, сам ведает; а про дьяков и подьячих, что их много пред прежним, говаривали.

Руднев показал, что говорили: государь не изволил жить в своих государских чертогах на Москве, и мнится им, что от того на Москве небытия у него в законном супружестве чадородие престало быть, и о том в народе велми тужат.

Бубнов показал, что говорили о потехах непотребных под Семеновским и под Кожуховым для того, что многие были биты, а иные и ограблены, да в тех же потехах князь Иван Долгоруков застрелен, и те потехи людям не в радость; а слова смехотворные и шутки и дела Богу неугодные, о которых говорится в тетрадях, это то, что чинилось пророчеством Василья Соковнина и в комедиях в Измайлове. Говорили про дьяков и подьячих, что их умножилось, и дьячества добиваются и подьяческой справы докупаются куплею, и что священники и чернослободцы детей своих в приказы сажают в подьячие. Говорили и про упрямство

великого государя, что не изволит никого слушать, и про нововзысканных и непородных людей, и что великий государь в Преображенском у розыскных дел сам пытает и казнит.

Не нравились и морские езды. Аврамий считал непригожим, что в триумфальном входе в Москву, после взятия Азова, царь шел пешком, а Шеин и Лефорт ехали.

Села Покровского оброчный крестьянин Иван Посошков сказал, что Аврамий знакомцем ему учинился третий год: призвал он его, Ивашку, к себе для дела денежного стану, который делал на образец в поднос к великому государю; а он, Ивашка, никаких слов, что в тетрадях написано, не говаривал. Аврамий объявил, что Посошков действительно ничего не говорил.

Бубнов, Кренев и Руднев биты кнутом и сосланы в Азов, чтоб быть им там подьячими. Аврамий сослан в Голутвин монастырь.

Монах Аврамий решился сделать себя органом народного мщения, народного неудовольствия и прямо сказать царю правду, обличить его поведение. Но были люди, которые вследствие личных побуждений старались отделаться от Петра, и отделаться чужими руками. Мы видели, что в 1682 году в числе самых ревностных приверженцев Софьи был обрусевший иноземец, стрелецкий полковник Иван Цыклер, человек с самым сильным, беспокойным честолюбием. Он ошибся в своих расчетах: на первом плане после торжества Софьи стал Голицын да Шакловитый, а о Цыклере не слыхать. Вот почему, когда в 1689 году разгорелась борьба между сестрою и братом, и было ясно, на чьей стороне останется победа, Цыклер один из первых перешел на сторону Петра. Но и тут ошибся в расчете: Петр не сближался с людьми, которые принимали участие в событиях 1682 года; молодой царь со всеми обращался просто, ездил в гости, но постоянно объезжал дом Цыклера; мало того, в описываемое время Цыклера назначили строителем новой крепости – Таганрога, а эти назначения в отдаленные места считались тогда почетною ссылкою. Цыклер был в ярости и отчаянии, которые напомнили ему 1682 год и кровавые стрелецкие копья: нельзя ли сделать того же и теперь, а если нельзя уговорить стрельцов, то можно будет поднять козаков из Таганрога. Стремления кормового иноземца Цыклера разделяли двое родовитых русских вельмож – Алексей Соковнин и Федор Пушкин. Соковнин был известный старовер, родной брат знаменитых в царствование Алексея Михайловича раскольниц, Федоры Морозовой и княгини Авдотьи Урусовой. Понятно, как тяжело было ему видеть петровские новшества, посылку детей своих в еретические страны, поездку туда самого государя; а тут

еще и беда ближайшая: сват его боярин Матвей Пушкин, назначенный воеводою в Азов, возбудил против себя гнев государя все за то же сопротивление посылке детей своих за границу. И вот тестю с зятем приходит на мысль, как бы хорошо было отделаться от Петра чужими руками; они знают, как недоволен Цыклер, и подбивают его к преступлению, Соковнин даже манит честолюбца, указывает ему на возможность стать самому царем по смерти Петра. Цыклер подбивает стрельцов, но те спешат с доносом.

Двадцать третьего февраля 1697 года боярин Лев Кириллович Нарышкин прислал в Преображенское стременного полка Конищева пятидесятника Лариона Елизарьева, который известил о разговоре своем с Цыклером. *Цыклер: «*Смирно ли у вас в полках?» *Елизарьев*: «Смирно». *Цыклер*: «Ныне великий государь идет за море, и как над ним что сделается, кто у нас государь будет?» *Елизарьев*: «У нас есть государь царевич». *Цыклер*: «В то время кого Бог изберет, а тщится и государыня, что в Девичьем монастыре». Елизарьев сослался на другого пятидесятника своего полка, Григория Силина, который показал: «Цыклер сказал ему про государя, что можно его изрезать ножей в пять; известно государю, прибавил Цыклер, что у него, Ивана, жена и дочь хороши, и хотел государь к нему быть и над женою его и над дочерью учинить блудное дело, и в то число он, Иван, над ним, государем, знает, что сделать».

Цыклер в расспросе и на очной ставке заперся; на пытке указал на Соковнина: «Был я в доме у Алешки Соковнина для лошадиной покупки, и он, Алешка, меня спрашивал: каково стрельцам? Я сказал, что у них не слыхать ничего. Алешка к моим словам молвил: где они, б… дети, передевались? знать, спят! где они пропали? можно им государя убить, потому что ездит он один, и на пожаре бывает малолюдством, и около посольского двора ездит одиночеством. Что они спят, по се число ничего не учинят? Я сказал: в них малолюдство, и чаю, что опасаются потешных. Алешка отвечал: чаю в стрельцах рассуждение о царевиче – для того они того учинить и не хотят. Я сказал: и я в них то же рассуждение чаю; сам ты о себе рассуди, что и тебе самому каково, сказываешь, тошно, что с детьми своими разлучаешься. И Алешка сказал: не один я о том сокрушаюсь. После того в два мои приезда Алешка говорил мне про государево убийство и про стрельцов; ведь они даром погибают и впредь им погибнуть же. Я ему, Алешке, говорил: если то учинится, кому быть на царстве? Алешка сказал: Шеин у нас безроден, один у него сын и человек он добрый. Я ему сказал: счастье Борису Петровичу Шереметеву, стрельцы его любят;

и Алешка говорил: чаю, они, стрельцы, возьмут по-прежнему царевну, а царевна возьмет царевича, и как она войдет, и она возьмет князя Василья Голицына, а князь Василий по-прежнему станет орать. И я ему говорил: в них, стрельцах, я того не чаю, что возьмут царевну. Алешка мне молвил: если то учинится над государем, мы и тебя на царство выберем. Я ему говорил: пеняешь ты на стрельцов, а сам того делать не хочешь, чтоб впредь роду твоему в пороке не быть. И Алексей сказал: нам в пороке никому быть не хочется, а стрельцам сделать можно, даром они пропадают же. Князь Петр Голицын – человек прыткий и шибкий, мы чаяли от него, что то все учинит над государем. Князь Борис Алексеевич сам пьян и государя пить научил».

А.И. Шарлемань. Петр I накрывает заговорщиков в доме Цыклера 23 февраля 1697 года

Соковнину было десять ударов: повинился и оговорил зятя своего Федора Пушкина: «После Цыклерова приезда приезжал ко мне зять мой Федька Пушкин и говорил про государя: погубил он нас всех, можно его за то убить, да для того, что на отца его государев гнев, что за море их посылал». Соковнин показал также, что сын его Василий говорил ему: «Посылают нас за море учиться неведомо чему». После пяти ударов Пушкин повинился и прибавил: «Накануне Рождества Христова был я у Алексея Соковнина в доме, и Алексей мне говорил: хочет государь на святках отца моего, Федькина, ругать и убить до смерти и дом наш разорить; и я ему говорил: если так над отцом моим

учинится, и я государя съехався убью».

Цыклер оговорил пятидесятника Конищева полка Василья Филиппова: «Был у меня Васька Филиппов, и я его спрашивал: приехали ныне козаки, а тебе они знакомцы, что они, благодарны ли милости государевой? И он, Васька, говорил, что ему в козаках знакомцы есть и говорил с козаком, Демкою зовут, а говорил козак, что они не благодарны, за что им благодарным быть? Я говорил Ваське: дано им ныне тысяча золотых; и Васька говорил: то они ни во что ставят для того, что им на войско делить нечего. И я спросил: чего у них чаешь? И он, Васька, сказал: козак Демка говорил ему: дай нам сроку, поворотимся мы, как государь пойдет, и учиним по-своему, полно, что и преж сего вы нам мешали, как Стенька был Разин, а ныне мешать некому, и я говорил Ваське: будет от того разоренье великое, и крестьяне наши и люди все пристанут к ним. Васька же Филиппов говорил мне, что козаков прельщает турецкий султан, чаю, и письмо прислал». Цыклер признался, что говорил Филиппову: как государь поедет с посольского двора, и в то время можно вам его подстеречь и убить. И велел ему о том убийстве и стрельцам говорить. Цыклер объявил: «Научал я государя убить за то, что называл он меня бунтовщиком и собеседником Ивана Милославского и что меня он никогда в доме не посетил»; признался, что говорил: «Как буду на Дону у городового дела Таганрога, то, оставя ту службу, с донскими козаками пойду к Москве для ее разорения и буду делать то же, что и Стенька Разин».

Филиппов объявил, что говорил с козаком Петром Лукьяновым, а не с Демкою, и Лукьянов ему говорил: дано тысяча золотых, чего то на войско делить? Служи да не тужи, нам и по копейке не достанется; как вы, стрельцы, пойдете с Москвы на службу, и в то число наши козаки зашевелятся и учинят по-своему. И Цыклер к этому рассказу примолвил: как они, козаки, зашевелятся, и он, Иван, с ними пойдет вместе, зовет же его государь бунтовщиком. Потом козак говорил: «Козаки отпишут турецкому султану о помощи для московского разоренья, и он к ним пришлет в помощь кубанцев, так они великое разоренье учинят». Цыклер, по показанию Филиппова, говорил: «В государстве ныне многое нестроение для того, что государь едет за море и посылает послом Лефорта, и в ту посылку тощит казну многую, и иное многое нестроение есть, можно вам за то постоять». Филиппов оговаривал стрельца Тимошку Скорняка, которому при нем Федор Пушкин говорил про государя, что живет небрежением, не христиански и казну тощит.

Козак Петрушка Лукьянов сначала запирался, не

подействовали 25 ударов; потом признался, что говорил спьяна, а мысли на московское разоренье у них никакой не было; а если милости государевой к ним не будет, разве им воровать, а про тот бунт слышал он верхних городков от голых козаков. Потом сказал, что верхние станицы смешались от козаков Трушки да Илюшки Иванова, бурлака, а говорили ему те слова на кабаке, в то время как он государя провожал, говорили ему Трушка и Илюшка: «Чаю, и наша голутьба заворует для того, что жалованье дают им малое». И к московскому разоренью он, Петрушка, с Ваською Филипповым говорил: «Как бы вы с конца, а мы с другого»; а бунта учинить не хотел и ни с кем не умышлял, а говорили они те слова в пьянстве.

Оговорен был также пятидесятник Рожин, которому Цыклер говорил: «Службы вашей много, можно вам себя и поберечь, а то корень ваш не помянется». Советовал бить челом боярам и своей братье на государя и убить его.

Перед казнью Цыклер сказал: в 1682 году, после побиения бояр и ближних людей стрельцами, призывала его царевна и говорила ему, чтоб он стрельцам говорил, чтоб они от смущения унялись, и по тем ее словам он стрельцам говаривал. А перед крымским первым походом царевна его призывала и говаривала почасту, чтоб он с Федькою Шакловитым над государем учинил убийство. Да и в Хорошове, в нижних хоромах, призвав его к хоромам, царевна в окно говорила ему про то же, чтобы с Шакловитым над государем убийство учинил, а он в том ей отказал, что того делать не будет, и говорил ей, царевне: если государя не будет, и за тобою ходить никто не станет, можно тебе его, государя, любить. И царевна ему сказала: я бы его и любила, да мать не допустит. И он, Иван, ей говорил: мать рада, хотя бы и татарин его, государя, любил. И за то она на него гневалась: знать, ты передался на другую сторону. И в то время у нее в хоромах была княгиня Анна Лобанова. И за то его, Ивана, царевна послала в крымский поход; а как он из крымского похода пришел, и она ему о том же говаривала и сулила дмитровскую деревню Ивана Милославского – Кузнецово, которая была за мелетийским [имеретийским] царевичем, и он ей также отказал, и за то она его и в другой крымский поход послала; а пришед из крымского похода, о том она ему не говорила. А Иван Милославский к нему, Ивану, был добр и женат он был у него, Ивана.

Цыклер напомнил о своем собеседничестве с Иваном Милославским, рассказал, как подучала его Софья на убийство: у Петра отуманилась голова; ему захотелось достать Ивана Милославского, хотя мертвого; ему захотелось угостить сестру, дочь Милославской…

Великий государь указал Соковнина, Цыклера, Пушкина, стрельцов Филиппова и Рожина, козака Лукьянова казнить смертию. И на Красной площади начали строить столб каменный. И марта в четвертый день тот столб каменный доделан, и на том столбу пять рожнов железных вделаны в камень. И того числа казнены в Преображенском ведомые воры и изменники, и в то время к казни из могилы выкопан мертвый боярин Иван Мих. Милославский и привезен в Преображенское на свиньях, и гроб его поставлен был у плах изменничьих, и как головы им секли, и кровь точила в гроб на него, Ивана Милославского. Головы изменничьи были воткнуты на рожны столба, который был построен на Красной площади.

Через пять дней, десятого марта, великое посольство выехало из Москвы. Первые впечатления по выезде за шведский лифляндский рубеж были неблагоприятные. Ехали медленно не столько от распутицы, сколько от недостатка подвод и кормов, потому что в стране был голод. В Риге посольству сделана была почетная встреча, но губернатор Дальберг счел своею обязанностию не нарушать строгого инкогнито царя, так как русские уверяли, что весть о царском путешествии есть детское разглашение, что царь едет в Воронеж для корабельного строения. С другой стороны, желание Петра осмотреть рижские укрепления не могло не возбудить подозрительности губернатора. Отец этого самого царя стоял с войском под Ригою, а сын без устали строит корабли и вместо того, чтоб сражаться с турками, предпринимает таинственное путешествие на Запад! Но легко понять, как эта подозрительность и недопущение осмотреть город должны были раздражить Петра при его нетерпеливости все сейчас осмотреть, при его непривычке к бездействию, при его непривычке встречать препятствия своим желаниям. Враждебное чувство глубоко залегло в его сердце. Тремя днями прежде посольства он переправился в лодке через Двину в Курляндию. В каком он был расположении духа при отъезде, всего лучше видно из письма его к Виниусу от восьмого апреля: «Сегодня поехали отсель в Митау. Здесь мы рабским обычаем жили и сыты были только зрением. Торговые люди здесь ходят в мантелях, и кажется, что зело правдивые, а с ямщиками нашими за копейку м… лаются и клянутся, а продают втрое».

Несмотря, однако, на то, что сыт был только зрением, Петр кое-что успел смекнуть и пишет к Виниусу: «Мы ехали через город и замок, где солдаты стояли на пяти местах, которые были меньше тысячи человек, а сказывают, что все были. Город укреплен гораздо, только недоделан. Зело здесь боятся, и в город и в иные места и с караулом не пускают, и мало приятны».

Вследствие этой малой приятности Рига осталась в памяти Петра как «проклятое» место.

За Двиною в Курляндии другой прием: с герцогами курляндскими у русских царей были всегда дружественные сношения. Из Митавы Петр поехал в Либаву, где в первый раз увидался с Балтийским морем. Из Либавы Петр один, без великих послов, отправился морем в Пруссию и был отлично принят в Кенигсберге курфюрстом бранденбургским Фридрихом Третьим. В ожидании великих послов, ехавших сухим путем, Петр не терял времени и стал учиться артиллерии; учитель, подполковник фон Штернфельд, дал благопомянутому господину Петру Михайлову свидетельство, «что он в непродолжительное время, к общему изумлению, такие оказал успехи и такие приобрел сведения, что везде за исправного, осторожного, благоискусного, мужественного и бесстрашного огнестрельного мастера и художника признаваем и почитаем быть может».

Средневековая Рига. Раскрашенная гравюра

Приехали великие послы и были приняты великолепно. Курфюрст хотел воспользоваться случаем и заключить с Россиею оборонительный союз; но Петр отклонил предложение, боясь переменить существующие отношения России к европейским державам до окончания турецкой войны. Был заключен с Бранденбургом не союзный, но дружественный договор, в котором было постановлено о свободной торговле с обеих сторон, о непринимании бунтовщиков и неприятелей, о позволении со стороны курфюрста ездить чрез его земли русским людям для наук в Германию.

Петр зажился в Пруссии более, чем было ему нужно, зажился по польским делам. Мы упоминали о междуцарствии в Польше по смерти Яна Собеского. Кандидатов на престол было много: сын покойного короля Яна, Иаков Собеский, пфальцграф Карл, герцог

лотарингский Леопольд, маркграф баденский Людовик, внук папы Одескальки, французский принц Конти, курфюрст саксонский Фридрих Август и несколько пястов, т. е. польских вельмож; напоследок виднее всех явились два кандидата – Конти и Август. Отношения России к этому избранию были просты: кто бы ни был на польском престоле – все равно, лишь бы до заключения общего мира с турками Польша не выходила из священного союза четырех держав; поэтому Россия должна была противиться только одному кандидату – принцу Конти, потому что Франция находилась в дружественных отношениях к Турции и враждебных к Австрии. Польша с королем-французом легко могла подчиниться французской политике, и действительно, французский посланник заявил польским вельможам обещание султана заключить с Польшею отдельный мир и возвратить ей Каменец, если королем будет избран французский принц. Так как это заявление очень усиливало французскую партию, то Петр из Кенигсберга послал панам радным грамоту, что до сих пор он не вмешивался в выборы, но теперь объявляет, что если французская факция возьмет верх, то не только союз на общего неприятеля, но и вечный мир зело крепко будет поврежден: французский король, имея дружбу с турецким султаном, во всем ему помогает во вред союзным христианским государям; какой же после того будет христианский союз, когда француз сядет на престол польский? Конти предлагают султан турецкий и хан крымский: может ли он воевать с турками и татарами? Мы, заключал Петр, такого короля французской и турецкой стороны видеть в Польше не хотим; хотим, чтоб вы выбрали из какого ни есть народа, только бы он был в дружбе и союзе с нами и цесарем римским против общих неприятелей Креста Святого.

Адам де Клерк. Курфюрст бранденбургский Фридрих III

Семнадцатого июня совершились выборы – двойные: одна партия провозгласила Конти, другая курфюрста саксонского. Члены противных партий рубились саблями. Приверженцы Августа сильно опирались на царскую грамоту, для подкрепления которой Петр прислал еще другую того же содержания; саксонская партия начала брать явный перевес. Виниус, уведомляя Петра об избрании Августа, писал ему: «Я с тем новым королем вашу милость, господина моего, яко кавалера, больше к немецкому народу, неже к *петуховому* (французскому) склонному, от всего сердца поздравляю». Царь послал поздравительную грамоту Августу и велел объявить панам раде,

что для защиты республики от Конти и его партии придвинуто к литовской границе русское войско под начальством князя Ромодановского. Август вступил в Польшу с саксонским войском и присягнул, что принял католическую веру. Получив царскую поздравительную грамоту, он объявил русскому резиденту Никитину, что дает честное слово быть с царем заодно против врагов Креста Святого и что изъявленный ему Петром *аффект* никогда не изгладится из его памяти. Посылая поклон царю, король поклонился гораздо низко.

Между тем вследствие благоприятных известий из Польши Петр решился оставить Пруссию и ехать далее на запад. К нему навстречу спешили две образованнейшие женщины Германии: курфюрстина ганноверская София и дочь ее, курфюрстина бранденбургская София-Шарлотта. Петр выбрался за границу, чтоб посмотреть на диковины цивилизации, понаучиться многому; цивилизованная Европа выслала двух своих представительниц со своей стороны посмотреть на Петра, на эту диковину, высылаемую нецивилизованною Восточною Европою. Курфюрстины записали впечатления, произведенные на них Петром, – свидетельство драгоценное для нас, потому что обе женщины взглянули на удивительное существо прямо и ясно; их поразила двойственность его натуры: они увидали необыкновенного человека, поражавшего своими блестящими способностями и в то же время своими недостатками, показывавшими, из какого общества вышел он, какое воспитание получил. Их поразила эта двойственность, это противоречие, но они не постарались сгладить его, не мудрствовали лукаво, остались верны своему впечатлению и произнесли самый верный приговор о Петре: «Это человек очень хороший и вместе очень дурной».

Будучи одиннадцатилетним ребенком, Петр поражал своею необыкновенною красотою и живостию. Современники находили, что он лицом был в материнскую родню и особенно был похож на дядю Федора Кирилловича Нарышкина. Красота и живость остались; но преждевременное развитие, страшные потрясения, неумеренность в трудах и потехах потрясли крепкую натуру Петра и оставили следы на прекрасном лице его: голова тряслась и на лице являлись конвульсивные движения. Быстрый и пронзительный взгляд его производил неприятное впечатление на людей непривычных. Новгородский архиепископ Феодосий Яновский рассказывал, что когда он представлялся обоим царям, Ивану и Петру, то к руке первого подошел безо всякого страха, «а как пришел до руки царя Петра Алексеевича, тогда таков на меня страх напал, что мало не упал, и колени потряслися, и от того

времени всегда рассуждал, что мне от тоя руки и смерть будет».

Курфюрстина ганноверская София

Свидание Петра с курфюрстинами происходило в герцогстве Цельском, в местечке Коппенбрюгге. Сначала царь не хотел идти к ним и долго отговаривался, наконец пошел с условием, чтоб не было никого посторонних. Он вошел как застенчивый ребенок, закрыл лицо руками и на все любезности отвечал: «Не могу говорить», потом, однако, разговорился, особенно за ужином, застенчивость пропала, и он позволил войти в залу придворным курфюрстин, поил мужчин вином из больших стаканов, танцевал;

веселье прошло далеко за полночь. Царь с удовольствием слушал итальянских певиц, но сказал при этом, что музыку не очень уважает. На вопрос старой курфюрстины, любит ли он охоту, отвечал: «Отец мой был страстный охотник, но я не чувствую к этой забаве никакой склонности, очень люблю кораблеплавание и фейерверки». При этом он показал свои руки, ставшие жесткими от работы. София-Шарлотта, описывая Петра, говорит: «Я представляла себе его гримасы хуже, чем они на самом деле, и удержаться от некоторых из них не в его власти. Видно также, что его не выучили есть опрятно, но мне понравились его естественность и непринужденность».

Курфюрстина-мать пишет: «Царь высок ростом, у него прекрасные черты лица и благородная осанка; он обладает большою живостию ума, ответы его быстры и верны. Но при всех достоинствах, которыми одарила его природа, желательно было бы, чтоб в нем было поменьше грубости. Это государь очень хороший и вместе очень дурной; в нравственном отношении он полный представитель своей страны. Если б он получил лучшее воспитание, то из него вышел бы человек совершенный, потому что у него много достоинств и необыкновенный ум».

Из Коппенбрюгге Петр направился к Рейну, оставил посольство и с десятью человеками спустился Рейном и каналами до Амстердама. Так как посольство еще не приезжало, то в ожидании его Петр занялся по-своему: в местечке Сардам, или Заандам, известном по обширному кораблестроению, на верфи Рогге появился молодой, высокий, красивый плотник из России, Петр Михайлов; жил он в каморке у бедного кузнеца, посещал семейства плотников, которые находились в России, выдавал себя за их товарища, простого плотника.

В свободное от работы время русский плотник ходил по фабрикам и заводам, все ему нужно было видеть, обо всем узнать, как делается; однажды на бумажной фабрике не утерпел, взял у работника форму, зачерпнул из чана массы – и вышел отличный лист; любимая забава его была катанье на ялике, который купил на другой же день по приезде в Сардам.

Своим поведением и видом, не идущими к простому плотнику (хотя своею красною фризовою курткою и белыми холстинными штанами он нисколько не отличался от обыкновенных работников), Петр сейчас же выдал себя: заговорили, что это не простой плотник, и вдруг разносится слух, что это сам царь московский. Старый плотник зашел в цирюльню и прочел там письмо, полученное от сына из России; в письме рассказывались чудеса: в Голландию идет большое русское посольство и при нем сам царь, который, верно, будет в Сардаме;

плотник написал и приметы царя – и тут, как нарочно, отворяется дверь и входят в цирюльню русские плотники, у одного точь-в-точь те приметы: и головою трясет, и рукою размахивает, и бородавка на щеке. Цирюльник, разумеется, не замедлил разгласить об удивительном явлении. Скоро слух подтвердился: Петр раздразнил уличных мальчишек, которые попотчевали его песком и камнями, и бургомистр издал объявление, чтоб никто не смел оскорблять знатных иностранцев, которые хотят быть неизвестными. Напрасно после того царь старался сохранить свое инкогнито, отказался от почетных приглашений, от удобного помещения, говоря: «Мы не знатные господа, а простые люди, нам довольно и нашей каморки». Жил в каморке, а купил буер за 450 гульденов! Толпа преследовала Петра, что приводило его в ярость, сдерживать которую он не выучился в Преображенском с потешными конюхами. Однажды, проталкиваясь сквозь неотвязную толпу, он был особенно раздражен глупою фигурою какого-то Марцена и дал ему пощечину; «Марцен пожалован в рыцари!» – закричала толпа, и прозвание «рыцарь» осталось за Марценом навсегда.

Интерьер голландского домика Петра Великого в Заандаме

Из Амстердама дали знать о приближении русского посольства, и Петр поехал туда, прожив в Сардаме восемь дней. Шестнадцатого августа Лефорт с товарищами торжественно въехал в Амстердам. Прием был великолепный; Петр участвовал в празднествах, которые давали посольству Генеральные штаты, зная о присутствии самого царя. В Амстердаме знакомее всех других имен Петру было имя бургомистра Николая Витзена. Еще при царе Алексее Михайловиче Витзен был в России, проехал и до Каспийского моря, был известен как автор знаменитого сочинения «Татария восточная и южная», как издатель Избрандидесова путешествия в Китай. Витзен сохранял постоянную связь с Россиею; его издания были посвящены царям, он исполнял поручения русского правительства по заказу судов Голландии, находился в переписке с Лефортом. К Витзену обратился Петр с просьбою доставить ему возможность заняться кораблестроением в амстердамских верфях, и Витзен поместил его на верфи Ост-Индской компании, где нарочно для него

заложен был фрегат. Получив об этом известие, Петр ночью поехал в Сардам, забрал там свои плотничьи инструменты и к утру возвратился в Амстердам, чтобы немедленно же приняться за работу. Волонтеры, приехавшие с посольством, были также размещены по работам. Петр откликался, только когда ему кричали: «Плотник Петр сардамский!» или «Мастер Петр!», но когда обращались к нему со словами: «Ваше величество!» или «Милостивый государь!» – поворачивался спиной.

Но не одним кораблестроением занимался Петр в Голландии: он ездил с Витзеном и Лефортом в Утрехт для свидания со знаменитым штатгалтером голландским и королем английским Вильгельмом Оранским. Витзен должен был водить его всюду, все показывать – китовый флот, госпитали, воспитательные дома, фабрики, мастерские; особенно понравилось ему в анатомическом кабинете профессора Рюйша; он познакомился с профессором, слушал его лекции, ходил с ним в госпиталь. В кабинете Рюйша он так увлекся, что поцеловал отлично приготовленный труп ребенка, который улыбался как живой. В Лейдене в анатомическом театре знаменитого Боергава, заметив отвращение своих русских спутников к трупам, заставил их зубами разрывать мускулы трупа.

Разумеется, Петр должен был наблюдать большую экономию во времени: так, во время поездки в Лейден на яхте часа два занимался с натуралистом Леувенгоком, который показывал ему свои лучшие аппараты и микроскоп. Ненасытимая жадность все видеть и знать приводила в отчаяние голландских провожатых: никакие отговорки не помогали; только и слышалось: «Это я должен видеть!», и надобно было вести, несмотря ни на какие затруднения. И ночью он не давал им покоя; вдруг экипаж получит сильный толчок: «Стой! Что это такое?» – надобно зажигать фонари и показывать.

Петр Первый в костюме корабельного мастера

Гениальный царь был полным представителем народа, который так долго голодал без научной пищи и теперь вдруг дорвался до нее. Корабельный плотник занимался и гравированием. В Амстердаме оставшаяся после него гравюра

изображает предмет, соответствующий положению Петра, его тогдашней главной думе: она представляет торжество христианской религии над мусульманскою в виде ангела, который с крестом и пальмою в руках попирает полулуние и турецкие бунчуки. Предмет гравюры объясняется и письмом Петра к патриарху Адриану в Москву: «Мы в Нидерландах, в городе Амстердаме, благодатию Божиею и вашими молитвами, при добром состоянии живы и последуя Божию слову, бывшему к праотцу Адаму, трудимся, что чиним не от нужды, но доброго ради приобретения морского пути, дабы, искусясь совершенно, могли, возвратясь, против врагов имени Иисуса Христа победителями, а христиан, тамо будущих, свободителями, благодатию его, быть. Чего до последнего издыхания желать не престану».

Кроме патриарха Петр постоянно переписывался и с другими правительственными лицами, которые извещали его о том, что делалось в России. Около Азова возводились укрепления: крепости Алексеевская и Петровская, Троицкая на Таганроге и подле нее Павловская; при Таганроге устраивалась гавань. Татары были отражены от Азова. На Днепре турки и татары были отбиты от занятых русскими крепостей – Казыкерменя и Тавани, в Польше окончательно утвердился королем Август; кумпанства усердно строили корабли, шведский король прислал триста пушек для войны с неверными. Охотнее, чем с другими, переписывался Петр с Виниусом, как с человеком более других образованным и неутомимым в своей деятельности. Виниус в своих письмах постоянно требовал присылки оружейных мастеров, потому что железо есть доброе, а мастеров нет: «Наипаче болит сердце, что иноземцы, высокою ценою продав свейское железо и побрав деньги, за рубеж поехали, а наше сибирское многим свейского лучше».

Никто больше Петра не мог сочувствовать этой сердечной боли Виниуса. Он отвечал ему: «Пишешь, ваша милость, о мастерах: из тех мастеров, которые делают ружья и замки зело доброе, сыскали и пошлем, не мешкав; а ради поспешения из тех же мест, где Бутманна олонецкие заводы сыскал, добыть возможно. Однако же мы здесь сыщем таких, за что взялся бургомистр Витзен, только, мню, не вскоре». Известия о мастерах перемешивались с известиями политическими: «Что пишешь о мастерах железных, что в том деле бургомистр Витзен может радение показать и сыскать, о чем я ему непрестанно говорю, а он только манит день за день, а прямой отповеди по ся поры не скажет; и если ныне он не промыслит, то надеюсь у короля польского чрез его посла добыть не только железных, но и

медных. Мир с французом учинен, и здесь дураки зело рады, а умные не рады, для того что француз обманул, и чают вскоре опять войны».

В другом письме Петр опять пишет о Витзене: «О железных мастерах многажды говорил Витзену, только он от меня отходил московским часом». Между делом Виниус доносил и о пирах оставленных в Москве членов компании: «В царские имянины князь Федор Юрьевич Ромодановский великую нам трапезу и богатую даровал в столовой генеральской в Преображенском: сидели за разными столами больше ста человек, и с таким усердием и милостию нас трактовал, и стрельба мелкая и крупная так была сильна, что едва столовая устояла и стена одна гораздо повыдалась; даже до четырех и до пяти часа ночи, что в три дни каждый насилу мог оправиться». Описывая другой пир, Виниус пишет: «Ивашко с дядею своим (Бахусом) из своих великих мокрых сребреных и цкляных можеров в желудки бросали». Ивашку не забывали и в Голландии: извиняясь, что не ко всем отправил письма, Петр писал Виниусу: «Иное за недосугом, а иное за отлучкою, а иное за хмельницким не исправишь».

Четыре месяца с половиною жил Петр в Голландии: фрегат, заложенный им, был спущен. На Ост-Индской верфи, вдав себя с прочими волонтерами в научение корабельной архитектуры, государь в краткое время совершился в том, что подобало доброму плотнику знать, и своими трудами и мастерством новый корабль построил и на воду спустил. Потом просил той верфи баса [мастера] Яна Поля, дабы учил его препорции корабельной, который ему чрез четыре дня показал. «Но понеже в Голландии нет на сие мастерство совершенства геометрическим образом, но точию некоторые принципии, прочее же с долговременной практики, о чем и вышереченный бас сказал и что всего на чертеже показать не умеет, тогда зело ему стало противно, что такой дальний путь для сего восприял, а желаемого конца не достиг. И по нескольких днях прилучилось быть его величеству на загородном дворе купца Яна Тесинга в компании, где сидел гораздо не весел ради вышеописанной причины; но когда между разговоров спрошен был: для чего так печален? тогда оную причину объявил. В той компании был один англичанин, который, слыша сие, сказал, что у них в Англии сия архитектура так в совершенстве, как и другие, и что кратким временем научиться можно. Сие слово его величество зело обрадовало, по которому немедленно в Англию поехал и там, чрез четыре месяца, оную науку окончил».

Голландская шапка Петра Первого

В январе 1698 года Петр переехал из Голландии в Англию и скоро из Лондона перебрался в городок Дептфорд, где на королевской верфи занимался окончанием науки. Здесь он приговорил до шестидесяти человек иностранцев, мастеров золотых дел, в то же время послы в Голландии приговорили более ста человек, для флота много нанял принятый в Голландии в русскую службу капитан Корнелий Крейс: он был принят прямо вице-адмиралом.

Абрахам Сторк. Визит московского посольства в Амстердам 29 августа 1697 года

Проведя три месяца в Англии, Петр переехал в Голландию, но не остановился здесь, а направил путь на юго-восток – в Вену. Переговоры посольства с Генеральными штатами насчет помощи царю в войне с турками не удались: штаты под тем предлогом, что страна их истощена французскою войною, отказались ссудить царя мореходцами, оружием, снарядами, и скоро Петр узнал, что штаты вместе с английским королем хлопочут о посредничестве к заключению мира между Австриею и Турциею. Этот мир был необходим для Голландии и Англии, чтоб дать императору возможность свободно действовать против Франции: предстояла страшная война за наследство испанского престола, т. е. для сокрушения опасного для всей Европы могущества Франции. Но во сколько для Англии и Голландии было выгодно заключение мира между Австриею и Турциею, во столько же им было выгодно продолжение войны между Россиею и Турциею, чтоб последняя была занята и не могла, по наущению Франции, снова отвлечь силы Австрии от войны за общеевропейские интересы.

Открытый лист, с которым Петр I путешествовал за границей под именем Петра Михайлова. 1697 г.

Но эти интересы находились в противоположности с интересами России: Петр трудился изо всех сил, чтобы окончить с успехом войну с Турциею, приобрести выгодный мир; но мог ли он надеяться с успехом вести войну и окончить ее один, без Австрии и Венеции? Следовательно, главною заботою Петра теперь было – или уговорить императора к продолжению войны с турками, или, по крайней мере, настоять, чтоб мирные

переговоры были ведены сообща и все союзники были одинаково удовлетворены.

Шестнадцатого июня посольство въехало торжественно в Вену: царь, по обыкновению, опередил его и приехал просто на почтовых. Он спешил приступить к делу и в разговоре с канцлером, графом Кинским, объявил, что недоволен решением императора заключить мир на основании uti possidetis (да владеет каждый тем, чем владеет во время мирных переговоров), объявил, что для России необходимо обеспечить себя со стороны Крыма, овладеть здесь хорошею крепостию; Россия для императора разорвала мир с турками; надобно, чтоб все союзники получили желаемые ими выгоды; англичан и голландцев слушать нечего: они заботятся только о своих барышах; император спешит помириться с турками для войны с французами за испанское наследство и покидает своих союзников: но как скоро начнется французская война, султан немедленно поднимется на императора; войска выйдут из Венгрии для французской войны, и венгры забунтуют.

Царь требовал кроме удержания всех своих завоеваний еще крепости Керчи в Крыму, без которой никакой пользы ему от мира не будет: татары по-прежнему будут нападать на Россию. Петр не досказал: с Азовом и Таганрогом без Керчи он был заперт в Азовском море. Если турки не согласятся на уступку Керчи России, то союзники должны продолжать войну. Император отвечал, что требования царя справедливы, но чтоб заставить турок исполнить их, лучше всего, если русские поспешат взять Керчь оружием, обещал поддерживать на конгрессе требования русских уполномоченных и не приступать ни к чему без согласия с царем.

Переговоры этим должны были прекратиться; Петр, осмотрев все замечательное в Вене, съездив в местечко Баден и в Пресбург, собрался уже в Венецию, как почта привезла письма из Москвы: Ромодановский писал, что стрельцы взбунтовались и идут к Москве. Вместо Венеции Петр отправился в Россию.

Мы видели, что в 1689 году очень немногие из стрельцов участвовали в замыслах Софьи и Шакловитого, большинство сначала отстранялось от вмешательства в ссору между братом и сестрой, а потом явно приняло сторону Петра, принудив Софью исполнить его требование – выдать Шакловитого. По-видимому, такое поведение должно было совершенно примирить новое правительство со стрельцами; но вышло напротив. Еще прежде 1689 года образовались потешные полки, которые вместе со старыми солдатами стали в противоположность стрельцам; привыкли смотреть так, что потешные – войско Петра, стрельцы –

войско Софьи. Помирить потешных и вождей их со стрельцами нельзя было не по одним этим отношениям: потешные были представителями нового, имеющего жить, стрельцы – представители отжившей старины. Новое получило торжество в торжестве Петра над Софьею, стрельцам предстояло перестать быть стрельцами, превратиться в солдат; эта перемена была для них страшно тяжела, они не согласятся на нее добровольно, прежде попытаются, нельзя ли удержаться в прежнем положении, удержать старину. При таком положении дел в причинах к раздражению не могло быть недостатка.

Вспомним потехи: дерутся два войска, русское войско, на стороне которого сам царь, – это потешные солдаты; войско враждебное, которым предводительствует польский король, – это стрельцы; они побеждаются, и этим выказывается их несостоятельность пред новым войском. Унижение и раздражение сильные. Причины к раздражению были и на стороне противной: мы не имеем никакого права отвергнуть известие, что стрельцы подкопались под Девичий монастырь, проломали пол в покоях царевны Софьи и вывели было ее подземным ходом, но после сильной схватки со сторожившими монастырь солдатами были переловлены и казнены. Как близкие к царю люди смотрели на стрельцов, на их отношения к правительству, всего лучше видно из приведенного выше письма Виниуса к Петру, что по получении благоприятных известий из-под Азова даже и в стрелецких слободах радовались. Азовские походы были очень тяжелы для стрельцов: два года сряду они должны были ходить так далеко, покидать семейства и выгодные промыслы в Москве; царь был ими недоволен, делал выговоры. Кто же виноват? Разумеется, иностранцы, и больше всех самый близкий из них к царю – Лефорт, и между стрельцами сильное раздражение против Лефорта.

Медаль в память первого заграничного путешествия Петра I (в память Великого посольства 1697–1698 гг.)

Обстоятельства становились все хуже и хуже для стрельцов. По взятии Азова их задержали там для охраны города, потом заставили работать над его укреплениями. Люди, недовольные царем, желающие избавиться каким бы то ни было средством, обращаются к стрельцам, как более других недовольным, обреченным на погибель. «Что они спят? – говорит Соковнин. – Им бы можно было убить государя, все равно им пропадать же». Легко понять чувства людей, которым все равно пропадать же, и легко понять отношения Петра и его приверженцев к людям недовольным, раздраженным, в которых враги видят верное, готовое орудие: Цыклер обращается к стрельцам, а Петру все живее и живее представляется 15 мая 1682 года и стрелецкие копья, обагренные кровью Матвеева и Нарышкиных; все враждебное связано для него со стрельцами и все враждебное и стрелецкое относится, как к своему началу, к замыслу Ивана Милославского, все враждебное и стрелецкое есть в его глазах семя Милославского: этот взгляд уже высказался в страшном зрелище казни Цыклера с товарищами, когда кровь их стекала в гроб Милославского; тут же высказалось и сильное ожесточение, высказалось, как впечатление отрочества оживлялось и укоренялось при каждом удобном случае.

А стрельцов в Азове мучила тоска по Москве, по привольной, спокойной, семейной жизни в столице. Была еще надежда, что азовская служба скоро кончится и последует перевод в Москву; но вдруг указ – передвинуть четыре стрелецких полка – Чубарова, Колзакова, Черного и Гундертмарка из Азова к литовской границе, в войско князя Михайлы Григорьевича Ромодановского, который с полками дворянскими, рейтарскими и солдатскими

стоял в ожидании, как разыграется борьба саксонской и французской партии в Польше. Стрельцы пришли из Азова в Великие Луки. Им на смену в Азов отправлены другие шесть полков стрелецких, остальные размещены по юго-западной границе; Москва очищена от стрельцов, там одни солдаты. Всего тягостнее четырем полкам стрелецким, которые вместо возвращения в Москву должны были пропутешествовать из Азова в Великие Луки. Многие из стрельцов решились во что бы то ни стало побывать в Москве!

В марте месяце больше полутораста человек убежали из полков и явились в Москве в челобитчиках; на спрос правительства, зачем ушли из полков, отвечали, что «их братья стрельцы с службы от бескормицы идут многие». Им назначили срок – 3 апреля, к которому они должны оставить Москву, причем велено им выдавать из Стрелецкого приказа кормовые месячные деньги сполна. Но беглецы узнали в Москве любопытные вещи.

Русские люди переживали небывалое время, и многим представлялся вопрос: не последнее ли это время? Царь явно сложился с немцами и уехал к ним за границу. Что там с ним делается неизвестно; правят бояре; а тут повсюду идут толки о старой и новой вере; сойдутся где-нибудь двое, станут разговаривать о *божестве*, и первый вопрос: как ты в перстном сложении крестное знамение на себе воображаешь? Беглые стрельцы встретили на Ивановской площади своих знакомых, стрельцов же, которые сидели в площадных подьячих; завязались разговоры; первое слово: «Государь наш залетел на чужую сторону!» Государь-то на чужой стороне, а что без него в Москве делается! Подьячие рассказали, что бояре хотят царевича удушить, хочет удушить боярин Тихон Никитич Стрешнев и сам на Москве властителем быть. «А вам уже на Москве не бывать!» – говорили подьячие стрельцам.

Легко понять, с каким чувством слушали стрельцы последние слова. Надобно как-нибудь промыслить, чтоб быть в Москве, а тут еще и приглашение. Бывшая правительница, царевна Софья, живет в заточении в Девичьем монастыре; сестры ее от Милославской на свободе во дворце, но и всем им тяжело после 1689 года; вместе с Софьею и они правительствовали; понадобятся деньги – пошлют в любой приказ и возьмут сколько хотят; а теперь уже не то, теперь они царевны опальные, беззаступные. У них, разумеется, сильное желание, чтоб дела переменились – хотя бы стрельцы опять помогли! У них средоточие всех сплетен, всех неблагоприятных для правительства слухов, между ними и Девичьим монастырем тайные пересылки, недовольные стрельчихи тут служат службы

недовольным царевнам.

С.В. Иванов. Стрельцы

Стрельцы, прибежавшие в Москву, не могли не обратиться к царевнам, которые на Верху одни могли принять в них участие, не могли не выражать желания видеть опять царевну Софью в державстве; хотя царевен и заперли на Верху на это смутное время, однако стрельцы нашли средство войти с ними в сношения; двое из беглых стрельцов, Проскуряков и Тума, составили челобитную о стрелецких нуждах и отдали вхожей в Верх стрельчихе, чтоб передала которой-нибудь царевне. Деятельнее других была царевна Марфа, и к ней пошла стрелецкая челобитная, ее же постельница отдала грамотку стрельчихе, чтоб та передала ее Туме. Марфа говорила постельнице о грамотке: «Смотри, я тебе верю; а если пронесется, то тебя распытают, а мне, кроме монастыря, ничего не будет». Той же постельнице Марфа велела сказать стрельчихе: «У нас на Верху позамялось: хотели было бояре царевича удушить; хорошо, если б и стрельцы подошли». С Верху же шли слухи: «Бояре хотели было царевича удушить, но его подменили и платье его на другого надели; царица узнала, что не царевич; а царевича сыскали в другой комнате, и бояре царицу по щекам били; а государь неведомо жив, неведомо мертв, и по стрельцов указ послан».

На Арбате, у ограды церкви Николы Явленного, стояла толпа стрельцов, и один из них, Василий Тума, читал грамоту – из

Девичья монастыря, от царевны Софьи Алексеевны, зовет все четыре полка, чтоб шли к Москве, становились табором под Девичьим монастырем и подавали ей, царевне, челобитье, чтоб шла по-прежнему на державство.

Если все должны приходить к Москве, то зачем же уходить из нее челобитчикам? В срочный день, третьего апреля, толпа стрельцов пришла к дому начальника Стрелецкого приказа, князя Ив. Бор. Троекурова, и просила, чтоб боярин выслушал их. Троекуров велел им выбрать четверых лучших людей для разговора с ним. Выборные явились и начали говорить, что они на службу до просухи не идут, били челом об отсрочке, представляли свою нужду, что доведены до крайнего упадка. Боярин прервал их и велел сейчас же идти на службу. Выборные отвечали, что не пойдут; тогда Троекуров велел их схватить и посадить в тюрьму; но на дороге товарищи отбили их. Весть об этом навела страх на бояр, помнивших хорошо стрелецкий бунт; притом же в апреле 1697 года и между солдатами Лефортова полка шла речь, чтоб подать челобитную царевне в Девичьем монастыре о даче им сухарей, потому что какой-то солдат рассказывал: стоял он на карауле в Верху, выходила государыня и говорила: что-де вы голы? берете по тридцать алтын на месяц, только на вас, что красные кафтаны. И солдат ей говорил, что берут по алтыну на день, а сходится по четыре деньги на день, выворотьі (вычеты) большие. Беспокойство бояр увеличивалось еще тем, что давно уже не было вестей из-за границы от царя.

Против стрельцов надобно было приготовить другую вооруженную силу, солдат, и князь Ромодановский послал за генералом Гордоном, рассказал ему, в чем дело. Гордону показалось, что князь преувеличивает опасность, и он заметил ему, что дело неважное: стрельцы слабы и предводителя у них нет. От Ромодановского Гордон отправился на Бутырки, где жили его солдаты, чтоб приготовиться на всякий случай, и был успокоен тем, что все солдаты были налицо в слободе, кроме занимавших караулы в разных местах. На другой день стрельцы по-прежнему оставались в Москве, но спокойно, побушевали только двое пьяных в Стрелецком приказе. Между тем на Верху сидели бояре, советовались, как быть. Решили выслать отряд солдат и выбить стрельцов – силою из Москвы. Вечером сотня семеновцев при помощи посадских выбили незваных гостей за заставу, буянили только двое: одного прибили так, что скоро умер, другого вместе с буянившими прежде в приказе сослали в Сибирь.

И.Я. Билибин. Стрелецкий бунт

В письме от восьмого апреля Ромодановский дал знать Петру о приходе беглых стрельцов и о том, что они выпровожены солдатами. Петр получил письмо в Амстердаме, сбираясь в Вену, и отвечал: «Письмо ваше государское я принял и, выразумев, благодарствую и впредь прошу, дабы не был оставлен. В том же письме объявлен бунт от стрельцов, и что вашим правительством и службою солдат усмирен. Зело радуемся; только зело мне

печально и досадно на тебя, для чего ты сего дела в розыск не вступил, Бог тебя судит. Не так было говорено на загороднем дворе в сенях. Для чего и Автамона (Головина, командира Преображенского полка) взял, что не для этого? А буде думаете, что мы пропали, для того, что почты задержались, и для того, боясь, и в дело не вступаешь: воистину скорее бы почты весть была; только, слава Богу, ни один не умер: все живы. Я не знаю, откуда на вас такой страх бабий! Мало ль живет, что почты пропадают? А се в ту пору была и половодь. Неколи ничего ожидать с такою трусостью! Пожалуй, не осердись: воистину от болезни сердца писал».

Чрез несколько дней Петр написал к Виниусу с упреком за опасения по поводу неприхода почт: «Зело дивлюсь и суду божию предаю тебя, что ты так сумненно пишешь о замедлении почт, а сам в конец известен сим странам. Не диво, кто не бывал. Я было надеялся, что ты станешь всем рассуждать бывалостью своею и от мнения отводить; а ты сам предводитель им в яму. Потому все думают, что коли-де кто бывал, так боится того, то уже конечно так. Воистину не от радости пишу».

Виниус спешил просить прощения, и царь отвечал ему: «Господь Бог да оставит всем нам наши долги, милосердия своего ради. А что я так к вам писал, о том сам рассудишь, каково мне то дело».

Дело было действительно важное. Стрельцов выгнали из Москвы, и они понесли в Торопец, где стояли теперь их полки с Ромодановским, разные вести и призыв из Девичьего монастыря. На дороге нагнала их стрельчиха и отдала новую грамотку от царевны Софьи: «Теперь вам худо, а впредь будет еще хуже. Ступайте к Москве, чего вы стали? Про государя ничего не слышно». В доказательство, что вперед стрельцам будет еще хуже, пришел указ из Москвы от двадцать восьмого мая: Ромодановский должен был распустить по домам своих полчан, пеших и конных, сам приехать в Москву, а стрельцы должны были оставаться до указа в городах Вязьме, Белой, Ржеве Володимировой и Дорогобуже; бегавших в Москву стрельцов, всего 155 человек, велено было сослать в малороссийские города – Чернигов, Переяславль, Новобогородицкой на вечное житье с женами и детьми, а пятидесятникам, десятникам и стрельцам, которые со службы не сходили, за их верную службу и за то, что ворам не потакали и подали на них заручные челобитные, сказать государево милостивое слово. Значит, правду говорили подьячие на Ивановской площади: стрельцам Москвы не видать!

Когда этот указ, присланный от царского имени, был объявлен, то полковники Чубаров, Черный и Тихон Гундертмарк

представили Ромодановскому беглых стрельцов из своих полков, человек пятьдесят, и Ромодановский велел отвести их в город (крепость) и сдать торопецким воеводам; но есаулы, провожавшие беглых, встретили на дороге толпы стрельцов, которые отбили товарищей, гонялись за есаулами и бросали палками. Ромодановский отправил было против них новгородских стрельцов, но те по малолюдству не могли сладить с мятежниками. Тогда Ромодановский по просьбе полковников послал вычитать подлинный указ на съезжих дворах по полкам порознь, а к разрядному шатру для сказки указа московских стрельцов призывать не велел за такою их воровскою шатостию, опасаясь от них всякого дурна.

В полках Чубарова и Колзакова стрельцы грамоту слушали, и Колзакова полка стрельцы били челом на милости и сказали, что за воров, если они явятся, стоять не станут; а чубаровские стрельцы сказали, что у них воров нет, а которые из них ходили в Москву, те ходили от голода. Колзаков из своего полка привел воров пятнадцать человек к разрядному шатру, а оттуда повел в Торопец и отдал воеводе; но стрельцы, собравшись, отняли их у воеводы отбоем, а за полковником Колзаковым гонялись и палками за ним вслед бросали, и ушел он от них, покинув лошадь, за реку Торопу, по мостовинам. А стрельцы полков Черного и Гундертмарка слушать царской грамоты к съезжим избам не пошли и по улицам, близ разрядного шатра и двора, где стоял Ромодановский, начали ломать изгороди и с кольем, собравшись многолюдством, стояли великими толпами. Ромодановский, испугавшись, с конными дворянскими полками выступил из города в поле и стал в ополчении по московской дороге; Чубаров, Гундертмарк и Колзаков были с ним; князь велел им ехать в свои полки и выводить их порознь из слобод в поле и идти в указные города.

Полк Чубарова выступил и пошел сквозь конные роты и полки. Ромодановский, подъехавши к нему, велел остановиться и стал уговаривать, чтоб выдали бегавших в Москву. Стрельцы отвечали, что за беглых не стоят, только взять их и выдать мóчи нет. Ромодановский сказал им на это: «Беглецов малое число, а вас пятьсот человек с лишком!» Стрельцы пошли в полк; прошел час времени – никакого движения. Ромодановский посылает сказать им, чтоб не медлили выдачею; прежний ответ: «Мóчи нашей нет!» Вслед за этим полк пошел, а беглые отстали и повернули к Торопцу; Ромодановский послал копейщиков и рейтар ловить их, те стали ловить, но тут выступает полк Гундертмарка, и воры скрылись в него, пробравшись болотными местами и кустарниками. Полковник и начальные люди кричали,

чтоб воров в полк не пускать; но рядовые стрельцы не послушались и хотели биться с конницею, ловившею воров; они кричали: «У нас в полках воров нет, а ходили в Москву от нужды и бескормицы!» Все стрельцы пошли в указные города, и Ромодановский отослал им жалованье на два месяца, чтоб не было никакого предлога к продолжению смуты.

Но стрельцам нужно было не одно жалованье, им нужна была Москва, в которую их не пускали; притом же дело было уже начато: царскому указу учинились ослушны, бегунов не выдали; семь бед – один ответ! Разумеется, бегуны, по инстинкту самосохранения, должны были изо всех сил бунтовать остальных. Стрельцы шли медленно, нехотя, делали верст по пяти в день, и шестого июня, на берегу Двины, бунт вспыхнул. На телеге, перед четырьмя полками, стоял стрелец Маслов и читал призывное письмо от царевны Софьи: «Вестно мне учинилось, что ваших полков стрельцов приходило к Москве малое число: и вам бы быть в Москве всем четырем полкам и стать под Девичьим монастырем табором, и бить челом мне идтить к Москве против прежнего на державство. А если бы солдаты, кои стоят у монастыря, к Москве пускать не стали, и с ними бы управиться, их побить и к Москве быть; а кто б не стал пускать с людьми своими или с солдатами, и вам бы чинить с ними бой».

Толпы зашумели: «Идти к Москве! Немецкую слободу разорить и немцев побить за то, что от них православие закоснело; бояр побить, а им, стрельцам, жить в домах своих. Послать и в иные полки, чтоб и те полки шли к Москве для того, что стрельцы от бояр и от иноземцев погибают и Москвы не знают, непременно идти к Москве, хотя б умереть, а один предел учинить. И к донским козакам ведомость послать. Если царевна в правительство не вступится и по коих мест возмужает царевич, можно взять и князя Василья Голицына: он к стрельцам и в крымских походах и на Москве милосерд был, а по коих мест государь здравствует, и нам Москвы не видать; государя в Москву не пустить и убить за то, что почал веровать в немцев, сложился с немцами. Все царевны стрельцов к Москве желают; царевна Софья торопецким козакам дала денег по полтине, чтоб шли к Москве».

Собрались круги, отставили прежних полковников и капитанов, а на их место выбрали новых и пошли к Москве.

Но в Москве солдаты, и потому у стрельцов дорогою такая речь была, чтоб им побывать на Бутырках, проведать у солдат, что у них делается? Стрелец Пузан отправился на Бутырки к знакомым солдатам Салениковым, и с одним из них виделся; но тот ему отказал: «Нам об вас заказ крепкий, и с вами нейдем, дела до вас нам нет, и вы как хотите». У стрельцов была и другая

речь: с солдатами не биться, по малолюдству (всего 2200 человек), а обойти Москву и засесть в Серпухове или Туле и писать в Белгород, Азов, Севск и другие города к тамошним стрельцам, чтоб шли к ним немедленно; всем вместе идти к Москве и бить бояр. Страх напал на жителей Москвы, когда узнали о приближении стрельцов. Зажиточные люди начали со всем имением разъезжаться в дальние деревни. Между боярами начались споры о мерах; наконец мнение князя Бориса Алексеевича Голицына восторжествовало, и положено было выслать против мятежников боярина Шеина с генералами Гордоном и князем Кольцовым-Масальским; войска у них было около четырех тысяч и двадцать пять пушек.

Семнадцатого июня царское войско встретило стрельцов под Воскресенским монастырем при переправе через реку Истру. Стрельцы прислали к Шеину письмо, в котором жаловались, что в Азове терпели всякую нужду, зимою и летом трудились над городовыми крепостями, потом из Азова перешли в полк к князю Ромодановскому, голод, холод и всякую нужду терпели: человек по полтораста их стояло на одном дворе, месячных кормовых денег не ставало и на две недели; тех, которые ходили по миру, били батогами. Из Торопца Ромодановский велел вывесть их на разные дороги по полку, отобрать ружье, знамена и всякую полковую казну и велел коннице, обступя их вокруг, рубить. Испугавшись этого, они не пошли в указные места, идут к Москве, чтоб напрасно не умереть, а не для бунту; пусть дадут им хотя немножко повидаться с женами и детьми, а там, как представится случай, и они опять рады идти на службу.

Шеин отправил Гордона в стаи к стрельцам объявить, что если они возвратятся в указные места и выдадут бегавших в Москву, также заводчиков настоящего бунта, то государь простит их и жалованье будет им выдано в указных местах по тамошним ценам. Гордон понапрасну истощал всю свою *реторику*, как сам выражается, уговаривая стрельцов, они отвечали, что или помрут, или будут на Москве, хотя бы на малое время, а там пойдут всюду, куда великий государь укажет; на дальнейшую реторику Гордона отвечали, что зажмут ему рот. Иноземцу не удалось, Шеин отправил русского князя Кольцова-Масальского уговаривать стрельцов; к нему вышел один из заводчиков, десятник Зорин, с черновою, неоконченною челобитною, в которой говорилось: «Бьют челом многоскорбне и великими слезами московские стрелецкие полки: служили они и прежде их прародители и деды и отцы их великим государям во всякой обыкновенной христианской вере; и обещались до кончины жизни их благочестие хранити, якоже содержит св. апостольская

церковь. И в 190 году стремление бесчинства, радея о благочестии, удержали, и по их, великих государей, указу в пременении того времени их изменниками и бунтовщиками звать не велено, и по обещанию, как целовали крест, о благочестии непременно служат. И в 203 году сказано им служить в городах погодно; а в том же году, будучи под Азовом, умышлением еретика, иноземца Францка Лефорта, чтобы благочестию великое препятие учинить, чин их московских стрельцов подвел он, Францко, под стену безвременно, и ставя в самых нужных в крови местах, побито их множество; его ж умышлением делан подкоп под их шанцы, и тем подкопом он их же побил человек с триста и больше; его же умыслом на приступе под Азовом посулено по десять рублев рядовому, а кто послужит, тому повышение чести: и на том приступе, с которою сторону они были, побито премножество лучших; а что они, радея ему, великому государю, и всему христианству, Азов говорили взять привалом, и то он оставил; он же, не хотя наследия христианского видеть, самых последних из них удержал под Азовом октября до третьего числа; а из Черкасского четырнадцатого числа пошел степью, чтоб их и до конца всех погубить, и, идучи, ели мертвечину, и премножество их пропало.

Стрелец с бердышом и пищалью. Иллюстрация из альбома Ф.Г. Солнцева «Одежды Русского государства». 1869 г.

И в 206 году Азов привалом взяли и оставлены город строить, и работали денно и нощно во весь год пресовершенною трудностию. И из Азова сказано им идти к Москве: и по вестям были они в Змиеве, в Изюме, в Цареве Борисове, на Мояке, в самой последней скудости; и из тех мест велено им идти в полк к боярину и воеводе к князю М.Г. Ромодановскому в Пустую Ржеву на зимовье, не займуя Москвы; и они, радея ему, великому

государю, в тот полк шли денно и нощно, в самую последнюю нужду осенним путем, и пришли чуть живы; и, будучи на польском рубеже, в зимнее время, в лесу, в самых нужных местах, мразом и всякими нуждами утеснены, служили, надеясь на его, великого государя, милость. И по указу велено все полки новгородского разряду распустить; а боярин и воевода Ромодановский, выведчи их из Торопца по полкам, велел рубить, а за что, не ведают. Они же, слыша, что в Москве чинится великое страхование и от того город затворяют рано, а отворяют часу в другом дня или в третьем, и всему народу чинится наглость: им слышно же, что идут к Москве немцы, и то знатно последуя брадобритию и табаку во всесовершенное благочестия испровержение».

Зорин требовал, чтоб челобитная была прочтена перед всем царским войском. Разумеется, это требование не было исполнено, и Шеин мог ясно видеть из челобитной, куда заходит дело, когда, с одной стороны, было выставлено православие, а с другой – еретик Францко Лефорт; под скромным именем челобитной это была злая выходка против царя, прикрытая выходкою против его любимца. Шеин мог ясно видеть, что переговоры, увещания усилили только дерзость стрельцов, тогда как успех против них не мог быть сомнителен: это была нестройная толпа, не имевшая предводителя, при недостаточной артиллерии. Начали приготовляться к битве; в обеих ратях служили молебны; стрельцы исповедались и дали клятву помереть друг за друга безо всякой измены.

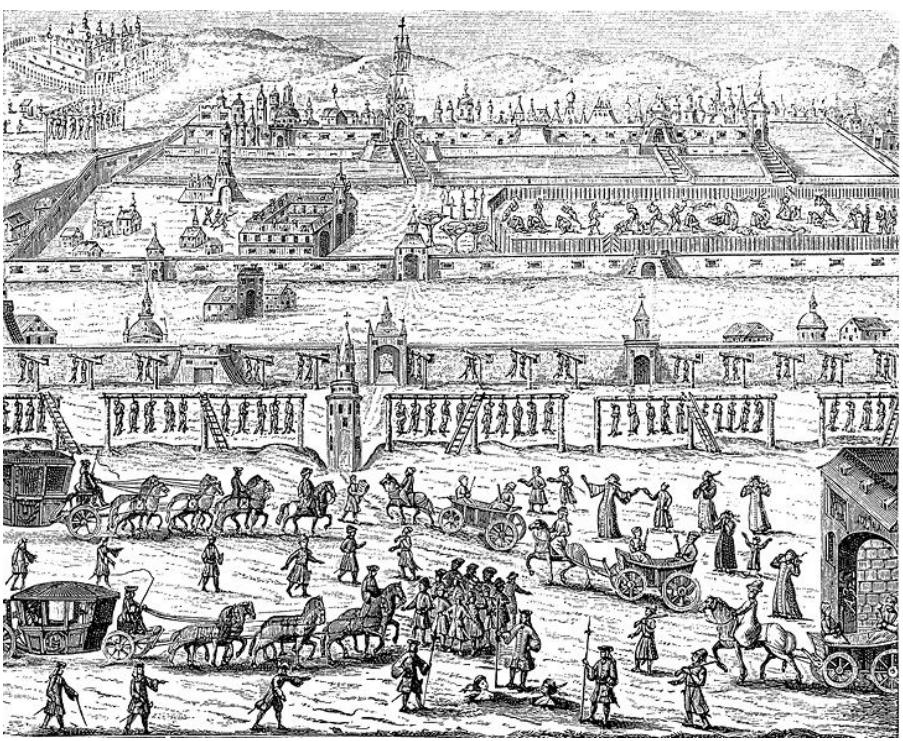
В последний раз послано им сказать, чтоб положили оружие и в винах своих добили челом государю, в противном случае начнется стрельба из пушек; стрельцы отвечали: «Мы того не боимся, видали мы пушки и не такие!» Но Шеин и тут шел постепенно: увидавши неуспешность переговоров, увещаний и угроз на словах, он попробовал постращать посильнее, велел выстрелить, но так, что ядра перелетели через головы стрельцов. Это еще более их ободрило: они стали распускать знамена, бросать вверх шапки и готовиться к бою. Но другой залп – и стрельцы замялись, несмотря на то, что некоторые кричали: «Пойдем против большого полка грудью напролом, и хотя б умереть, а быть на Москве!» Еще два залпа – и немного их осталось в обозе, который немедленно был занят царскими войсками.

Битва продолжалась не более часу. В царском войске было ранено только четыре человека, один смертельно; у стрельцов убито пятнадцать человек и ранено, большей часью смертельно – тридцать семь. Разбежавшиеся из обоза были переловлены; Шеин

«разбирал и смотрел у них, кто воры, а кто добрые люди, и которые в Москве бунт заводили? И после того были розыски великие и пытки им, стрельцам, жестокие и по тем розыскам многие казнены и повешены по дороге; остальных разослали в тюрьмы и монастыри под стражу».

С пытки винились в том, что было сделано в Торопце и по выходе из него на Двине: но никто не сказал о письме от царевны.

Получив от Ромодановского – короля известие о бунте стрельцов и движении их к Москве, Петр отвечал ему: «Пишет, ваша милость, что семя Ивана Михайловича растет: в чем прошу вас быть крепким; а кроме сего ничем сеи огнь угасить не можно. Хотя зело нам жаль нынешнего полезного дела (поездки в Венецию), однако сей ради причины будем к вам так, как вы не чаете». Ромодановский пишет о возмущении стрельцов, а Петру представляется, что растет семя Милославского! Остальные слова, что «только крепостию можно угасить сеи огнь», уже показывают сильное раздражение, которое внушало убеждение в необходимости крайних мер для уничтожения зла. Привести в ужас противников, кровью залить сопротивление – эта мысль обыкновенно приходит в голову революционным деятелям, в разгаре борьбы, при сильном ожесточении от сопротивления, при опасении за будущность свою и за будущность проводимого начала. Зловещий ответ Ромодановскому обещал Москве *террор*.



Казнь стрельцов в 1698 году. Гравюра из «Дневника путешествия в Московию (1698 и 1699 гг.)» Иоганна Георга Корба

На дороге из Вены в Россию Петр получил известия о прекращении бунта победою Шеина. Между прочим Виниус писал: «Ни един не ушел: по розыску пущие из них посланы в путь иной темной жизни с возвещением своей братьи таким же, которые, мню, и в ад посажены в особых местах для того, что, чаю, и сатана боится, чтоб в аде не учинили бунту и его самого не выгнали из его державы».

Двадцать шестого августа по Москве разнеслась весть, что накануне приехал царь; побывал кое-где, был у девицы Монс; не был во дворце, не видался с женою; вечер провел у Лефорта, ночевать уехал в Преображенское. В этот вечер или в эту ночь решено было дело, которое на другой день должно было изумить Москву и многих поразить ужасом.

Петр возвратился в Москву в сильном раздражении: семя Ивана Милославского, стрельцы, пошли опять ему наперекор; перед отъездом Соковнин, Цыклер, стрельцы; только что отдохнул за границею, занявшись любимыми делами, как опять стрельцы не дают продолжать путешествия. Но стрельцы – это только застрельщики, это только вооруженная сила, за которою стоит масса людей, противных преобразованию, противных всему тому, чем уже заявил Петр свою деятельность, с чем связал себя невозвратно, без чего не может существовать. Петр хорошо знал, как смотрели эти люди на его деятельность; он не откажется в угоду им от этой деятельности, напротив, он ее усилит и, следовательно, возбудит против себя еще большую ненависть, большее ожесточение; сознание этого ожесточения в других страшно ожесточает его самого; он готов к борьбе на жизнь и на смерть, он возбужден, он кипит, первый пойдет напролом, он бросится на знамя противников, вырвет и потопчет его: это знамя – борода, это знамя – старинное длинное платье.

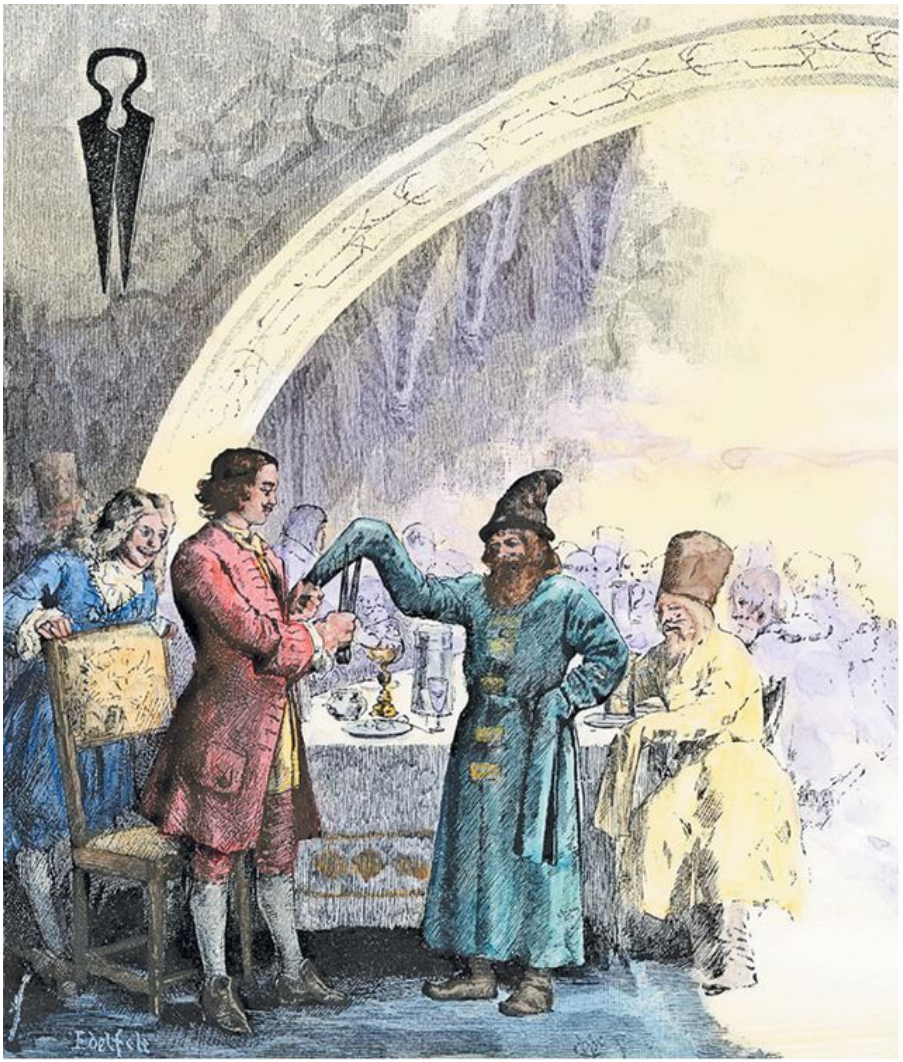
Но мы не можем остановиться здесь на одних личных побуждениях Петра и выпустить из внимания общий ход народного дела. До Петра народ повернул к Западу, до Петра начал работать новому началу, и это должно было непременно высказаться в одежде и волосах. Удивляться нечего этому явлению, которое повторяется беспрерывно в глазах наших: человек, прежде всего, в своей наружности, в одежде и уборке волос старается выразить состояние своего духа, свои чувства, свои взгляды и стремления. Как только признано превосходство иностранца, обязанность учиться у него, так сейчас же является подражание, которое естественно и необходимо начинается с

внешнего, с одежды, с убранства волос, а тут еще твердили, что в покрое платья выказывается разум народа: русское платье некрасиво и неудобно, за него иностранцы зовут нас варварами, особенно нерасчесанные волосы делают нас мерзкими, смешными, какими-то лесовиками.

Уже при Борисе Годунове при первом движении к Западу начинается между русскими подражание иностранцам в наружности, начинается бритье бород, и тут же начинаются против этого сильные выходки хранителей старины. При царе Алексее Михайловиче с усилением движения к Западу усиливается и брадобритие: мы видели, как ревностный блюститель отеческих преданий Аввакум не хотел благословить сына боярина Шереметева, потому что тот явился к нему в *блудоносном образе*, т. е. с бритою бородою. Ревнители отеческих преданий употребили все свои усилия, чтоб искоренить «еллинские, блуднические, гнусные обычаи», и достигли, по-видимому, своей цели, когда правительство, в угоду им, начало отнимать чины за подрезывание волос.

Но эта ревность была вредна только ревнителям, которые были не в состоянии остановить рокового движения и только раздражали противников, заставляли их относиться к бороде и старому длинному платью так же враждебно, как ревнители относились к блудоносному образу: борода стала знаменем в борьбе двух сторон, и понятно, что когда победит сторона нового, то первым ее делом будет низложить враждебное знамя. Движение, долженствовавшее привести к этой победе, шло безостановочно: в 1681 году царь Федор Алексеевич издал указ всему синклиту и всем дворянам и приказным людям носить короткие кафтаны вместо прежних длинных охабней и однорядок: в охабне или однорядке никто не смел являться не только во дворец, но и в Кремль. Патриарх Иоаким с отчаянием увидел, что еллинский, блуднический, гнусный обычай брадобрития явился с новою силою; опять загремел против него патриарх: «Еллинский, блуднический, гнусный обычай, древле многащи возбраняемый, во днех царя Алексея Михайловича всесовершенно искорененный, паки ныне юнонеистовнии начаша образ, от Бога мужу дарованный, губити».

Е.Ф. Урлауб. Реформы Петра (запрет на бороды и традиционную одежду)



Петр I на пиру обрезает традиционную русскую долгополую одежду сановника

Патриарх отлучает за брадобритие от церкви, отлучает и тех, которые с брадобрийцами общение имеют, – тщетные усилия, обращающиеся только во вред авторитету церкви и духовенства. Преемник Иоакима Адриан издал также сильное послание против брадобрития, еретического безобразия, уподобляющего человека котам и псам; патриарх стращал русских людей вопросом: если они обреют бороды, то где станут на Страшном суде: «с праведниками ли, украшенными брадою, или с обритыми еретиками?»

Эти выходки служат для нас лучшим мерилом силы стремления, против которого они делались, лучшим мерилом

силы раздражения, какое должны были возбуждать в людях «юнонеистовых». Заметим также, что способ, употребленный Петром против бород и русского платья, был завещан ему предшественниками, и другой способ был тогда немыслим: указом царь Алексей Михайлович вооружился против брадобрития, наказывая ослушников понижением в чинах; указом царь Федор Алексеевич велел носить короткие кафтаны вместо длинных охабней и однорядок; патриарх со своей стороны отлучением от церкви наказывал за еллинский обычай: Петр точно таким же насильственным образом выводит бороды и русское платье.

Наконец заметим еще одно обстоятельство: без сомнения, первым делом Петра по приезде в Москву было потребовать розыскное дело о стрельцах, и легко понять, с каким чувством читал он челобитную их, наполненную злыми выходками против Франца Лефорта (т. е. против самого Петра), против немцев, последующих брадобритию. «Я немец, последующий брадобритию: так вот же вам ваши бороды!»

Утром 26 августа толпа всякого рода людей наполняла деревянный Преображенский дворец, где Петр жил запросто, принимая вместе с знатью людей самых простых. Тут, разговаривая с вельможами, он собственноручно обрезывал им бороды, начиная с Шеина и Ромодановского; не дотронулся только до самых почтенных стариков, которым вовсе не к лицу была новая мода: до Тихона Никитича Стрешнева и князя Михаила Алегуковича Черкаского, они одни и остались с бородами; другие догадались, в дело, и начали бриться; недогадливым было сделано еще внушение: первого сентября, в тогдашний Новый год, был большой обед у Шеи, некоторые явились с бородами, но теперь уже не сам царь, а царский шут упражнялся в обрезывании бород. Кто после того не хотел бриться, должен был платить известную пошлину.

Дело было начато, вызов брошен людям, провозглашавшим брадобритие блудною, еретическою новостию; но Петр не дал им опомниться от этого удара, сразил новым ужасом, начавши кровавый розыск против стрельцов, которые осмелились с оружием в руках пойти против немцев, последующим брадобритию. С половины сентября начали привозить в Москву стрельцов, оставшихся в живых после первого, Шеиновского розыска, и наполнили ими окрестные монастыри и села: всего было более 1700 человек. В Преображенском в четырнадцати застенках начались пытки с семнадцатого сентября – печальный день именин Софьи, когда шестнадцать лет тому назад без суда казнены были Хованские. Пытки отличались неслыханною

жестокостию. Добыто было признание, что стрельцы хотели стать под Девичьим монастырем и звать Софию в управительство; наконец один стрелец, с третьего огня, признался, что было к ним послано от царевны Софьи письмо, которое Тума принес из Москвы в Великие Луки; то же показано было и некоторыми другими стрельцами; дело дошло до стрельчих, оговоренных в передаче письма, до женщин, живших при Софье в монастыре, при сестре ее Марфе: женщины были пытаны и показали уже известное нам о сношениях двух сестер и о передаче письма стрельцу.

Между тем делались страшные приготовления к казням: ставили виселицы по Белому и Земляному городам, у ворот под Новодевичьим монастырем и у четырех съезжих изб возмутившихся полков. Патриарх вспомнил, что его предшественники в подобных случаях становились между царем и жертвами его гнева, *печаловались* за опальных, утоляли кровь: Адриан поднял икону Богородицы и отправился в Преображенское к Петру. Но богатырь расходился, никто и ничто его не удержит; завидев патриарха, он закричал ему: «К чему это икона? Разве твое дело приходить сюда? Убирайся скорее и поставь икону на свое место. Быть может, я побольше тебя почитаю Бога и Пресвятую Его Матерь. Я исполняю свою обязанность и делаю богоугодное дело, когда защищаю народ и казню злодеев, против него умышлявших».

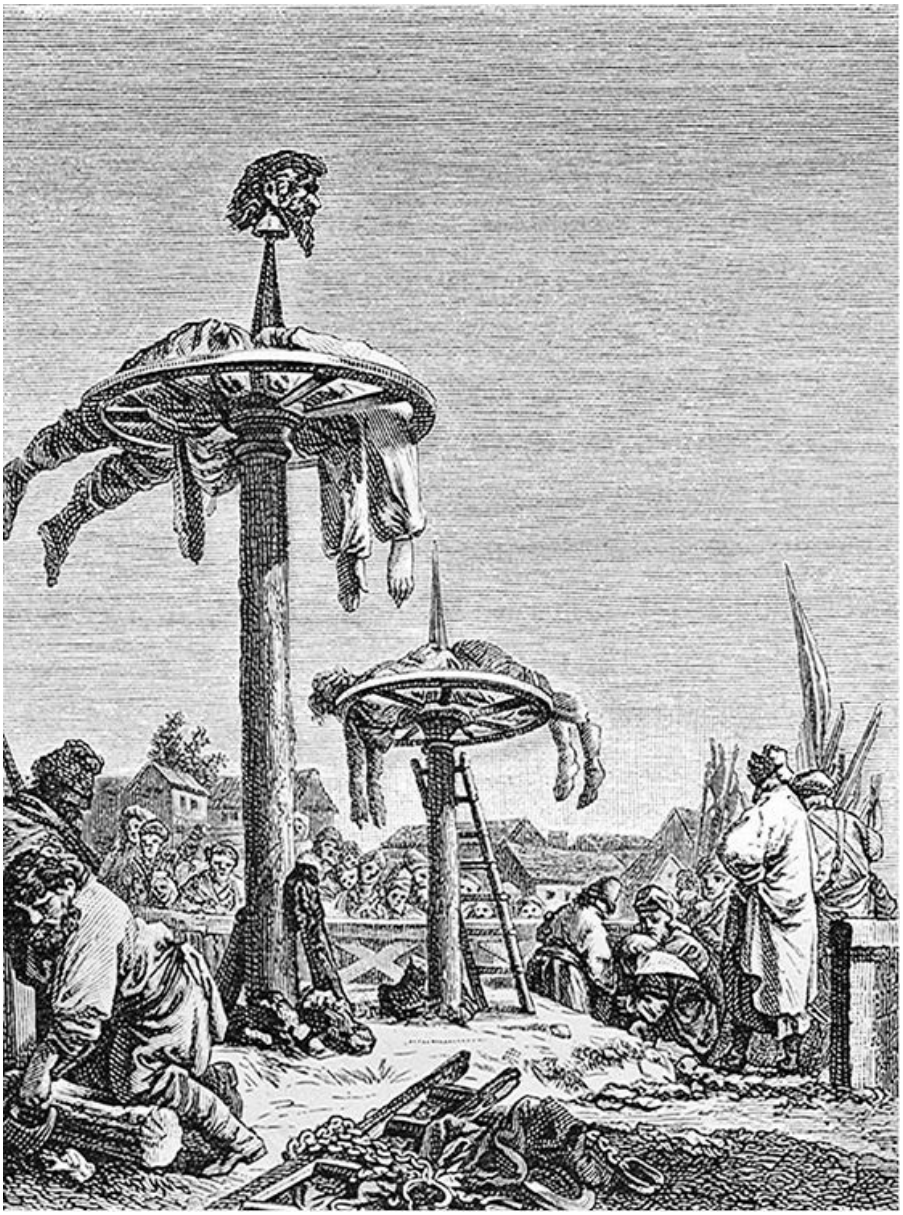
Петр сам допросил обеих сестер, замешанных в дело, Марфу и Софью. Марфа призналась, что говорила Софье о приходе стрельцов, о их желании видеть ее, Софью, на царстве; но отреклась, что никакого письма не передавала стрельчихе. Софья, спрошенная про письмо, переданное стрельцами от ее имени, отвечала: «Такова письма, которое к розыску явилось, от ней в стрелецкие полки не посылывано. А что те стрельцы говорят, что, пришед было им к Москве, звать ее, царевну, по-прежнему в правительство, и то не по письму от нее, а знатно потому, что она с 190 года была в правительстве».

Тридцатого сентября была первая казнь: стрельцов, числом двести один человек, повезли из Преображенского в телегах к Покровским воротам; в каждой телеге сидело по двое и держали в руке по зажженной свече; за телегами бежали жены, матери, дети со страшными криками. У Покровских ворот в присутствии самого царя прочитана была сказка: «В распросе и с пыток все сказали, что было придтить к Москве, и на Москве, учиня бунт, бояр побить и Немецкую слободу разорить, и немцев побить, и чернь возмутить, всеми четыре полки ведали и умышляли. И за то ваше воровство указал великий государь казнить смертию».

По прочтении сказки осужденных развезли вершить на указные места; но пятерым, сказано в деле, отсечены головы в Преображенском; свидетели достоверные объясняют нам эту странность: сам Петр собственноручно отрубил головы этим пятерым стрельцам.

Одиннадцатого октября новые казни: вершено 144 человека, на другой день – 205, на третий – 141, семнадцатого октября – 109, осьмнадцатого – 63, девятнадцатого – 106, двадцать первого – два. Сто девяносто пять стрельцов повешено под Новодевичьим монастырем, перед кельею царевны Софьи, трое из них, повешенные подле самых окон, держали в руках челобитные, «а в тех челобитных написано против их повинки».

В Преображенском происходили кровавые упражнения; здесь 17 октября приближенные царя рубили головы стрельцам: князь Ромодановский отсек четыре головы; Голицын, по неуменью рубить, увеличил муки доставшегося ему несчастного; любимец Петра *Алексашка* (Меншиков) хвалился, что обезглавил двадцать человек; полковник Преображенского полка Блюмберг и Лефорт отказались от упражнений, говоря, что в их землях этого не водится.



Казнь колесованием. Гравюра. Начало XVIII века

Петр смотрел на зрелище, сидя на лошади, и сердился, что некоторые бояре принимались за дело трепетными руками. «А у пущих воров и заводчиков ломаны руки и ноги колесами; и те колеса воткнуты были на Красной площади на колья; и те стрельцы, за их воровство, ломаны живые, положены были на те колеса и живы были на тех колесах не много не сутки, и на тех колесах стонали и охали; и по указу великого государя один из них застрелен из фузеи, а застрелил его преображенский сержант

Александр Меншиков. А попы, которые с теми стрельцами были у них в полках, один перед тиунскою избою повешен, а другому отсечена голова и воткнута на кол, и тело его положено на колесо».

Целые пять месяцев трупы не убирались с мест казни, целые пять месяцев стрельцы держали свои челобитные перед окнами Софьи.

Кроме розыска стрельцами, взятыми под Воскресенским монастырем, шел еще розыск по азовскому делу. Когда узнали в Черкасске на Дону о поражении стрельцов под Воскресенским монастырем, то козаки говорили писарю, приехавшему из Воронежа: «Знать ты *потешный*, дай только нам сроку, перерубим мы и самих вас, как вы стрельцов перерубили. Если великий государь к заговенью в Москве не будет и вестей никаких не будет, то нечего государя и ждать! А боярам мы не будем служить и царством им не владеть, и атаман нас Фрол (Минаев) не одержит, и Москву нам очищать. Мы Азова не покинем; а как будет то время, что идти нам к Москве, и у нас молодцы с реки не все пойдут, и река у нас впусте не будет, пойдем хотя половиною рекою, а до Москвы города будем брать и городовых людей с собою брать, и воевод будем рубить или в воду сажать».

Когда в Азове узнали о событиях под Воскресенским монастырем, то стрельцы начали говорить: «Отцов наших и братьев и сродичев порубили, а мы в Азове зачтем, начальных людей побьем». Монахи распустили слух, что четыре полка стрельцов и солдат Преображенского и Семеновского полков, которые были посланы против стрельцов, но с ними не бились, порублены все, а царевич окопался на Бутырках. Монахи говорили стрельцам: «Дураки вы, б… дети, что за свои головы не умеете стоять, вас и остальных всех немцы порубят, а донские козаки давно готовы». Стрелец Парфен Тимофеев говорил: «Когда бунтовал Разин, и я ходил с ним же: еще я на старости тряхну!» А другой стрелец, Бугаев, толковал: «Стрельцам ни в Москве, ни в Азове житья нигде нет: на Москве от бояр, что у них жалованье отняли без указу; в Азове от немцев, что их на работе бьют и заставляют работать безвременно. На Москве бояре, в Азове немцы, в земле черви, в воде черти».

Кроме азовского еще новый розыск: стрелецкий полковой поп донес, что в Змиеве в шинке стрельцы толковали о своей беде, сбирались со всеми своими полками, стоявшими в Малороссии, идти к Москве; первые должны были попасть на их копья – боярин Тихон Стрешнев за то, что у них хлеба убавил, Шеин за то, что ходил под Воскресенский монастырь. А как будут брать наряд в Белгороде, убить прежде всего боярина князя Якова Фед.

Долгорукова, если наряда не даст. В походах говорили: «Боярин князь Яков Фед. Долгорукий выбил нас в дождь и слякоть; чем было нам татар рубить, пойдем к Москве бояр рубить».

Одиннадцатого октября, во второй день казней, Петр созвал собор из всех чинов людей, которому поручил исследовать злоумышление царевны Софьи и определить, какому наказанию она должна быть подвергнута. Решение собора неизвестно; царевну можно было сильно подозревать; но для прямого доказательства ее вины розыск не мог ничего представить. Мы видели, что отвечала Софья брату: «Письма я никакого не посылала, но стрельцы могли желать меня на правительство, потому что прежде я была правительницею». Чтоб уничтожить связь между этим прошедшим и будущим, чтоб впредь никто не мог желать ее на правительство, лучшим средством было пострижение. Софья была пострижена под именем Сусанны и оставлена на житье в том же Новодевичьем монастыре под постоянною стражею из сотни солдат. Сестры ее могли ездить в монастырь только на Светлой неделе и в монастырский праздник Смоленской иконы (28 июля) да еще в случае болезни монахини Сусанны; Петр сам назначил доверенных людей, которых можно было посылать со спросом о ее здоровье, и приписал: «А певчих в монастырь не пускать: поют и старицы хорошо, лишь бы вера была, а не так, что в церкви поют: *спаси от бед*, а в паперти деньги на убийство дают».

Стрелецкая караульня при Напрудной башне Новодевичьего монастыря в Москве. Считается, что она в 1698–1704 годах

служила местом заточения царевны Софьи, поскольку только эти палаты имели окна, прорубленные в сторону пруда, откуда царевна наблюдала за казнью стрельцов

Софья была оставлена в подмосковном монастыре; гораздо виновнее по следствию являлась сестра ее Марфа, которая сама призналась, что сообщила сестре о приходе стрельцов и желании их видеть ее, Софью, правительницею, а постельница Марфы утверждала, что царевна получила челобитную от стрельцов и от нее шло письмо к Туме. Марфу постригли под именем Маргариты в Успенском монастыре Александровской слободы (теперь город Александров Владимирской губернии).

Еще прежде сестер Софьи и Марфы Петр постриг жену свою, царицу Евдокию Федоровну. Из известного нам образа жизни Петра с его компаниею, Петра – плотника, шкипера, бомбардира, вождя новой дружины, бросившего дворец, столицу для беспрерывного движения, – из такого образа жизни легко догадаться, что Петр не мог быть хорошим семьянином. Петр женился, т. е. Петра женили семнадцати лет, женили по старому обычаю, на молодой, красивой женщине, которая могла сначала нравиться. Но теремная воспитанница не имела никакого нравственного влияния на молодого богатыря, который рвался в совершенно иной мир; Евдокия Федоровна не могла за ним следовать и была постоянно покидаема для любимых потех. Отлучка производила охлаждение, жалобы на разлуку раздражали.

Но этого мало. Петр повадился в Немецкую слободу, где увидал первую красавицу слободы, очаровательную Анну Монс, дочь виноторговца. Легко понять, как должна была проигрывать в глазах Петра бедная Евдокия Федоровна в сравнении с развязною немкою, привыкшею к обществу мужчин, как претили ему приветствия вроде: лапушка мой, Петр Алексеевич! – в сравнении с любезностями цивилизованной мещанки. Но легко понять также, как должна была смотреть Евдокия Федоровна на эти потехи мужа, как раздражали Петра справедливые жалобы жены и как сильно становилось стремление не видать жены, чтоб не слыхать ее жалоб.

Опостылела жена; должны были опостылеть и ее родственники Лопухины, и Льву Кирилловичу Нарышкину легко было избавиться от соперников: мы видели, какие страшные слухи ходили по Москве об участи самого видного из Лопухиных. А всему виною проклятые немцы, проклятый Лефорт, которому вместе с Плещеевым приписывали доставление Петру развлечений, особенно неприятных царице. И вот у Лопухиных к

Лефорту ненависть страшная.

Рассказывают, что однажды за обедом у Лефорта один из Лопухиных побранился с хозяином, кинулся на него и помял прическу, а Петр за это надавал пощечин Лопухину. Перед отъездом Петра за границу, когда удаляли из Москвы всех ненадежных людей, удалены были и отец царицы с двумя братьями: «Марта в 23-й день великий государь указал быть в городах на воеводствах: на Тотме боярину Федору Авраамовичу, на Чаронде боярину Василию Авраамовичу да с ним племяннику его стольнику Алексею Андрееву сыну, в Вязьме стольнику Сергею Авраамову сыну Лопухиным, и с Москвы в те города ехать им вскоре». После всего этого Петру, разумеется, не хотелось возвратиться из-за границы в Москву и застать здесь подле сына постылую Евдокию. Женившись по старинке, Петр задумал и избавиться от жены по старому русскому обычаю: уговорить нелюбимую постричься, а не согласится – постричь насильно. Из Лондона он писал Нарышкину, Стрешневу и духовнику Евдокии, чтоб они уговорили ее добровольно постричься. Стрешнев отвечал, что она упрямится, а духовник – человек малословный, и что надобно ему письмом подновить.

Н.С. Матвеев. Против воли постриженная

Ничто не подействовало, и Петр по возвращении в Москву решился принудить Евдокию постричься. Двадцать третьего сентября Евдокию отправили в суздальский Покровский девичий монастырь, где и была пострижена под именем Елены в июне следующего 1699 года. Причина этой медленности неизвестна; сохранилось только любопытное известие от сентября 1698 года, что царь рассердился на патриарха, зачем не исполнено его повеление и Евдокия еще не пострижена, патриарх сложил всю вину на архимандрита и четырех священников, которые не соглашались на пострижение как на дело незаконное и отвезены были за это ночью в Преображенское. Малолетнего царевича

Алексея, по отъезде матери, перевезли к тетке, царевне Наталье Алексеевне.

В древней летописи русской находится любопытный рассказ, как великий князь Владимир разлюбил жену свою Рогнеду, как та хотела его за это убить, не успела и приговорена была мужем к смерти; но когда Владимир вошел в комнату Рогнеды, чтоб убить ее, то к нему навстречу вышел маленький сын их Изяслав и, подавая меч Владимиру, сказал: «Разве ты думаешь, что ты здесь один?» Владимир понял смысл слов сына и отказался от намерения убить жену. Но обыкновенно мужья и жены, когда ссорятся, забывают, что они не одни; и Петр, постригая жену, забыл, что он не один, что у него остался сын от нее.

Печальные события лета и осени 1698 года держали Петра в сильном раздражении, которое в некоторых случаях выражалось порывами бешенства. Четырнадцатого сентября на пиру у Лефорта Петр начал браниться с Шеиным и выбежал вон, чтоб справиться, сколько Шеин за деньги наделал полковников и других офицеров. Возвратился в страшной ярости, выхватив шпагу, ударил ею по столу и сказал Шеину: «Вот точно так я разобью и твой полк, и с тебя сдеру кожу». Ярость еще больше была усилена, когда князь Ромодановский и Зотов стали защищать Шеина; Петр бросился на них, ударил Зотова по голове, Ромодановского по руке, так что едва не отсек пальцев; Шеин был бы убит, если б Лефорт не удержал Петра, получивши и сам порядочный удар. Все были в ужасе, но *молодой фаворит* умел успокоить Петра, который потом весело пропировал до утра.

Этот молодой фаворит был сержант Преображенского полка Александр Данилович Меншиков, известный в описываемое время больше под именем Алексашки. Относительно происхождения знаменитого впоследствии светлейшего князя нет никаких противоречий в источниках: современники-иностранцы единогласно говорят, что Меншиков был очень незнатного происхождения; по русским известиям, он родился близ Владимира и был сыном придворного конюха. Известно, какое значение получили при Петре потешные конюхи, как из них преимущественно сформировались потешные полки Преображенский и Семеновский; отсюда понятно, каким образом отец Меншикова попал в капралы Преображенского полка. Следовательно, официальный акт – жалованная грамота на княжеское достоинство Меншикову говорит совершенно справедливо, что родитель Александра Даниловича служил в гвардии. Но при этом мы не имеем никакого права не допускать известия, что сын потешного конюха, который долго не назывался иначе как Алексашка, торговал пирогами, ибо все эти мелкие

служилые люди и сами, как только могли, и дети их промышляли разными промыслами; не имеем никакого права отвергать следующий рассказ очевидца.

Бюст Александра Даниловича Меншикова

Петр, рассердившись однажды сильно на князя Меншикова, сказал ему: «Знаешь ли ты, что я разом поворочу тебя в прежнее состояние, чем ты был? Тотчас возьми кузов свой с пирогами, скитайся по лагерю и по улицам, кричи: “Пироги подовые!” как делывал прежде. Вон!» – и вытолкал его из комнаты. Меншиков

обратился к императрице Екатерине, которая успела развеселить мужа, а между тем Меншиков добыл себе кузов с пирогами и явился с ним к Петру. Государь рассмеялся и сказал: «Слушай, Александр! Перестань бездельничать, или хуже будешь пирожника». Гнев прошел совершенно. Меншиков пошел за императрицею и кричал: «Пироги подовые!», а государь вслед ему смеялся и говорил: «Помни, Александр». – «Помню, ваше величество, и не забуду. Пироги подовые!»

Алексашка, вследствие фавора, уже и в описываемое время выдавался вперед между приближенными к царю и по смерти Лефорта займет его место, никого не будет ближе его к Петру, но вместе с тем от Лефорта перейдет к нему печальное наследство – ненависть людей, которые будут против Петра и дел его.

Наружность фаворита была очень замечательна: он был высокого роста, хорошо сложен, худощав, с приятными чертами лица, с очень живыми глазами; любил одеваться великолепно и, главное, что особенно поражало иностранцев, был очень опрятен, качество, редкое еще тогда между русскими. Но не одною наружностью мог он держаться в приближении: люди внимательные и беспристрастные признали в нем большую проницательность, удивлялись необыкновенной ясности речи, отражавшей ясность мысли, ловкости, с какою умел обделать всякое дело, искусству выбирать людей. Так являлся Меншиков своею светлою стороной; обратимся к темной. Это была необыкновенно сильная природа: но мы уже говорили, как становится страшно перед сильными природами в обществе, подобном русскому в описываемое время.

Всё, что было сказано о Петре, прилагается к его птенцам, его сподвижникам; все это силы, для которых общество выработало так мало сдержек. В обществе подобного рода, как в широком степном пространстве, где нет определенных, искусственно проложенных дорог, каждый может раскатываться во всех направлениях. Везде и всегда один и тот же закон: сила не остановленная будет развиваться до бесконечности; не направленная будет идти вкось и вкривь. У Меншикова и товарищей его была большая сила, потому они и оставили имена свои в истории; но где они могли найти сдержку своим силам? В силе сильнейшего? Этой силы было недостаточно: лучшим доказательством служит то, что этот сильнейший должен был употреблять пощечины и палку для сдерживания своих сподвижников, а употребление таких средств – лучшее доказательство слабости того, кто их употребляет, лучшее доказательство слабости общества, где они употребляются. Силен был, кажется, Петр Великий лично, силен был и неограниченною

властию своею, а между тем мы знаем, как он был слаб, как не мог достигнуть непосредственно при жизни своей самых благодетельных целей, ибо не может быть крепкой власти в слабом, незрелом обществе; власть вырастает из общества и крепка, если держится на твердом основании; на рыхлой почве, на болоте ничего утвердить нельзя.

Выхваченный снизу вверх, Меншиков расправил свои силы на широком просторе. Силы эти, разумеется, выказались в захвате почестей, богатства; разнуздание при тогдашних общественных условиях, при этом кружившем голову перевороте, при этом сильном движении произошло быстро. Мы увидим, что Меншиков ни перед чем не остановится. И в описываемое время сержант Алексашка уже показывал страшное честолюбие. Петр не питал слепой привязанности к своему любимцу: когда кто-то просил царя, чтоб пожаловал Алексашку в стольники, то Петр отвечал, что Алексашка и без того употребляет во зло свое значение и что надобно уменьшать в нем честолюбие, а не увеличивать. После Петр не пожалеет никаких почестей для Меншикова, когда заслуги последнего станут явны перед всеми.

В своем раздражении Петр не щадил ни старого, ни нового любимца: заставши однажды Меншикова пляшущего в шпаге, он так ударил его, что у того полилась кровь из ноздрей; а потом, на пиру у полковника Чамберса, он схватил Лефорта, бросил на землю и топтал ногами. Тяжелая мысль давила Петра и увеличивала раздражение; при сравнении того, что он видел за границею, и того, что нашел в России, страшное сомнение западало в душу: можно ли что-нибудь сделать? не будет ли все сделанное с громадными усилиями жалким и ничтожным в сравнении с тем, что он видел на Западе? Ограничиться бедными начатками, не видать важных результатов своей деятельности было тяжело для богатыря, кипевшего такими силами. Особенно, как видно, приводило его в отчаяние любимое дело, кораблестроение, при воспоминании о том, что он видел в Голландии и Англии, и о том, что оставил в Воронеже.

Большой (Меншиковский) дворец в Ораниенбауме

Через два дни после осенних стрелецких казней, вечером 23 октября, Петр поехал в Воронеж и оттуда писал Виниусу: «Мы, слава Богу, зело в изрядном состоянии нашли флот и магазеи обрели. Только еще облак сомнения закрывает мысль нашу, да не укоснеет сей плод, яко фиников, которого насаждающи не получают видеть. Обаче надеемся на Бога с блаженным Павлом: подобает делателю от плода вкусити».

«Только еще облак сомнения закрывает мысль нашу» – значит, сомнение тяготило в Москве и найденное изрядное состояние флота и магазеев не могло прогнать его.

Воронеж XVIII века. Гравюра

В другом письме пишет: «А здесь, при помощи Божией, препораториум великий, только ожидаем благого утра, *дабы мрак сумнения нашего прогнан был.* Мы здесь начали корабль, который может носить шестьдесят пушек». Тяжкое сомнение, которое отняло бы руки у другого, не привело, однако, Петра к бездействию; он работал так же неутомимо, как и до поездки за границу. А между тем происходили любопытные явления, характеризующие время. Лучшим из учеников *морского дела*, посланных Петром за границу, оказался Скляев, находившийся с царем в постоянной переписке. Он в описываемое время возвратился из-за границы и должен был ехать к царю в Воронеж. Петр ждет с нетерпением нужного человека – нет Скляева!

Наконец приходит весть, что он вместе с товарищем своим Верещагиным в руках страшного пресбургского короля. Петр пишет Ромодановскому: «В чем держать наших товарищей, Скляева и Лукьяна (Верещагина)? Зело мне печально. Я зело ждал паче всех Скляева, потому что он лучший в сем мастерстве, а ты изволил задержать. Бог тебе судит! Истинно никого мне нет здесь помощника. А чаю, дело не государственное. Для Бога, свободи (а какое до них дело, я порука по них) и пришли сюды». Ромодановский отвечал: «Что ты изволишь ко мне писать о Лукьяне Верещагине и о Скляеве, будто я их задержал, – я их не задержал, только у меня сутки ночевали. Вина их такая: ехали Покровскою слободою пьяны и задрались с солдатами Преображенского полку, изрубили двух человек солдат, и по

розыску явилось на обе стороны неправы; и я, розыскав, высек Скляева за его дурость, также и челобитчиков, с кем ссора учинилась, и того часу отослал к Федору Алексеевичу (Головину). В том на меня не прогневись: не обык в дуростях спускать, хотя б и не такова чину были».

Ромодановский в отсутствие царя должен был заниматься не одним разбором ссоры Скляева с Преображенскими солдатами. Тотчас по отъезде Петра в Воронеж по Москве пошли слухи, что начались тайные сборища недовольных. Гонец, отправленный ночью к царю с письмами и дорогими инструментами, был схвачен на Каменном мосту и ограблен; письма нашли на другой день разбросанными по мосту, но инструменты и сам гонец пропали.

В конце 1698 года царь возвратился в Москву и на Рождестве тешился одною из любимых своих забав: переряженный, с большою свитою на восьмидесяти санях ездил славить Христа; хозяева домов, куда приезжали славильщики, должны были давать им деньги; богач князь Черкасский был щедрее всех; но один купец дал на всю компанию только двенадцать рублей; Петр рассердился, набрал на улице сотню мужиков и привел к скупому купцу, который должен был теперь дать каждому мужику по рублю. В январе опять десять застенков в Преображенском для оставшихся стрельцов; в феврале снова казни сотнями и опять упражнения самого царя с помощью Плещеева. В конце февраля начали вывозить трупы из Москвы: более тысячи было вывезено за заставы и там несколько времени лежали кучами, пока наконец зарыты в землю.

За несколько дней пред казнями был пир у Адама Вейде, но царь сидел погруженный в мрачную думу. Лефорт истощал свою изобретательность, чтоб развлечь его. Великолепный дом, построенный для адмирала на казенные деньги, был отстроен; назначено было большое торжество для открытия или посвящения этого храма Бахусу; шутовская процессия тянулась в Лефортов дворец из дома полковника Лимы, шествовал всешутейший Зотов, украшенный изображениями Бахуса, Купидона и Венеры, за ним вся компания, одни несли чаши, наполненные хмельными напитками, другие несли сосуды с курящимися табачными листьями.

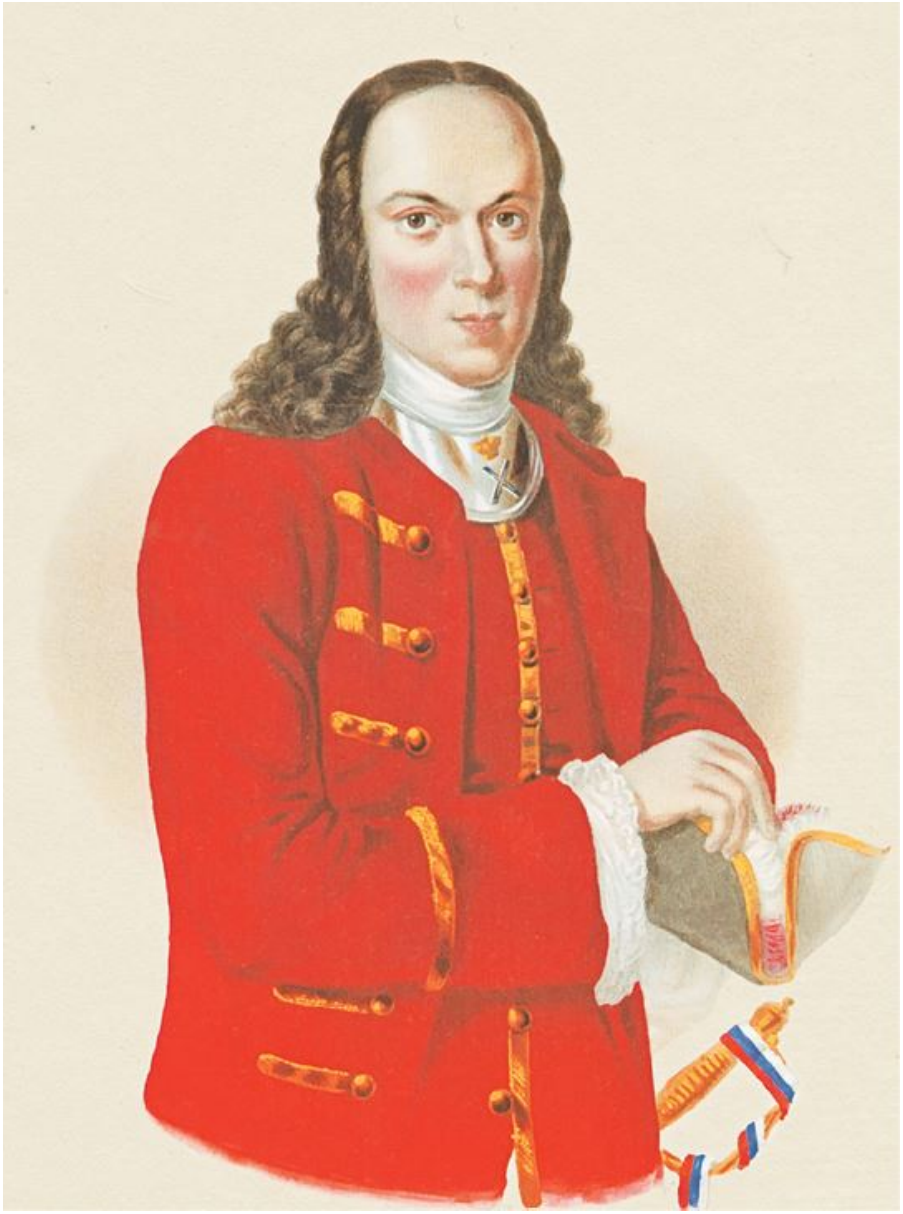
Стрельцы, бунтовавшие в Торопце и Азове, были переказнены; все остальные московские и азовские стрельцы были распущены, их было запрещено принимать в солдаты, запрещено жить в Москве им и женам их. Но дело не было исключительно стрелецкое, борьба разгоралась все более и более и кровь вызывала на новую кровь, пресбургский король в

Преображенском не мог оставаться в бездействии. Когда стрельцов толпами начали сводить в Москву для розысков, то в народе пошел слух, что по них будут стрелять из пушек; возбудилось сочувствие, и в Преображенское был подан донос на жену стряпчего конюха Аксинью, которая говорила своему крепостному человеку Гавриле: «Видишь, он стрельцов не любит, стал их переводить, уж он всех их переведет», а Гаврила говорил: «Чего хотеть от басурмана, он обасурманился, в среду и пятницу мясо ест; коли стал стрельцов переводить, переведет и всех, уж ожидовел и без того жить не может, чтоб в который день крови не пить». Аксинья прибавила с ругательством: «Кадошевцев от Покровских ворот до Яузских велел бить кнутом, и как их били, и он за ними сам шел». Аксинью и Гаврилу казнили смертью.

А.Н. Бенуа. В Немецкой слободе. Отъезд Петра I из дома Лефорта

Стрелец Петрушка Кривой в вологодской тюрьме кричал: «Ныне нашу братью стрельцов прирубили, а остальных посылают в Сибирь! Только нашей братии во всех сторонах и в Сибири осталось, а кто их заставил рубить, и у того голова его чуть на нитке держится; собрався, все будем на Москве, и самому ему торчать у нас на коле! На Москве зубы у нас есть, будет у нас и тот в руках, кто нас пытал и вешал!» В Преображенском Кривой не запирался и говорил: «Как я из Сибири ушел и мне было со своею братьею, ссылочными и беглыми, и с теми, которые в полках, и которые стрельцы из полков написались в города, в

посады, с иными видеться, а с иными списываться, за ту свою обиду и за стрелецкую казнь идти к Москве и, учиня бунт, государя и бояр побить». Как обыкновенно бывает, недовольные настоящим искали утешения в будущем; недовольные Петром обращались с надеждою к наследнику, царевичу Алексею, который не будет похож на отца.



Царевич Алексей Петрович Романов – старший сын Петра Великого от первого его брака с Евдокией Лопухиной

Когда одна партия стрельцов сидела за караулом в Симонове монастыре, то монастырский конюх Никита Кузьмин говорил им: «Стрельцы, которые были в Новоспасском монастыре и которые монастырские служки и крестьяне везли их на пушечный двор, говорили: не одни стрельцы пропадают, плачут и царские семена, и стрелецкие жены говорили: царевна Татьяна Михайловна жаловалась царевичу на боярина Тихона Никитича Стрешнева, что он их (царевен) поморил с голоду, если бы не монастыри нас кормили, мы бы давно с голоду померли, и царевич ей сказал: дай-де мне сроку, я-де их переберу. Стрельчихи говорили: государь свою царицу послал в Суздаль, и везли ее одну, только с постельницею да с девицею, мимо их стрелецких слобод в худой карете и на худых лошадях. Как постельница из Суздаля приехала, и царевич хватился матери и стал тосковать и плакать, и царевича государь уговаривал, чтоб не плакал. И после государя царевич из хором своих вышел на перила, а за ним вышел Лев Кириллович Нарышкин, и царевич ему говорил: для чего ты за мною гоняешься, никуда не уйду. Намутила на царицу царевна Наталья Алексеевна. Государь царице говорил: моли ты Бога за того, кто меня от тебя осудил. Государь немец любит, а царевич немец не любит; приходил к нему немчин и говорил неведомо какие слова, и царевич на том немчине платье сжег и его опалил. Немчин жаловался государю, и тот сказал: “Для чего ты к нему ходишь, покаместь я жив, потаместь и вы”. Кузьмин объявил, что все это он слышал от Хлебенного дворца стряпчего Василья Костюрина. Стрелецкие казни произвели особенно сильное впечатление на женщин, которые говорили: “Государь с молодых лет бараны рубил, и ныне руку ту натвердил над стрельцами. Которого дня государь и князь Федор Юрьевич Ромодановский крови изопьют, того дня в те часы они веселы, а которого дня не изопьют, и того дня им и хлеб не естся”».

Как скоро начало ослабевать впечатление стрелецкого розыска, начались выходки против бритья бород. Духовенство и в челе его патриарх находились теперь в самом затруднительном положении: они провозглашали, что брадобритие есть богоненавистное дело, и вдруг царь своим примером и приказом вводит это богоненавистное дело: оставалось или продолжать высказывать прежнее мнение, т. е. идти против верховной власти, или замолчать; предпочли, разумеется, последнее и навлекли на себя сильные укоры со стороны ревнителей отеческих преданий.

В июле 1699 года знаменский архимандрит Иоасаф подал следующее извещение: «Был я на погребении у посадского человека, у церкви Зачатия в Углу, и на том погребении, видя соблазн Нагого Ивашки и с ним других в волосяницах, с

которыми он по рядам и по церквам ходил и деньги обманом сбирал, велел его, Ивашка Нагого, и волосяничника Ивашка Калинина, и старца своего Герасима Босого взять за тот соблазн и посадить в цепь, а Ивашка Нагого велел взять к себе в келью, потому что он безмолвствовал и ни с кем не говорил при многих людях, и стал я ему говорить, что он по рядам и по погребениям ходит и деньги сбирает; и он сказал: в том-де вины нет, а дают мне ради моей святости, и в том мне будет мзда от Бога, что я брал и раздаю нищим же, и иному бы и не дали, и я-де хочу и не то делать, идти в Преображенское царя обличать, что бороды бреет и с немцами водится и вера стала немецкая. Я ему сказал: “Проклятый сатана, нагой бес! Что ты видел или от ума отошел? У нас святой патриарх глава и образ Божий носит на себе, а никакого соблазну от него, государя, не слыхал”. Нагой отвечал: “А какой де он патриарх? Живет из куска, спать бы ему да есть, да бережет-де мантии, да клобука белова, за тем-де он и не обличает, а вы-де власти все накупные”». Нагой в Преображенском признался, что его зовут не Иваном, а Парамоном; на пытке объявил, что про царя слышал, как читали в прологе в церквах, о патриархе сказал с проста ума, дьявол научил. Сжен огнем и с огня говорил прежние речи; приговорен к кнуту и ссылке в Азов на каторги.

Петр Великий в Голландии отдыхает после работы у кораблей. Гравюра. XVIII в.

Мы видели, что при царе Михаиле табак был запрещен, а в начале царствования Алексея был в употреблении и продавался от казны; но табак, испытавший повсюду такое сильное сопротивление при своем введении, испытал его и в России: ревнители отеческих преданий опять вооружились против проклятой неизвестно кем травы и вынудили у правительства самые строгие против нее меры. Петр еще до поездки за границу позволил продажу табаку; сбор пошлин с этой продажи был отдан торговому человеку гостиной сотни Мартыну Орленку; а потом, будучи в Англии, царь предоставил право исключительной

торговли табаком в России маркизу Кармартену за 20 000 фунтов стерлингов (48 000 рублей) с уплатою всей суммы вперед. Это позволение употреблять табак, разумеется, усилило негодование ревнителей отеческих преданий. «Какой то ныне государь, что пустил такую проклятую табаку в мир, – говорили они, – нынешние попы волки и церкви божией обругатели, а антидор против нынешней табаки, потому что попы и иных чинов люди табак пьют и принимают антидор».

Усиливалась борьба, раздражение с обеих сторон, усиливались выражения неудовольствия на царя и его дела, усиливались доносы и розыски в Преображенском. Но, кроме того, нашлись люди, которые хотели воспользоваться обстоятельствами, и начали являться ложные доносы. Монахи, напившись, поехали ночью по Москве, крича встречным: «Дай дорогу, убьем!» Навстречу попался царь, который не обратил на них никакого внимания, сказавши: «Это пьяные». Но через несколько времени явился донос, что монахи хотели убить государя: донос шел от монахов же. Нельзя стало строгому игумену *смирить* безнравственно живущего монаха: сейчас донос на игумена в непристойных словах или замыслах. Ложных доносчиков наказывали жестоко, но это мало помогало.

Дело Авдотьи Нелидовой служит лучшим доказательством, как изобретательны были люди, решавшиеся для собственного спасения тянуть других в Преображенское.

В мае 1698 года стольник Петр Волынский бил челом, чтоб взять к розыску и наказать дворовую жены его Авдотью Нелидову, обвиненную в порче. Авдотья в застенке сказала за собою великого государя слово: «До Азовского похода, о святой неделе и после, к жене Волынского Авдотье Федоровне, когда она еще была вдовою после князя Ив. Никитича Засекина, приезжала в дом с Верху комнатная девка Жукова да с нею приезжал певчий Василий Иванов; присылала Анну из Девичья монастыря царевна Софья Алексеевна говорить вдове Авдотье: “О чем тебе царевна прежде приказывала сходить в Преображенское – ходила ли ты или нет?” – и Авдотья Анне сказала: “Была я в Преображенском и вынула землю из-под следа государева и эту землю отдала для составу крестьянской женке Федора Петровича Салтыкова Фионе Семеновой, чтоб сделала отраву у себя в доме, чем известь государя насмерть”. Спустя дня с три приехала опять Жукова и спрашивала Авдотью: “Куда ты дела отравное зелье?” Та отвечала: “Ходила я в Марьину рощу с этим составом и не улучила времени, чтоб вылить его из куншина в ступню государеву”». Состав этот Авдотья Нелидовой показывала: красен, точно кровь, причем говорила: если б мне удалось вылить его в

ступню, то государь не жил бы и трех часов. Она же, вдова Авдотья, была в гостях у дьяка Лукина и, возвратясь, говорила Нелидовой: «Не знала я, что государь будет у дьяка, а если б знала, то взяла бы зелье с собою». Нелидова стала ей говорить: «За что ты на великого государя такое злое дело помышляешь?», и когда приехали ко вдове братья Воейковой, также родной брат ее Василий Головленков, то Нелидова всем им троим рассказала про замыслы боярыни, и Головленков после того не ездил недель с тридцати к сестре. Боярыня рассердилась на Нелидову и сослала ее в Ряскую вотчину, приказав утопить в реке. Женка Фиона, взятая в Преображенское, объявила, что лечит разные болезни разными зельями, но лечит простотою своею, без наговоров, бывала и у княгини Авдотьи Засекиной, лечила ее от лихорадки, а отравного зелья для нее никакого не составляла. «Я человек добрый, – говорила Фиона, – за худым делом не хожу. А Дунька Нелидова ведомая воровка. Испортила кликотною болезнию двух женок да двух девок из дворни княгини Засекиной, да ученицу свою, которая выучилась шить лучше ее; хотела и боярыню свою испортить, в чем и винилась, и сослана в дальнюю вотчину».

Нелидова говорила прежние речи, прибавила, что люди Засекиной, которым велено было посадить ее в воду, пожалели и присоветовали бежать; она бежала, была поймана и отдана к розыску в порче.

Все оговоренные Нелидовою показали, что она на них поклепала; Авдотья Волынская объявила только, что Жукова наезжала к ней часто, потому что она ей своя. Но Нелидова и на пытке говорила прежние речи и прибавила, что Фиона сделала еще состав для Головленкова, чтоб ему любиться с царевною Марфою Алексеевною. Фиона с пытки не признавалась; наконец Нелидова со второго подъема объявила, что на всех наклепала.

Не обошлось в описываемое время и без самозванства: в псковских местах ездил человек, который называл себя Преображенского полка капитаном Петром Алексеевым и обирал легковерных.

Дела увеличились в Преображенском; но кроме розыска этих политических преступлений пресбургский король упражнялся постоянно в розысках по разбойным делам. Не должно забывать, что мы имеем дело с юным обществом, где правительство *ведет войну* с разбойниками, от которых нет житья мирным гражданам; в таких обществах герои – истребители разбойников ставятся высоко, и насчет этой деятельности князя Федора Юрьевича Ромодановского нет упреков, и сам он гордится своею кровавою деятельностью.

Граф Яков Вилимович Брюс – русский государственный деятель, военный, дипломат, инженер и ученый, один из ближайших сподвижников Петра Первого. В московских преданиях за ним прочно закрепилась репутация чернокнижника, мага, «колдуна с Сухаревой башни» и первого русского масона

В Голландию к Петру приехал из Москвы один из компании, знаменитый Яков Брюс, с ранами от ожога и сказал, что князь Ромодановский обжег его на пиру под влиянием Хмельницкого. Царь по этому случаю написал Ромодановскому: «Зверь! Долго ль

тебе людей жечь? И сюда раненые от вас приехали. Перестань знаться с Ивашкою. Быть от него роже драной». Ромодановский отвечал: «В твоем письме написано ко мне, будто я знаюсь с Ивашкою Хмельницким, и то, господине, неправда: некто к вам приехал прямой московской пьяной, да сказал в беспамятстве своем. Неколи мне с Ивашкою знаться – *всегда в кровях омываемся*. Ваше-то дело на досуге стало знакомство держать с Ивашкою, а нам недосуг! А что Яков Брюс донес, будто от меня руку обжег, и то сделалось пьянством его, а не от меня». Петр отписал на это: «Писано, что Яков Брюс с пьянства своего то сделал: и то правда, только на чьем дворе и при ком? А что в кровях, и от того, чаю, и больше пьете для страху. А нам подлинно нельзя, потому что непрестанно в ученье». Разбои производились в обширных размерах в самой Москве.

Для примера приведем два письма Ромодановского к царю: «Которые воры разбивали Алмазниковых, Брагина в Новонемецкой слободе, и тех воров поймано семь человек, и в тех разбоях они винилися и многое платье, и серебряная посуда, и иная рухлядь в разных местах вынята, и которых разбивали, и те многие свои животы познавали; а пущих воров, на которых они на товарищев своих говорят, сыскать не можем, ухораниваются на Москве: Васька Зверев бывал дворовый человек, другой – Якушка Калачников, третий – Васька Цвякун, четвертый – Сидорка Алексеев, пятый – Левка Левугин; да из вышеписаных воров князь Петров человек Голицына, Ивашкою зовут, Ваган оговорил в тех же разбоях князь Григорьевых людей Долгорукова двух человек, и те лица ныне на службе с ним, князь Григорьем, у вас в полку. А которые воры в тех разбоях винились и на товарищей говорят, и те воры из посацких торговых людей, из мясников, из извощиков и из боярских людей».

В другом письме: «Той же шайки воров поймано восемь человек: Афонка Попугай, Алешка Заходов, Куска Зайка, Митка Пичюга, галичанин сын боярский Петрушка Кадников, Петрушка Селезень с братьями сам третей. И из тех воров два человека – Алешка Заходов, Петрушка Кадников винились, что они с прежними разбойниками Калашниковым и Левугиным, и Миткою Пичюгою вновь разбили за Тверскими вороты иноземца кормового Опаева и избили его и изрезали».

Из этих писем видно, что и теперь, как прежде, разбойничали преимущественно дворовые люди. Двадцать девятого июня 1699 года, в вечерню, люди князя Никиты Репнина и другие напали на караульных солдат у Воскресенских ворот, били их и начального человека, наругались над ним. Разбои усиливаются вследствие легкости находить притоны: в начале 1699 года

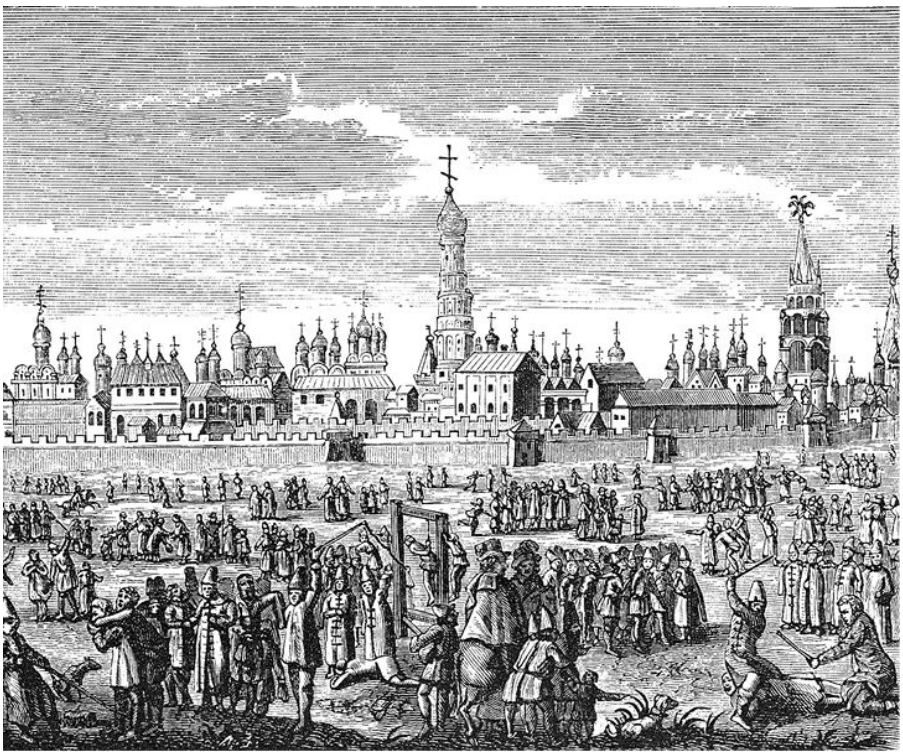
пойманные разбойники объявили, что они сговаривались ездить на разбой человек по двадцать, тридцать, сорок и больше, с луками, пищалями, копьями и бердышами, а пристанища, станы и дуваны разбойной рухляди были у них за Тверскими воротами в разных слобод у посадских людей.

Но были разбойники другого рода, которым не нужно было приставать в слободах за Тверскими воротами. Вожен был в застенок Афанасий Зубов с людьми, с очных ставок пытан в смертном убийстве посадских людей алаторцев, что убили люди его; и он с пытки сказал, что людей на разбой посылал и сам был, только до смерти бить не велел, также и в иных разбоях винился. В то же время казнен на Болоте за разбой и смертное убийство князь Иван Шейдяков. Бил челом Тарбеев на Василья Толстого да на Семена Карандеева в том, что они стояли под дорогою и его резали. Юрий Дохтуров, Василий Долгий, Семен Карандеев да Тарбеев были у Страстной Богородицы, побранились и ножами порезались. Били челом великому государю стольники Василий Желябужский с сыном Семеном на Андрея Апраксина в бою своем и увечье, что Андрей озорничеством бил их в калмыцком табуне под Филями. Андрей принес государю вину свою, что он Желябужских бил не помня, пьяным делом. Государь приказал: Желябужскому и сыну его доправить на Андрее денег вдвое против их окладов, а за лживую сказку и за озорничество его указал было государь учинить ему наказанье, бить кнутом нещадно. И по упрошению царицы Марфы Матвеевны (урожденной Апраксиной) наказывать его государь не указал, также и по заступлению генерала Лефорта, которому Апраксин дал денег 3000 рублей за его заступление; а люди Андреевы биты кнутом. С этого дела Желябужского учрежден был правый суд, велено чинить во всяких делах розыски, а суды и очные ставки с тех пор оставлены.

Как трудно было решать дела подобных господ, видно из письма Ромодановского к царю: «Что ты, господине, писал ко мне о деле Хилкова с боярином Кондратьем Фомичем Нарышкиным, чтоб его по прежней подписной челобитной отдать, и я за то дело не стою, только мне впредь никаких дел по твоей воле имать нельзя, потому что мне всегда в ругательстве и лае быть; и в нынешнем деле, как ты мне приказал взять сперва, и я и в те поры тебе многажды доносил, что того дела взять было мне невозможно за однородством моим (с Хилковыми), что станут на меня бить челом, и ты мне, господине, в те поры то дело велел взять и говорил мне, хотя и однородство, однако же и Лев Кириллович тебе свой же; и я по тому твоему изволению то дело и взял; а впредь как воля твоя, только дел мне никаких имать

невозможно; истинно к тебе, господине, пишу не для свойства к себе Хилкова, потому что мне стало о себе».

Наконец общество требовало от правительства преследования особого рода вредных людей – волшебников. В 1696 году по челобитью всех крестьян одной из волостей Яренского уезда вор Васька Алексеев в волшебном деле расспрашиван и пытан, и винился: испортил он дьявольскими словами десять человек и сказал их всех по именам; от Христа Бога и от животворящего его креста отрекся, верует дьяволу, а учился он тому воровству у дяди своего родного Напалкова, а дядя его Парфенов тому волшебству умеет же. Другой, Мишка Алексеев, винился: испортил он воровским словом четверых, напустил на них икот; а учился он, Мишка, тому воровству у Сергушки Шелепанова. И Сергушка сыскан же и расспрашиван, и повинился, что они православной христианской веры чужи, от Христа Бога и животворящего креста Господня отреклись, веруют сатане и над крестом Господним ругаются. А носят они крест на себе, будто они христиане для людей, чтоб не догадались, и испортил он, Сергушка, Акилинку, Игнашкину жену, до смерти. Да Сергушка и Мишка сказали у пытки: у порченных людей икоты напрасно на неповинных людей не говорят; кто кого испортил, на того и говорят, а меж себя друг на друга отводить не могут же».



Мы видели, что имущество мирных граждан одинаково страдало как от разбойников, так и от воевод; дела по воеводским злоупотреблениям не прекращались в описываемое время, что должно было вызвать преобразователя к решительной мере. Прежде признано было хорошим средством против воевод не держать их в городах более двух лет, после же этого срока оставлять на прежних местах только по челобитной граждан. Некоторые воеводы начали хлопотать, как бы вынудить у горожан челобитную: в конце 1695 года пришла челобитная из Старого Оскола, что некоторые из тамошних торговых людей составили воровскую челобитную, будто от всех городских людей, чтоб старооскольскому воеводе Матвею Афросимову быть воеводою третий год, тогда как остальные старооскольцы и уездные люди про челобитную не ведают.

По сыску сын боярский Сукин сказал: «Зазвал меня к себе в хоромы воевода, и я к составной челобитной руку приложил по неволе для того, что воевода хотел было меня бить до смерти». Приказной избы подьячий объявил, что приложил руку вместо старооскольца Сорокина заочно, потому что воевода угрожал разореньем и боем, и т. д.

В Мценске воевода Тутолмин ямского прикащика Петра Смирнова своими руками тростью бил и, раздев, батогами бил же за то, что прикащик разрядному подьячему без подорожной подвод не дал и дать было ему не по чему; и от того боя прикащик умер. Юрий Салтыков жаловался: бил я челом на вяземских драгун, рейтар, стрельцов и посадских людей в денном их приходе и приезде и разореньи вяземской моей вотчины деревни Бородиной. Вяземскому воеводе велено тех приходчиков и приезжиков отослать в Можайск к розыску; в Можайск взято четыре человека посадских людей, и те люди в расспросе во всем винились и говорили на своих товарищей, двенадцать человек, которых вяземский воевода захватил. Но, взяв с них великие взятки, из приказной избы освободил.

С.В. Иванов. Приезд воеводы

Вследствие жалоб кунгурских жителей на воеводу своего Степана Сухотина наряжено было следствие в 1697 году. Перед следователем Гаврилою Дубасовым кунгурский земский староста прошлого, 1695 года села Ильинского крестьянин Панкратий Никитин допрашиван, а в допросе сказал по святой непорочной евангельской заповеди господни, еже ей-ей в правду: в прошлом, 1695 году о Степане Сухотине за ручную челобитную, чтоб ему у них на Кунгуре воеводою быть третий год, он, Панкрашка, с посадскими людьми и с уездными крестьянами не писывал и руки прикладывать никому не веливал, а подьячий Максим Богомолов к такой челобитной вместо его, Панкрашки, руку приложил без его, Панкрашкина, веленья, заочно. И, будучи на Кунгуре воеводою, Степан Сухотин и сын его Никита кунгурским людям и уездным крестьянам обиды и налоги и разоренья чинил и приметками своими великие с них взятки напрасно брал. Ездил он, Степан, в Кунгурский уезд для переписки уездных крестьян, и в то число взял у него, Панкрашки, из земской избы мирских денег двести двадцать рублев, кроме того, что брал со всякого по два алтына; а после того взял у него же, Панкрашки, мирских денег восемьдесят рублев, чтоб на него, Степана, им, кунгурцам, не варить пив.

Да с него ж, Панкрашки, нападками своими взял рубль денег; и в Кунгурском уезде на заставах кунгурских крестьян, которые ездили с Кунгура к Соликамской и в чусовские острожки с хлебом

для продажи, он задерживал и без печатей своих не пропускал, и от того пропуску и от печатей зимним путем по осьми денег с воза, а летом со стругового отпуску с четверти по алтыну брал. Того ж числа земский староста нынешнего года Никита Посохин допрашиван и сказал: будучи он, Степан Сухотин, на Кунгуре, посадских людей держал в приказной избе и в тюрьме безвинно, бил батогами и кнутом и брал деньги (следует длинное перечисление), а иных кунгурских крестьян нападками своими разорял, и от того его воеводского разоренья кунгурские крестьяне в сибирские города бежали (следует перечисление, кто бежал).

И кунгурского посадского человека Якушка Заганова в приказной избе тростью он, Степан, бил безвинно, и умер он, Якушка, от тех его побой; и кунгурского земского старосту Федьку Гладкого на воеводском дворе бил безвинно; а приказной избы подьячего Красильникова пытал и велел ему на кунгурцев говорить, будто они хотят его, Степана, убить. Посадские люди сказали: в 1692 году кунгурский стрелец Афонка в сибирские города для сыску беглых людей посылан, и воеводы Сухотина сын Никита с женою Афонкиною Устюжкою насильно жил и младенца мужска пола с нею прижил; и Степан Сухотин ту Афонкину жену да сына его Мишку девяти лет к себе во двор сильно взял и за человека своего за Федьку отдал. А как Афонка приехал из Сибири, то, не допустя его до Кунгура, двух стрельцов по него Степан Сухотин посылал и в приказной избе его, Афонку, держал и нападками своими в то время у него трех лошадей, да две пищали винтовальных, да саадак с лубьем и стрелами, да две порошницы, да два арчака башкирских, да денег пять рублев взял, да в то же время в неволю письмо, чтоб о своей жене ему, Афонке, на него, воеводу, не бить челом, вымучил и закладную кабалу на сына его Мишку на имя подьячего Калашникова, будто в заемных деньгах, взял.

Крестьяне сказали: воевода Сухотин в Кунгурский уезд посадских людей, площадных подьячих и стрельцов с весны в студеную пору посылал, в городе, в селах и во всех деревнях печатать избы и бани велел, и оттого со всякого двора по два алтына и по осьми копеек и по гривне себе брал, и в ту студеную пору от его разоренья роженицы и которые в скорбях младенцы от оспы безвременно помирали.

Преследование раскольников давало воеводам возможность поживиться. В 1697 году романовец посадский человек Пастухов повинился: «В прошлом году били на меня по крепостям челобитчики, и воевода Иван Гринков суда и правежей на меня не давал и меня укрывал, потому что я у него собак кормил и

медведей, и призывал меня к себе и научал на романовцев посадских людей, что было с кого взять большие взятки. В нынешнем году взял он меня в приказную избу и расспрашивал накрепко и велел мне говорить в раскольстве на себя и на романовцев (следуют имена мужские и женские), будто они перекрещиваются и перевенчиваются; воевода обещал мне треть того, что возьмет с раскольников. Я на них говорил, и по моему ложному оговору посылал воевода, будто в раскольстве, взять оговоренных в приказную избу и просил с них пятьдесят рублей денег, но посадские люди сказали ему: “Пиши про нас к Москве”, и Гринков отпустил их на расписку, а меня в приказной избе держал много время, кормил и поил пивом и вином допьяна. А как приехал на Романов с приписью подьячий Карелин, то Гринков из приказной избы меня с романовцем Трусовым взял к себе на двор и держал в хоромах за замком многое время, приставил к нам сторожей, запирал в сундук и закладывал платьем. И мы ему говорили, что в сундуке лежать душно, и он прислал человека, и вертели они на сундуке дыры, чтоб нам лежать было не душно. И как против челобитья головы с товарищами прислан был сыщик про нас разыскивать, и мы к розыску просились, но Гринков нас не отдал: “Что-де вам живым не быть”, и послал человека в усадьбу своего родного брата Федора, чтоб приехал с людьми; и как брат его приехал со многими людьми, и он послал нас с братом своим ночною порою к Москве, и к Москве приехали мы ночною порою к брату его Никифору Гринкову; Никифор дал нам денег и велел нам говорить против братних отписок, чтоб не рознились и брата его не погубили. А как я привезен был опять на Романов, то Иван Гринков прислал ко мне денег, велел говорить о раскольстве против расспроса, на кого я в расспросе говорил по его наученью, и с очных ставок чтоб слался на кожу свою и на их» (т. е. чтоб требовал пытки для себя и для ответчиков).

Старосты московских слобод обыкновенно выбирались жителями этих слобод. От 1695 года дошел до нас выбор в старосты Мещанской слободы: «По указу великих государей Мещанской слободы староста Юрья Самойлов да мещане (следуют имена) выбрали лучшие и середние и меньшие статьи в старосты в нынешний в 104 год мещанина доброго человека и пожиточного Филиппа Олферьева; и будучи ему, Филиппу, в старостах великих государей и за всякими мирскими делами ходить и радеть и с мирскими людьми о государевых и о мирских делах во всем спрашиваться на совете, а сбирать ему, старосте Филиппу, в мирские расходы против прошлого году». Но в описываемое же время встречаем любопытный случай: староста

бил челом, чтоб великие государи указали ему быть старостою еще на известное время за то, что он приносил казне прибыль и челобитий на него от мирских людей не было. Просьбу исполнили: «Быть в старостах, денежные доходы и хлебные запасы сбирать по окладу сполна и меж крестьян расправу чинить вправду безволокитно, чтоб от мирских людей в том никакого на него челобитья не было».

А.С. Янов. Приказ в Москве

Имея в виду важные и дорогие учреждения, большие военные расходы, желая как можно скорее увеличить государственные доходы и зная очень хорошо, что они могут быть увеличены только поднятием благосостояния податных людей, Петр не мог долее оставлять торговых и промышленных людей во власти воевод-кормленщиков. Как же освободить их? Форма была готова: кроме виденного на Западе, в Малороссии, которая уже давно входила в состав государства, существовало искони городовое самоуправление, или так называемое магдебургское право; подобную же форму Петр решился ввести и в великорусские города.

Тридцатого января 1699 года вышел указ об учреждении Бурмистрской палаты: «Известно великому государю учинилось, что гостям и гостиные сотни, и всем посадским, и купецким, и промышленным людям, во многих их приказных волокитах, от приказных и от разных чинов людей, в торгах их и во всяких промыслах чинятся большие убытки и разоренье; а иные оттого торгов своих и промыслов отбыли, и его, великого государя, с них

окладные многие доходы учинились в доимке, а пошлинным сборам и иным поборам большие поборы: и милосердуя, он, великий государь, об них, указал во всяких их расправных и челобитчиковых и купецких делах и в сборах государственных доходов ведать бурмистрам их, и в бурмистры выбирать им меж себя погодно добрых и правдивых людей, кого они меж себя и по скольку человек похотят; а из них по одному человеку быть в первых, сидеть по месяцу президентом».

Для других городов, кроме Москвы, постановлено: «Во всех городах посадским и всяких чинов купецким и его, великого государя, волостей, сел и деревень промышленным и уездным людям сказать указ: буде они похотят, для многих к ним воеводских и приказных людей обид и налогов, поборов и взяток, в городах воеводам и приказным людям их во всяких делах не ведать, а ведать их во всяких мирских расправных и челобитчиковых долах и в сборах доходов их мирским выборным людям в земских избах». Все эти выборные люди должны были находиться в ведении московской Бурмистрской палаты (или ратуши), которая входила с докладами прямо к государю: сюда входили все собранные по городам суммы, отсюда выдавались деньги на расходы, но не иначе как по именному царскому указу. За освобождение от воевод и приказных людей торговые и промышленные люди должны были платить двойной против прежнего оклад податей.

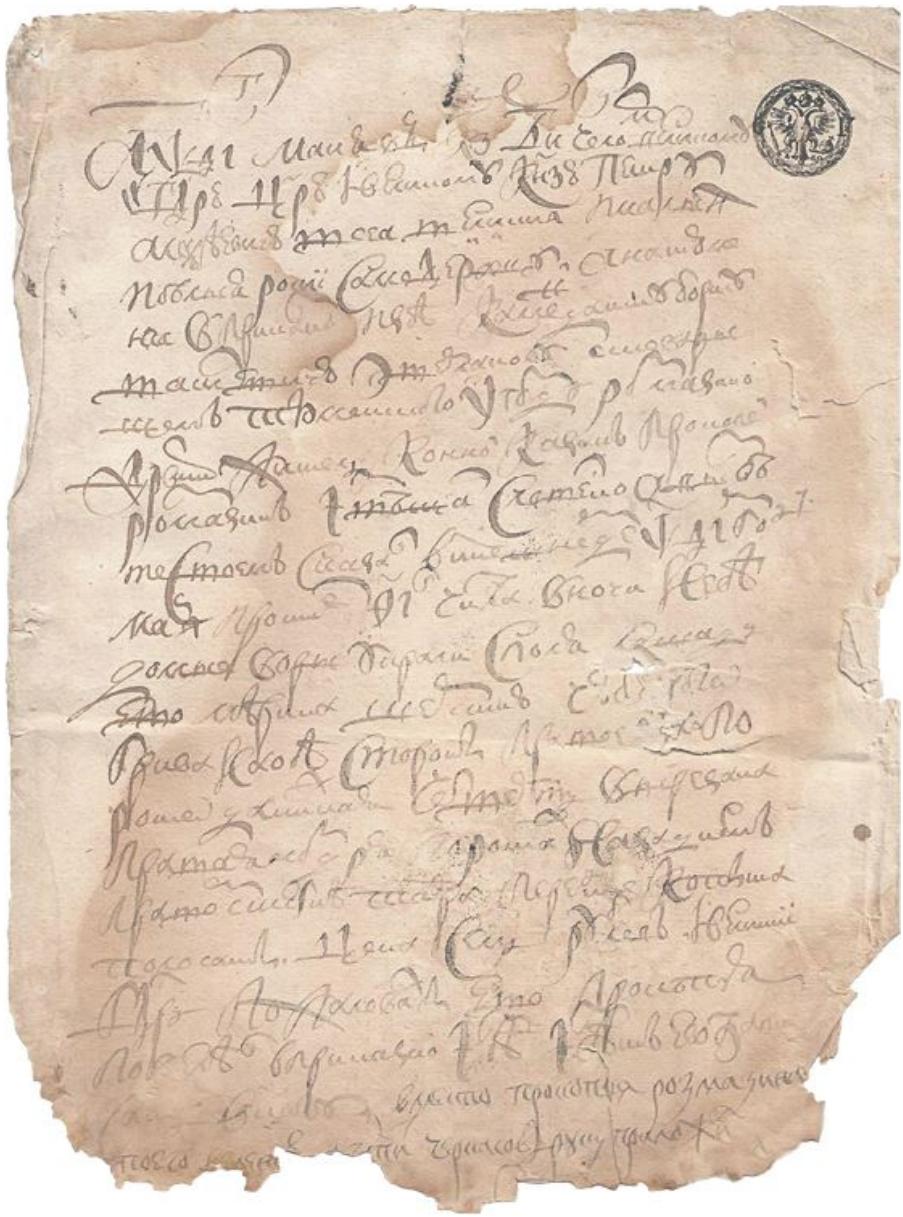
Учреждением Бурмистрской палаты начинается ряд преобразовательных мер, которые должны были пробуждать общественные силы, приучать граждан к деятельности сообща, к охранению общих интересов соединенными силами, отучать от жизни *особе*, при которой каждый слабейший предавался безоружным в руки каждого сильнейшего. Но дело только что начиналось, и потому легко себе представить, как неловко бралось за него общество, какие странные привычки принесли мирские люди в свою новую деятельность. Мирские люди освобождены были от воевод и приказных людей; но по отсутствию привычки к общей деятельности, привычки отражать силу сильного соединенными силами слабых они сейчас же между своими нажили себе насильников вроде воевод и приказных людей.

В Венёве, например, земский староста с товарищами отставили от сборов выборных своих таможенных и кабацких бурмистров за то, что они им не дали денег, и выбрали других, которые дали им сто двадцать рублей. Для предотвращения вперед подобных явлений Петр велел как взявших деньги, так и давших положить на плаху; и, от плахи подняв, бить кнутом без

пощады и сослать на каторги в Азов с женами и детьми и объявить во все города, села и волости: кто сделает это вперед, тем быть в смертной казни без пощады. Но одни жестокие наказания и угрозы как везде, так и тут не помогли; преобразователь счел необходимым, прежде чем новое учреждение окрепнет, приставить к нему доверенного и способного человека, который бы направлял неопытных и охранял их от сильных людей. Таким воспитателем молодого учреждения явился первый из *прибыльщиков* – Алексей Александрович Курбатов, «обер-инспектор ратушного правления».

Дом воеводы в Соликамске. XVII в.

Курбатов был дворецкий [в петровские времена дворецким назывался тот, кто управлял всем хозяйством в помещичьих имениях, городских усадьбах и в особняках], или маршалок, известного западника боярина Бор. Петровича Шереметева, путешествовал вместе со своим господином за границею, и это путешествие, разумеется, не осталось бесплодно для развития богатого способностями русского человека. В Ямском приказе поднято было письмо с надписью: «Поднести великому государю, не распечатав».



Документ на гербовой бумаге. 1714 г.

Великий государь вместо извета о каком-нибудь злом умысле или непристойных словах нашел в подкинутом письме проект о гербовой, или *орленой*, бумаге. Гербовая бумага как важный источник дохода была немедленно введена, а изобретатель, которым оказался Курбатов, пожалован в дьяки, награжден домом, деревнями и сделался *прибыльщиком*, стал искать во всем прибыли государству, получил возможность уже не подметными, но явными письмами сообщать царю свои мнения обо всем.

Впоследствии мы познакомимся близко с его деятельностью, особенно в звании обер-инспектора ратушного правления. Давно уже русские торговые люди признавались, что им с иностранными купцами не стянуть, потому что те торгуют сообща. Мы видели также, что Ордин-Нащокин предлагал для освобождения от зависимости иностранных купцов русским небогатым торговцам соединяться с богатыми.

Теперь Петр предписывает: «Московского государства и городовым всяких чинов купецким людям торговать так же, как торгуют иных государств торговые люди, компаниями, и чинить отпуск товарам в компаниях к городу Архангельскому, в Астрахань, также и через Новгород, и иметь о том всем купецким людям меж собою с общего совета установление, как пристойно бы было к распространению торгов их, отчего надлежит быть в сборах великого государя казны пополнению. Учинить провинции, к Великому Новгороду, Пскову, к Астрахани и к иным таким городам малые города и уезды приписать, которые к которым надлежат, и велеть в тех провинциях настоящих городов земским бурмистрам приписных земских бурмистров, также таможенных и кабацких бурмистров во всяких делах ведать и в сборах надсматривать».

Перемен в быте крестьян не было: по-прежнему громадная страна была мало населена, по-прежнему оттого рабочие были прикреплены к земле, по-прежнему бегали от крепостной зависимости, и погоня за человеком составляла одно из важных занятий правительства и частных людей. Несколько крестьянских семейств убежало из Звенигородского уезда с земель СаввиноСторожевского монастыря. Через четыре года они были сысканы (в 1696 году) и порассказали любопытные подробности о своих бегах. Они ушли в Данков и стали жить в крестьянстве за тамошним подьячим Яковлевым. Через год подьячий начал их из крестьянства отсылать для того, что у них отпускной никакой не было, дал им рубль денег и велел им от себя идти: «Где-нибудь напишите отпускную властелинским именем, и мне та отпускная будет в оправдание». Крестьяне отправились куда глаза глядят и в Тульском уезде нашли благодетеля, какого-то дьячка, который им написал отпускную, подписал имена архимандрита, келаря, все как следует, и взял за труд двадцать алтын. Крестьяне сейчас же возвратились в Данков и подали отпускную подьячему; тот был очень доволен. «Эта ваша отпускная, – сказал он, – мне в поправку, мне теперь за вас пожилых денег не платить». Подьячий стал спокойно распоряжаться крестьянами и дочь одного из них выдал замуж за сына боярского, взявши с жениха выводу двенадцать копен ржи.

Сибирь, где было такое раздолье воеводам и всяким сильным людям вдали от правительственного надзора, обратила на себя особенное внимание, потому что тамошние беспорядки вредно действовали на казну, получавшую такой большой доход от сибирских товаров.

В апреле 1695 года для Сибири, кроме ближайшего Тобольска, сделано было исключение: не велено переменять воевод через два года «для того, что от таких частых перемен казне начали быть великие недоборы и всяким доходам оскудение, потому что воеводы, забыв крестное целование и презря жестокие указы, вино и всякие товары в Сибирь привозят и сверх того в Сибири вино курят и там вином многую корысть себе чинят; а на кружечных дворах государева вина в продажу записывают малое число, в год инде по двадцать и по десять, а инде написано в продаже всего одно ведро, а в иной год ни одного ведра продать не дали».

Отправлявшиеся в Сибирь воеводы имели право провозить беспошлинно с собою известное количество вина и других товаров; каждые два года воеводы отправлялись в сибирские города, каждые два года везли с собою все эти запасы, брали казенные струга, прогонные деньги, требовали по ямам и городам подводы, причем, по обычаю, всякого чина людям чинили многие обиды, налоги и разорения; чем, следовательно, реже ездили воеводы, тем лучше. Далее говорится в указе, что воеводы для сбора ясачной казны отпускали служилых людей и брали с них себе великие взятки и посулы: лучшие соболи выбирали себе, а худые отдавали в государеву казну, себе в малые годы великие богатства наживали, а служилым и ясачным людям впредь не проча, великие обиды, налоги и грабежи чинили и для челобитья к Москве их не пропускали, оттого многие служилые люди по зимовьям побиты, а другие от воеводских притеснений изменили и в Китайское государство отъехали, и мунгалы-изменники, мстя за обиды свои, многих служилых и ясачных людей грабят и побивают.

Тобольский кремль. Главные ворота в Гостиный двор

В конце того же года опять указ Сибирскому приказу: «Прежние воеводы воровали, многих людей пытали и смертью казнили, и ясачные сборщики у ясачных людей и у иноземцев жен и детей отнимали силою, и по их иноземскому челобитью суда и управы у воевод не было; так, впредь воеводам, кроме дел, подлежащих по уложению пытке, никаких русских людей и ясачных иноземцев ни в каких делах, не описався с великим государем, не пытать и не казнить; для ясачного сбора посылать людей добрых, *за выбором гражданских людей.* Если же воеводы станут красть или умалять государеву казну или станут кого казнить смертию, то будут сами казнены смертию и вотчины их все и дворы, и поместья, и имение будут взяты на великого государя бесповоротно».

Истощая все средства против злоупотреблений, какие позволяли себе чиновники в Сибири, царь в октябре 1697 года издал указ, запрещавший в Сибири служилым и всяких чинов людям, женам и детям их носить богатое платье, «чего им по чину своем; носить не довелось; и знатно, что те служилые люди, у которых такое излишнее дорогое платье есть, делают его не от правого своего пожитку, кражею нашея великого государя казны или с иноземцев грабежом те богатства себе наживают. А буде у кого, каким промыслом правым, нажиток лишний сверх его нужных расходов явится, и те пожитки ему довелось держать на покупку доброго себе ружья и панцырей и платья нужного, чтоб к

нашей службе был всегда готов и к боям с неприятелями потребен или держал в домовое каменное себе прочное строение, в котором бы пожиток его от случая пожарного был всегда в целости».

Дети боярские сибирского митрополита, посылаемые им в десятильниках по делам, подлежащим суду церковному, поступали не лучше, если не хуже служилых людей, посылаемых воеводами. Это видно из царской грамоты воеводе Глебову 1697 года: «Десятильники градским и уездным людям нападками своими ложными многое чинят разорение и обиды и налоги, побоями заставляют поневоле девиц и вдов говорить ложно на градских и уездных всяких добрых людей блудное воровство, и по тем ложным наговорам с тех людей берут себе взятки великие, а иных девиц раздевают донага и груди давят до крови и всякое ругательство чинят; а которые девицы и вдовы и при таком мучительстве не винятся, тех они продают таким людям, за которых никто бы дочери своей не дал, а деньги берут себе».

Установление бурмистров, как видно из указа 1699 года, не могло быть приложено к Сибири: «В сибирских городах бурмистрам не быть, а быть по-прежнему у всяких сборов из русских и из сибирских городов таможенным и кабацким головам и целовальникам добрым людям и над ними надзирать воеводам со всяким крайним радением; а бурмистрам не быть для того, что в сибирских некоторых городах посадских людей нет, а в которых есть, и те людишки худые, скудные и ссыльные, и затем в бурмистры выбрать некого; а в которых городах торговые люди есть, и тем в сборе денежной казны ясачной и ни в каких сборах верить некому, для того, что они люди скудные».

Не щадя наказаний и угроз для воевод недобросовестных, Петр не отступал ни пред какою мерою, когда нужно было наградить хорошего воеводу. Вот любопытная царская грамота, посланная в 1698 году к иркутскому воеводе Ивану Николаеву: «По нашему указу отпущен в Сибирь в Нерчинск воеводою брат твой стольник наш Самойла Николаев и, будучи в Нерчинску, нам служил с всякою верностию, и радетельною своею правою службою перед нижними нерчинскими воеводами собрал в нашу казну многую прибыль, и тамошних жителей русских и сибирских городов различных торговых людей свидетелями своего христианского благочестия учинил, и никакой жалобы ни от кого на себя не оставил, и тамошней нашей дальней стране, для таких своих добрых плодов, нам, великому государю, зело был надобен и прибыточен. И в нынешнем году явился в Сибирском приказе брата твоего Самойлы человек и сказал: в прошлом году брат твой Самойла Николаев в Нерчинске умер, а после него остались

дети, стольники Иван да Михайла. И мы, великий государь, пожаловали племянника твоего Ивана Самойлова, сына Николаева, за службы отца его, невзирая на его несовершенные лета, велели ему быть на месте отца своего в Нерчинском воеводою, а для его молодых лет с ним быть с приписью подьячим нерчинскому сыну боярскому Луке Кочмарову, для того что брат твой об нем, Луке, что он человек добрый и радетельный, свидетельствовал».

И в Европейской России в описываемое время монастыри не представляли много назидательного; тем более можно было опасаться соблазна отсюда в безнарядной Сибири: в 1698 году Петр запретил Енисейского уезда ссыльным и пришлым монахам строить вновь монастыри, запретил давать им земли без указа, «для того что в Сибири мужских и женских монастырей, где всякого чина православным христианам постригаться и спасаться, довольное число есть».

Мы видели, что и при прежних великих государях много писалось указов о прекращении воеводских и других злоупотреблений в Сибири; но указы эти мало помогали; теперь, как видно, повеял новый дух от живых людей, и оживилась мертвая буква указа. Виниус, ведению которого поручен был Сибирский приказ, счел возможным в начале 1698 года порадовать царя хорошими вестями из Сибири; Петр отвечал: «Пишешь о сибирском поведении, что от воевод чинится лучше, нежели прежде, и то слава Богу!» Нельзя думать, что Виниус похвастался, потому что вслед за тем он уведомил государя о новой беде для несчастной Сибири от табачного откупщика Орленка. Петр отписал Ромодановскому: «Писал ко мне Виниус, жалуясь на Орленка и товарищей его во всяких насильствах и убийствах в Сибири: и то изволь своим премудрым разумом разыскать, чтоб тамошние дикие края к какому смущению не пришли». Эта внимательность и быстрота распоряжений, исходивших от людей сильных, всего лучше объясняют нам, почему от воевод в Сибири стало чиниться лучше, чем прежде.

Казачка верховых станиц

Неослабная внимательность правительства нужна была и

относительно козацких украйн Европейской России на Дону и на Днепре.

Мы видели, что козаки-раскольники ушли с Дона к шевкалу и враждебно действовали против своей родины. Осенью 1696 года двадцать семь из них встосковались по ней, тайком ночью ушли от шевкала на Терек, откуда воевода отправил их в Астрахань; в числе их было шесть человек с женами и детьми, два монаха и две монахини.

Государь велел сказать им указ: «Вы, забыв Бога, великому государю изменили, ушли с Дону к шевкалу, выходили на море для воровства и под Тереком всяких людей разбивали, грабили и убивали, за такое воровство и измену довелись вы смертной казни; но великий государь вины ваши велел вам отдать и отпустить всех с женами и детьми на Дон по-прежнему».

Но главная беда была не от тех, которые бежали с Дона, а от тех, которые бежали на Дон.

Еще в 1690 году стольники, стряпчие, дворяне московские, жильцы рязанские, шацкие, ряжские помещики и дворяне городовые, рязанцы, мещеряне, ряшане, копейщики, рейтары и дети боярские, мурзы, татары и солдаты выборных полков подали подписную челобитную: «Бегают от нас люди и крестьяне с женами и с детьми на Дон, и на Хопер, и на Медведицу беспрестанно, многие села и деревни запустошили, домы, животы, лошадей и всякую рухлядь без нас, как мы бываем на службах и в отъездах, грабят, остальных людей и крестьян наших подговаривают, жен и детей наших в избах и хоромах заваливают колодами, детей наших режут и побивают до смерти и в воду, ругаясь, сажают. Теперь мы от этого побегу разорены без остатка, а государевой службы отбыли и за этих беглых *задворных* людей и крестьян платим ямские и рублевые деньги и стрелецкий хлеб и делаем городовые поделки». В том же году Алексей Мосолов бил челом, что, когда был он в крымском походе, беглые его люди, пришедши с Дона, разрезали на куски шестилетнего сына его и бросили в воду, именье разорили без остатка.

Вследствие этих челобитен сделан был допрос атаманам; те отвечали: «Беглые люди из дворцовых волостей и помещичьи и посадские из украинных городов приходят с женами и детьми на Дон, на Хопер и на Медведицу и живут по своей воле, а пропускают их из украинских городов воеводы и приказные люди из взяток, а если б они не пропускали, то не только с женами и детьми, и одному пройти было бы нельзя». Пошли к украинским воеводам и приказным людям государевы грамоты с великим подкреплением, чтоб беглых людей не пропускали за черту, поделали заставы; на Дон пошла грамота, чтоб козаки вперед к

себе беглых людей на реку не принимали, и старых посельщиков велено им сбить и выслать на прежнее жилище; воров и убийц крестьян Мосолова велено сыскать и выслать на Коротояк.

Но как готовы были козаки выдавать беглых – видно из следующего: в конце 1697 года калмыцкий тайша Мункотемир дал знать царицынскому воеводе, что от него бежали на Дон в Паншин городок улусники его, двадцать пять кибиток. Воевода послал сказать паншинскому атаману, чтоб выдал беглых по прежнему царскому указу, которым под смертною казнию запрещено было принимать калмыков, чтоб не было никаких задоров и ссор с тайшами. Козаки отвечали воеводскому посланцу: «Калмыцких выходцев не отдадим и отдать нам их нельзя, и вперед их принимать станем; к нам писано из войскового Черкасского городка, чтоб таких уходцев принимать, от погонщиков и от всяких людей оберегать и в обиду никому не давать; царский указ прислан на Царицын к воеводе, а не к нам, у нас такого указа нет, а царицынскому воеводе мы не послушны; и если калмыки придут к нам за своими уходцами войною, то мы их не отдадим и драться за них станем».

Начиналась усиленная работа, усиленная служба; но многие не хотели усиленно работать и служить, и побеги на Дон усиливаются. В продолжение 1695–1699 годов воеводы и приказные люди белгородского и севского полков доносят, что полковые, городовые, всяких чинов служилые и жилецкие люди, их дети, свойственники и крепостные люди и крестьяне, не хотя служить государевой службы и податей платить, не хотя быть у строенья морских судов, у стругового дела, у лесной работы, в кормщиках, гребцах, на плотах, бегут в донецкие козачьи городки; в 1699 году из одного Воронежского уезда бежало около 330 дворов. Опять грамота на Дон – беглых не принимать, а старых уходцев сыскать и доставить на прежние места жительства на своих козачьих подводах, потому что «вы тех беглецов принимали без нашего указа».

Но мало того, что царь требует нарушения основного козацкого обычая, требует, чтоб не принимали новых беглецов и высылали назад старых, он заставляет самих козаков работать для общего дела; Петр взял Азов, закрепил этим реку Дон за Россиею; но с Азовом нужны частые и беспрепятственные сообщения, нужно доставлять туда всякого рода запасы для ратных людей, и вот Петр посылает дворянина Шатнева осмотреть реку Дон от Коротояка вниз до Азова и водяной ход очистить жителями козачьих донских городков, чтоб тою рекою корабельному ходу никакой остановки не было. Остановки бывали разного рода: так, например, в 1698 году кормщики и

гребцы, шедшие Воронежем и Доном на судах в Азов с хлебными запасами, бросили суда в козачьих городках и разбежались, а козаки и разных чинов жители развезли хлеб по себе.

Государь, и такой государь, как Петр, разумеется, не мог равнодушно смотреть на подобные явления, и неудовольствия на великой реке увеличивались: мы увидим следствия, когда недовольные получат вождя.

С Днепра приходили также тревожные известия.

В августе 1696 года киевский воевода князь Борятинский отправил к русскому резиденту в Польше дьяку Никитину стародубца Суслова с двумя рейтарами для вестей. Этот Суслов привез Никитину свои вести: «У поляков намерение совершенное, чтоб Украйну к себе превратить, и посылки у них к гетману Мазепе частые; так, нынешнею весною проехал к гетману от короля посланник вместе с греками, будто купец. Начальные люди теперь в войске малороссийском все поляки, при Обидовском, племяннике Мазепы, нет ни одного слуги козака. У козаков жалоба великая на гетмана, полковников и сотников, что для искоренения старых козаков прежние их вольности все отняли, обратили их к себе в подданство, земли все по себе разобрали: из которого села прежде выходило на службу козаков по полтораста, теперь выходит только человек по пяти или по шести. Гетман держит у себя в милости и призрении только полки охотницкие, компанейский и сердюцкие, надеясь на их верность, и в этих полках нет ни одного человека природного козака, все поляки. Прошлого лета Киевского полка козаки в Запорожье полковника своего Мокеевского, за его к ним налоги, чуть не убили. Гетман в нынешнем походе стоял полками порознь, опасаясь от козаков бунта; а если б все полки были в одном месте, то у козаков было совершенное намерение старшину всю побить. Козаки говорят, что если б у них были старые вольности, то они бы одни Крым взяли. А если нынешнего гетмана и урядников-поляков не отменят, то не только что Крым брать, придется быть в порабощении от Крыма и от Польши. Киевского Кирилловского монастыря игумен Иннокентий тайно пересылается с Шумлянским, а в Батурин ездит мало не каждую неделю; из киевской приказной избы ходят к игумену двое подьячих, Налетов и Фатеев, беспрестанно, а игумен присылает к ним запасы, пиво и вино бочками». Суслов покончил свои вести словами, что об ином он и говорить не смеет, разве самому великому государю изустно донесет.

Когда Никитин дал знать об этом великому государю, то Суслова с двумя киевскими подьячими привезли в Москву для допроса. Суслов объявил, что львовский шляхтич Попара говорил

ему: поляки очень жалеют об Украйне, говорят, что если малая какая смута на Москве сделается, то они пойдут на Украйну и по-прежнему ее к себе присоединят. Другой шляхтич, Буйновский, говорил то же; в пример ставят поляки Пруссию: хотя много лет была за шведами, однако опять перешла к Польше. Попара говорил: очень худо, что на Украйне начальные люди – поляки; если б были русские, то Украйна была бы надежнее. Жалобы на гетмана и начальных людей слышал он в Киевском полку да от Палеевых козаков. Известия, которые Суслов обещал объявить только одному государю, касались того, что в Киеве можно собирать гораздо больше торговых пошлин, чем обыкновенно делается. О намерении козаков побить старшину Суслов слышал от Попары и Палеевых козаков, перешедших с переяславской стороны. О сношениях Шумлянского с кирилловским игуменом слышал во Львове.

Подьячие объявили, что они бывали у кирилловского игумена очень редко, и то по воеводским делам; в то же время узнали, что игумен Иннокентий умер. Государь велел послать к Мазепе список с речей Суслова, а подьячих отпустить назад в Киев со строгим наказом, чтоб вперед к иноземцам не ходили и вестей не рассказывали. Мазепе написали при этом, что великий государь всем этим слухам поверить не изволил и никакого сомнения не имеет, потому что он, гетман, старшина и все войско служат верно, не щадя здоровья и голов своих; потом, по просьбе гетмана, отправили в Батурин и самого Суслова, давши Мазепе позволение пытать его.

В октябре 1696 года Мазепа писал государю о вестях, что у Семена Палея бывают частые присылки от гетмана литовского Сапеги, чего прежде не бывало; Сапега словесно наказывал Палею, чтоб он остерегался Мазепы и не ездил к нему в Батурин. «Послал я в Хвастов тайком человека моего, – писал Мазепа царю, – посланный должен проведать о тамошнем поведении, созывает ли Палей войсковых людей на какую службу; особенно приказал я киевскому полковнику и сотнику, чтоб постоянно держали в Хвастове тайно людей своих для надзора за Палеем, ибо удивительно мне стало, что он теперь не так сердечно со мною поступает, как прежде, не присылает ко мне писем, которые получает от гетманов коронного и литовского, в чем усматриваю некоторую перемену и хитрость. Смею предложить вам, великому государю, чтоб боярин, в Киеве воеводствующий, не велел пускать Палея в Киев со многими людьми, а он привык часто туда приезжать, у него там в нижнем городе и двор свой, который я, приохочивая его к вашей монаршеской услуге, купил ему у чернецов межигорских за 400 золотых на свои собственные

деньги».

Юзеф Брандт. Казак-охранник

Мазепа узнал также, что новый король польский прислал Палею 4000 золотых червонных на наем козаков; по этой вести гетман разослал грамоты по всем полкам, чтоб никто не смел переходить в польскую сторону. Через месяц Мазепа писал, что приказал киевскому полковнику Мокеевскому посылать в Хвастов дельных людей для наблюдения, что там делается. Один из таких наблюдателей, возвратясь из Хвастова, доносил полковнику, что полчане Палея, пешие люди, пришедшие из-под Каменца Подольского, говорят: «Нехорошо Палей делает, что на две стороны службою своею оказывается; теперь в Польше король новый, богат деньгами, надобно б ему одному верно служить, от него и Палею, и всем нам добрая может быть награда. А если Палей на две стороны колебаться будет, то и ему придет такая же кончина, какая и другим от него была». Добрые люди говорят: «Лучше нам, будучи восточной православной веры, держаться православного христианского монарха»; но таких людей немного, сам Палей каждый день пьян, и когда пьет, то иногда поминает царское имя, а в другой раз пьет за здоровье польского короля.

В начале 1699 года Мазепа извещал, что вопреки статьям мирного договора – не заселять запустелых за Днепром городов – в прошлом году заведена слобода в Мошнах, куда осадчики подговаривают и переманивают людей с левой стороны Днепра. Тяжесть от кормления ратных людей заставляет многих бежать за

Днепр, и таким образом кроме Мошенской слободы заселились еще слободы в Драбовце, Корсуни и Богуславле; устеречь беглецов трудно, потому что нельзя по всему Днепру расставить караулов. Кроме того, побережным жителям восточной стороны нельзя пробыть без лесов западной стороны, но когда они придут туда по дрова, то тамошние осадчики их грабят, отбирают лошадей, возы, топоры, снимают платье. Мазепа просил у государя позволения разорить Мошенскую слободу и перевести поселенцев назад, так как слобода заселена вопреки договору.

В Сибирской Украйне со стороны Китая было покойно. Русские выгодно торговали в Пекине, и в 1698 году Виниус писал Петру за границу, что в Пекине построена русская церковь и многие китайцы крестились. Петр отвечал ему: «То дело зело изрядно. Только для Бога, поступайте в том опасно и не шибко, дабы китайских начальников не привесть в злобу, также и езувитов, которые уже там от многих времен гнездо свое имеют; к чему там надобны попы не так ученые, как разумные и подкладные, дабы чрез некоторое кичение оное святое дело не произошло в злейшее падение, как учинилось в Епании».

Вследствие этого Виниус велел в Нерчинске у торговых людей, которые приедут из Китайского государства, спрашивать и всячески доведываться о новопостроенной часовне в Китайском государстве, в каком месте и меж какими домами или особно, от домов их китайских в дальнем расстоянии, и китайцы к той церкви для смотрения или слушания приходят ли, и что говорят, хвалят ли? И нет ли какого от них посмеяния и поругания? И к которым церквам, греческого ль закона или к езувитскому костелу, они склоннее, и каковы у той церкви попы и причетники, и в каком искусстве живут, и сколько их, также и народу русского, и какое у той церкви украшение и книг довольство, и умерших христиан где погребают, при той ли часовне или где в поле, и каким служением, явно ли или с опасением тайно, и кто из китайцев крестились?

В то время как Петр и Виниус так заботились о православной церкви в Пекине и об отношениях ее к иезуитскому костелу, в Москве вскрылись следствия иезуитского влияния. В 1697 году священник Петропавловской (Адриана и Наталии) церкви в Мещанской слободе донес патриарху Адриану на своего дьякона Петра Артемьева, который «после Евангелия читал поучение, похвалял в вере поляки, лях, литву. Прочитал молитву “Отче Наш” на амвоне по-римски, приклякнув на колени, и иные некие молитвы прилагая римские: носит он на себе вместо животворящего креста мошонку, а в ней образок Латынина Антония Падвиянина (Падуанского), еретика суща. Глаголет

исхождение Духа Святого от Отца и Сына, исповедовался и приобщался у иезуитов, а с иными иезуитами, из Москвы изгнанными, зело слезно разлучился; освященный собор называет *забором*, который перескочить хвалится; патриархов называет *потеряхами*, потому что истинную православную веру потеряли. Боляр и судей безыменно лает и бесчествует по поводу пыток раскольникам: называет этих боляр и судей, стоящих у дыбы в Константиновской башне, немыми учителями, которые вместо Евангелия просвещают огнем и вместо Апостола учат кнутом».

Вид на Нерчинск. Гравюра. 1710 г.

Петр Артемьев был сын одного суздальского священника. Смолоду в нем уже виден был человек нервный, с болезненною впечатлительностью, расстроенным воображением. Эти качества должны были усиливаться еще от разврата, как видно из собственных его признаний. Такой-то юноша поступил в школы к греческим учителям Лихудам и со старшим из них, Иоанникием, отправился в 1688 году в Венецию. За границей овладели им иезуиты и обратили в католицизм. Как ловко велось дело при этом обращении, видно из рассказов Артемьева. Когда он спрашивал у латынян, чем их римская церковь лучше греческой, ему отвечали, что ничем, римская и греческая церковь равны, только разве в римской церкви люди ученейшие. Молодой человек успокаивался, что все равно, и стремился к ученейшим людям, к книгам, написанным ученейшими людьми; восторженность, страстность и мистицизм некоторых католических писателей как нельзя больше пришлись по душе Артемьеву.

По возвращении в Россию Артемьев был посвящен в дьяконы

к Петропавловской церкви и тут-то обратил на себя внимания своими проповедями и выходками. Патриарх Адриан, человек больной, некоторое время оставил без следствий донос священника, а дьякон между тем приобретал последователей, что было нетрудно в тогдашнее смутное время: «И мнози в след его прелести уклонишася». Между прочими Артемьев был очень вхож в дома строителей Успенской церкви на Покровке, Гурьева и Сверчкова, у которых бывали и латинские священники. Гурьев и Сверчков стали хлопотать у патриарха о переводе отца Артемьева из Суздаля в Москву, именно к их Успенской церкви. Патриарх сначала и слышать не хотел, судя об отце по сыну: «Какого этого дьякона Петра отец? – говорил патриарх. – Не того ли, что за кальвинов, лютеров и папежников стоит? Полно мне принемогается, а то бы он давно был отправлен; да так-то ему не пройдет у меня, потщуся для него нарочито собор собрать; если таков и отец-то, каков сын, то обоих доведется сжечь». Но потом Адриан смягчился и говорил: «Про отца его давно я думал и сам послать для него же дьяконишка для того, что добрый человек, сказывают, отец у него».

Добрый человек должен был прийти в отчаяние, получивши в это время *писульку* от сына. «Батюшка! Батюшка! – писал Петр. – Лазил я, лазил в мысленную Христа бездны язву на небо, а ныне лезу, лезу и в Круцификс его, писанный тобою; лезу в ребреную его язву сердцем, гвожжю к рукам его мои руки и, отняв у него уста его, делаю в них своя уста и говорю с ним так по Бернарду: не хощу, Господи мой, без язв жити, когда вижу тебя всего в язвах; остави с собою, Господи, мне хотя один уголок на кресте, да распнусь с тобою! Слыхал у тебе, что того ради меня нарек еси Петром, да Петровы теплоты причастник буду, и се не погрешил еси во истину. Яко свежий кал теплехонек есмь, чего ради и явленно проповедахся Петров и кафедры его исповедник».

Приехав в Москву, отец едва не дал заушину сыну «про ту писульку». А между тем священник Петропавловской церкви подал вторичный донос. Патриарх отослал Петра в Новоспасский монастырь; но Адриана начали торопить окончанием дела, писали ему: «Аще ныне от малых, паче же от единого сына погибели тако явлено внушаемо злочестие латиномыслимое многие в пропасть западную низреяет; а егда малый недуг сей латинства расширится и от многих размножится и растлит все тело, православия глаголю, тогда что будет, разумевай!»

Патриарх в июне 1698 года созвал собор, который приговорил расстричь Петра и сослать в Важский монастырь к холмогорскому архиепископу Афанасию. Увещания последнего нисколько не подействовали на заточника, и Афанасий донес

патриарху: «Целихом Вавилона и не исцеле, но паче едва сами избавихомся богохранимо от сетей его». В показаниях Петра Артемьева находим любопытные известия о поведении знаменитых учителей его, братьев Лихудов: «Учитель мой большой Иоанникий, приехав из Италии, приезжал по много крат к священникам римским на цесарский двор в слободу и хвалился им быти их мудрования, но прикровен зде за страх, чему они и верили; я же взял книжицу учителеву *Мечец* всю противну римлянам, показал им цесарянам; они же, пришедшу учителю к ним, показали и лицемерство его обличили; учитель отвечал им, что ту книгу брат его Софроний писал без него, когда он, Иоанникий, был в Италии, что, может быть, и правда, потому что он, Иоанникий, брата своего Софрония гораздо ко всякой правде склоннее и к Богу верою теплее».

Продолжение царствования Петра I Алексеевича

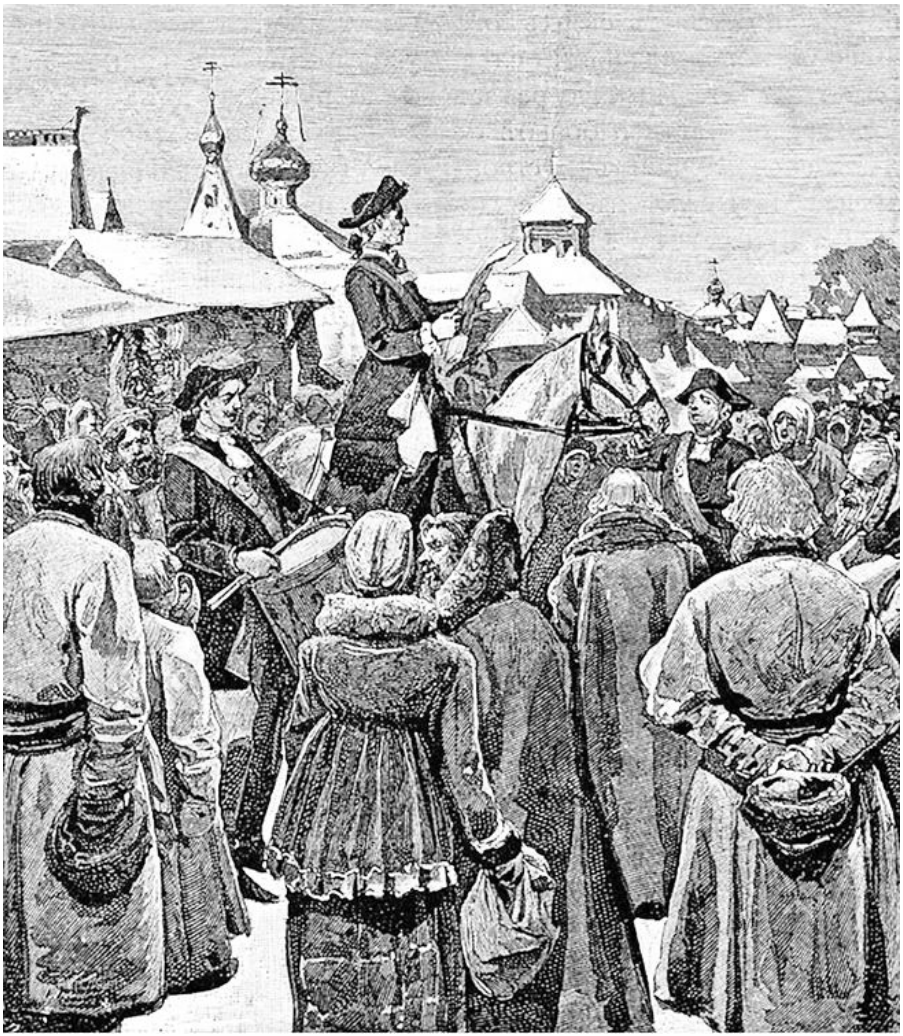
Новое летосчисление. – Причины Северной войны. – Свидание Петра с польским королем Августом и дружба с ним. – Возницын на Карловицком конгрессе. – Украинцев в Константинополе. – Перемирие с турками. – Союз трех держав против Швеции. – Карл XII. – Травендальский мир. – Осада Нарвы русскими. – Поражение русского войска Карлом XII. – Победитель и побежденный. – Деятельность Виниуса. – Движение Шереметева. – Свидание Петра с королем Августом в Биржах. – Русская война и саксонский генерал. – Поражение саксонцев и русских на Двине; его следствия. – Эрестферская победа Шереметева. – Неудовольствия малороссийского войска. – Хлопоты с Запорожьем. – Совет короля Августа опустошить Ливонию. – Исполнение совета. – Действия Апраксина в Ингрии. – Петр в Архангельске. – Появление его и действия в Ингрии. – Море. – Основание Петербурга.

Двадцатого декабря 1699 года в Москве узнали еще новость: приказано вести летосчисление не от сотворения мира, как прежде, а от Рождества Христова и новый год считать не с первого сентября, а с первого января. «Известно великому государю, что не только во многих европейских христианских странах, но и в народах славянских, которые с восточною православною нашею церковью во всем согласны, как волохи, молдавы, сербы, далматы, болгары, и самые великого государя подданные черкасы и все греки, от которых вера наша православная принята, – все те народы согласно лета свои счисляют от Рождества Христова осьмь дней спустя».

В знак доброго начинания и нового столетия после молебнов в церквах все должны были поздравлять друг друга с Новым годом; значительные домовладельцы должны были перед воротами поставить украшения от древ и ветвей сосновых, еловых и мозжевеловых и сохранять эти украшения до седьмого января; предписано было во время фейерверка и пушечной пальбы на Красной площади, в домах палатных, воинских и купеческих людей стрелять из небольших собственных пушек или мелкого ружья трижды и пускать ракеты, по ночам от первого до седьмого числа зажигать костры и смоляные бочки.

Так начали в Москве 1700 год, знаменитый в истории Европы началом двух сильных и богатых последствиями войн: за наследство испанского престола на западе и великой Северной

войны на востоке: вследствие первой почти на целый век поникло значение Франции; вследствие второй потеряла свое прежнее значение Швеция и среди европейских держав явилась новая могущественная держава – Россия.



Объявление указа Петра Великого (1699) считать новый год с 1 января

Мы видели, с каким неудовольствием узнал Петр о намерении союзников своих прекратить войну с турками: он должен был или один взять на свои плечи войну, или заключить мир, который останавливал его на половине дороги. Понятно, что тут же должна была в голове Петра родиться мысль: не удалось на Черном море – надобно утвердиться на Балтийском, что гораздо выгоднее: ближе и к настоящей России, и к настоящей

Европе. Но если нельзя было продолжать войны турецкой без союзников, то тем более нельзя было начать без них войну со Швециею, следовательно, и новая война была возможна только при образовании нового союза. Союз был возможен: Швеция во время своей первенствующей роли на северо-востоке вооружила против себя всех соседей. Дания, Польша и Россия были обобраны Швециею при ее воинственных королях – Густаве Адольфе и Карле X Густаве; ставши вследствие деятельности Густава Адольфа покровительницею северной, протестантской Германии, Швеция изменила этой обязанности противоестественным союзом своим с Франциею против Германии и тем самым проиграла здесь свое значение, которое переходит к Бранденбургу; Бранденбург должен вступить в борьбу со Швециею и за свои, и за общегерманские интересы. Во все время пребывания Петра в Пруссии курфюрст бранденбургский приглашал его усильно к союзу против Швеции; но царь, разумеется, не мог согласиться на это, имея на плечах турецкую войну. Теперь же обстоятельства переменились, и Петр, отбитый от Черного моря миром союзников с Портою, сам будет искать союзников для войны шведской, для утверждения на Балтийском море.

Возвращаясь по вестям о стрелецком бунте из-за границы, Петр в Галиции, близ местечка Равы, встретился с новым королем польским Августом II, и между прочими разговорами была речь у них о взаимной помощи: «Король Август говорил, что много поляков противных имеет, и примолвил, что ежели над ним что учинят, то не оставь меня. Против чего Петр ответствовал, что он готов то чинить, но не чает от поляков тому быть, ибо у них таких примеров не было; но просил его, дабы от своей стороны помог отмстить обиду, которую учинил ему рижский губернатор Дальберг в Риге, что едва живот спасся; что король обещал». Но понятно, что от этого летучего разговора до союза было еще очень далеко: «И так друг другу обязались крепкими словами о дружбе, без письменного обязательства и разъехались».

Петр во время трехдневного пребывания в Раве был вполне очарован Августом, как часто молодой, не воспитанный для света человек бывает очарован светскими приемами франта, хотя бы этот франт в умственном и нравственном отношении был бесконечно ниже дикого юноши. Петр любил повеселиться, Август умел повеселить – и тесная дружба была заключена между двумя соседями, дружба, продолжавшаяся до тех пор, пока Петр, сильно выросший в беде, разошелся слишком далеко с Августом, сильно понизившимся в беде. По возвращении в Москву Петр щеголял в кафтане и шпаге Августа, не находил слов для восхваления своего несравненного друга. Но сколько понравился

ему король, столько же не понравилось безнарядное и бедное королевство Польское. Вскоре после возвращения, на пиру у Лефорта, Петр говорил: «Я было потолстел в Вене от жирной пищи, но нищая Польша сняла опять весь жир». Польский посланник заступился за отчизну. «Удивляюсь, – сказал он, – от чего это так случилось с вашим величеством: я родился и воспитан в Польше, однако отжирел». – «Ты отжирел не в Польше, а здесь в Москве», – отвечал царь.

Какие бы мысли ни занимали Петра о новом союзе, о новой войне, прежде всего нужно было кончить старую войну как можно повыгоднее. Русским уполномоченным на конгресс, имевший окончить турецкую войну, был назначен думный дьяк, теперь уже называвшийся думным *советником*, Прокофий Возницын. Уполномоченный должен был объявить первую меру – уступку Керчи, потом, если турки не согласятся, ограничиться общепринятым основанием, уступкою того, что уже находилось в руках. Конгресс открылся в Карловиче в октябре 1698 года. Турки всего больше были напуганы немцами, победами императорских генералов и потому желали как можно скорее заключить мир с императором; посредники – послы английский и голландский желали того же самого, потому что императорское войско нужно было им против Франции в предстоящей войне за испанское наследство: поэтому неудивительно, что турецкие уполномоченные скорее всего пришли к соглашению с австрийскими. Возницын думал помешать этому, внушая драгоману Порты, Александру Маврокордато, что Турции стоит только повременить миром до начала неминуемой войны за испанское наследство, и тогда можно будет с успехом бороться с отвлеченною на запад Австриею.

«Золотой всадник» – конная статуя курфюрста Саксонии и Польши Августа Сильного. Дрезден

Хитрость была слишком простовата: странно было, что русский уполномоченный хлопочет в интересах Турции; западная война могла задержаться вследствие продления войны турецкой, Турции было невмочь противиться, и она спешила воспользоваться предстоящею западною войною для прекращения тяжкой своей войны. В Константинополе боялись оружия императорского, но в то же время очень боялись связи, которая

существовала между русским царем и единоверными ему подданными Порты; на эту связь прямо указывала мирная партия в Константинополе как на побуждение к скорейшему заключению мира. Действительно, шли сношения между Валахиею и Москвою при посредстве гетмана Мазепы. Поставленный между двумя огнями, между требованием турок и не менее ненавистных немцев-католиков, господарь искал спасения у православного царя, просил о принятии в подданство и присылке войска в Бессарабию: «Со слезами молим спасти нас от папистов и иезуитов, которые беснуются на православных больше, чем на турок и жидов. Война мирская может когда-нибудь кончиться, а война иезуитская никогда».

Маврокордато, обыкновенно клявшийся русским послам, что по единоверию радеет великому государю, брал подарки от Возницына и не препятствовал заключению мира между Турциею и Австриею; посредники взяли у Возницына по шубе и также не препятствовали заключению этого мира. Удовлетворивши императора, турецкие уполномоченные хотели вознаградить себя на счет остальных противников и не думали уступать их требованиям.

«Трудность с турской стороны неначаемая к нам простерта, также не легко и с нашей к ним, – писал Возницын государю. – Бог ведает – за тем за всем состоится ли у нас с ними мир, а на краткое перемирье отнюдь позволити не хотят; а союзные послы повседневно с ними съезды имеют; и цесарские и веницейские говорят, что они дела свои на мере поставили, также и поляки удовольствованы будут и еще ожидают меня, и, буде я в таковом же намерении пребуду, оставить хотят. Буде туркам Азов и поднепрские города отдать, а хану казна (т. е. продолжать посылать ежегодную казну или дань), то тот мир всегда не ушел. Если б дойтить до Дуная, не только тысячи – тьмы нашего народа, нашего языка, нашей веры, и все миру не желают».

Не имея возможности заключить мир, Возницын предложил перемирие. Турки не согласились и стали грозить. Тогда Возницын переменил поведение: вместо внушений и подарков употребил твердость, высказал, что не боится войны, и достиг цели: турки заключили перемирие на два года. «Я, – писал Возницын, – учинил только армистициум, или на время унятие оружия; и то по самой нужде, видя, что ты, государь, от турков к миру не удовольствован, а они все (союзники) удовольствованы и тебя оставили. А прежде я их в тот армистициум звал и советовал, чтоб учинили то ныне, а не мир; которые немцы словами, а поляк и письмом в том мне отказали. Не дивно, государь, на немец, потому что они кратким союзом обязаны;

дивно на поляка, что он смел то учинить, а всего будучи на дву съездах, дело свое окончил, а на чем, то еще паче дивняе: оставя с тобою, государем, вечный союз и натруся тем и вечный мир, помирился ни на чем: турки посулили отдать ему Каменец пустой. Выпровадили его и обманули немцы для того, что им нужен и надобен и пожиточен мир; и помирились они без всякого себе отягчения и без уступки всего и заткнули туркам горло другими своими союзники. А с Венеты у немец я чаял крайней дружбы, ажно у них есть тайная антипатия: немцы не хотят того слышать, чтоб Венет брал силу. По правде, государь, немцы знают, как свои дела весть, и сей мир сильною рукою и в потребное себе время сделали. Я сие покорно донесши, паки твоей государевой милости молю: помилуй грешного и убогого своего сироту, а лучше я сделать сего дела не умел».

Перемирием надобно было воспользоваться или для заключения прочного мира, или для приготовления к успешной войне, которую теперь нужно было вести один на один. Для первого был назначен посланником в Константинополь думный дьяк, теперь также советник, Емельян Украинцев с дьяком Чередеевым; но чтоб помочь Украинцеву в заключении выгодного мира, чтоб показать туркам всю опасность войны с Россиею, Петр отправил своего посланника морем на русском военном корабле; нужно было также показать туркам и крымцам весь русский флот и при этом изведать, на всякий случай, путь к заветной Керчи: с этою целию царь хотел со всем своим флотом отправиться из Воронежа провожать Украинцева до Керчи. Первого адмирала русского флота, Лефорта, уже не было более: он умер в марте 1699 года. На его место генерал-адмиралом был назначен известный нам по Нерчинскому договору боярин Федор Алексеевич Головин, который вместе с этим званием получил в заведование иностранные дела; Головин же был первым кавалером ордена Андрея Первозванного, учрежденного десятого марта 1699 года. Таким образом, Головин получил первенствующее значение между правительственными лицами, значение первого министра, как величают его иностранцы, т. е. значение, бывшее прежде у Льва Кирилловича Нарышкина.

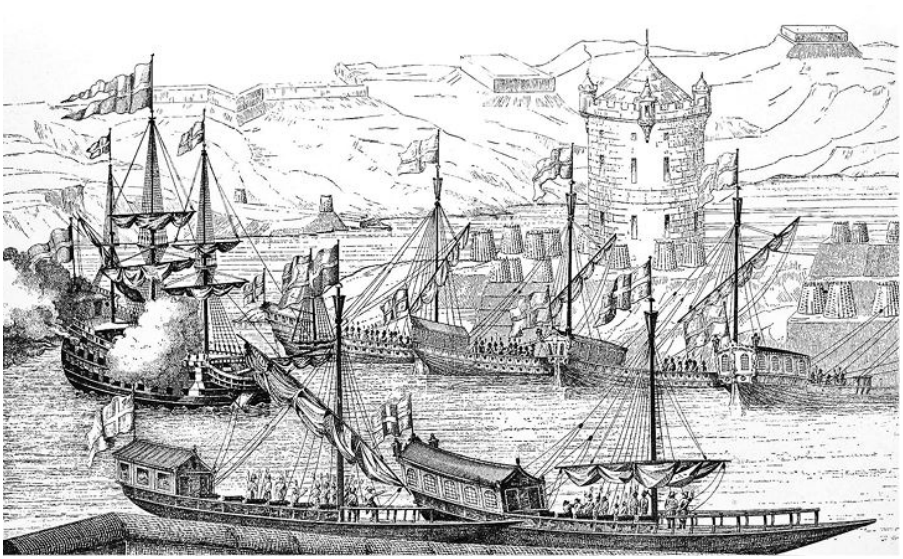
В апреле 1699 года чрезвычайные посланники Украинцев и Чередеев отправились в Константинополь. Они ехали туда не с пустыми руками, повезли мехов на пять тысяч рублей, полтора пуда чаю, десять пудов рыбья зуба – на раздачу от государевых дел. Ехали на Воронеж, где были у государевой руки, с Воронежа водою до Азова, ехали мимо городов Костенска, Урыву, Коротояка и Дивьих гор; а за Коротояком по обеим сторонам Дона тринадцать вотчин, где городков, сел и деревень жилых нет,

только юрты промышленных людей, наезжающих временно для рыбной и звериной ловли, человек по сороку, а владеют они по отдаче из оброку, нанимая у епископа воронежского и в монастырях. От этих вотчин вниз ехали мимо пятидесяти козачьих городков: когда равнялись с городком, выезжали навстречу станичные атаманы и козаки, и для почтения в городках была пальба из пушек и мелкого ружья. Когда поровнялись с главным городом Черкасском, то посланники велели провожавшим их солдатам выстрелить первыми из ружей, и на этот выстрел отвечали пушки со всего города; посланники вышли из судов и пошли в соборную церковь, оттуда к атаману Фролу Минаеву; атаман отдал им визит на бударе.

Федор Алексеевич Головин – один из ближайших сподвижников Петра I, глава внешнеполитического ведомства, генерал-адмирал и первый в России генерал-фельдмаршал. Управлял также Военно-морским приказом, Оружейной, Золотой и Серебряной палатами, Сибирским наместничеством, Ямским приказом и Монетным двором. Первый кавалер высшей государственной награды – ордена Святого Андрея Первозванного

Из Черкасска поехали в Азов, из Азова в Таганрог, где в двух верстах от города дожидался их военный сорокашестипушечный корабль «Крепость», капитан голландец Петр фон Памбург. От

Таганрога до Керчи посланники шли Азовским морем в государевом морском корабельном и галерном караване, над которым был предводителем и правителем ближний боярин и славного чина св. апостола Андрея кавалер и каравана воинского морского генерал-адмирал Федор Алексеевич Головин; командиром на корабле «Апостол Петр» был сам государь; в караване кроме «Крепости» было девять кораблей, две галеры, яхта, два галиота, три бригантира. В том же караване в четырех морских стругах шел донской атаман Фрол Минаев с пятьюстами выборных козаков.



Адриан Шхонебек. «Апостол Петр» и галеры Азовского флота. Гравюра. 1700 г.

Когда караван явился у Керчи, то здешний паша, видимо, испугался, спрашивал, зачем пришел такой большой караван, и присланный из Царя-града пристав настаивал, чтоб посланники ехали в Константинополь сухим путем, через Крым и Буджаки; но Украинцев отвечал: «По указу великого государя велено нам ехать морем на корабле царского величества, а сухим путем ехать нам не велено, да и не для чего, потому что тот путь в дальнем расстоянии; видно, ты, пристав, хочешь везти нас чрез Крым для какого-нибудь вымысла; только нам через Крым ехать не для чего, и до хана крымского никакого дела нам нет, говорить с ним не о чем». Пристав стращал посланников: «Видно, вы Черного моря не знаете, каково оно бывает с пятнадцатого августа, не напрасно дано ему имя Черное: бывают на нем во время нужды черны сердца человеческие». – «Полагаемся на волю Божию, а сухим путем не поедем», – отвечал Украинцев и закончил спор.

Двадцать восьмого августа посланники вышли в море и благополучно достигли Царя-града; невиданное диво – русский корабль торжественно, при пушечной пальбе, вошел в Константинопольскую гавань и стал на якоре против сераля. Первым делом посланников было отправить капитана Памбурга с поздравлением к французскому, английскому и голландскому послам; француз и голландец приняли Памбурга любовно и за поздравление благодарили; англичанин же к себе не пустил, выслал на крыльцо человека и велел сказать, что видеться ему с Памбургом не для чего и сел он теперь за стол обедать. Начали приезжать смотреть диковину; приезжали французы из посольской свиты, приезжал великий визирь и долго ездил около корабля, хвалил и дивился, что корабль так скоро пришел из Керчи в Царь-град, наконец, приезжал сам султан.

Переговоры начались только в ноябре. Посланники предложили статьи: 1) вечный мир или продолжительное перемирие с тем, чтоб каждая сторона удержала то, чем владела в минуту переговоров, следовательно, Россия удерживала за собою все завоевания; 2) татары не должны тревожить русские области; 3) когда Азов, Казыкермень и другие крепости будут в русском владении, то своевольные люди обоих государств уймутся; эти крепости великий государь не для какой-нибудь себе славы в своей стороне держать изволяет, но только для унятия с обеих сторон своевольных людей; 4) если во время мира козаки пойдут войною на турецкие и крымские места, то вольно их побивать, как злодеев; а когда из походу возвратятся, то по царскому указу учинена им будет смертная казнь; так же будет поступлено взаимно с турецкой и крымской стороны; 5) дачу, которая прежде бывала крымскому хану и начальным людям, великий государь за многие их неправды велел отставить, и впредь им той дачи не будет; 6) полон весь освобождается на условном месте разменою; 7) свободная торговля с обеих сторон; 8) запорожцам вольно промышлять зверем и рыбок вплоть до днепровского устья; 9) порубежные ссоры успокоиваются чрез послов; 10) русские люди свободно ходят на поклонение св. местам, не платя никаких податей; 11) святые места возвращаются грекам; 12) православные в турецких областях свободно отправляют свое богослужение.

Рейс-эфенди отвечал, что первая статья самая трудная, и не ожидали они ее, потому что все другие государи в Карловичах возвратили султану что-нибудь из завоеванного, один русский царь не хочет ничего возвратить. Рейс-эфенди потребовал возвращения Казыкерменя и других приднепровских городков – для удержания хана крымского и всяких татар от

своевольничества и для принуждения их к пашне. Посланники отвечали, что эти городки не сдерживают своевольных татар, а, наоборот, укрывают разбойников: до взятия казыкерменского жили в том городе беи, у которых был промысел, что загон за загоном отпускали, и за то великие подарки у татар брали.

Переговоры затянулись: в три месяца дело не подвинулось ни насколько. Двадцать четвертого февраля 1700 года на одиннадцатой конференции посланники объявили рейс-эфенди *медиум*, или *средок*, что государь изволяет Казыкермень и иные городки разорить до основания, а землю пустую уступить султану, чтоб впредь от тех городков недружбы и войны не было. Второго марта на двенадцатой конференции рейс-эфенди отвечал, что такую малую уступку султан не вменяет в дружбу и в уступку, надобно городки уступить султану в целости, построил их отец нынешнего султана для удержания запорожских козаков, которые выходили на Черное море и разоряли приморские города турецкие. Посланники отвечали, что прежде козаки были у поляков, жили в своевольстве и непослушании и на море хаживали своевольством, а теперь гетманы козацкие и козаки все у государя в верном послушании.

Эберхард Кизер. Константинополь. Гравюра. XVII в.

«От послов, – доносил Украинцев, – от цесарского, венецианского, английского и голландского не видим мы никакой себе помощи, все они лицемеры и наветники». Иерусалимский патриарх присылал говорить посланникам, что из-за Казыкерменя не стоит начинать войны и чтоб они из-за такого малого дела не препятствовали миру. Хан присылал к султану несколько раз, чтоб Казыкерменя не уступал России, в противном случае будет он татарам вреден: москвичи и козаки могут из него приходить к

Перекопи об одну ночь. Серб Савва Рагузинский давал знать Украинцеву, что «послы христианские, которые в Царь-граде, все противны миру нашему, и потому не доведется им ни в чем верить; у всех у них то намерение, чтоб москвичей в дальнюю с турками войну вплесть».

Иерусалимский патриарх утверждал также, что, «конечно, римляне, люторы и кальвины не желают, чтоб был мир у великого государя с султаном, и православным христианам они естественные враги».

На следующих конференциях после долгих споров и выторговывания с турецкой стороны рейс-эфенди наконец объявил, что султан соглашается на срытие днепровских городков и заключение перемирия на тридцать лет. Начались новые трудности: турки не хотели писать в договоре новых городков, построенных Петром, – Таганрога, Павловского и Миюса.

«Поступают они в договорах весьма лукаво, с великим вымыслом и продолжением, а я от такого их продолжительного и лукавого поступка в беспрестанной пребываю печали и слезах, – доносил Украинцев. – С послами цесарским, английским, венецианским по сие время я не видался, потому что Порта не допускает, и пересылку через дворян с ними имею, только помощи мне от них никакой нет, и не только помощи, и ведомостей никаких, и никакой осторожности мне не чинят, а у них в Галате многие есть ведомости, потому что они живут там во всякой повольности, между себя и с турками беспрестанные имеют конверсации, а ко мне ни с чем не отзываются. Только когда я к ним пошлю со здоровьем, тогда и они ко мне против того присылают же, а сами от себя отнюдь ни в чем меня не посещают и у Порты того, чтоб им со мною видаться, с своей стороны не домогаются, отговариваяся мне тем, что если им того у Порты просить, а она им откажет, и в том им учинится только стыд и бесчестье. Послы английский и голландский во всем держат крепко турскую сторону и больше хотят им всякого добра, нежели тебе, великому государю. Торговля английская и голландская корабельная в Турском государстве исстари премногая и пребогатая, и что у тебя, государя, завелось морское корабельное строение и плавание под Азов и у Архангельского города, и тому они завидуют и того ненавидят, чая себе от того в морской своей торговле великой помешки».

В апреле, после четырех конференций, согласились написать так: поднепрские городки все разорить, и местам, на которых они стояли, быть в султановой стороне пустым, да и всем землям по Днепру от Сечи Запорожской до Очакова быть пустыми же, только на половине между Очаковым и Казыкерменем быть поселению

для перевоза через Днепр всяких проезжих и торговых людей, и быть около того поселения окружению с ровиком и крепостцою, селу приличному, а вида городовой крепости, и никакой обороны то окружение в себе не имело бы. Азову городу со всеми старыми и новыми городками и меж теми городками лежащими землями и водами быть всем в державе царского величества, а от Перекопи и от края моря перекопского до первого нового азовского городка (Миюсского) землям быть праздным. От кубанской стороны к Азову турки уступили земли на десять часов езды; «больше того мы у них вытянуть не могли», – писал Украинцев государю.

Следовала статья о татарах. Турки объявили, чтоб поминки продолжал царь давать хану по милости своей государской, а не по принуждению, а без этой дачи мир заключен быть не может, султан в таком бесчестии хана не поставит. Относительно статьи о возвращении святых иерусалимских мест грекам турки объявили, что это к государственным делам не принадлежит, во всех делах во всем государстве султан волен, никогда один государь другому в его делах не указывает, а если потом царь будет просить об этом султана, то, вероятно, султан исполнит царское желание.

Двадцать восьмого мая, по многих разговорах и спорах, ханскую дачу турки отставили, а статью о святых местах русские посланники отложили до будущего времени. Дело приближалось к окончанию, как вдруг в июне месяце турки опять заговорили о необходимости срыть новые азовские городки – Таганрог, Павловск, Миюсский; посланники им отказали наотрез и объявили, что дают только месяц сроку для переговоров, после чего иерусалимский патриарх прислал им письмецо: «Рех и глаголю, что сии, яко лукавые, искушают либо что исправят себе угодное, однако же не верю, чтоб мира не учинили, я так чаю и мню, что не ошибусь». Действительно, 28 июня турки дали знать, что отказываются от своего требования относительно срытия новых азовских *кастелей!* Третьего июля происходила размена статьям, а чрез несколько дней пришел к Украинцеву серб Савва Владиславич Рагузинский и рассказывал, что польский посол Лещинский просил прилежно у турок именем всего сената и всей Речи Посполитой, чтоб они с русским царем не мирились, а заключили союз с поляками и помогли им отыскивать Киев и всю малороссийскую Украйну; а на короля своего Лещинский жаловался, что он великий друг русскому царю и поляки его ни в чем слушать не будут и с королевства его скинут. Но турки ни в чем не послушали Лещинского.

В то время как Украинцев в Константинополе хлопотал о прекращении войны на юге, в Москве велись деятельные

переговоры о начатии новой войны, которая должна была охватить северо-восток Европы. Мы видели, что Швеция успела нажить себе врагов во всех своих соседях. Привести их в союз против общего врага было нетрудно: стоило только явиться энергическому человеку, который из самых сильных личных побуждений решился бы действовать в пользу этого союза, соглашая интересы всех держав. Такой человек явился среди шведских подданных вследствие стремления шведского правительства усилить свои внутренние средства, чтоб поддержать свое первенствующее значение на северо-востоке Европы, чтоб не бояться враждебных соседей. Средства Швеции были вовсе не в уровень с тем значением, какое она приобрела случайно со времен Густава Адольфа, и потому естественно рождалось стремление увеличить их каким бы то ни было способом.

История Швеции представляет одну выпуклую сторону – постоянную и упорную борьбу королей с сильною аристократиею, причем короли опираются на другие сословия. Король Карл XI, умный и бережливый деспот, умел повести дело так, что сейм отдал ему неограниченную власть и право распоряжаться судьбою низложенной аристократии. Карл XI воспользовался своим торжеством, и посредством знаменитой *редукции* аристократия была обобрана, лишилась всех земель, которые когда-то были коронными и потом разными способами перешли в частное владение. Редукционная комиссия явилась и в Лифляндии: у здешнего рыцарства отобрали не только земли, пожалованные шведскими королями, но и все те земли, которые когда-то, во время самобытного существования Ливонии, принадлежали орденскому капитулу, магистрам и высшему духовенству. Не довольствуясь тем, что у лифляндского рыцарства из 5000 участков осталась только тысяча, Карл XI потребовал, чтоб оно представило несомненные доказательства своих прав на владение и оставшеюся у него землею. В этой беде из рядов рыцарства выдался самый сильный по своей природе человек – капитан Иоган Рейнгольд фон Паткуль. Даровитый, энергический, неразборчивый в средствах, пылкий до бешенства, мстительный, жестокий, Паткуль в Лифляндии и Стокгольме говорил громче всех и лучше всех против обид и притеснений, волновал рыцарство, заставлял его соединять силы для отпора беде, писал от его имени просьбы к королю. Легко понять, какое раздражение этот «беспокойный человек» производил в Стокгольме при дворе королевском и в Риге у генерал-губернатора графа Гастфера, который был ревностным исполнителем королевской воли в Лифляндии.

Паткуль был вызван в Стокгольм, обвинен в государственной измене: видя, что дело должно кончиться для него дурно, он убежал в Курляндию, а в Стокгольме заочно приговорили его к смертной казни. Из Курляндии Паткуль ушел в Бранденбург, оттуда в Швейцарию, был во Франции, Италии, на досуге занялся наукою, но кипучая натура Паткуля недолго позволяла ему эти мирные занятия. Паткуль не хотел оставаться изгнанником: так или иначе он должен был возвратиться в Лифляндию, но это было для него невозможно, пока Лифляндия оставалась шведскою провинцией, следовательно, надобно было вырвать ее у Швеции. Говорить о патриотизме Паткуля мы должны с большой осторожностью: Паткуль действовал исключительно в интересах своего сословия, тесно соединенных с его личными интересами. О восстановлении самостоятельности Лифляндии он не мог думать; ему нужно было, следовательно, вырвавши ее у шведов, передать которой-нибудь из других соседних держав.

Паткуль остановился на Польше: члена лифляндского рыцарства привлекала форма шляхетской республики, в которой нельзя было ожидать шведской редукции; немца привлекало то, что королем польским был теперь один из немецких курфюрстов. Паткуль явился при дворе Августа II и в конце 1698 и начале 1699 года подал один за другим несколько мемориалов, в которых указывал, как и с кем должно заключить союз для успешного нападения на Швецию и завоевания Ливонии. Паткуль указывал на необходимость и возможность заключения союза с Даниею, Россиею, Бранденбургом. При разделе добычи он больше всего боялся России.

Давид Клёккер-Эренстраль. Конный портрет Карла XI. 1676 г.

«Надобно опасаться, – писал Паткуль, – чтоб этот могущественный союзник не выхватил у нас из-под носа жаркое, которое мы воткнем на вертел; надобно ему доказать историею и географиею, что он должен ограничиться одною Ингерманландиею и Карелиею. Надобно договориться с царем, чтоб он не шел дальше Наровы и Пейпуса; если он захватит Нарву, то ему легко будет потом овладеть Эстляндиею и Лифляндиею. Надобно также уговориться с царем, чтоб при завоевании Ингерманландии и Карелии москвитяне не предавались своей обычной жестокости, не били, не жгли и не грабили. Надобно выговорить у царя деньги и войско, особенно пехоту, которая очень способна работать в траншеях под неприятельскими выстрелами».

Паткуль советует действовать в глубочайшей тайне: «да не ведает левая рука, что делает правая»; советует остерегаться поляков, которые будут противодействовать завоеванию Лифляндии как средству к усилению королевской власти; сейм зашумит, и если даже согласится на войну, то в Швеции узнают и примут свои меры; надобно напасть врасплох на Швецию и овладеть Ригою.

Советы Паткуля были приняты. Усыпляя Швецию дружественными уверениями, Август вел переговоры о союзе с датским королем Христианом V, который охотно согласился действовать против Швеции по вражде своей с герцогом голштейн-готторпским Фридрихом III, другом и зятем молодого шведского короля Карла XII. В Польше за 100 000 рейхсталеров был подкуплен первый человек после короля в государстве, кардинал-примас Радзеевский, обещавший выхлопотать у сейма позволение под предлогом устройства гавани в Полангене оставить в Курляндии саксонские войска, которые должны были идти под Ригу. Радзеевскому показали договор, заключенный королем с Паткулем, как уполномоченным от Лифляндского рыцарства: по этому договору Лифляндия присоединялась навеки к Польше с правом присылать депутатов на сеймы, иметь свое войско, свое внутреннее управление, свои законы и учреждения. Но в секретных пунктах рыцарство обязывалось признавать верховную власть Августа и его потомков даже и в том случае, если бы они не были королями польскими, и все доходы отправлять прямо к ним.

В Москву уговаривать царя к начатию войны со Швециею был послан генерал Карлович, с которым вместе под чужим именем приехал и Паткуль. Они приехали в Москву в сентябре 1699 года и нашли здесь шведских послов, которые приехали от принявшего правление молодого короля Карла XII за подтверждением Кардисского договора. Петр был готов для приобретения моря воевать со шведами в союзе с Польшею и Даниею, но не мог начать новой войны прежде заключения мира с турками. Карлович напомнил Петру о его предложении, сделанном Августу еще в Раве, воевать вместе с ним шведов; теперь время благоприятное для царя утвердиться на Балтийском море, завести торговлю со всеми странами мира и получить такие выгоды, каких не получал никогда ни один потентат, захватить монополию торговли между Востоком и Западом, не говоря уже о том, что приобретется средство войти в ближайшие сношения с важнейшими государствами христианского мира, приобрести влияние на европейские дела, завести на Балтийском море страшный флот, образовать здесь третье могущество, выбить у

Франции мысль о всемирной монархии и приобресть чрез это большую славу, чем от покорения турок и татар.

Капитан Иоганн Рейнгольд фон Паткуль – лифляндский дворянин, дипломат, состоял на русской службе, участник Северной войны

Царское величество приобретет возможность сделаться еще более необходимым для Англии и Голландии, когда в случае войны их с Франциею за Испанию или за что-нибудь другое пошлет им на помощь войско и флот; чрез это московская нация

на чужой счет выучится военному искусству и с успехом будет вести войну с турками и татарами, не нуждаясь в помощи иностранных офицеров. Для достижения всего этого его королевское величество польский от верного и правого сердца предлагает к услугам не только свою немецкую армию, но и свою собственную высокую особу, обязуется учинить на шведскую сторону такую сильную диверсию, что царскому величеству нечего будет опасаться оттуда нападения, ибо королевское величество займет большую часть шведских сил, нападши на такое место, куда шведы сосредоточат лучшие свои войска. При этом король в особенности рекомендует две вещи: 1) чтоб царское величество для такого великого дела как можно скорее развязал себе руки, чтоб не было развлечения ни с какой другой стороны; 2) чтоб все переговоры и сношения сохранялись в глубочайшей тайне. Все это, изложенное в общих чертах, может быть объяснено гораздо обстоятельнее, и царское величество удостоверится, что король руководится здесь побуждениями чистой любви и верной дружбы.

Тайна была соблюдена: никто не догадался, о чем Головин толковал с Карловичем в Преображенском; к совещаниям допущены были только датский посланник Гейнс по единству интересов да переводчик Шафиров. Чтоб не узнали ни о чем в Стокгольме, шведские послы были приняты царем по обычаю и отпущены с уверением, что великий государь будет соблюдать мирные договоры; только при этом царь отказался подтверждать договоры крестным целованием, потому что они были старые и царь уже раз присягал на них покойному королю Карлу XI. Неприятного было одно: послы повезли в Стокгольм требование с русской стороны удовлетворения за оскорбления, нанесенные в Риге великому посольству, при котором находился сам царь.

А между тем 11 ноября 1699 года в Преображенском заключен был тайный договор о наступательном союзе против Швеции; Август обязывался начать войну вступлением своих войск в Ливонию, обещал склонить и польскую Речь Посполитую к разрыву с Швециею: царь обязывался двинуть войска в Ингрию и Карелию тотчас по заключении мира с Турциею, не позже апреля 1700 года, а до того времени, если понадобится, пошлет королю вспомогательное войско под видом наемного. Если с Турциею нельзя будет заключить мира и Август не захочет один вести войну с Швецией, то царь обязывался всеми способами помирить его с Карлом XII.

Август исполнил свои обязательства. В начале 1700 года саксонские войска вступили неожиданно в Ливонию, но, кроме взятия Динамюнде, ничего не могли сделать. Рига не сдавалась.

Головин доносил Петру в Воронеж: «Во всех письмах пишут от свейского рубежа, что в Риге есть великая осторожность от польских войск, а наипаче от саксонских. Ах, неростропное к лучшему и без рассуждения Венусово веселие, иже легкомыслительством неоцененное ко многих пользе время потеряли».

Успешнее на первый раз повел свои дела другой союзник – король датский, заставивший герцога шлезвиг-голштинского уехать в Швецию. Третий союзник – русский царь – не двигался, ожидая вестей с юга, из Константинополя. Успокоительных вестей не было, и Петр, не видя возможности разорвать с Швецией, вместо войска в Ингрию назначил великое посольство в Стокгольм – ближнего боярина князя Якова Долгорукова и окольничего князя Федора Шаховского и с известием о их отправлении послал на резиденцию ближнего стольника князя Андрея Хилкова. Для успокоения шведского резидента в Москве Книперкрона употреблялись всевозможные средства. Резидент доносил в Стокгольм, что когда его дочь расплакалась, испугавшись вестей о разрыве России с Швецией, то сам Петр стал утешать ее, говоря, что не начнет несправедливой войны, не разорвет мира, только что подтвержденного; по словам Книперкрона, царь сказал ему, что если польский король и овладеет Ригою, то он, царь, отнимет ее у него.

Между тем сам Август II явился в Ливонию, овладел Кокенгаузеном; но в Риге не мог ничего сделать по малочисленности войска и по недостатку осадных орудий; он отправил в Москву барона Лангена требовать у Петра условленной помощи, условленного нападения на Ингрию. Но Петр хорошо помнил другое, главное условие – не начинать шведской войны до окончания турецкой; на все убеждения Лангена он отвечал: «Если сегодня получу известие о мире, то завтра двину свои войска на шведов».

Слово было сдержано: восьмого августа получил Петр донесение от Украинцева о заключении мира, девятого велел двинуть войска к шведским границам, о чем в тот же день уведомил Августа: «Любезнейший брат, государь и сосед! Никакоже сомнению доселе медление наше подлежит в начатом сем деле: ибо трудные ради причины сие удержано было. Ныне же, при помощи божией, получа мира с Портою на тридцать лет (слава Богу, с нарочитым удовольствованием), к сему подвигу приступили есмы, о чем сегодня к новгородскому воеводе указ послали, дабы как наискорее, объявя войну, вступил в неприятельскую землю и удобные места занял; такожде и прочим войскам немедленно иттить повелел, где при оных в конце сего

месяца и мы там обретатися будем, и надеемся в помощи божией, что ваше величество инако, разве пользы, не увидите».

Но его величество польский увидал *инако*, еще прежде него *инако* увидал его величество датский. Мы упоминали уже, что последний с успехом вступил в Голштинию и заставил герцога удалиться в Швецию к родственнику и другу Карлу XII, с которым мы должны поближе познакомиться.

Карл родился в 1682 году, следовательно, был ровно десятью годами моложе нашего Петра. Сильная натура рано начала давать себя чувствовать в ребенке; и с самого же начала сила обнаруживалась односторонне; в удали, безрассудном искании опасностей уже высказывался исключительно герой-завоеватель, тогда как в русском Петре с малолетства была видна гениальная многосторонность, гениальная чуткость ко всему, виден был преобразователь, а не солдат, не завоеватель. И в молодом Карле, как в Петре, богатырские силы высказывались часто очень неприятным образом для окружающих. Особенно неприятный характер приняли королевские потехи, когда весною 1698 года в Стокгольм приехал Фридрих III, герцог голштейн-готторпский, чтоб жениться на старшей сестре Карла XII. Фридрих и Карл стали неразлучными друзьями, и проделкам этих друзей не было конца: то в сеймовой зале устроят охоту на зайца, то днем въедут вместе торжественно в Стокгольм, причем герцог и вся свита в одних рубашках с саблями наголо, с криком и гамом; то пойдут вечером гулять по городу и бить стекла. Потешались и тем, что срывали парики, шляпы, выбивали миски из рук пажей, разносивших кушанье, колотили мебель и выбрасывали из окна, однажды переломали все лавки в церкви и заставили всех молиться стоя; несколько дней сряду друзья забавлялись тем, что отсекали саблями головы баранам и телятам, пригнанным для этой потехи во дворец; пол и стены королевских комнат были залиты кровью.

Во время этих потех шестнадцатилетнего Карла нельзя было занять ничем важным: сановники, которые решались пытаться на это, были выталкиваемы за двери. Народ роптал: говорили, что герцог голштинский нарочно развращает короля, чтоб погубить его и самому занять шведский престол, за неимением наследников мужского пола. Но и общество показало свою силу: представления за представлениями с разных сторон являлись к королю насчет его поведения: в одно воскресенье три проповедника в трех разных церквах говорили проповедь на один текст: «Горе стране, в которой царь юн!»

Все это сильно раздражало Карла и, по-видимому, не вело ни к чему, но только *по-видимому*; молодой богатырь поутих, и,

когда герцог уехал из Швеции, Карл явился совсем другим человеком, серьезным и деятельным: теперь уже не могли уговорить его хотя немного рассеяться. Потом вдруг опять с жадностью предался удовольствиям, балам, маскарадам, театру. Силы кипели и не находили выхода.

Между тем герцог Фридрих в надежде на помощь Швеции стал задирать Данию, строить крепости и вводить шведские отряды, тогда как Дания, по старинным ленным отношениям, отрицала у него право на это. Датское войско вступило в Шлезвиг и срыло укрепления Теннинга; но как скоро оно удалилось, герцог возобновил укрепления. Вражда разгоралась, и Дания была рада случаю утвердить свою власть в Голштинии: Швеции она не боялась, она вошла в тайные сношения с Августом II и Россиею. Изгнанный датскими войсками герцог Фридрих, приехавши в Швецию, объявил Карлу XII, что отдает себя и свою страну в его покровительство.

«Я буду вашим покровителем, – отвечал Карл, – хотя бы это мне стоило короны». Шведские войска получили приказ двинуться из Померании в Голштинию. Тщетно большинство членов шведского государственного совета было против войны; тщетно хотели помешать ей Англия и Голландия: искра была брошена в порох; господствующая страсть молодого короля вспыхнула и не потухнет. «Король мечтает только об одной войне, – писал французский посланник, – ему слишком много насказали о подвигах и походах его предков. Сердце и голова наполнены этим, и он считает себя непобедимым в челе своих шведов».

Давид Клёккер Эренстраль. Карл XII в коронационной мантии. 1697 г.

Скоро упала и другая искра: пришло известие, что Август II

польский вторгнулся в Ливонию. Король получил это известие на охоте; без всякого волнения, с улыбающимся лицом обратился он к французскому посланнику и сказал: «Скоро мы заставим короля Августа убраться восвояси». По возвращении в Стокгольм он объявил, что никогда не начнет несправедливой войны, но справедливую кончит только совершенным низложением врага. «Сперва я покончу с одним, – сказал он, – а потом поговорю и с другим».

Вечером 13 апреля 1700 года Карл простился с бабушкой и двумя сестрами, чтоб ехать в увеселительный дворец Кунгсер. Ночью король действительно выехал из Стокгольма, только не в Кунгсер. Никогда не возвратится он более в Стокгольм, никогда не увидит бабушки и сестер.

Совершенно неожиданно пятнадцать тысяч шведского войска под предводительством самого короля переплыли Зунд и явились пред Копенгагеном, не имевшим средств защищаться. Боясь разрушения своей столицы, король Фридрих IV поспешил заключить с Карлом мир, утверждая совершенную самостоятельность Голштинии и обязуясь заплатить герцогу Фридриху 260 000 талеров. Договор был подписан в Травендале восьмого августа, в тот самый день, когда Петр получил известие о заключении мира с турками, чем условливалось движение русских войск к шведским границам.

Мы видели, как Паткуль боялся, чтоб Петр не овладел Нарвою: и Петр именно хотел начать войну покорением двух важных крепостей – Нарвы и Нотебурга (Орешка), чтоб, получивши эти две опоры, с успехом продолжать войну, занимать и всю страну, между ними лежащую, страну, не имевшую других значительных крепостей, страну пустынную, где еще нужно было укрепляться – на досуге. При этом Нарва была важнее Нотебурга, ибо ближе к Риге, где должен был действовать Август.

Второго марта 1700 года, отвечая Головину из Воронежа на известие о неудаче саксонцев в Ливонии, Петр писал: «Жаль, жаль, да нечем пособить! Пришло мне на мысль: сказывал мне Брант, что есть в Ругодеве (Нарве) пушки продажные корабельные, и я с ним говорил, чтоб купить. И ныне для тех пушек пошли ты Корчмина (стольника, выученного за границею инженерному искусству), чтоб он их пробовал и купил несколько, а меж тем накажи ему, чтоб присмотрел города и места кругом; также, если возможно ему дела сыскать, чтоб побывал и в Орешке, а буде в него нельзя, хоть возле его. А место тут зело нужно; проток из Ладожского озера в море (посмотри в картах), и зело нужно ради задержания выручки; а детина, кажется, не глуп и секрет может снесть. Зело нужно, чтоб Книпер того не ведал,

потому что он знает, что он (Корчмин) учен».

«Мы здесь в восемнадцатый день объявили мир с турками зело с преизрядным фейерверком, в девятнадцатый день объявили войну против шведов», – писал Петр Федору Матвеевичу Апраксину, заведовавшему флотом в Воронеже. Война объявлялась за многие неправды шведского короля, и особенно за то, что во время государева шествия чрез Ригу от рижских жителей чинились ему многие противности и неприятства. Войска двинулись к Нарве. Посланник Августа, Ланген, был в отчаянии, что вместе с датским посланником никак не мог удержать царя от похода в Нарву; он утешал себя тем, что со временем этот город не уйдет из их рук.

Паткуль пришел в восторг при известии, что Петр наконец объявил войну Швеции; но этот восторг был сейчас же охлажден тревожною мыслию: куда двинет царь свои войска? Что, если к Нарве? Паткуль беспокоился тем более, что уже познакомился с Петром, увидел, какого опасного союзника приобрел себе его Август. В этом беспокойстве Паткуль писал Лангену: «Вопрос в том, куда обратил царь свое оружие? Вы знаете хорошо, как хлопотали мы о том, чтоб отвратить его от Нарвы; мы руководились при этом важными соображениями, между которыми главное, что не в наших выгодах допустить царя в сердце Ливонии, позволив ему взять Нарву. В Нарве он получит такое место, откуда может захватить Ревель, Дерпт и Пернау прежде, чем узнают об этом в Варшаве, а потом покорить Ригу и всю Ливонию. Поневоле станешь бояться, имея дело с таким государем, вспомнив об его силах и всех его движениях, которые вы очень хорошо проникли, как видно из вашего донесения королю. Наконец, благоразумие требует взять все возможные меры предосторожности, чтоб Ливония не зависела от произвола этого могущественного друга и союзника королевского.

Фридрих IV Голштейн-Готторпский

С другой стороны, не должно забывать, что мы слабы, что нам необходима помощь царя и его дружба, если мы хотим что-нибудь сделать, и что мы нанесем немалый удар Швеции, когда она так рано потеряет Нарву. Вот почему нам нельзя очень торговаться с царем из опасения, чтоб не раздражить его, и я думаю, что ненадобно спорить с ним о Нарве; однако надобно очень искусным образом подать царю записки, с которых взять копии из царской канцелярии, и таким образом охранить право

короля, которое он имеет в силу последнего договора, чтоб можно было действовать впоследствии, когда не будет более причин так осторожно обходиться с царем, как принуждены мы теперь. Наблюдайте внимательно за поведением датского посланника: не он ли внушает царю желание взять и удержать за собою Нарву? Побуждайте царя хлопотать, чтоб республика Польская также объявила войну Швеции. Выведайте у царя, не может ли он уступить чего-нибудь полякам со стороны Киева; внушайте ему, что приобретение Ингрии и Карелии, утверждение на берегу Балтийского моря сторицею вознаградит его за уступку».

Девятого сентября писал это Паткуль Лангену, а еще 22 августа русские войска начали выступать в поход под Нарву. Старый наш знакомый, капитан бомбардирской роты Петр Михайлов, шел с Преображенским полком до Твери. Здесь получил он известие от польского короля, что Карл XII скоро будет в Ливонии с 18 000 войска и высадится в Пернау. Петр был в сильном недоумении, как видно из письма его к Головину: «И о том я многократно думал, истина ль или подлог? И буде истина, то, конечно, датский осилен. Мы пойдем отсель завтра до Новгорода, не мешкав. К Якову Брюсу я послал, чтоб остановился, если за рубеж не вышел. Извольте управляться, так же и прочим приказать; а мы пойдем и будем делать, как Бог наставит».

В Новгороде Петр решился продолжать поход к Нарве: о прибытии Карла XII слухов не было, а были вести, что Нарва плохо укреплена и войска в ней мало. Двадцать третьего сентября Петр стал под Нарвою и немедленно занялся приготовлениями к осаде вместе с саксонским инженерным генералом Галлартом, которого прислал король Август. Затруднения обнаружились сейчас же: военных запасов было заготовлено гораздо меньше, чем сколько нужно было, по мнению Галларта. Другая беда: войска по причине дурной осенней дороги и недостатка подвод двигались очень медленно, и дорогое время уходило. Всего войска собралось под Нарвою от тридцати пяти до сорока тысяч, изнуренного тяжелым походом и недостатком съестных припасов; пушки оказывались негодными.

Наконец двадцатого октября открылся огонь по городу со всех русских батарей; надеялись, что город при его малых средствах недолго продержится, как вдруг пришло известие, что Карл XII высадился в Пернау с большим, как говорили, войском. После военного совета русские укрепили свой лагерь. Стрельба по городу продолжалась, пока наконец недостаток в ядрах, бомбах и порохе не заставил прекратить огонь. Надобно было дожидаться их подвоза. Первая осада Нарвы, как и первая осада Азова,

ознаменовалась изменою: один из служивых иностранцев, Гуммерт, пользовавшийся особенным расположением царя, ушел в Нарву, оставя в Москве жену и детей. Петр после велел перед его московским домом повесить его куклу; но Гуммерт из Нарвы опять завел с ним сношения, давал советы, как вести войну, как снова действовать против Нарвы, объяснял причины неудачи первой осады: «Как прямое учреждение и учение между солдатами учинено не будет, невозможно вовек войну совершенную весть, понеже сие более к своему собственному погублению, нежели к неприятельскому убытку учинено будет. Вашего величества сила есть неописанна, егда б право и к пользе только б употреблена была, тако ж люди сами так добрые, как возможно в свете найти; но лучшего несть, а именно: прямого порядка и учения». Осада, по словам Гуммерта, не удалась оттого, что «мы имели лазутчиков и ведомцев и обо всем хорошо ведали, но руками никто не хотел приняться: ходили, как кошки около горячей каши, и никто не хотел пальцев ожечь. Надобно было прежде шанцы построить для сохранения своих винных фляг и хлебных мешков, хотя нечего было опасаться, и отложили то до последнего, что сперва делать надлежало. Люди наши сначала были весьма бодры к наступлению; но что пользы, когда псы зело добры, а ловцы неудобны, или наоборот: ловцы гораздо добры, а псы неудобны – плохая ловля будет!» Письма Гуммерта сохранились; но ответов никаких нет, есть только известие, что шведы повесили Гуммерта.

Семнадцатого ноября боярин Борис Петрович Шереметев, посланный к Везенбергу наблюдать за шведским войском, отступил к Нарве с вестию о приближении неприятеля; в ту же ночь Петр оставил лагерь. Понятно, что это подало повод к обвинениям и оправданиям. Но в чем обвинять Петра? В трусости? И прежде и после Петр доказал, что он не трусил при встрече с неприятелем; но безрассудная удаль, стремление подвергаться опасности бесполезной было совершенно не в характере Петра, чем он так отличался от Карла XII. Петр мог уехать из лагеря при вести о приближении Карла, убедившись, что оставаться опасно и бесполезно, что присутствие его может быть полезно в другом месте. Это был человек, который менее всего был способен руководиться ложным стыдом. Петр привел свои войска под Нарву, как привел их под Азов, рассчитав, что двое союзников занимают неприятеля. Искусных генералов у него не было, война еще не успела образовать их; в походе, который имел целию занятие крепости, можно было обойтись и без них; у Петра был искусный инженер Галларт, с которым он и намеревался распоряжать всем сам. Но обстоятельства

переменились: на выручку Нарвы приближался шведский король с отличным и, по слухам, с большим войском, ободренным блистательным успехом в датском походе. В военном искусстве, как и во всех других искусствах, Петр смотрел на себя и на своих как на новичков, только что начавших учиться; и вот этим новичкам пришлось померяться с мастерами.

По всем вероятностям, Петр поспешно бы отступил перед Карлом от Нарвы, если б оставался один с адмиралом Головиным, которого для сохранения видимого единства назвал фельдмаршалом; но еще в Новгород к нему приехал отлично рекомендованный генерал цесарской службы герцог фон Круи. При вести о приближении Карла Петр предложил герцогу принять начальство над русским войском; тот долго отказывался, наконец принял предложение; войско в надежных руках мастера; царю с прежним фельдмаршалом оставаться долее значило только вредить единству распоряжений, развлекать внимание подчиненных. Петр уехал вместе с Головиным в Новгород «для того, чтобы идущие достальные полки побудить к скорейшему приходу под Нарву, а особливо, чтоб иметь свидание с королем польским».

Карл быстро шел к Нарве по пятам Шереметева и утром девятнадцатого ноября явился пред русским лагерем, имея около восьми с половиной тысяч человек войска. Но кроме искусства, опытности и бодрости на шведской стороне главным условием успеха для Карла было то, что русские войска были растянуты на огромном протяжении своего лагеря, и прорваться чрез их несомкнутые ряды было легко; кроме того, сильная вьюга била прямо в лицо голодным и холодным русским солдатам, и в двадцати шагах нельзя было ничего различить; наконец, к печальному состоянию физическому присоединялся упадок нравственных сил, произведенный сознанием своего неискусства, неопытности пред страшным этими качествами неприятелем; сюда же присоединялась подозрительность: предводители-немцы будут ли усердно сражаться против своих?

Вот почему, когда шведы ворвались в лагерь, в рядах испуганных русских солдат раздались крики: «Немцы изменили!» Эти страшные крики отняли последние силы, и все бросились бежать. Побежала конница Шереметева вплавь через Нарову, причем потонула тысяча человек. Бегство Шереметева освободило Карла от большого страха, потому что он больше всего боялся, чтоб конница не напала на него с тыла. Пехота бросилась через мост, мост обрушился, и много народа потонуло в Нарове. Дисциплина исчезла; в страшном озлоблении русские начали кидаться на иностранцев и бить их. Видя это, фон Круи закричал:

«Пусть сам черт дерется с такими солдатами!», бросился бежать вместе с другими иностранцами и отдался в плен шведам.

При этом всеобщем смятении и бегстве не смялись и не побежали два полка – Преображенский и Семеновский: огородясь рогатками и артиллерийскими повозками, они до самой ночи отбивались от шведов. Между тем король, увязив лошадь в болоте, сам насилу из него выбрался и пересел на другую лошадь; та была убита, король пересел на третью, говоря со смехом: «Видно, неприятель хочет упражнять меня в верховой езде». Когда совершенно стемнело, король велел прекратить огонь, а сам в мокром платье прилег на плаще у сторожевого огня.

Преображенцы и семеновцы пугали своим отчаянием; кроме них стоял твердо отряд, бывший под начальством генерала Вейде. Между шведами было мало порядка; два отряда их, опознавшись, вступили друг с другом в бой, причем погибло немало людей. Ночью солдаты забрались в покинутые русские палатки, нашли там много вина и перепились так, что сделались неспособными сторожить пленных, и если бы русские воспользовались этим, то исход Нарвской битвы мог бы быть совершенно иной. Но русские генералы – князь Як. Фед. Долгорукий, царевич имеретийский Александр, Автамон Головин, Бутурлин Ив. Ив., не имея сообщения с Вейде и ничего не зная, в каком положении дела, опасаясь печального для себя исхода битвы, на другой день вошли в переговоры с королем и согласились отступить, отдавши шведам артиллерию.

А.Е. Коцебу. Битва при Нарве

Вейде, получив известие об этой капитуляции, последовал примеру русских генералов. «Я позволяю русским солдатам сохранить оружие за храбрость, с какою они защищались», – сказал Карл. Шведы были рады спровадить русских как можно скорее за реку, принялись ночью за работу и далеко до рассвета успели навести мост, по которому русские и переправились, но генералы были захвачены в плен под предлогом, что русские нарушили договор, вывезши денежную казну, тогда как о казне не было ничего в договоре.

Двадцать первого ноября Карл с торжеством вступил в освобожденную Нарву, куда были отправлены и семьдесят девять человек знатных русских пленных, в том числе десять генералов.

Блистательная победа была выиграна; как же воспользуется ею победитель? Надобно было выбирать из двух дорог, из двух врагов, и мнения разделились. Пипер, Вреде, Веллинг, Штенбок и другие советовали принять мирные предложения короля Августа и все силы обратить на преследование бегущих, испуганных русских; стать у них на зимние квартиры, кормить армию на их счет и поддерживать неудовольствия на царя между стрельцами, между приверженцами Софьи, между чернью, недовольною введением европейских обычаев. Замутится Русское царство, и Швеции можно будет, как некогда при самозванцах, приобрести выгоды, еще более обезопасить свои владения с этой стороны, заставить русское правительство исключительно обратить свое внимание на Черное море. Сначала Карл был за этот план: в спальне у него висела карта, где обозначена была дорога в Москву; он запретил своим солдатам забегать для фуражировки за русскую границу: иначе, говорил он, шведское войско не найдет здесь пропитания. Но скоро план был оставлен. Со стороны Карла главными побуждениями к этому были – ненависть к Августу и презрение к русским: этих врагов, думал он, всегда легко низложить, а чтоб сдержать их на время – для этого немного нужно войска. Таким расположением Карла спешили пользоваться, потому что война в России мало прельщала шведских солдат и офицеров: холодная и бедная страна не обещала богатой добычи. Карл отошел от Нарвы к крепкому замку Лаису (в пятидесяти верстах от Дерпта), чтоб дожидаться здесь подкреплений из Швеции, с которыми хотел выступить весною против Августа.

Между тем слух о Нарвской битве разнесся по всей Европе и возбудил сильное удивление к осьмнадцатилетнему победителю: поэты настроили свои лиры; выбивались медали в честь Карла: на одной нарвский победитель был изображен с надписью: «Истина превосходит вероятие (Superant superata fidem)»; на другой Карл

низлагает троих неприятелей – и надпись: «Наконец правое дело торжествует!» Кроме медалей в честь Карла была медаль, выбитая в насмешку над Петром, с кощунскими сближениями из истории апостола Петра: на одной стороне медали был изображен царь Петр, греющийся при огне своих пушек, из которых летят бомбы на Нарву; надпись: «Бе же Петр стоя и греяся». На другой стороне изображены были русские, бегущие от Нарвы, в их челе Петр: царская шапка валится с его головы, шпага брошена, он утирает слезы платком, и надпись говорит: «Изшед вон, плакася горько».

Но смеется тот, кто последний смеется. Люди, близкие к Карлу, сейчас же могли заметить вредное влияние, произведенное на него необыкновенным успехом. С этих пор страсть к войне разгорелась в нем во всей силе. Война для войны стала целию его жизни; сюда присоединилось мнение о своей непобедимости и непогрешительности, о своем посланничестве свыше. Вера в собственную непобедимость соединилась, естественно, с презрением к побежденному неприятелю. «Нет никакого удовольствия, – говорил он, – биться с русскими, потому что они не сопротивляются, как другие, а бегут; если бы Нарова была покрыта льдом, то нам едва ли бы удалось убить хотя одного человека. Лучшее зрелище было, когда русские взбежали на мост и мост под ними подломился: точно фараон поглощен был в Чермном море; повсюду высовывались из воды головы людские и конские, руки и ноги; наши солдаты стреляли их, как диких уток».

Реверс и аверс шведской медали в честь победы Карла XII под Нарвой в ноябре 1700 года. Надпись на латыни: «Tandem bona causa triumphat» – «Наконец благое дело торжествует»

Знаменитый впоследствии фельдцейхмейстер Кронстедт писал в Швецию после Нарвской битвы: «Наш король так крепко

надеется на помощь Божию, что не боится с четырьмя тысячами человек броситься на шестьдесят тысяч». Генерал Стенбок писал: «Король ни о чем больше не думает, как только о войне; он уж больше не слушает чужих советов; он принимает такой вид, что как будто бы Бог непосредственно внушает ему, что он должен делать». Полковник королевской гвардии Поссе отзывался: «Несмотря на холод и голод, король еще не хочет отпустить нас на зимние квартиры. Думаю, что если у него останется только восемьсот человек, то он с ними вторгнется в Россию, не заботясь, чем будут солдаты питаться. Если кого-нибудь из наших убивают, то это его нисколько не трогает».

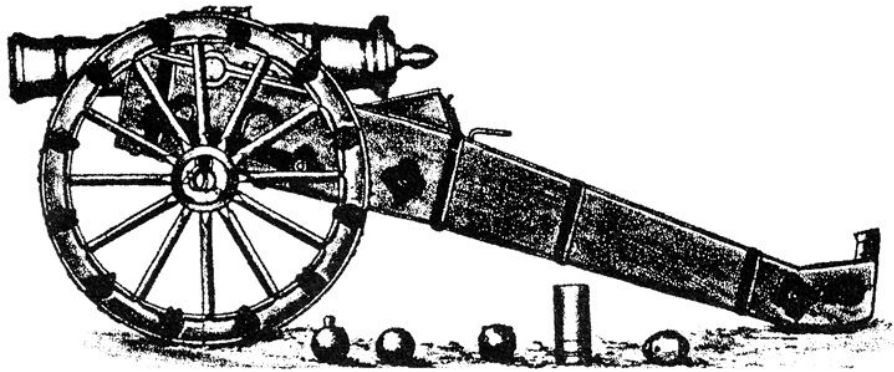
От победителя обратимся к побежденному. Петр не бросал оружия и не плакал, как враги представляли его на медалях. И после Нарвы он явился так же велик, как велик был после первого неудачного похода азовского, обнаружил такую же изумительную деятельность, не останавливаясь ни перед чем. Князь Аникита Репнин получил приказание привести в исправность полки, шедшие от Нарвы «в конфузии». Работы над укреплениями закипели в Новгороде, Пскове, Печерском монастыре (близ Пскова). «Рвы копали и церкви ломали, полисады ставили с бойницами, а около полисад складывали с обеих сторон дерном; также и раскаты делали, а кругом складывали дерном; а на работе были драгуны и солдаты, и всяких чинов люди, и священники, и всякого церковного чина, мужескаго и женскаго пола; а башни насыпали землею, а сверху дерн клали, работа была насыпная; а верхи с башен деревянные и с города кровлю деревянную всю сломали, и в то же время у приходских церквей, кроме соборной церкви, служеб не было».

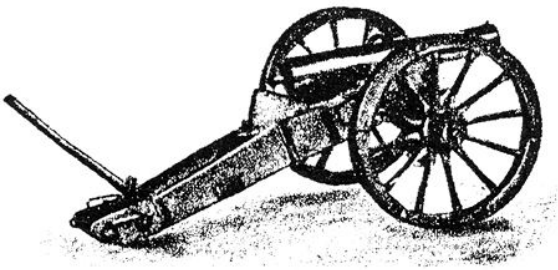
И горе тем, кто в это время не хотел работать или думал, как бы поживиться от общего дела. Пришедши в Печерский монастырь, Петр при себе велел заложить первый раскат у святых ворот и назначил быть на работе полуполковнику Шеншину. Пришедши потом на работу и не заставши там Шеншина, он велел бить его плетьми нещадно у раската и послать в Смоленск в солдаты. В Москве перед Поместным приказом повешен Леонтий Кокошкин за то, что был он у приема подвод в Твери и взял пять рублей денег; в Новгороде повешен Елисей Поскочин за то, что брал деньги за подводы.

Двадцать три тысячи войска сохранилось от Нарвского поражения. Князю Бор. Алекс. Голицыну поручено было набирать новые полки, и набрано десять драгунских полков, в полку тысяча человек; весною они уже отправились в Псков. Солдат набирали из вольницы. Люди явились; но надобно было создать новую артиллерию, потому что старую отдали под Нарвою шведам. Петр

велел «со всего государства, с знатных городов от церквей и монастырей, собрать часть колоколов на пушки и мортиры». Приготовление орудий поручено было Виниусу, «надзирателю артиллерии». Бодрый, неутомимый и знающий старик был способен выполнить важное и трудное поручение; но он не составлял исключения относительно бескорыстия; и, делая Виниуса надзирателем артиллерии, Петр счел за нужное взять у него заведование почтою. Виниус спрашивал: нет ли какого гнева? Петр отвечал: «Письма ваши я принял, в которых пишете о готовности артиллерии и что трудитеся в том: и то зело доброе дело и надобно, ибо время яко смерть. Тут же пишешь, нет ли какого гневу за нечаямое будто отнятие почты: и тут не сама ли вас совесть обличит? Понеже я уже давно о том говорил, и вы так тому сведомы были, что многим о том говорили и нечто давали. А взята оная от вас не за иное что, только что оная у вас была ни в какую пользу государству, но только вам, ибо коль крат я говорил тебе о корреспонденции в иные места, но те мои слова тщетны; того ради и отдана иному, где если такова ж будет тщетна, и там может отняться».

Виниус отлично исполнил новое поручение, но жаловался на мастеров и бурмистров: «Пущая остановка, государь, от пьянства мастеров, которых ни ласкою, ни битьем от той страсти отучить невозможно. Прилежно молю об указе бургомистрам, чтоб радетельнее исполняли по памятям Пушкарского приказа: от них остановка многая».





Пушка «Единорг» и пушка бронзовая, шестифунтовая

Петр отвечал: «Зело нас увеселило вашей милости письмо, в котором видим, при помощи Божией и вашем прилежании, артиллерию в немалой готовности. Бурмистрам скажи и сие покажи, что если не будут за их удержкою станки готовы, то не только деньгами, но и головами платить будут».

Не знаем, во сколько Виниус преувеличивал трудности, чтоб тем резче выставить собственные заслуги; по крайней мере, он писал, что добрых мастеров только двое: один немец, другой русский. Из остальных русский один хорош да пьян, другие два спились с кругу и не боятся никакого наказания. Как бы то ни было, в ноябре 1701 года Виниус хвалился, что такой хорошей артиллерии в такое короткое время и такими мастерами нигде не делали; меньше чем в год приготовлено больше трехсот орудий, в которых нет никакого недостатка, да сбережено, против прежних подрядных цен, 10 000 рублей. Собрано в школы 250 ребят, из которых выйдут хорошие инженеры, артиллеристы и мастера.

Петр после Нарвы не хотел ограничиваться одними оборонительными мерами. Наступательное движение было необходимо, во-первых, для ободрения своих, страшно упавших духом; потом – для показания друзьям и недругам, что Нарвское поражение не отняло всего, что остался дух и силы. Как свои

упали духом и какими средствами надобно было возбуждать их к деятельности, видно из письма Петра к Бор. Петр. Шереметеву две недели спустя после Нарвской битвы, пятого декабря 1700 года: «Нет! Понеже не леть есть (нельзя) при несчастии всего лишатися, того ради вам повелеваем при взятом и начатом деле быть, т. е. над конницею новгородскою и черкасскою, с которыми, как мы и прежде наказывали и в ту пору мало было людей), ближних мест беречь (для последующего времени) и иттить в даль, для лучшего вреда неприятелю. Да и отговариваться нечем: понеже людей довольно, также реки и болота замерзли, неприятелю невозможно захватить. О чем паки пишу: не чини отговорки ничем; а буде болезнию, и та получена меж беглецами, которых товарищ майор Л… на смерть осужден».

Восьмипудовая осадная мортира

Шереметев послал отряд к замку Мариенбургу; но полковник Шлиппенбах отбил русских, укрепил замок и в январе 1701 года вошел в русские пределы с тремя ротами конницы и тремя ротами пехоты. В пятнадцати верстах от Печерского монастыря был у шведов бой с русскими, которые побили у шведов шестьдесят человек и взяли пятнадцать пленников; Шлиппенбах ушел назад. Этим надолго ограничились неприятельские

действия с обеих сторон: русские не решались искать шведов далеко внутри их владений, а у Шлиппенбаха было очень мало войска для сколько-нибудь значительного предприятия.

Сильно потерпели только пограничные жители: козаки вывели в Малороссию около четырех тысяч пленных из Ливонии. Между тем Петру нужно было скрепить союз с королем Августом, не допустить его до отдельного мира с Карлом и попытаться, нельзя ли склонить и Польшу к войне против шведов. Лучшим средством для этого Петр считал личное свидание с Августом, личные переговоры с польскими вельможами. Это свидание государей произошло в феврале 1701 года в местечке Биржах (Динабургского уезда). Государи веселились за длинными обедами и занимались важными делами. Однажды Август после пирушки проспал обедню; но Петр явился в церковь и по своему обычаю внимательно приглядывался к католическому богослужению, расспрашивал, что значит то и другое действие. Один из польских сенаторов заметил ему, что в его власти соединить церковь греческую с латинскою. Царь отвечал: «Господь действительно дал царям власть над народами; но над совестию людей властен один Христос, и соединение церквей может совершиться только с божией воли».

Петр приехал улаживать не соединение церкви, а соединение Польши со своим королем и с Россиею против шведов. Он представлял литовскому подканцлеру Щуке, что Польша должна теперь воспользоваться соединением русских и саксонских войск, чтоб присоединить к ним свои войска и отнять у шведов Лифляндию. Щука отвечал, что Польша истощена только что оконченными войнами и гораздо выгоднее для нее пользоваться миром, чем искать новых приобретений; что, разумеется, ее можно побудить к войне, но для этого нужно посулить ей выгоды посущественнее. «Что такое, что такое?» – стал спрашивать царь. «Все дело в руках вашего величества», – отвечал подканцлер.

Петр начал настаивать, чтоб Щука объяснился, и тот сказал: «По последнему договору с Россиею Польша лишилась своих прежних границ; так не угодно ли будет вашему величеству возвратить ей хотя половину уступленного, например Киев с округом». Царь объявил, что это невозможно, что для Польши довольно и Лифляндии. Переговоры продолжал Головин, приехавший с царем: он объявил, что уступка Киева невозможна без согласия думы и козацкого гетмана, что она может произвести внутренние волнения в России. «Если это трудно для России, то еще труднее побудить к войне Речь Посполитую, – отвечал Щука, – возвратите, по крайней мере, нам заднепровские городки: Терехтемиров, Стайки, Триполье, также некоторые села от

стародубского полка и не запрещайте населять Чигирин и другие окрестные места». «Ничего этого нельзя уступить без совета с гетманом, потому что царское величество ничего силою от Украйны не отнимет», – сказал Головин.

Николаус Лауэр. Петр I

Разговоры с Щукою этим и кончились; но с Августом заключен был новый договор. Союзники обязались продолжать войну всеми силами и не оканчивать ее без взаимного согласия;

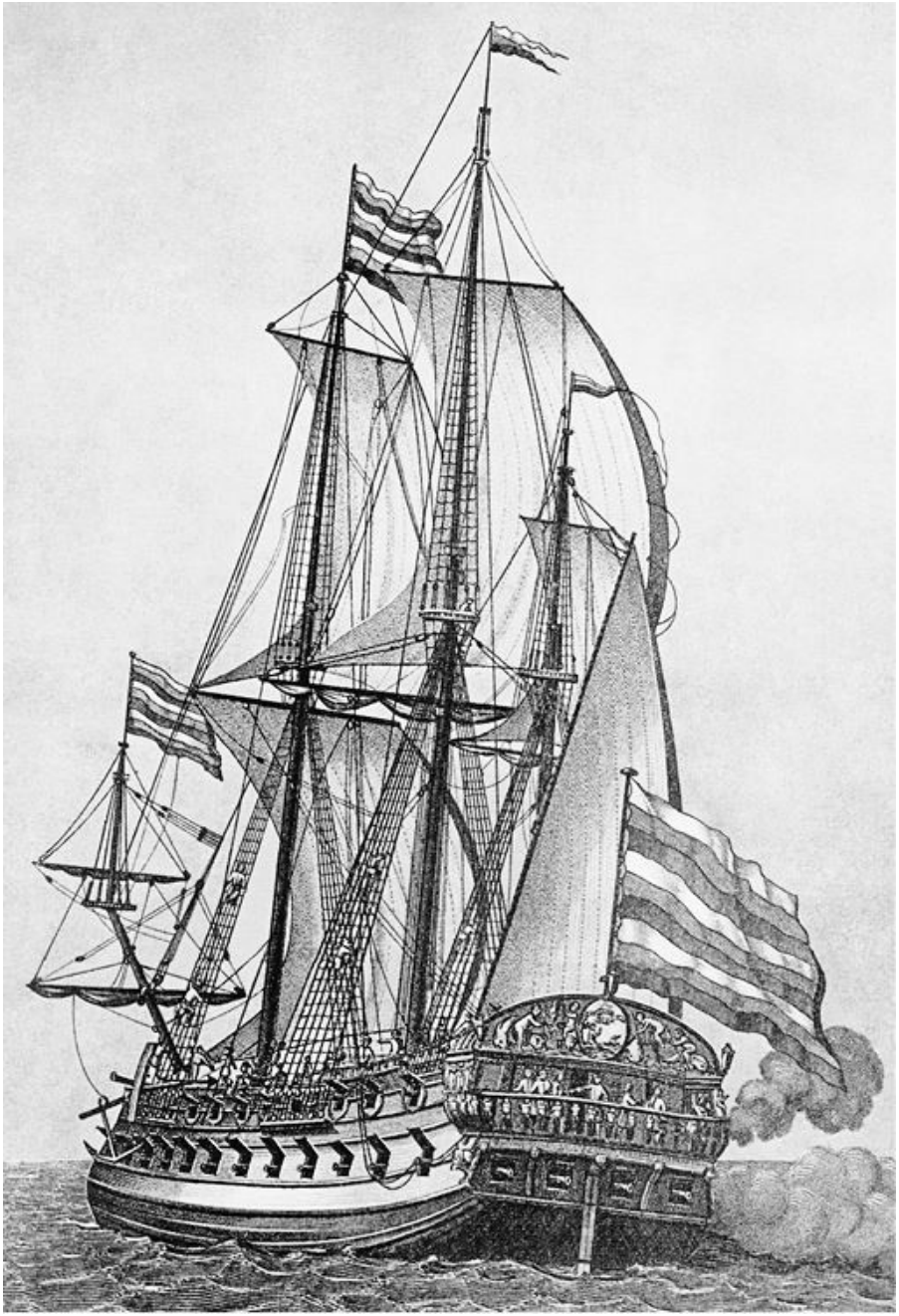
царь обещал королю прислать от пятнадцати до двадцати тысяч пехоты, хорошо вооруженной, в полное его распоряжение с обязательством выдать деньги на учреждение провиантских магазинов, выставить в Витебск десять тысяч фунтов пороху и выплачивать в продолжение трех лет по 100 000 рублей. Король будет употреблять свои войска против шведов в Лифляндии и Эстляндии, дабы, отвлекая общего неприятеля, обезопасить Россию и дать царю возможность с успехом действовать в Ижорской и Карельской землях, а Лифляндию и Эстляндию царь оставляет королю и Речи Посполитой без всякого притязания. Так как исход войны не верен и так как вследствие войны за испанское наследство немецкие владения короля могут подвергнуться большой опасности, то союзники условились принять посредство цесарское, французское, английское, бранденбургское и голландское и мирные предложения посредников выслушивать, что, однако, нисколько не должно вредить нынешнему и прежнему договорам. О новом договоре дать знать королю датскому. В тайной статье царь обязался прислать королю 20 000 рублей, «дабы некоторое награждение и милость показать тем из польских сенаторов, которые способы сыщут привести в постановленные союзы и Речь Посполитую».

По отзыву видевших Петра в Биржах, он очень основательно рассуждал о своих и чужих морских силах, говорил, что у него будет до осьмидесяти кораблей 60–80 пушечных, и в числе их один, построенный по собственному его чертежу, под названием «Божие предвидение». На этом корабле изображен святой Петр, а внизу представлена лодка, на которой дети пускаются плавать по морю. (Царь хотел этим выразить, что в России мореплавание находится еще в младенчестве.) Весь девиз сочинен царем. Царь очень сведущ в географии, черчении и рисовании и прилежно занимается этими предметами.

В начале марта Петр возвратился в Москву, и вслед за ним явился от Августа генерал-адъютант за деньгами. Взяли в приказах, в ратуше – недостало, взяли в Троицком монастыре тысячу золотых; Преображенского полка поручик Меншиков дал 420 золотых, богатый гость Филатьев дал 10 000 рублей. Исполнено было и другое обязательство: князь Репнин повел 20 000 пехоты для соединения с саксонскими войсками Августа, находившимися под начальством генерал-фельдмаршала Штейнау.

Двадцать первого июня Репнин достиг Кокенгаузена, и войско его заслужило похвалы Штейнау. «Люди вообще хороши, – писал фельдмаршал, – не больше пятидесяти человек придется забраковать: у них хорошие маастрихтские и люттихские ружья, у

некоторых полков шпаги вместо штыков. Они идут так хорошо, что нет на них ни одной жалобы, работают прилежно и скоро, беспрекословно исполняют все приказания. Особенно похвально то, что при целом войске нет ни одной женщины и ни одной собаки: в военном совете московский генерал сильно жаловался и просил, чтоб женам саксонских мушкетеров запрещено было утром и вечером ходить в русский лагерь и продавать водку, потому что чрез это его люди приучаются к пьянству и разного рода дебоширству. Генерал Репнин – человек лет сорока; в войне он не много смыслит, но он очень любит учиться и очень почтителен; полковники – все немцы, старые, неспособные люди, и остальные офицеры – люди малоопытные».



Адриан Шхонебек. Линейный корабль «Гото Предестинация» («Божие предвидение»)

Но многоопытные учители дурно себя показали пред любознательными учениками. Карл XII так же неожиданно напал и на саксонцев при Риге, как на русских при Нарве. Девятого июля он благополучно переправился через Двину в виду

неприятельского войска и после двухчасовой битвы в пух разбил Штейнау. Саксонцы потеряли всю артиллерию, весь лагерь и две тысячи человек войска, тогда как из шведских рядов выбыло только пятьсот человек. Русских у Штейнау было только четыре тысячи; остальные с Репниным находились в осьми милях от Риги. Паткуль приписывал неудачу тому, что саксонцы вместо наступательной ограничились оборонительною войною.

«Я настоял на личное свидание короля с царем, чтоб они условились насчет будущего похода, – писал Паткуль к саксонскому резиденту в Копенгаген. – Я представлял каждому из них, как необходимо приготовиться к походу заранее, соединить оба войска и нагрянуть на неприятеля, прежде чем он успеет получить подкрепления из Швеции и Померании. На том и порешили в Биржах. По моим представлениям, царь дал нам все нужное, коротко сказать, он поступил как честный государь. Но только что мы приехали в Варшаву, как начали уговаривать короля к оборонительной войне. Я всеми силами противился этому плану, хуже которого нельзя было придумать: сам неприятель не мог найти ничего лучше для себя, потому что мы дали ему время воспрепятствовать соединению союзных войск».

Здесь надобно заметить, что Паткуль, желая, прежде всего, выставить непогрешительность своих советов, перепутывает дело. Конечно, следовало бы союзникам как можно скорее после Нарвы соединить свои войска и вместе ударить на ничтожное войско Карла, но этого не было сделано; относительно военных действий было постановлено в Биржах, что не ранее августа месяца королевским войскам с воспомогательными русскими осадить Ригу; царь пошлет калмыков в Финляндию, а главная русская армия будет действовать со стороны Печерского монастыря или Нарвы, не покушаясь ни на какие осады и большие сражения; если Рига будет взята, то король поможет царю овладеть Нарвою. Нельзя складывать всю вину на советников Августа, которые в Варшаве предлагали оборонительную войну; надобно прежде всего обратить внимание на то обстоятельство, что корпус Репнина соединился с Штейнау только 26 июня именно потому, что в Биржах срок начатия рижской осады был положен в августе месяце и еще из Бирж царь прислал в Москву приказание остановить войска, выступавшие в поход. Таким образом, распоряжениями в Биржах, а не переменою плана в Варшаве тратилось время и давалась Карлу возможность получить подкрепления из Швеции и Померании. Карл мог ударить на саксонцев, не подкрепленных всем корпусом Репнина, потому что Штейнау послал к Риге только четыре русских полка, а остальных русских заставил работать над траншаментом на Двине,

обрадовавшись, что русские прилежно и скоро работают, а Репнин почтителен. Мы сочли нужным войти в эти объяснения, чтоб показать, как осторожно надобно обходиться с показаниями Паткуля.

Как бы то ни было, Карл одержал вторую блистательную победу, и теперь не над русскими, известными своей неопытностью в военном деле, но над саксонцами. Опять победителю предстоял выбор – преследовать ли Августа или обратиться на русских? И тут сначала он имел в виду последнее, велел Шлиппенбаху от Дерпта приблизиться к Пскову и ждать его приезда. Но скоро Карл переменил намерение, и не следует уже слишком упрекать девятнадцатилетнего короля за упорство, с каким он теперь начал стараться о низложении Августа с польского престола. Постоянно бросаться из одной стороны в другую, победив русских, идти на саксонцев, победив саксонцев, оборачиваться на русских – было не очень удобно. Главный вопрос состоял в том, кто опаснее: саксонцы или русские? Против более опасных врагов и нужно было Карлу с главными силами действовать самому. Карл имел полное право считать саксонцев более опасными, чем русских.

Правда, Карлу советовали заключить мир с Августом и обратиться со всеми силами против Петра; но Карл питал самое глубокое презрение и недоверие к Августу, нисколько не полагался на его клятвы при заключении мирного договора, считал себя вправе опасаться, что, как скоро он углубится в Россию, Август снова начнет действовать враждебно против Швеции. Отсюда и стремление свергнуть прежде всего Августа, приобрести в новом польском короле себе союзника и безопасно действовать против России. Положим, что Карл был раздражен против Августа более, чем против других врагов своих; король датский имел право враждовать против Швеции вследствие вражды своей с герцогом голштинским; русский царь добивался моря и отыскивал старых русских владений, захваченных шведами не очень честным образом в Смутное время; но курфюрст саксонский не имел подобных побуждений, и он-то был главным заводчиком союза против Швеции, он первый начал действовать по внушениям Паткуля; положим, что Карл увлекался своим раздражением против Августа, но вместе с тем нельзя не признать, что и без этого раздражения он имел основание прежде всего добиваться свержения Августа с польского престола.

В одном письме к французскому королю Карл выразился таким образом об Августе: «Поведение его так позорно и гнусно, что заслуживает мщения от Бога и презрения всех благомыслящих людей». В письме Карла к Шведскому

государственному совету находим выражения того же убеждения, что с таким человеком, как Август, нельзя входить ни в какие сношения. «Если король Август, – пишет Карл, – позволил себе раз такой обман, то нельзя иметь никакого доверия к его слову; войти в сношения с человеком, который так себя обесчестил, – значит причинить ущерб собственной чести».

Таким образом, Август был драгоценный союзник для Петра не силою оружия, но тем, что возбудил к себе такую ненависть и такое недоверие шведского короля; он отвлек этого страшного в то время врага от русских границ и дал царю время ободрить свои войска и выучить их побеждать шведов. Успехи русских начались на Дальнем Севере, где в июне 1701 года семь шведских судов тайком, под английскими и голландскими флагами, хотели пробраться к Архангельску, но были отражены и оставили в добычу русским два судна, севших на мель. Петр был очень доволен. «Зело чудесно!» – писал он к Апраксину и поздравлял с «нечаемым счастием», что отразили «злобнейших шведов».

Юлиус Кронберг. Портрет Карла XII

В конце 1701 года Шереметев предпринял наступательное

движение на Шлиппенбаха в Ливонии и, пользуясь превосходством своих сил, поразил шведов при мызе Эрестфер 29 декабря: три тысячи шведов полегли в битве, триста пятьдесят были взяты в плен, русские потеряли около тысячи человек. Петр был в восторге от первой победы над шведами, Меншиков поскакал к победителю с орденом Святого Андрея Первозванного, с царским портретом, осыпанным бриллиантами, с указом о возведении в генерал-фельдмаршалы. В Москве великое торжество: благодарственные молебны, целый день колокольный звон, целый день гремят сто пушек, на башнях и стенах кремлевских развиваются знамена, отнятые у шведов. Нарва отмщена.

Орден Святого апостола Андрея Первозванного. Знак на орденской цепи и звезда ордена

После победы Шереметев пошел разорять шведскую землю, разорил весь Юрьевский (Дерптский) уезд, но усталость лошадей и глубокие снега заставили фельдмаршала прекратить опустошительный поход. Шереметев считал большим счастием для себя, что неприятель не воспользовался глубокими снегами и не напал на лыжах из лесов. Были взяты 140 языков; чухну разобрали по себе черкасы (малороссийские козаки); Шереметев доносил, что он не велел отнимать чухну у черкас, «чтоб охочее

были».

Но черкасы не были довольны. Еще в начале года, несмотря на то что, по словам самого гетмана, вывели из Ливонии в Малороссию до 4000 пленных, они сильно жаловались.

Третьего марта Мазепа (Андреевский кавалер с 8 февраля 1700 года) писал государю: «Возвратившись со службы вашей монаршеской, с границ ливонских, полковники со старшиною и товариществом стали на меня чинить великое между собою нарекание и роптание, хотя и за глаза, во-первых, за то, что понесли такие труды и в хозяйстве своем ущерб от дальнего похода; во-вторых, что за сено немало их товарищества побито и потоплено, оружие и кони на сенах отниманы, и, несмотря на их жалобы, управы им не дано в тех селах, где их грабили и убивали. Особенно же ропщут они за то, что в Пскове при отпуске взяли у них пушки полковые. Эти возвратившиеся войсковые люди поднимают на ропот остававшихся в Малороссии, все в один говор ропщут на меня, будто я за их права и вольности не стою и вам, великому государю, за них не бью челом, что такие новые дела над ними делаются. Не зная, за что взяты пушки, я не умею им отвечать и утолить их ропот. Покорственно бью челом о известительном и наставительном указе насчет пушек. Получив указ, я тотчас бы обослал по всем полкам универсалами, дабы утолить ропот. Особенно буду писать к запорожцам, у которых городовые козаки те же сплетни и плевелы посеяли, а там издавна и без всяких случаев не трудно быть переговорам и лишним словам».

Посланному к нему стольнику Лутавинову Мазепа говорил подробнее: козаки, стоя в Пскове, ездили покупать конский корм на чехи, но тамошние жители на чехи им не продавали, а у козаков, кроме чехов, других денег нет, и они ездили по уездам и брали конский корм, но тут у них коней и оружие поотнимали и самих человек с сорока в воду побросали, а иных до смерти побили. Били они челом об управе боярину Бор. Петр. Шереметеву, но он ничего не сделал. Козаки говорят, что гетман ездил в Москву и получил кавалерство, а об них и о нуждах их великому государю не доносит и не бьет челом, а они в этих службах вконец разорились. Говорят тайно между собою: если гетман об их обидах не будет бить челом великому государю, то они пойдут служить к королю польскому или шведскому.

«Я, – говорил Мазепа, – и сам их боюсь, потому что надежные сердюки все разосланы в Псков, а при мне надежных людей моего регименту теперь малое число, а московских стрельцов только триста человек; прошу стрельцов прибавить и сделать тысячный полк для моего оберегания. Великий государь указал бы мне на

свою службу идти: надобно мне выбрать войска доброго тысяч в тридцать или, по крайней мере, двадцать, и идти Литвою, потому что этот путь близкий и кормный».

Вслед за тем гетман дал знать государю, что в январе он отпустил на службу в Псков низовое Войско Запорожское и что запорожцы, не имея в очах своих ни страху, ни стыда, так буйно и лениво шли, что едва на Масленице вышли на смоленский рубеж, и сколько на походе своем причинили неправд, грабежей и обид людям малороссийским и великороссийским, того и пересказать нельзя, едва и неприятель может хуже поступить; за это, прибавлял Мазепа, надобно их поставить на таком месте, где бы лучше отслужили.

Петр велел сейчас же отдать пушки черкасам и нарядить следствие о том, как с ними поступали на сенах. Шереметев отвечал, что черкасы сами пушек не взяли, потому что везти не на чем; что, будучи в Пскове и во многих городах в походе, русские села и деревни они разоряли, людей побивали, топили и грабили. Мазепе дано было знать, что такое поведение служилых людей его регимента только для него презрено и прикрыто милостиво; но пусть вперед закажет им накрепко, чтоб вместо неприятеля над своими такого разорения не чинили.

Мазепа сам писал о буйстве запорожцев во время похода, но и от тех, которые оставались на Сечи, не было покоя. В начале 1701 года запорожцы прислали Мазепе жалобу, что селитреники, которые выделывают селитру около реки Самары, обещали им платить с котла по сто золотых и обещания не исполняли. Донеся об этой жалобе государю, гетман писал: запорожцы кроме того, что берут по сто золотых с котла, притесняют селитреников всячески: и деньги, и напитки, и харчи берут с селитряных майданов беспрестанно, почему селитра дешево продаваться не может. Запорожцы упорно называют речку Самару от устья до верху и леса, по ее берегам растущие, и дальние буераки лесовые, и могилы, из которых селитра делается, своими; грозили майданы селитряные разорить, селитреников с работниками отогнать и не только на селитряное дело, ни на какую потребу лесов самарских никому не давать, как паствы скотине там не дают. И если при реке Самаре селитры не делать, то нигде более способных мест нет.

М.Б. Греков. Атака шведов ярославскими драгунами у деревни Эрестфер 29 декабря 1701 года

В апреле новое донесение от гетмана. Войско Запорожское низовое, собравшись в числе трех тысяч, приготовя четыре пушки, поставив себе полковников, хотело идти на Ногайскую Орду на помощь крымскому хану. Гетман послал им выговор, как они смели самовольно сноситься с крымским ханом и идти на Ногайскую Орду. Кошевой отвечал: «Трудно было нам посылать в Москву и дожидаться монаршеского указа или докладывать вашей вельможности, потому что хан позвал нас вдруг, уже вышедши на поле; он обещал нам своих коней и уступку всей добычи. Дело не сделалось по непостоянству зимы; некоторые из наших хотели идти на ханский призыв, а не всем кошем мы поднимались и не на православных каких хотели идти. Здесь исконная вольность: кто куда хочет пойдет и где хочет добычу берет, удерживать войско от корыстей невозможно. Да и о том докладываем, что теперь низовое войско час от часу стесняется людьми городовыми, зверя и рыбы казакам добыть негде, а монаршеским жалованьем целый год прожить нельзя, и потому поневоле принуждено наше товарищество идти в помощь хану на Орду Ногайскую. Нам кажется, за это гневаться на нас не следовало, напротив, надобно было радоваться, что бусурманы, бранясь между собою, нас призывают. Мы о том промышляем, чтоб они не только низовое, но и городовое войско призывали себе на пагубу».

Гетман сам вызывался идти в ливонский поход и именно Литвою; желание его было исполнено, он получил указ выступать. Но в это же время Мазепа бьет челом, что от тяжких походов козаки и поселяне очень злобятся и переговаривают между собою, что им приходит пропадать до конца, скоро изгубят их москали

частыми и трудными походами, у каждого мысль – уходить за Днепр. И для всякого опасения, чтоб над ним, гетманом, не сделали какого зла внезапно, указал бы государь быть при нем тысяче человек стрельцов, а жить им попеременно: пятьсот при гетмане, а другие пятьсот в Путивле. Жен их и детей привесть к ним в Путивль, потому что теперь живут в Батурине стрельцы седьмой год без жен и, впавши в отчаяние, делают такие неистовства, что и выговорить стыдно; а в Батурине жить им с женами неприлично, потому что делаются от них батуринским жителям великие обиды, кражи беспрестанные.

Но этого мало: в июле 1701 года Мазепа дал знать Головину о прелестях татарских. Ханский визирь, зазвавши к себе гетманского посланца, говорил ему: «Где ваш царь? На Воронеже корабли строит, понапрасну трудится! Для чего ваш царь пренебрегает ханом и всем государством Крымским? Для чего не хочет нам казны давать по-прежнему? Если надеется на силу, так и хан также силен: как сядет на коня, то будет с ним двести тысяч сабель. Если надеется на калмыков, то и та надежда даровая; это цыгане, только б им казну от царя брать, а с нами никогда по правде не будут биться. Скажи гетману, что если он словам моим не верит, то пусть созовет раду и мои слова объявит старшине и черни: увидит, что все возмутятся за нашу любовь, только пусть обнадежит всякого, что вольно все говорить. Знаем мы хорошо, что у вас на Украйне делается, знаем, что все козаки обнищали; а когда будут с нами по-прежнему в братстве, то в несколько лет станут так же богаты, как при Хмельницком были; я говорю именем хана и всего Крымского государства; жаль нам вас, как людей воинских, скоро пропадете держась того народу московского».

После таких донесений от Мазепы понятно, почему он получил указ возвратиться назад в Батурин. Гетман обиделся или, по крайней мере, показал вид, что обиделся, и 20 июля 1701 года писал Головину: «Монаршеский его царского пресветлого величества имянной указ – дабы я возвратился в Батурин, послал на свое место с несколько надесять числом войска наказного гетмана, застал меня в литовских краях, в двенадцати милях от Могилева: и с какою моею жалостию и стыдом от тутошних жителей возвращаюся вспять, сам Бог, испытуя сердца и утробы человеческие, лучше знает. Не так для поднятых трудов чрез толь долгую непотребную дорогу, как для того, что по должному моему намерению не сталося, когда ж так себя было выбрал в ту военную дорогу с сердечною охотою и немалым моим коштом, чтобы я то показал бы по себе не на словах, не на бумаге, но самым делом, пред всем светом в его монаршеских очах, что есть

верный подданный».

Юзеф Брандт. Лагерь запорожцев

Мазепа отправил к Пскову четырех полковников: миргородского, переяславского, полтавского и лубенского, да наказного нежинского с семнадцатью тысячами войска и наказным гетманом назначил полковника миргородского (Данилу Апостола).

После Ерестферской битвы этот наказный гетман прислал Мазепе жалобу: «Генерал стал в мызе Ерестфер и войска великороссийские около себя поставил неподалеку по всем дорогам и малым путям и всему войску дал позволение, чтоб охочие шли на все стороны в загоны, разоряли и жгли. Наши малороссияне, как большие охотники до добычи, едва не до самого Юрьева Ливонского ездили загонами и много добычи привозили в свои таборы. Но войска великороссийские, верно наученные нарочно, по всем дорогам у козаков отнимали силою добычу и самих нещадно побивали, отчего бедному нашему войску бесчестие и ругательство; а теперь, как слышим, в наших перьях щеголяет, нашею добычею корыстуется сам регементующий (Шереметев), а нашу усердную и верную службу пред монархом осуждает и ругается. Еще во Псковщине будучи, слышали мы в народе слова, будто от нас никакого не было дела и службы, но терпели, видя недоброхотство регементующего ко всему краю нашему. Слыша от нас, какие там нестерпимые недоброхотства, едва ли кто вперед из Украины нашей туда на службу царскую пойти захочет, хотя бы с великим насильством и

принуждением». Но оказалось, что великороссийские войска не много отняли добычи у козаков, потому что Апостол привез в Малороссию четыре знамени, пять пушек, до двадцати пленных офицеров, а у простых козаков оказалось пленных чухнов, лошадей и других пожитков многое число. Знамена, пушки и офицеры были отобраны, вся другая добыча оставлена».

Между тем запорожцы не переставали делать неприятности: в октябре 1701 года они разорили селитряные заводы по обоим берегам Самары; размежевывать земли по реке не дали; наконец, ограбили греческих купцов, шедших из Турции в Россию. Султан прислал в Батурин с требованием, чтоб немедленно были отданы его подданным пограбленные у них товары, а раздражать султана в это опасное время было нельзя, чтоб к войне шведской не прибавить еще турецкую.

Головин просил у Мазепы совета, что делать с запорожцами? Мазепа отвечал: «Имеешь, ваша вельможность, высокий разум, которые великие монаршеские исправляешь дела; так можешь свободно без моего совета то рассудить, какого запорожцы наказания годны. Я бы им давно притер носы и унял их от сумасбродного своевольства и за нынешний проступок умел бы покарать, если б не боялся привести их в последнее отчаяние и отогнать от милости монаршеской. Издавна не раз бывало, что они, усмотря с этой стороны какое-нибудь неудовольствие, ставили кого-нибудь себе наказным гетманом и уходили в соседние области, ища заступления, что и теперь сделать им нетрудно».

Данила Апостол

Головин писал, чтоб гетман зазвал к себе в Батурин лучших запорожцев и прислал их в Москву. Мазепа отвечал: «Старинная пословица говорит: мужик черен, как ворона, а хитер, как черт; я уже говорил с запорожцами, которые ехали в Москву за жалованьем, пытал их о разбое над греками, представлял, что это дело не может успокоиться, пока не выдадут заводчиков; но у них один ответ: у нас нет никаких заводчиков, мы все это сделали, все Войско Запорожское низовое на то позволило. Есть у них писарь Зеленецкий, вор и давный изменник, который был первым советником Петрику и вместе с ним в Крым ушел, навел на

Украйну татар и запорожцев; разбитый под Цариченкою, убежал в Запорожье и до сего времени там живет, оставя в Полтаве отца, мать и жену. Говорят о нем, что великую имеет силу между запорожцами; в раде молчит, а по куреням тайно что хочет, то делает. Если б дал Бог прибрать его к рукам, то тайны запорожские открылись бы, ибо нестаточное дело, чтоб запорожцы поступали так дерзко, не будучи обнадежны либо от хана, либо от поляков».

Головин рассердился, что вместо совета, как наказать запорожцев, Мазепа отделался *комплиментом.* Мазепа отвечал: «Бог свидетель, что я сделал так для того только, чтоб не подать на себя большого подозрения, будто я действую из приватной моей к запорожцам какой-нибудь злости, а не для общего добра и верной службы, потому что и первое мое донесение о грабительстве запорожцев, шедших в Псков на службу, ни во что вменено, а они, возвратясь, своими песьими губами лают: гетман-то нас хотел запровадить в Сибирь или к Архангельску в вечную неволю, привел на то государя, чтоб нам ни сукон, ни по пяти рублей за наши работы не дали. Хотя я их собачьих голосов не боюсь, однако от таких плутов терпеть тяжело». Мазепа высказал неудовольствие, что по его донесению запорожцы не были наказаны; и в том же письме на вопрос Головина: наказанием запорожцев не повредить бы Украйне? – отвечал: «Не дай боже, чтоб явилось от запорожцев какое-нибудь новое зло: нет сомнения, что многие из городовых к ним пристанут».

Когда запорожцы, Герасим Крыса с товарищами, приехали в Москву за жалованьем, то их посадили за караул и расспрашивали: когда разбивали греков и селитреников, они, Крыса с товарищами, были ли у этого грабежа?

Крыса отвечал: «Над греками учинили мы грабеж всем Войском Запорожским с общего совета; и как их пожитки в Сече были разграблены, в то время мы тут были и пожитки делили. А пограбили мы их за то, что они Сечу нашу миновали, ругаясь над нами, ставя Войско Запорожское ни во что, а прежде греки и другие купцы мимо нас никуда не проезжали и нанимали нас в проводники; так эти греки по нашему обыкновению учинились в *арешт* и *за арешт,* и мы их пограбили. Как селитреники разорены – не знаем; услыхали мы об этом на дороге; только и тут Войско Запорожское не виновато, потому что селитреники торговые мужики завладели нашими угодьями».

Это было в конце 1701 года. В начале 1702 года послан был к кошевому царский указ – отдать грекам всё пограбленное сполна, в противном случае Крыса с товарищами будут казнены смертию и присылка жалованья и запасов прекратится. Когда эта грамота

пришла на Запорожье и была прочтена в раде, то войско крикнуло на кошевого атамана Петра Сорочинского: «Ты был этому делу початок, ты говорил, чтоб делить взятые у греков товары по куреням, а мы хотели, чтоб они были сложены в казне войсковой до поры до времени; так теперь сам и отвечай!»

Сорочинский сложил с себя уряд кошевства, и на его место выбрали кошевым Константина Гордеенка. Запорожцы, по выражению Мазепы, повесили носы и начали в чувство приходить оттого, что из Крыма пришли недобрые вести: хан отказался дать им помощь против России, указывая на мирные договоры с царем. Делать нечего – запорожцы написали челобитную великому государю, что поделили кумачи красные с иными недорогими вещами, взять их негде, а дорогие товары, жемчуг и прочее, уже возвратили грекам: «Умилосердись, великий государь, над нами, рабами своими, изволь гнев свой монаршеский утолить и посланцев наших отпустить».

Пушки Батуринской крепости

С гетманом Войска Запорожского шли также сношения по поводу польских требований, польского союза. Возвратившись из Бирж, Головин дал знать Мазепе о разговоре своем с Щукою и требовал его мнения. Мазепа отвечал: «Три местечка за

Днепром – Терехтемиров, Стайки и Триполь уступить можно, никакого вреда стороне царского величества от этого не будет, только уступить с условием, чтоб вечный мир был подтвержден подлинно и напечатано было о нем в конституции; а Чигирин, Канев, Черкасы, Крылов и другие места уступать никак нельзя: если их уступить, то в державе царского величества на той стороне Днепра останется один Киев, и будет не безопасен, потому что в чигиринские места прейдут на житье с этой стороны Днепра, в одно лето переселится множество народа; запорожские козаки будут тянуть к той стороне. От Стародубского полка в польскую сторону нельзя ничего уступить, потому что Стародубский полк от поляков разделила река Сожь, и за тою рекою моего гетманского владения никакого нет, а сюда, за реку, полякам вселяться непристойно. От поляков доброго дела не чаять: договора вечного мира они до сих пор не подтвердили и в конституцию не напечатали, говорят, что мир заключен королем, а не Речью Посполитою; многие церкви божии обратили на унию; в прошлом году начальную русскую соборную Львовскую церковь у благочестивых отняли и отдали униатам. Король, вызвав царские рати под Нарву, выдал их шведам, а сам от Риги отступил. С поляками надобно поступать осторожно; кроникары пишут: как свят святом, то поляк русину не будет братом, и доныне то все исполняется от них самым явным делом».

Но скоро дела приняли такой оборот, что об уступках в польскую сторону не нужно стало более толковать.

Еще в августе 1701 года князь Григорий Долгорукий, находившийся при короле Августе, доносил Петру: «Королевское величество изволил мне сказывать: ведомость получил, что король шведский с войсками идет в Польшу, только он о том печали никакой не имеет, а когда шведы большими войсками в Польшу вступят, то могут поляков на себя озлобить; а в нынешнем также дальнем расстоянии шведских войск от московской границы в Лифлянты войском в. в-ства потребно нападение учинить, что и помогать скоро шведским войском будет невозможно; а болши бы учинить плен и разорение, дабы войска шведские не имели в Лифлянтах довольства, отчего могут идти на зиму к себе через море».

Совет был принят; плен и разорение сопровождали движения Шереметева в Лифлянтах. После Эрестферской победы фельдмаршалу хотелось отдохнуть; но Петр не любил давать отдыха ни себе, ни другим, особенно в такое время, когда ни на минуту нельзя было ослаблять напряжение сил. Вначале января 1702 года Шереметев стал проситься в Москву: «Жена живет на чужом подворье: надобно ей дом сыскать, где бы голову

приклонить». Предлог был слишком странен. Шереметев поправился и написал, что ему необходимо быть в Москве для донесения о нужных делах. «Полагаем то на ваше рассуждение, – отвечал Петр, – а хотя и быть, чтоб на страстной или на шестой приехать, а на святой паки назад».

Каптенармус, капрал, сержант и фурьер Преображенского полка (униформа с 1700 по 1720 год)

Не давая отдыха Шереметеву, Петр не давал его и человеку, который был постарше Шереметева, надзирателю артиллерии Виниусу. От 21 февраля Виниус писал царю: «Ныне приехав к

Москве, господин тайный советник Тихон Никитич (Стрешнев) мне, рабу вашему, вашим великого государя указом сказал, что вы изволили потребовать от меня переводу уставу судебных воинских прав, и я, государь, в прошлом году был на вашей службе в полках с гетманом, а приехав в Глухов, с начала месяца июля лежал несколько недель в расслабленье, а которые дни было мне отраднее, в те трудился над лексиконом галанским, а над воинскими правами не работал, понеже чаял, иные люди то исправят; а ныне к Москве приехав, в домике моем обрел поставлены шведы во всех житьях и доныне не сводят; а было их сначала болши двухсот человек, и в дом меня не пустили; и жил в чужом дворе недели с три. Оттого, государь, тому делу учинилась остановка и мне не малое от постою разорение. А ныне, государь, начал в воинских правах трудитися и, поелико смогу, буду работать; однако ж рукою правою в письме мне зело тяжко, едва имя свое подписываю, но уповаю сим великим постом галанские артикулы совершить, а прочее потом. Не прогневись, мой милостивейший государь, на мя, нижайшего раба своего: воистинно стал быть дряхл, едва брожу, уж семидесятый год доходит; желание, весть Бог, есть, да сила по вся дни скудеет».

Весною дряхлый, расслабленный старик поехал в Новгород и Псков по артиллерийским делам. Возвратился в Москву и стал сбираться – в Сибирь! Надобно было посмотреть тамошние рудники и заводы. Из Тобольска Виниус писал: «С Москвы я в путь сей дался июля двадцать восьмого и, приехав чрез казанские пределы зело дальними и трудными местами, достиг в Сибирь на железные заводы, что построил князь Михайла Яковлевич (Черкаский) на реке Каменке, идеже и в иных местех толикое обрел множество руд железных, что, мню, до скончания мира не выкопаются, а чаю, что прежде леса выдут, нежели руда».

В конце мая Петр начал торопить Шереметева к выступлению из Пскова в Лифлянты. «Есть ведомость, – писал он ему, – что неприятель готовит в Лифлянты транспорт из Померании в 10 000 человек, а сам, конечно, пошел к Варшаве: теперь истинный час (прося у господа сил помощи), пока транспорт не учинен, поиском предварить».

Шереметев двинулся с тридцатитысячною армиею против Шлиппенбаха, у которого было восемь тысяч. Восемнадцатого июля армии встретились при Гуммельсгофе, и шведы потерпели страшное поражение, потеряли около пяти с половиной тысяч убитыми, триста пленными, всю артиллерию. Русские потеряли около четырехсот убитыми и столько же ранеными. Петр, узнавши о победе, писал Шереметеву, чтоб разорил Ливонию, «чтоб неприятелю пристанища (найти) и сикурсу своим городам

подать было невозможно». Приказание было исполнено. Шереметев взял два значительных города (Волмар и Мариенбург), шесть малых и страшно опустошил всю страну.

«Чиню тебе известно, – писал он Петру, – что всесильный Бог и Пресвятая Богоматерь желание твое исполнили: больше того неприятельской земли разорять нечего, всё разорили и запустошили без остатку. И от Риги возвратились загонные люди в двадцати пяти верстах и до самой границы польской; и только осталось целого места Пернов и Колывань (Ревель), и меж ними сколько осталось около моря, и от Колывани к Риге около моря же, да Рига; а то всё запустошено и разорено вконец. Пошлю в разные стороны отряды калмыков и козаков для конфузии неприятеля. Прибыло мне печали; где мне деть взятый полон? Тюрьмы полны, и по начальным людям везде; опасно того, что люди какие сердитые (т. е. пленники)! Тебе известно, сколько уж они причин сделали, себя не жалея; чтобы какие хитрости не учинили: пороху в погребах бы не зажгли? Также от тесноты не почали бы умирать? Также и денег на корм много исходит; а провожатых до Москвы одного полку мало. Вели мне об них указ учинить. А чухны, выбрав лучших людей сто семей, которые умеют овые топором, овые иные художники, а в тех семьях будет больше четырехсот душ, для азовской посылки, и тех тотчас за тепло велю гнать к Москве и отдать Тихону Никитичу Стрешневу, как он с ними ни изволит. Августа 31-го числа пойду к Пскову; больше того быть стало невозможно, вконец изнужились крайне, обесхлебели, и обезлошадели, и отяготились по премногу как ясырем (полоном) и скотом, и пушки везть стало не на чем, и новых подвод взять стало неоткули, а в Пскове нет».

Солдаты Преображенского полка. Рисунок из книги А.В. Висковатого «Историческое описание одежды и вооружения Российских войск». 1841 г.

«Борис Петрович в Лифляндах гостил изрядно довольно», – писал Петр Фед. Матв. Апраксину. В то же самое время в Ингрии гостил таким же образом окольничий Петр Апраксин, который рекою Невою до Тосны и самой Ижорской земли прошел, все разорил и развоевал, прогнавши шведский отряд от Тосны к Канцам (Ниеншанц, Невская крепость); посланный Апраксиным на судах в Ладожское озеро полковник Тыртов несколько раз дрался со шведами и принудил их удалиться под Орешек (Нотебург). Но царю было «не зело приятно», что Апраксин не исполнил наказа и развоевал страну, которую Петр считал

русскою и в которой, как ближайшей к заветному морю, хотел утвердиться. Апраксин оправдывался, что жег селения по берегам Невы с целию утеснить неприятеля в подвозе съестных припасов.

А.Е. Коцебу. Штурм крепости Нотебург 11 октября 1702 года

Сам Петр прогостил все лето 1702 года в Архангельске, ибо весною получено было известие, что шведы в другой раз намерены пробраться к тому городу. В ожидании неприятельского прихода Петр занимался строением кораблей. Лето проходило, шведы не показывались, и в сентябре Петр явился в Ладогу, чтоб лично распоряжаться завоеванием Ингрии, завоеванием морского берега. «Если не намерен чего ваша милость еще главного (сделать в Лифляндии), изволь не мешкав быть к нам, – писал Петр к Шереметеву, – зело время благополучно, не надобно упустить; а без вас не так у нас будет, как надобно». Через пять дней другое письмо к тому же: «Изволь, ваша милость, немедленно быть сам неотложно к нам в Ладогу: зело нужно, и без того инако быть и не может; о прочем же, как о прибавочных войсках, так и об артиллерийских служителях, изволь учинить по своему рассуждению, чтоб сего богом данного времени не потерять».

Л.Д. Блинов. Взятие шведских судов «Гедан» и «Астрильд» 7 мая 1703 года в устье Невы

По прибытии Шереметева Петр повел войско к Нотебургу, древнему новгородскому Орешку на Невском *протоке*. То была маленькая крепость, обнесенная высокими каменными стенами; шведского гарнизона в ней было не более четырехсот пятидесяти человек, но около полутораста орудий; у осаждающих было тысяч десять войска. После отчаянного сопротивления одиннадцатого октября комендант принужден был сдать город. Нотебург был переименован в Шлюссельбург (Ключ-город).

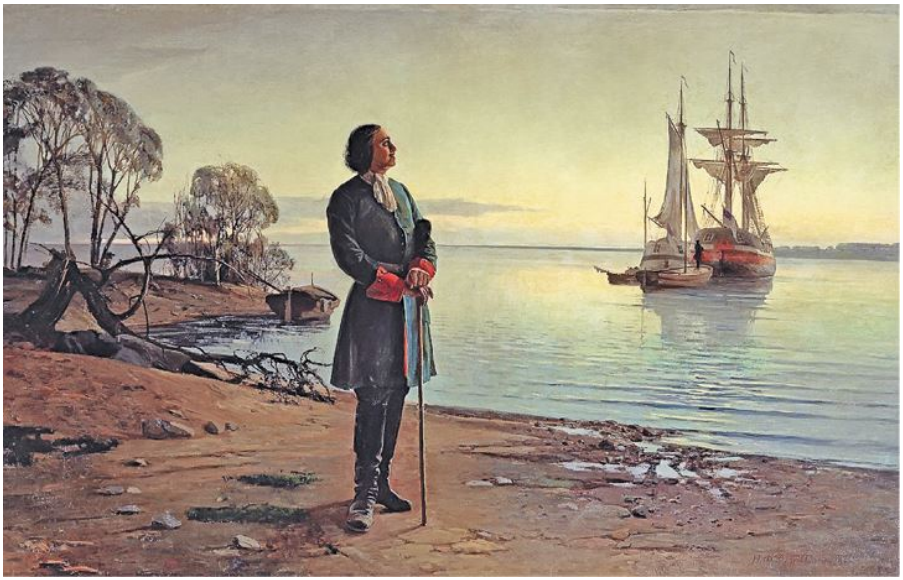
Петр был в восторге, добывши этот ключ к морю, тем более что предприятие было чрезвычайно трудное. Пошли от царя радостные письма к членам *компании*. К Апраксину писал: «Объявляю вашей милости, что помощию победыдавца бога, крепость сия по жестоком и чрезвычайном, трудном и кровавом приступе (который начался в четыре часа пополуночи, а кончился по четырех часах пополудни), сдалась на акорд, по котором комендант Шлиппенбах со всем гарнизоном выпущен. Истинно вашей милости объявляю, что чрез всякое мнение человеческое сие учинено и только единому Богу в честь и чуду приписать».

Петр известил и надзирателя артиллерии, находившегося в Сибири, приписав: «Правда, что зело жесток сей орех был, однако ж, слава Богу, счастливо разгрызен. Артиллерия наша зело чудесно дело свое исправила».

Виниус отвечал своим обычным высокопарным слогом: «В дальнейшем, государь, во странах сих сибирских, от вашей пресветлейшей государственной особы разстоянии шествуя, на отлеглыя страны по пустыням во мрачных облаках многих суетств и попечений о порядном уставе новопостроенных железных заводех и во искоренении злобы присланных с Москвы пушечных мастеров, нечаянно абие, яко лучею светлого солнца, мя велиею радостию просветило ваше письмо из Нотенбурга, его же всекрепкий Господь яко истинному того крепкого ореха наследнику вам великому государю предати изволил и даровал нашей новой слезами окропленной артиллерии и порохам победительную силу».

На следующий (1703) год, в апреле, от Шлюссельбурга вниз по правому берегу Невы шли русские войска под начальством фельдмаршала Шереметева; шли они лесами большими и малыми и завидели наконец при устье Охты в Неву маленький земляной городок, занимавший не более десятины земли: то были Канцы, или Ниеншанц, сторживший устье Невы. Против городка, за Охтою, посад из четырехсот деревянных домиков. К русскому войску приехал бомбардирский капитан Петр Михайлов и съездил на шестидесяти лодках осмотреть Невское устье. Вечером тридцатого апреля началось бомбардирование, утром первого мая Канцы сдались и переименованы в Шлотбург. Но на другой же день вечером караульные донесли, что на взморье показались неприятельские корабли.

Пятого мая два шведских судна, шнява и большой бот, подошли к устью Невы; бомбардирский капитан Петр Михайлов и поручик Меншиков с обоими гвардейскими полками на тридцати лодках подкрались к неприятельским судам, окружили и взяли их, несмотря на то что у шведов были пушки, а у русских их не было. Людей на обоих судах было около восьмидесяти; «…но, – писал Петр Апраксину, – понеже неприятели пардон зело поздно закричали, того для солдат унять трудно было, которые, ворвався, едва не всех покололи, только осталось тринадцать живых. Смею и то писать, что истинно с восьми лодок только в самом деле было. И сею, *никогда бываемою* викториею вашу милость поздравляю».



Н.Ф. Добровольский. Здесь будет город заложен

Петр и компания были в восторге, как дети при первом успехе в чем-нибудь или при первой награде: «Два неприятельских корабля взяли! Небывалая виктория!» За эту викторию бомбардирского капитана Петра Михайлова и поручика Меншикова пожаловали андреевскими кавалерами. В Воронеже на радостях начались бои с Ивашкою Хмельницким, и Ивашка пошиб.

Петр стоял у моря. Поздравляя его с взятием Ниеншанца, или Шлотбурга, Виниус писал, что этим городом «отверзошася пространная порта бесчисленных вам прибытков».

В IX веке по Р.Х. устьем Невы начинался великий путь из варяг в греки, этим путем в половине века началась Россия. В продолжение осьми с половиною веков шла она все на восток; дошла вплоть до Восточного океана, но сильно наконец встосковалась по Западном море, у которого родилась, и снова пришла к нему за средствами к возрождению.

Шестнадцатого мая 1703 года на одном из островков Невского устья стучал топор, рубили деревянный городок. Этот городок был *Питербурх*, столица Российской империи.

Сергей Федорович Платонов
Петр Великий. Личность и деятельность

I. Публицистические и философские оценки Петра Великого в XVIII веке и первой половине XIX века

Современники Петра. Век Екатерины II. Карамзин. Славянофилы и западники

Люди всех поколений, до самого исхода XIX века, в оценках личности и деятельности Петра Великого сходились в одном: его считали силой. Одинаково ученики Петра («птенцы гнезда Петрова»), раскольники и изуверы его эпохи, последующие восхвалители Петра в XVIII столетии и первые его критики Екатерининской эпохи, Карамзин и Чаадаев, славянофилы и западники, Соловьев и Кавелин и прочие ученые их школы – все признавали, что Петр был заметнейшим и влиятельнейшим деятелем своего времени, вождем своего народа, «властителем дум» для одних и губителем душ для других. Никто не считал его ничтожным человеком, бессознательно и неумело употреблявшим свою власть или же слепо шедшим по случайному пути. Наиболее развязный из историков, писавших о Петре и склонных к его «обличению», именно Валишевский хорошо отметил стихийную мощь личности Петра. Три века тому назад, по его словам, на поприще истории выступила в лице русского народа сила, не поддающаяся измерению (incommensurable), и «cette aorce s'est appelee un jour: Pierre le Grand».

Современники Петра, жившие в условиях, созданных его деятельностью, не могли спокойно относиться к необычайному представителю власти. «Какой он государь? – говорили дворяне. – Нашу братию всех выволок на службу, а людей наших и крестьян побрал в даточные (рекруты), нигде от него не уйдешь!..» «Какой он царь?! – вопили крестьянки. – Он крестьян разорил с домами, мужей наших вобрал в солдаты, а нас с детьми осиротил и заставил плакать век!» «Какой он царь? Враг, оморок мирской, – говорили в народе. – Сколько ему по Москве ни скакать, быть ему без головы…» «Мироед! Весь мир переел; на него, кутилку, переводу нет, только переводит добрые головы!..»[1]

Тяжелая война, рекрутские наборы, непосильные платежи и повинности угнетали и раздражали народ. Народная масса не могла понять ни целесообразности Петровских войн, ни приемов его управления, необычных и суровых, ни личного поведения Петра, мало напоминавшего царя, или вельможу, или просто благовоспитанного, «истового» человека.

Отсюда естественное заключение, что Петр не царь. Кто

интересовался лично Петром, повторял басни о том, что он не царского рода, а «подмененный младенец – не русский, а из слободы Немецкой»; «и как царица Наталия Кирилловна стала отходить сего света, и в то число ему говорила: ты де не сын мой, замененный»… Но те, кто думал осмыслить шедшую от Петра «тяготу на мир» и все зло, причиняемое им народу, те дошли до мысли, что в лице Петра действовал антихрист – предусмотренная Промыслом страшная сила, с которой нельзя было бороться. От нее можно было только терпеть муки для спасения души или же бежать в леса: «по лесам жить и гореть», т. е. в добровольном самосожжении обретать то же спасение души.

Ян Купецкий. Петр Великий

Появление «антихриста» знаменовало собой, что «ныне житье к концу приходит», и нечего было думать бороться со сверхъестественным существом, воплотившимся в Петре для общей погибели. Карающая рука Петра лишала жизни за слова об антихристе, но не могла в народе искоренить мысли о нем. Не смогла этого сделать и поучительная книга Стефана Яворского «Знамения пришествия антихриста и кончины века». Молва о том, что Петр антихрист, пережила и Яворского и самого Петра и долго жила в глухих углах раскольничьего мира.

Старообрядческая карикатура XVIII века на «антихриста» Петра Первого и «продавшегося дьяволу» священника-никонианца

Иной силой представляли Петра те люди, которые с ним работали, знали его свойства, видели результаты его деятельности, могли сравнить положение созданной Петром «империи» с положением Московского государства до Петра. То, что они чувствовали, впервые выражено в официальной речи Петру канцлера графа Головкина 22 октября 1721 года:

«Вашими неусыпными трудами и руковождением мы, ваши верные подданные, из тьмы неведения на феатр славы всего света, и тако реши, из небытия в бытие произведены и во общество политичных народов присовокуплены». Здесь искренне и правдиво была высказана мысль, что политические успехи

Петра из старой Московии создали новое европейское государство и дали русскому народу новую политическую, экономическую и культурную обстановку; иначе и столь же трезво высказывал ту же мысль И.И. Неплюев: «Сей монарх отечество наше привел в сравнение (т. е. в равенство) с прочими (державами); научил узнавать, что и мы люди; одним словом, на что в России ни взгляни, все его началом имеет, и что бы впредь ни делалось, от сего источника черпать будут…» Это высокое представление о личных заслугах Петра грубыми умами, жившими во вкусах того века, было превращено в литературную гиперболу.

Идея о Петре – творце современной России превратилась в идею о Петре – божестве. Виновником этой метаморфозы никак нельзя считать Ломоносова, хотя его и цитируют иногда в таких случаях. Ломоносов осторожно играл уподоблениями Петра Богу: «Ежели человека (говорил он) Богу подобного, по нашему понятию, найти надобно, – кроме Петра Великого не обретаю!» Эта фраза в «Похвальном слове Петру» (1755 года) не есть обоготворение. То же и в оде 1743 года, в стихах:

> Нептун познал его (Петра) державу,
> С Минервой сильный Марс гласит:
> Он бог, он бог твой был, Россия,
> Он члены взял в тебе плотские,
> Сошед к тебе от горьних мест;
> Он ныне в вечности сияет,
> На внука весело взирает,[2]
> Среди героев, выше звезд.

Надо соображать, что это – слова бога Марса, имеющего в виду Олимпийских «богов» и греческих «героев». Указывая в своих «Надписях к статуе Петра Великого» на то, будто русские люди «не верили, что Петр един от смертных был, / Но в жизнь его уже за бога почитали», Ломоносов оговаривается, что так бы поступать не должно, что так «…вера правая творить всегда претит».

Бартоломео Карло Растрелли. Бронзовый конный памятник Петру I перед Михайловским замком в Санкт-Петербурге

Сам Ломоносов представлял себе Петра не в величии небожителя, а в работе – «в поте, в пыли, в дыму, в пламени». Его умиляло именно то, что царь «упражнялся в художествах и в трудах разных», «за отдохновение почитал себе трудов своих перемену; не токмо день или утро, но и солнце на восходе освещало его на многих местах за разными трудами»… Грубо боготворить Петра стали другие писатели, не Ломоносов. Когда Сумароков писал свои известные строки: «Российский Вифлеем – Коломенско село, / Которое Петра на свет произвело», – он не мог не понимать, с кем он ровнял Петра, и тем не менее на это рискнул ради красоты стиха и рифмы. Когда Крекшин, подражая Головкину, слагал свою речь Петру, он не усомнился придать ей вид молитвы; он писал: «С воздыханием сердца возглаголем: Отче наш, Петр Великий! Ты нас от небытия в бытие привел»…[3]

Итак, для ближайших своих ненавистников и поклонников Петр был как бы сверхъестественной силой. Никто из них не сомневался в его личных свойствах и в громадном его влиянии на ход народной жизни. В более спокойных и реальных формах то же признание личной мощи Петра сказывалось и у людей дальнейших поколений. В замечательном для своего времени рассуждении князя Щербатова «Рассмотрение о пороках и самовластии Петра Великого» собраны были воедино все ходившие во второй половине XVIII века толки о Петре и дана его апология с долей весьма зрелой критики. Не скрывая слабостей

своего «ироя», Щербатов именно Петра считает творцом современной ему России и свидетельствует, что это – общее мнение, что «слава есть Петра Великого, яко некоторая великая река, которая, что более удаляется от своего начала, то пространнее становится»; «без указу и без повеления имя Великого превозмогло; и дети наши в юности своей едва ли и знают, кто был Петр Первый, но имя Петра Великого купно с благодарностью и с удивлением в сердцах их напечатленно».

А.Г. Овсов. Миниатюра с портретом Петра Великого

Такому отношению к деятельности Петра не мешало и знакомство русских образованных людей с французскими писателями того времени, у которых Петр не находил признания, как мало культурный тиран, далекий от истинного просвещения и законности. Французские взгляды дурно подействовали,

кажется, на одну только известную княгиню Дашкову, легкий ум которой приписывал Петру одно лишь невежественное легкомыслие и бессмысленное тиранство. «Дашковой (говорит профессор Шмурло) остался непонятен Петр с его воззрением на производительный труд как на могущественный фактор в социальных отношениях людей». Непонятен оставался Петр и для тех утонченных придворных Екатерининского двора, которые склонны были видеть в Петре только пьяницу и драчуна и таким рисовали его цесаревичу Павлу, к великой досаде воспитателя Павла (Порошина). Серьезные же критики Петровской реформы, явившиеся во второй половине XVIII столетия, обсуждая вредные следствия торопливых Петровских заимствований, к самому Петру относились, однако, с неизменными похвалами и почтением, как к признанному всеми гению-благодетелю своей страны.

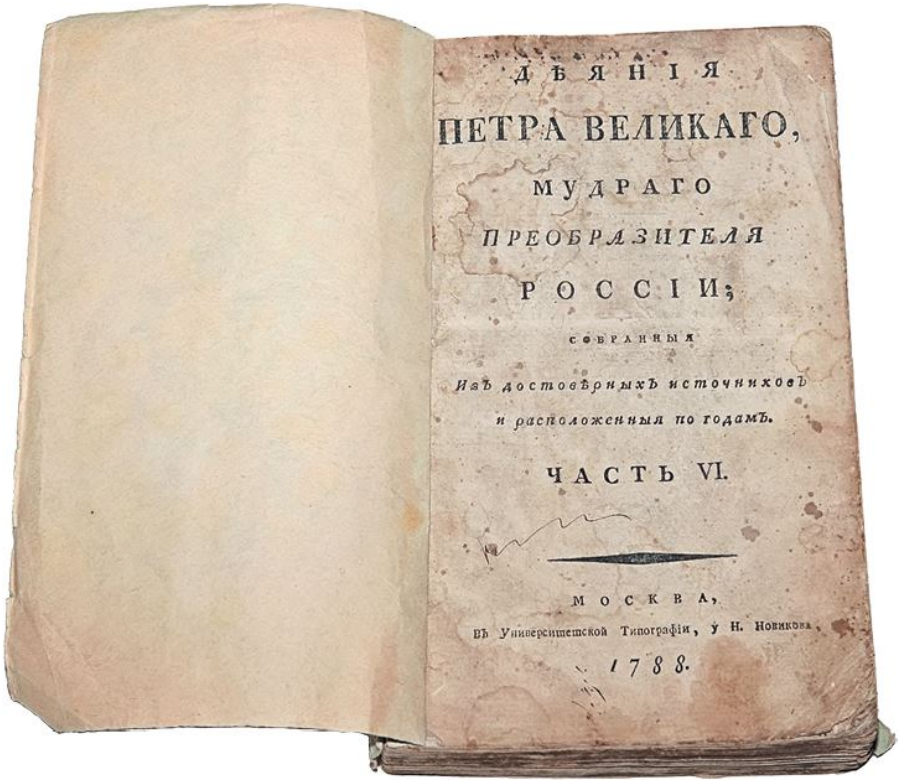
Во второй половине XVIII века нарождалась в России историческая наука, хотя и в формах мало совершенных. В круг ее изучения вошло и Петровское время. Но по отношению к нему дело ограничивалось публикацией исторического материала и робкими попытками воспроизведения отдельных фактов царствования Петра. «Собрание» Туманского и «Вивлиофика» Новикова пустили в оборот немало документов Петровского времени. Голиков напечатал их еще больше и присоединил к ним погодний обзор «деяний» Петра; князь Щербатов издал «Журнал или поденную записку имп. Петра В.» за время Шведской войны. За этими важнейшими изданиями следовал ряд более мелких.

На основании всего опубликованного материала начали появляться разные «начертания» и «истории» жизни и дел Петра, ничем не замечательные, неизменно панегирические. Особое место среди них заняла действительно научная «История Петра Великого» академика Г.Ф. Миллера, которая, однако, не пошла далее юности Петра. К исходу века печатная литература о Петре получила немалый объем, и Карамзину была возможность высказать свое суждение о Петре без особых собственных изысканий, что он и сделал в своей «Записке о древней и новой России».

По Карамзину, историю России надлежит делить на древнюю, среднюю и новую. На рубеже первой и второй стоит Иван III, на рубеже второй и третьей – Петр Великий. Они оба гениальные деятели: Иван образовал великое государство, Петр его преобразовал. Однако, сравнивая этих лиц, Карамзин отдавал предпочтение Ивану III, ибо Иван был строго национален и действовал в «народном духе». Что же касается до Петра, то «страсть к новым для нас обычаям преступила в нем границы

благоразумия», «Петр не хотел вникнуть в истину, что дух народный составляет нравственное могущество государств», и потому с презрением относился к питавшей этот дух народной старине, к «древним навыкам», к «народным особенностям». Изменять народные «нравы» можно лишь постепенно; «в сем отношении государь, по справедливости, может действовать только примером, а не указом». А Петр грубо ломал народные обычаи: «пытки и казни служили средством нашего славного преобразования государственного», и «бедным людям (страдавшим за старые обычаи от Петра) казалось, что он вместе с древними привычками отнимает у них самое отечество».

Нетрудно понять, откуда явился у Карамзина этот мотив осуждения Петра: он, конечно, порожден знакомством Карамзина с французской литературой, скорее всего с Монтескье, который как раз высказал подобный взгляд на тираническую насильственность мероприятий Петра Великого в такой сфере, где возможно было действовать только примером и поощрением. Несмотря, однако, на суровое осуждение приемов Петровской культурной реформы, Карамзин почитал Петра «великим мужем» и его труды «чудесною деятельностью». Он находил справедливым, что «потомство воздало усердную хвалу сему бессмертному государю и личным его достоинствам и славным подвигам».


ДѢЯНІЯ
ПЕТРА ВЕЛИКАГО,
МУДРАГО
ПРЕОБРАЗИТЕЛЯ
РОССІИ;
собранныя
Изъ достовѣрныхъ источниковъ
и расположенныя по годамъ.
ЧАСТЬ VI.
МОСКВА,
Въ Университетской Типографіи, у Н. Новикова,
1788.

Титульный лист книги И.И. Голикова «Деяния Петра Великого, мудрого преобразителя России, собранные из достоверных источников и расположенные по годам». 1788 г.

Как во многом другом, так и в отношении Петра с его реформой Карамзин блестяще суммировал в немногих словах все существенное содержание работ и взглядов своих предшественников. Петр – гениальный человек и великий преобразователь; его реформа положила резкую грань между старой и новой Россией; приемы, с которыми Петр проводил реформу, были насильственны и не во всем соответствовали «народному духу»; европеизация русской жизни иногда шла дальше, чем бы следовало. Таковы тезисы Карамзина. Хотя его известная «Записка о древней и новой России» не получила гласности, однако все последующие рассуждения философско-литературных кружков первой половины XIX века исходили именно из этих тезисов или же к ним приходили.

Люди читали и пересказывали «Записку» Карамзина. Это значило только то, что в карамзинских формулах получили свое окончательное и твердое выражение взгляды на Петра, выработанные мыслью нескольких поколений XVIII века. Устная и письменная традиция передала эти взгляды в XIX век; Карамзин

дал им выражение наиболее полное и объективное; у других они получили характер более своеобразный и узкий.

Говоря так, я разумею кружки «славянофилов» и «западников» первой половины XIX века, в которых германская идеалистическая философия была приспособляема к разумению русской действительности и истории. Русскую жизнь осмысляли по системе Шеллинга или Гегеля, принимая за непреложную истину, что Петровская реформа составила собой коренной перелом в исторической жизни русского народа. Славянофилы считали этот перелом несчастным, извратившим естественное развитие народной жизни. Древняя Русь последовательно раскрывала в своих учреждениях и в своем быту исконные начала «народного духа»; оставаясь самобытной, она «желала просвещения», готова была «взять плоды его, откуда бы то ни было», но «хотела усвоить себе просвещение самостоятельно, свободно».

Петр нарушил естественный ход вещей, захотев «все западное сразу пересадить на русскую почву», и потому вместо свободного и прочного восприятия получилось принудительное и внешнее, а потому и вредное подражание как в жизни культурной, так и в деятельности государственной. Так как стремление к просвещению на Руси существовало до Петра, то «выходит такое заключение, что все, что было истинного в делах и реформе Петра, – принадлежит не ему, а все остальное принадлежит ему» (К.С. Аксаков). Под «остальным» надлежало, конечно, разуметь все темные стороны управления Петра, все отрицательные стороны русской государственности и общественности послепетровской эпохи. Петр, таким образом, являлся злым гением в жизни своего народа, его насильником, принесшим ему неисчислимый вековой вред. Но расценивая так результаты деятельности Петра, славянофилы преклонялись перед личной мощью преобразователя. «Один из могущественнейших умов и едва не сильнейшая воля, какие представляет нам летопись народов, был Петр, – говорил Хомяков, – много ошибок помрачают славу преобразователя России, но ему остается честь пробуждения ее к силе и к сознанию силы».

Петр I на памятнике «Тысячелетие России». Великий Новгород

Иначе понимали дело идейные антагонисты славянофилов, современные им «западники». Для них также реформа Петра была гранью между старой и новой Русью. Но смысл деятельности Петра ими определялся совсем иначе. Славянофилы мыслили историю человечества как цепь сменявших одна другую национальных цивилизаций и стремились определить

самобытное содержание и «дух» цивилизации русской, которую будто бы извратил своей реформой Петр. Западники верили в единство мировой цивилизации, на вершинах которой ставили культуру современной им Германии («Иерусалима новейшего человечества», как выражался Белинский). Для западников Древняя Русь, не знавшая этой германской (или вообще западной) культуры, была страной неисторической, лишенной прогресса, осужденной на вечный застой. Эту «азиатскую» страну из вековой косности вывел Петр. Силой своего гения он сразу приобщил ее к последним достижениям общечеловеческой цивилизации и создал ей возможность дальнейшего прогресса. Роль Петра в русской истории поэтому громадна и благодетельна.

По словам Белинского, «Петр Великий есть величайшее явление не нашей только истории, но истории всего человечества: он божество, воззвавшее нас к жизни, вдунувшее душу живую в колоссальное, но поверженное в смертную дремоту тело древней России». «Петру Великому мало конной статуи на Исаакиевской площади: алтари должно воздвигнуть ему на всех площадях и улицах великого царства Русского». «Нужна была полная коренная реформа – от оконечностей тела до последнего убежища человеческой мысли; а для произведения такой реформы нужен был исполинский гений, каким явился Петр». Языком своего времени Белинский, как видим, обоготворял Петра не хуже его поклонников XVIII века.

II. Научные оценки Петра Великого в позднейшее время

Соловьев и Кавелин. Ключевский. Взгляд Милюкова и его опровержение. Историки-беллетристы. Военные историки

Таков был запас суждений русской интеллигенции о Петре Великом, когда за оценку эпохи преобразований взялась строгая историческая наука в лице молодых профессоров Московского университета С.М. Соловьева и К.Д. Кавелина. Воспитанные на методах германской исторической школы, усвоившие себе взгляд этой школы на исторический процесс как на органическое, закономерное развитие народной жизни, названные ученые понимали эпоху преобразований Петра, как один из необходимых исторически моментов русской жизни.

С их точки зрения, Петр с его реформой был «сыном своего народа», выразителем народных стремлений. Он был создан всем ходом предшествующей истории: «В течение XVIII века, – говорил Соловьев (еще в 1851 году), – явно обозначились новые потребности государства и призваны были те же средства для их удовлетворения, которые были употреблены в XVIII веке, в так называемую эпоху преобразований».

Таким образом, Петр не только получил от старого порядка сознание необходимости реформ, но действовал ранее намеченными путями и имел предшественников; он решал старую, не им поставленную задачу, и решал не новым способом. Его нельзя противополагать Древней Руси как внезапного ее реформатора. «До сих пор (писал Кавелин в 1866 году) мы не умели связать между собою двух периодов, разделенных Петром Великим, и не могли объяснить себе, каким образом родилась и выросла на древней русской почве личность, подобная Петру».

Между тем «как бы ни была велика и могуча личность Петра, как бы отрицательно ни относилось его преобразование ко всему старому, – все же он родился в том обществе, которое преобразовал, был дитя своего времени и обстоятельств, и в этом смысле как он, так и его дело должны же были находиться в органической связи с той средой, из которой возникли и к которой относились». На выяснение этой именно связи и обратились усилия наших ученых школы Соловьева и Кавелина.

В результате их исследований, осветивших внутреннюю историю московского общества в XVIII веке, Петр в своем личном характере и в своей деятельности также получил новое освещение, стал на реальную почву, сделался понятнее в связи с

обстановкой его детства и воспитания. «Освобожденный от риторических прикрас и фимиама похвальных речей и лести, Петр (продолжает Кавелин) является пред нами живым человеком, с ошибками и удивительными делами, с недостатками и чертами гения, с пороками и великими добродетелями… Голая историческая истина о нем поражает гораздо сильнее, чем вымысел, именно потому, что походит больше на сказку, чем на правду, – так она необыкновенна!.. Петр Великий есть полнейший представитель своей эпохи и ее преобразовательных стремлений. Формы, в которых они осуществились, принадлежат времени, в которое он жил; Петру принадлежит необычайная сила, энергия, с которой велось дело, страстность, – если можно так выразиться, темперамент реформы».

Мысль о том, что Петр есть дитя своего века, преемник людей XVII века в их лучших стремлениях к обновлению русской жизни, с настойчивостью проводилась представителями нашей исторической школы. Они много сделали для изучения внутренней жизни московского общества в допетровское время. Можно сказать, что эта тема была даже господствовавшим предметом исторических исследований во всю вторую половину XIX столетия. Ряд архивных изысканий позволил построить историю XVII века заново и на деле обнаружить все подробности перехода старых политических и социальных форм в новый петровский строй. И, однако же, «необычайная сила» личности Петра оставалась вне сомнений; радикальный характер его реформы также.

Соловьев, выводя необходимость реформы из экономической неудовлетворенности и культурных запросов русских людей XVII века, старался показать, что Петр с необыкновенной чуткостью удовлетворял потребности своей страны и тем не менее всколыхнул ее до дна, заставил ее пережить всесторонний переворот. Такой взгляд, совмещавший представление о традиционности стремлений Петра с представлением о глубине и всеобщности совершенного им переворота, вызвал, однако, некоторое сомнение в последующем поколении ученых, в учениках самого Соловьева. Они стали думать, что при Петре Россия пережила «потрясение», которое, однако, не было «переворотом» по своему существу.

Выразителем такого взгляда, наиболее ярким и талантливым, явился В.О. Ключевский. В первой половине четвертой части его «Курса русской истории» всесторонне рассмотрена эпоха Петра Великого и дана характеристика «наружности, привычек, образа жизни и мыслей» самого Петра. Не все, быть может, частности выдержат критику в обзоре царствования Петра, особенно в

изложении Петровских войн, какое находим у Ключевского. Но страницы, посвященные личности царя, поражают мастерством ее воспроизведения; общая же оценка «значения реформы» отличается тонкостью и оригинальностью анализа.[4]

В своем конечном выводе о «деле Петра» наш автор говорит: «Реформа сама собою вышла из насущных нужд государства и народа, инстинктивно почувствованных властным человеком с чутким умом и сильным характером, талантами, дружно совместившимися в одной из тех исключительно счастливо сложенных натур, какие по неизведанным еще причинам от времени до времени появляются в человечестве. С этими свойствами, согретыми чувством долга и решимостью «живота своего не жалеть для отечества», Петр стал во главе народа, изо всех европейских народов наименее удачно поставленного исторически. Этот народ… в XVIII веке стал чувствовать недостаток материальных и духовных средств… Реформа, совершенная Петром Великим, не имела своей прямой целью перестраивать ни политического, ни общественного, ни нравственного порядка, а ограничивалась стремлением вооружить русское государство и народ готовыми западноевропейскими средствами, умственными и материальными, и тем поставить государство в уровень с завоеванным им положением в Европе, поднять труд народа до уровня проявленных им сил. Но все это приходилось делать среди упорной и опасной внешней войны, спешно и принудительно, и при этом бороться с народной апатией и косностью… с предрассудками и страхами, внушенными невежественным духовенством. Поэтому реформа, скромная и ограниченная по своему первоначальному замыслу, направленному к перестройке военных сил и к расширению финансовых средств государства, постепенно превратилась в упорную внутреннюю борьбу, взбаламутила всю застоявшуюся плесень русской жизни, взволновала все классы общества. Начатая и веденная верховною властью, привычною руководительницею народа, она усвоила характер и приемы насильственного переворота, своего рода революции. Она была революцией не по своим целям и результатам, а только по своим приемам и по впечатлению, какое произвела на умы и нервы современников. Это было скорее потрясение, чем переворот. Это потрясение было непредвиденным следствием реформы, но не было ее обдуманной целью».

Эта цитата, быть может, немного слишком пространная, необходима для того, чтобы сопоставить ее с оценкой самого Петра у Ключевского. Ключевский хорошо понимает, как трудна

задача изучения Петра: «Противоречия, в какие он поставил свое дело, ошибки и колебания, подчас сменявшиеся малообдуманной решимостью, слабость гражданского чувства, бесчеловечные жестокости, от которых он не умел воздержаться, и рядом с этим беззаветная любовь к отечеству, непоколебимая преданность своему делу, широкий и светлый взгляд на свои задачи, смелые планы, задуманные с творческой чуткостью и проведенные с беспримерной энергией, наконец, успехи, достигнутые неимоверными жертвами народа и великими усилиями преобразователя, – столь разнородные черты трудно укладываются в цельный образ». Но очевидно, что к воссозданию этого образа наш историк подойдет без предубеждения и антипатии, напротив (говоря его же словами), «чутко угадывая глубокую нравственную основу энергии Петра».

И действительно, характеристика Петра, созданная Ключевским, хотя и богата тенями там, где она говорит о пороках и грубости царя, дает все-таки, в общем, величавый образ человека, постепенно образовавшего в себе высокие свойства гражданина и политика. Сначала «при гениальных способностях и обширных технических познаниях» в Петре «вырастал правитель без правил, одухотворяющих и оправдывающих власть, без элементарных политических понятий и общественных сдержек». С течением времени жестокие уроки политики и жизни умудряли Петра, «и по мере этого начиналось и усиливалось его политическое самообразование: он стал понимать крупные пробелы своего воспитания и вдумываться в понятия, вовремя им не продуманные, о государстве, народе, о праве и долге, о государе и его обязанностях. Он умел свое чувство царственного долга развить до самоотверженного служения, но не мог уже отрешиться от своих привычек… не сумел очистить свою кровь от единственного крепкого направителя московской политики – от инстинкта произвола. До конца он не мог понять ни исторической логики, ни физиологии народной жизни». По своей манере давать плод своего синтеза в одной изобразительной фразе, Ключевский заключает свою речь о Петре словами: «Петр был великий хозяин, все лучше понимавший экономические интересы, всего более чуткий к источникам государственного богатства, подобными хозяевами были и его предшественники, цари старой и новой династии». Историку видится здесь «генетическая связь, историческая преемственность ролей и типов»…

В.И. Суриков. Вид памятника Петру I на Сенатской площади в Петербурге

Приведенные выписки сделаны с некоторой щедростью потому, что в лице Ключевского наша наука возвысилась впервые до реального представления о Петре, о его личности, о его исторической роли, о преемственности его дела. Можно оспаривать частности в изображении Петра у Ключевского, но нельзя не признать, что, в общем, ему первому удалось воплотить Петра в жизненные формы, снять с него последний налет идеализации и, не скрыв его грубости и пороков, показать «глубокую нравственную основу» его гениальной энергии. Позднейшим исследователям оставалось пользоваться плодами исторической прозорливости и чуткости Ключевского и идти вслед ему. И действительно, в школе его учеников созрело немало работ именно о времени Петра, и в них взгляды учителя были усвоены сполна и получили дальнейшее развитие на детальном изучении фактов эпохи. Но в недрах этой школы обнаружилась и новая тенденция – к тому, чтобы понизить оценку личной роли преобразователя в его преобразованиях.

Один из старейших учеников Ключевского П.Н. Милюков в своем известном трактате «Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого» (1892) воспринял мысль своего учителя (впрочем, мелькавшую и у Соловьева) о зависимости административных и финансовых

преобразований Петра от Шведской войны и сопряженных с ней тягот. Мысль эта была раскрыта и доказана Милюковым на обширном архивном материале с талантом и надлежащей ученой осмотрительностью. Автор предупреждал читателя, что он не считал возможным «давать суммарную характеристику реформы» и «считать полученные им выводы общей характеристикой».

Однако в определении личной роли Петра в его правительстве он столь определенен и категоричен, что его отношение к Петру стоит «общей характеристики» личности царя и ее значения в реформе. Говоря о движении творческой мысли в русском правительстве в вопросах административной реформы за период после 1710 года, Милюков ставит вопрос о том, какую роль, при частных советчиках русских и иностранных, играл в этом коллективном обсуждении сам царь и его правительство? «Кажется, можно вывести (говорит он), что они не только не решали вопросов, но даже вряд ли сами их ставили.

Вопросы ставила жизнь; формулировали более или менее способные и знающие люди; царь схватывал иногда главную мысль формулировки или – и, может быть, чаще – ухватывался за ее прикладной вывод; обсуждение необходимых при осуществлении подробностей поставленной, формулированной и одобренной идеи предоставлялось царем правительству вместе с подавшими мысль советчиками – и в результате получался указ». Картина правительственной работы с участием царя, «иногда» разумевшего «главную мысль», а чаще хватавшего только «прикладной вывод» работы, – очень красочна и вразумительна. От административных проектов автор готов распространить такую оценку и вообще на роль Петра в реформе. В конечном резюме своей книги он говорит, что до 1714 года все дело реформы ограничивалось тем, что «поневоле царю приходилось заботиться об увеличении своих доходов… дальше этой невольной заботы и не шли его реформационные стремления в сфере внутреннего государственного устройства».

Г.С. Мусикийский. Портрет Петра I на фоне Петропавловской крепости и Троицкой площади. Миниатюра, эмаль по золоту. 1723 г.

Позже дело стало как будто лучше: «кругозор законодателя заметно расширился»; «но и тут неподготовленность, отсутствие общего взгляда, системы – продолжали сказываться в бесчисленных противоречиях». Автор с полным сочувствием приводит «общий и огульный» отзыв императрицы Екатерины о Петре («он сам не знал, какие законы учредить для государства надобно») и, наконец, в конце концов кратко формулирует свое собственное суждение о «государственной реформе» Петра в таких словах: «Стихийно подготовленная, коллективно обсужденная, эта реформа… только из вторых рук случайными отрывками проникла в его (Петра) сознание».

Какое же суждение о Петре должен вынести читатель, изучивший книгу Милюкова? В менее ответственном, популярном своем труде «Очерки по истории русской культуры» автор избавляет читателя от необходимости догадываться об этом: он высказывает, не стесняясь, прямо пренебрежительное отношение ко всему, что делал Петр. Он определяет у царя «импульсивность воли и недисциплинированность мысли как препятствия для обдуманного и сознательного отношения к собственной реформе». Ясен «результат: экспериментирование наудачу и отрывочность отдельных усилий». Петр «мог научить окружающих

только тому, чему сам научился, а сам научился немногому; и только это немногое и можно было внушить подданным теми способами, какими внушал он»… «Не охватывая одним взглядом всей своей реформы, не представляя себе отчетливо тех процессов, которые вызваны были его же действиями, но не прямо, а косвенно, и фактически совершались, ускользая от его глаз и от его внимания, – Петр схематизировал реформу в своем сознании очень поверхностно и грубо». Автор видит эту схему только в том, что Петр «твердо знал во всю первую половину царствования только одно: что надо во что бы то ни стало победить неприятеля… потом кроме «рощения российской славы» его стало занимать также и «введение добрых порядков»… сперва внешняя безопасность, потом внутренний порядок и правосудие».

По мнению Милюкова, и эта грубая схема явилась не в виде идейного построения, a post factum, когда жизнь к ней привела. «За отсутствием идей, остается одно только чувство, постоянно возвышающее Петра над всеми мелочами и деталями, в которых он ежеминутно захлебывается. Это чувство своей ответственности, чувства долга, обязанности, извне наложенной». Оно принимает у Петра вид служебной обязанности: Петр «прежде всего служит». Однако у него и «во всем этом есть доля позы и доля буфонства». Можно ли при таком взгляде говорить о возможности Петру «господствовать над реформой, руководить ее ходом вполне сознательно и целесообразно»? Конечно, нет. Петр ничего не умел делать сразу и хорошо: у него всегда «скудость результатов» соединялась с «грандиозностью затраченных средств», даже в создании армии и флота; «если же обратимся от войска к военному делу, то увидим, что тут до конца жизни Петр остался учеником самым непонятливым»…

Подводя читателя к «общему выводу», Милюков говорит: «Личность Петра видна всюду в его реформе; на всякой частности лежит ее печать: и как раз эта-то черта и сообщает реформе в значительной степени стихийный характер». В Петре действует «какая-то неиссякаемая жизненная сила»: она напоминает автору «расточительность природы в ее слепом стихийном творчестве, а не политическое искусство государственного человека». Автор выражает уверенность, что его понимание реформы Петра как результата «случайности, произвольности, индивидуальности, насильственности» вполне соответствует действительности: «именно в этом своем виде реформа перестает представляться чудом и спускается до уровня окружающей действительности». К окружающей Петра действительности русской у Милюкова не лучше отношение, чем к самому Петру: «Страна получила (говорит он) такую реформу, на какую только и была способна».

Нельзя удивляться тому, что при чтении некоторых страниц «Очерков» Милюкова один из критиков привел себе на память Щедринскую «Историю одного города». Он нашел, что изображение Петра у Милюкова «переходит нередко в исторический памфлет», – и не мог не стать на защиту Петра. Небольшая, но веская статья этого критика была подписана псевдонимом «Лесовик» и принадлежала отличному знатоку Петровской эпохи, рано умершему Н.П. Павлову-Сильванскому, тому самому исследователю, который издал «Проекты реформ в записках современников Петра Великого» (1897). Он решительно осудил литературный прием Милюкова, найдя его «узко-односторонним и мелочно-раздраженным». «Речь его (пишет он) нельзя назвать даже обвинительным актом, потому что хороший прокурор соблюдает хотя бы наружную беспристрастность, взвешивает pro и contra и скрывает свое раздражение. Это – не обвинительный акт, а желчный памфлет». Если бы этому памфлету критик ответил апологией, мы присутствовали бы только при обмене мнений. Но критик дает ценнейшую ученую справку. Как человек, заведовавший «кабинетом Петра Великого» в Государственном архиве и пересмотревший дела его царствования в Сенатском архиве, ПавловСильванский мог с полным основанием и весом написать эту справку. Вот она: «Из напечатанных во множестве собственноручных бумаг Петра хорошо видно, что он был не только мореплавателем и плотником, корабельным мастером и токарем, но и усидчивым кабинетным работником. Его многочисленные письма, – большей частью собственноручные, первой половины царствования, – показывают, что он не только не терялся в деталях, но действительно руководит всем обширным делом снаряжения армии и обороны страны, что он постоянными, настойчивыми напоминаниями возбуждает энергию сенаторов и генералов. В законодательных делах второй половины царствования Петр с той же неистощимой энергией работал пером, с какою он работал на верфи топором. Над выработкой морского устава Петр трудился в течение пяти месяцев, по четыре дня в неделю, с пяти часов утра до полудня и с четырех часов дня до одиннадцати вечера. Большая часть рукописи этого устава написана его рукою; остальная испещрена его поправками; чужая редакция редко удовлетворяла такого стилиста, каким был Петр. В Сенатском архиве хранятся черновики коллежских уставов с длинными собственноручными вставками и многочисленными поправками царя. Значительная часть указов Петра – и в том числе такие указы, как о майорате и о должности генерал-прокурора, – были выработаны самим Петром. Из поданного Петру указа о

должности генерал-прокурора он взял только первую статью, остальные одиннадцать статей написал сам: четыре раза проект указа переписывался канцеляристами Кабинета и каждый раз испещрялся все новыми и новыми поправками Петра. По этим поправкам можно проследить, как Петр вполне самостоятельно, далеко оставив первоначальный чужой проект, постепенно вырабатывал институт прокуратуры, составивший один из краеугольных камней учреждения Петровского сената».

КНИГА
УСТАВЪ
МОРСКОЙ.
НА РОССІЙСКОМЪ И ГАЛЛІЙСКОМЪ ЯЗЫКАХЪ.
О ВСЕМЪ ЧТО КАСАЕТСЯ ДОБРОМУ УПРАВЛЕНІЮ,
ВЪ БЫТНОСТИ ФЛОТА НА МОРѢ.
НАПЕЧАТАЛСЯ ПОВЕЛѢНІЕМЪ
ЕГО ВЕЛІЧЕСТВА
ПЕТРА ВЕЛІКАГО
Императора
И САМОДЕРЖЦА ВСЕРОССІЙСКАГО.
ВЪ САНКТЪПІТЕРБУРГСКОЙ Типографіи,
Лѣта Господня 1724.
Марта въ 31 день.

Титульный лист книги «Устав морской о всём, что касается к доброму управлению в бытность флота на море». 1724 г.

Эти суждения Павлова-Сильванского, основанные на пристальном знакомстве с документами, в полной мере подтверждаются выводами и наблюдениями другого исследователя, Н.А. Воскресенского, хорошо изучившего законодательный материал Петровской эпохи. Он говорит: «В архивах бб. Сенатском, Морском, Государственного совета находятся подлинные материалы, относящиеся к образованию высших центральных учреждений начала периода империи в России. Среди них имеют особый интерес целые тома, содержащие проекты регламентов государственных коллегий. В этих книгах, содержащих иногда более тысячи страниц, можно найти и первоначальный проект ученого иностранца и все последовательные редакции, отражающие весьма ярко весь процесс и приемы правотворчества эпохи преобразований.

В законодательной работе почти всегда принимал участие сам император. Его поправки, порою изменявшие в самых основаниях предложенный на его одобрение законопроект, могут служить одним из самых важных материалов к решению вопроса о роли Петра I в преобразованиях первой четверти XVIII века».

Нет сомнений, что роль эта была сознательна и влиятельна, разумна и компетентна.

До сих пор пред читателем проходили отзывы о Петре, выросшие на почве публицистической, философской и научно-исследовательской. Современники и ближайшее потомство судили царя как явление их современности, требующее их одобрения и признания или же осуждения и протеста. Первая половина XIX века сделала из Петра предмет метафизических построений. Позднейшая наука изучала деятельность Петра прагматически, заботясь главным образом о выяснении ее связи с общим ходом внутренней народной жизни. И со всех этих точек зрения Петр лично получал высокую оценку как громадная движущая сила его эпохи. Отдельные голоса скептиков, вроде княгини Дашковой в XVIII веке и Милюкова в XIX, получили соответствующие коррективы и достаточно обезвреживались аргументами их критиков. Остается посмотреть на тех историков, которые мало заботились об общем ходе историографии и не связывали своих трудов с той или иной «школой» или же имели в виду свои особые специальные цели. Разумеем историков-рассказчиков, за образец которых возьмем писавших о Петре Великом Костомарова и Валишевского, и историков военных, меривших Петра своей профессиональной меркой.

Что касается до Костомарова, то свое «жизнеописание» Петра Великого он составил уже в ту позднюю пору своей жизни, когда остыл его «обличительный» жар и когда он сам сводил свою задачу как историка к одной лишь передаче найденных в источниках и проверенных фактов. В монографии Костомарова (1876) находим систематический, довольно бледный обзор всего царствования Петра и в его заключении некоторую характеристику Петра. По Костомарову, Петр – «человек с неудержимою и неутомимою волею, у которого всякая мысль тотчас обращалась в дело»; «царь был одарен богатыми способностями» и «отличался непостижимою для обыкновенных смертных переимчивостью». Он искренне хотел преобразовать Россию в «сильное европейское государство», ибо «как человек, одаренный умственным ясновидением, Петр сознал эту потребность своего отечества». Но ему удается поднять только внешнюю культуру страны и совсем не удается дать «духовное воспитание» обществу. Для этого не было силы и возможности у

власти, обладавшей всей полнотой самодержавия, но действовавшей только жестоким насилием. «Сам Петр своею личностью мог быть образцом для управляемого и преобразуемого народа только по своему безмерному неутомимому трудолюбию, но никак не по нравственным качествам своего характера». «Он не старался удержать своих страстей», «дозволял себе пьянство и лукавство, был свиреп и кровожаден».

С особенным ударением Костомаров говорит о цинической и вероломной жестокости Петра, достигавшей неимоверных размеров. И однако же, по мнению историка, «все темные стороны характера Петра, конечно, легко извиняются чертами века». А сверх того, «Петр как исторический государственный деятель сохранил для нас в своей личности такую высоконравственную черту, которая невольно привлекает к нему сердце, эта черта – преданность той идее, которой он всецело посвятил свою душу в течение своей жизни. Он любил Россию, любил русский народ, любил его не в смысле массы современных и подвластных ему русских людей, а в смысле того идеала, до какого желал довести этот народ; и вот эта-то любовь составляет в нем то высокое качество, которое побуждает нас, мимо нашей собственной воли, любить его личность, оставляя в стороне и его кровавые расправы, и весь его деморализующий деспотизм»… Во всем строе этого отзыва звучат мотивы, близкие к современной Костомарову школе московских профессоров, пожалуй, всего более ощутительные у Кавелина. Но Костомаров чужд той общей исторической схеме, какая была у московских ученых: его восприятие Петра чисто личное, непосредственное.

Менее доступен определению характер отношения к Петру Валишевского. Для этого автора Петр прежде всего прекрасный сюжет для рассказов, способных заинтересовать широкую публику. Эти рассказы автор собирает из очень большого круга пособий, так как обладает большой начитанностью и знает несколько языков. Метод его довольно прост – сопоставить несколько рассказов об одном и том же событии, взять из них общее и согласное и отбросить взаимно противоречащие частности; так, по мнению Валишевского, определится историческая истина. Отношение к материалу не всегда внимательное: автор может, например, рассказать о том, что 21 февраля, на Масленице 1699 года, в Немецкой слободе в Москве шла процессия, в которой «бесстыдный» псевдопатриарх вел толпу безобразно обнаженных вакханок (une troupe de bacchantes debraillees); между тем источник Валишевского Корб говорит только о «толпе поклонников Вакха», конечно, одетых по

сезону. У Корба «в полной наготе» представлен только Вакх, нарисованный на тиаре патриарха.

Набор интересных частностей расположен у Валишевского в известной системе (l'education – l'homme – l'oeuvre) и дает по внешности полную биографию Петра на фоне его эпохи. И все-таки, прочтя книгу Валишевского и одолев оскомину от изобилия анекдотов и пряностей, не знаешь, как в основе автор относится к Петру. Его взгляд колеблется и расплывается в изобилии формул и приговоров, изрекаемых по разным частным поводам в жизни и деятельности Петра. Для примера можно привести две страницы книги: на первой у Петра оказывается «son génie incontestable»; на второй «il semble plus ingénieux encore que vraiment génial».

Однако в ряду таких и подобных таким определений попадаются меткие и остроумные места. Одно из них приведено в начале нашей историографической справки: Валишевский отождествил Петра с безмерной, иррациональной (incommensurable) силой его племени, вышедшего внезапно на арену истории; «c'est Tame d'un grand people!» – восклицает он о Петре, в другом месте он воспользовался словами историка М.Ф. Поссельта о Петре: «In Thatendrange war sein wahres Genie» и отметил, что Петр был особенно восприимчив к «joie de Taction», к радостям труда, деятельности творчества. Бойко написанный, наполненный подробностями более интересными, чем скромными, нечуждый анекдотов, недоступных проверке, труд Валишевского может увлечь «любителей» истории.

И есть основание догадываться, что именно Валишевский вдохновил новейших беллетристов (о которых шла речь выше) к воспроизведению Петра в образе грязного простолюдина. В неимоверно грубом виде выступает Петр в конце первой главы Валишевского: «C'est un ruste»… «Est-ce un sauvage cruel? on l'a dit»… «Qu'il fasse a l'occasion le métier du buorreau, pourquoi pas?» – такими фразами сыплет здесь автор, в других главах находящий, однако, другие краски и другой язык… На зыбкой почве станет тот, кто будет изучать Петра по Валишевскому!

Военные русские историки все без исключения приписывают Петру военный талант; они говорят даже о его гениальности в военном деле. Начиная с давней характеристики Петра у Г.А. Леера и до отзывов последних военных историков, писавших о Петре, Н.Л. Юнакова и Н.А. Епанчина, Петр Великий везде выступает с чертами «великого мастера военного искусства». «Как известно (пишет Епанчин), сочетание двух противоположных начал – решительности и осторожности – чрезвычайно трудно и редко встречается в практике военного дела; искусное применение этих начал служит несомненным доказательством

даровитости данного лица». Именно таким сочетанием обладал Петр. На разборе кампании 1708–1709 годов против Карла военные критики, считающие Петра главным руководителем действий, показывают его выдающиеся свойства стратега.

По словам Юнакова, «необыкновенное развитие творческой силы ума и, как прямое последствие этого, всесторонность; редкая проницательность в разгадывании обстановки и способность быстрого принятия вполне сообразных с обстановкой решений; беспредельная вера в самого себя и умение не теряться от всякого рода неожиданностей; глубокое понимание основных законов военного искусства и находчивость в изобретении средств для проведения их в жизнь; способность к продолжительному настойчивому стремлению к достижению раз поставленной цели; наконец, верная оценка боя как средства решительного, необходимого, но в то же время как средства крайнего, «зело опасного», а потому требующего всесторонней подготовки, – вот ряд штрихов, характеризующих полководческое искусство Петра Великого».

Якопо Амигони. Петр I с Минервой (богиней мудрости)

В этих и подобных отзывах не следует видеть официальные панегирики: они основаны на более вдумчивом изучении исторической обстановки, чем легкая сатира Ключевского, который Карла XII характеризовал как «скандинавского бродягу» и находил, что, воюя с Петром, «Карл оставался верен своему правилу – выручать Петра в трудные минуты» и что поэтому Петру «стыдно было проиграть Полтаву после Лесной». Для Ключевского Петр в Шведской войне был «туго понятливым

школьником» и так же «плохо» вел «внешнюю политику», как воевал: при Полтаве, например, «на радостях позабыл преследовать остатки разгромленной армии!». От такой, в сущности, не обоснованной насмешки с удовлетворением возвращаешься к старинной, замечательно тонкой, вдумчивой и серьезной характеристике «Петра Великого как полководца», данной Леером и легшей в основание всех дальнейших оценок Петра у русских военных историков. Без всяких панегириков, на основе объективного изучения фактов, Леер определяет Петра как «великого полководца, человека, который умел все делать, мог все делать и хотел все делать». Столь же далекие от панегириков русским людям шведские историки отдают, однако, должное военному таланту Петра и ставят его даже на одну высоту со своим Карлом. У Артура Стилле, например, мы находим указание, что царь за время войны раскрыл свой талант вождя, и в трудную минуту кампании 1708 года его стратегия оказалась столь же энергична и целесообразна, как стратегия его противника Карла.

Миниатюрный портрет Петра I с бриллиантами. Начало XVIII века

Перед читателем прошел длинный ряд отзывов о Петре, данных в разное время, с разных точек зрения, самыми различными людьми. От времени самого Петра до наших лет во всех этих отзывах звучит одна и та же нота: Петр – сила; даже для Милюкова, не уважающего Петра, Петр – «какая-то неиссякаемая жизненная сила».

В определении действия этой силы сходятся все: действие было могущественно; одни считают его благодетельным, другие – вредным, но никто не считает его малым и безрезультатным. В определении свойств этой силы мнения расходятся: одиноко представление Милюкова о малосознательности Петра; все, кроме

него, видят в Петре принцип и идею, хотя и разно их определяют. И никто не отказывает Петру в признании гражданской доблести. Она выражалась в формах той эпохи, для нас во многом совершенно чуждых, но нам понятных. Стремление к народному благу, самоотверженное служение государству, напряженный личный труд, страстная любовь к знанию и вера в необходимость просвещения – эти качества в Петре бесспорны.

Они обязывают каждого, кто хочет писать и говорить о Петре. Они должны быть введены в характеристику Петра, – и тогда Петр не будет грязным, пьяным, злым и развратным мужиком, в котором нечего описывать, кроме «красного бабьего лица» и «огромной мозолистой руки с ногтями на манер копытец». В добросовестном изображении Петр вернется с «посадьев» и «дикого поля» в свой рабочий кабинет, в залу сената, на верфь, где его рука, занятая исправлением законодательного проекта или механической работой, не будет «загребать пальцами с блюда пищу», «совать в рот» кусок хлеба и «пальцами хватать уголек из очага» для своей «изгрызанной трубочки».

III. Детство Петра Великого

Дворцовая обстановка. Обучение. Игры. Первые иноземцы при Петре

Вряд ли есть надобность подробно рассказывать о той обстановке, в которой прошло детство Петра Великого. Можно думать, что всем известен сложный состав семьи Алексея Михайловича и обилие у Петра единородных братьев и особенно сестер. Кто хоть немного знаком с самой краткой биографией Петра, знает, конечно, о семейном разладе между родней царя Алексея по его первому браку и его родней по второму браку. Пока царь Алексей был жив, разлад не переходил в открытые ссоры: царь был вспыльчив и скор на бранное слово и на руку, а потому при нем свояки не решались давать волю своим чувствам.

Некоторый простор чувствам настал при царе Федоре Алексеевиче (1676–1682), но и при нем все-таки дворцовый «чин» не нарушался. Придворные кружки Милославских (свояков царя Алексея по первой женитьбе), Нарышкиных (свояков по второй женитьбе) и Языкова с Лихачевыми (личных любимцев царя Федора) интриговали вокруг слабого царя, боролись за влияние на него и на ход управления, но не впадали в открытые ссоры и междоусобие. Дело ограничивалось тем, что одни других упрятывали на воеводства в дальние области или просто удаляли от двора под различными измышленными и мелочными предлогами. Сперва потеряли свое положение Нарышкины, потом Милославские, и к концу жизни царя Федора около него остался в полной силе кружок его личных друзей – Языкова, Лихачевых, Апраксиных. В значительной мере этому-то кружку Москва была обязана открытой смутой 1682 года.

Возведенная на московский престол в начале XVII века Романовская семья явно вырождалась. Сам основатель династии царь Михаил был болезненным человеком, смолоду «скорбел ножками» и сошел в могилу сорока девяти лет от роду от цинги и «меланхолии, сиречь кручины». Как в семье его отца, так и в его собственной большинство детей умирало, а выживали немногие.

Единственный уцелевший его сын царь Алексей в свою очередь жил недолго: он умер сорока семи лет от цинги и водянки. В большой семье царя Алексея, прижитой от первого брака, было пять сыновей и шесть дочерей, и все сыновья оказались слабы и болезненны. Троих схоронил отец при своей жизни; двое пережили отца (Федор и Иван), но не подавали надежды на долголетие и продолжение «царского корени» и действительно не дожили даже и до тридцати лет. Видя их

хилость, отец, естественно, мог думать о необходимости второго брака для утверждения династии.

Этот второй брак состоялся в начале 1671 года, и плодом его был Петр, здоровый и рослый ребенок, в котором материнская кровь сказалась, по-видимому, благотворным образом. Таким образом, при самом своем рождении Петр стал «надеждой династии», предметом особой радости одних и предметом опасений для других. Отец и мать радовались на цветущего ребенка; за ними радовалась вся родня матери, видевшая в Петре, своем племяннике и внуке, будущего царя. Наоборот, все свойство царя Алексея по первому браку и даже его собственные дочери царевны, единородные сестры новорожденного Петра, чувствовали не радость, а опасение, что малютка, пережив братьев и получив престол, даст первенство во дворце своей матери и ее родне. Они боялись этого первенства, боялись за самих себя и тем хуже относились и к малютке, и к его матери, царице Наталье Кирилловне.

Царь Алексей Михайлович

Чтобы понимать ясно психологию московских придворных карьеристов того времени, надобно помнить, что в лице маленького Петра все они привыкли видеть будущего царя. Когда здоровье царя Федора окончательно расстроилось и его близкий конец стал явен, господствовавший кружок московских бояр поставил перед собой вопрос о преемстве престола. Детей у Федора не было; стало быть, его наследниками являлись братья. Из них пятнадцатилетний Иван был явным дегенератом, убогим как умственно, так и физически, а десятилетний Петр, напротив, цвел здоровьем. Бояре предрешили вопрос в пользу Петра, но они понимали, что при отсутствии точного закона о

престолонаследии судьбу престола мог бы решить только Земский собор.

К тому времени, когда Федор скончался (27 апреля 1682 года), отношения во дворце явно определились. Кружок Лихачевых и Языкова, царских любимцев, готовый к провозглашению царем Петра, успел заранее сблизиться с его родней Нарышкиными. Сторона Милославских оставалась в тени, готовая, конечно, к престолу и борьбе. В самый день кончины Федора с необыкновенной торопливостью последовало совещание бояр с патриархом, и на этом совещании было условлено воцарить Петра, но для виду передать дело собору. Собор был собран немедля, в тот же день, из случайных людей, даже не во дворце, а на площади у дворцового крыльца.

После речи патриарха, с вопросом, кого собор избирает в цари, криками приготовленного большинства был провозглашен Петр; однако в толпе были и такие, кто кричали за Ивана. Хотя во всей этой процедуре не было и тени законности, тем не менее бояре ею удовлетворились, и Петр стал царем. Так как при этом недееспособность Ивана ничем не была удостоверена, а форма избрания Петра была явно незакономерна, то для Милославских создалась возможность протеста и борьбы за попранные права царевича Ивана.

Этот момент поспешного и сомнительного в юридическом и моральном смысле избрания послужил завязкой той кровавой драмы, в которой Петру пришлось сыграть пассивную и тяжелую роль. Сторона Милославских сорганизовалась под руководством царевны Софьи Алексеевны и ее родственника боярина Ивана Михайловича Милославского. Софье было тогда не более двадцати пяти лет, но ее ум и энергия делали ее опасным противником. А Иван Михайлович был давний, на все готовый интриган. Не успело еще осмотреться новое правительство маленького царя Петра, в котором первенство принадлежало его матери царице Наталье, а главные роли ее дядьям и братьям, – как Милославские возмутили стрельцов. Стрельцы – московская гарнизонная пехота – давно, еще с 1648 года, заставляли задумываться московскую власть. Живя в особых «слободах» в Москве со своими семьями, промышляя и торгуя, стрельцы многими житейскими нитями были связаны с низшими слоями московского населения и легко увлекались вместе с ними во всякого рода «гиль», т. е. в бунты.

В знаменитых волнениях московского «мира» в июне 1648 года стрельцы принимали немалое участие; они открыли для бунтовавшей толпы Кремль и подступы ко дворцу и вместе с московским простонародьем громили и грабили боярские дворы. Тогда в первом припадке страха, царь Алексей потерял веру в преданность и верность стрелецкого войска и намеревался заменить его иностранной дворцовой стражей. Мысль о такой страже из наемников долго бродила в дворцовых кругах, но, в конце концов, была оставлена. Царь Алексей произвел какой-то отбор в стрелецкой массе и выделил из нее особо надежные части, которые держал на своем царском коште. Такие отборные части составились первоначально из трех новых полков или «приказов» стрелецких, состоявших в ведении Тайного приказа под командой Полтева, Соловцева и знаменитого впоследствии А.С. Матвеева. Позднее количество таких приказов возросло.

Новый подбор стрельцов был оправдан московской Смутой 1662 года. Во время острых народных волнений этого года стрельцы остались верны присяге и по царскому приказу «бунтовщиков имали и до смерти их побивали, а бояр побить им и домов разорять и грабить не дали». После этого благоволение царя к его новым стрельцам еще больше возросло. Других служеб служилые люди отмечали, что царь стрельцов балует, «дает им свое государево жалование многое», не в пример людям других служеб. По-видимому, это было верно: царь Алексей уделял стрельцам очень много, даже слишком много внимания, ласки и подачек; он их избаловал, и современники справедливо начали сравнивать их с янычарами, привыкшими играть видную роль и сознавшими свое значение для дворца.

Бриллиантовая корона царя Петра I Алексеевича – одна из двух корон, которые были изготовлены около 1687 года русскими мастерами Оружейной палаты для братьев-соправителей. Она была пожизненной собственностью Петра I. Сам царь в последний раз надевал ее в 1696 году, хотя она оставалась его частной драгоценностью до самой смерти

Вот эту-то «надворную пехоту» противники царя Петра, царицы Натальи и их родни и друзей двинули во дворец на правительство в мае 1682 года. Стрельцы шли в Кремль с привычной для них мыслью, что в них видят защитников и охранителей династии, что на них лежит обязанность защитить царскую семью, восстановить обиженных в их правах и покарать

насильников. Им представили дело так, что старшая царская семья царевича Ивана угнетена Нарышкиными, а сам Иван, пожалуй, уже и не жив.

Стрельцы, едва ли понимая, что они делают, избили до смерти многих бояр, свергли правительство Петра, провозгласили царем Ивана вместе с Петром и передали всю власть в руки царевны Софьи и ее друзей. Во время происходивших во дворце насилий и кровопролития маленький Петр дрожал за свою жизнь и видел своими глазами гибель своих близких и родных. А затем последовали целые месяцы тяжелых испытаний, когда и победившая царевна Софья и побежденная царица Наталья одинаково боялись стрелецких насилий и, не решаясь оставаться в Кремлевском дворце, перевезли царей сначала в село Коломенское, а затем в крепкую своими каменными стенами Троицкую лавру. Москва осталась в руках разнузданных стрельцов, начальник которых князь Хованский не мог или не хотел вернуть их к сознанию долга.

Правительство, уйдя из столицы, постепенно стягивало к лавре мобилизованные отряды дворянской конницы и, опираясь на дворян, презиравших и не любивших набалованных стрельцов, начало осенью действовать. Хованский внезапно был схвачен на охоте и казнен. Стрельцы тогда подняли было восстание, но, осмотрясь, испугались собранной под Москвой дворянской рати и понемногу сдались и начали просить милости и пощады. Только в ноябре 1682 года правительство решилось, наконец, вернуться в столицу, и дворцовая жизнь вошла в свою обычную колею. В государстве было не совсем обычное «двоецарствие»: на престоле сидели оба брата – Иван и Петр. За их несовершеннолетием официально правила государством «правительница» царевна Софья, которой этот титул был усвоен во время стрелецких волнений якобы Земским собором, а в сущности, «по челобитью стрельцов». Во главе московских приказов стали близкие к Софье люди, ее родня и друзья. Царица Наталья и те Нарышкины, которые уцелели от стрелецких насилий, были в стороне от всяких дел. Маленький царь Петр жил с матерью обычной жизнью царевичей XVII века, далекой от деловых сфер и политических дел.

Майский дворцовый переворот и кровавые потрясения 1682 года создали Петру необычную для ребенка обстановку и дали ему ряд тяжелых впечатлений. Он видел много кровавых сцен: жил в страхе за себя и за своих близких; вместе с ними страдал от вражды и насилий недружелюбной родни; вместе с ними ненавидел угнетателей и насильников. Жизнь рано показала ему свои тяжелые и темные стороны: сколько злобы

кипело вокруг него, как легко лилась кровь без вины и без суда, как бесстыдно проявлялось насилие и лицемерие в отношениях, с виду закономерных и высоко приличных!

Всё это не могло остаться без следа в чуткой душе способного и впечатлительного ребенка и растило в ней семена грубости и жестокости и в то же время отвращение к фальши и несправедливости. В это именно время зарождалась в Петре та двойственность моральных настроений, которая в последующие годы бросалась в глаза наблюдателям. Петр в минуты гнева, даже в мгновенном припадке раздражения, был способен убить человека и не стеснялся в способах выражения своих чувств. Он бывал жесток в своих репрессиях и мстителен в отношении тех, кого считал своими врагами. И в то же время в нем всегда жило чувство справедливости, бравшее верх над вспышками гнева, и на самом деле, как сказал бы поэт, бывал «от буйного стрельца пред ним отличен Долгорукий». Если в первом Петр видел вредный для государства тип и потому был к нему беспощаден, то во втором он чутко умел оценить благородство побуждений и моральную стойкость.

Царевичи Петр Алексеевич и Иван Алексеевич у патриарха Иоакима. Миниатюра первой половины XVIII века

Современники не раз отмечали любовь Петра к правде и искренности. Неплюеву при начале его сотрудничества с Петром советовали: «Говори правду и ничего не солги, хотя бы что и худо было; он де больше рассердится, буде что солжешь». В этих словах указана была одна из основных черт характера Петра.

Хотя правительница Софья и не стесняла царя Петра в его ежедневном обиходе, в расходах на его содержание, забавы и игрушки, однако царица Наталья и Петр не могли не чувствовать, что над ними тяготеет чуждая и враждебная им власть, что им необходимо жить осмотрительно и осторожно. Этим следует объяснить, между прочим, тот путь, каким пошла умственная жизнь Петра в его первые сознательные годы. Еще при царе Федоре, когда Петра малютку баловали, началось его обучение грамоте. Раньше всего его занимали иллюстрированными книгами, в которых он рассматривал картинки. В конце же 1679 или в начале 1680 года он сел за «азбуку» и «букварь» и стал учиться читать и писать на особом «учительном налое», обитом «червчатым (ярко-малиновым) атласом» с серебряным галуном. По обычному старомосковскому порядку он изучил азбуку и склады и прочитал часослов, Псалтырь, Деяния и Евангелия.

Каллиграфия ему не далась, и, по выражению М.П. Погодина, «почерка его ничто не может быть безобразнее», хотя прописи Петра и были облечены в «червчатый бархат». В круге первоначального обучения вместе с прочим Петра, вероятно, обучили и церковному пению. Этим исполнена была «первая ступень» школьных занятий. Надлежало подниматься на вторую – передать ученика в руки киевских ученых монахов. Они провели бы Петра через курс тогдашней схоластической школы, где он изучил бы грамматику, пиитику, риторику, диалектику и философию, латинскую и греческую грамоту и польский язык. Этот курс учения проходили старшие братья и сестры Петра, конечно, в меру способностей и разумения; этот курс, казалось, суждено было пройти и Петру. Но он его не прошел. Софья не думала заботиться об образовании Петра и пренебрегала этим делом. А царица Наталья видела, что киевские ученые и их московские ученики (вроде Сильвестра Медведева) прилепились к правительнице Софье и явно держались господствовавших кругов московской знати. Они поэтому представлялись царице Наталье врагами, и царица, из опасения порчи и отравы, просто боялась допускать их к своему сыну.

Таким образом, Петр остался без надлежащего образования, в некотором смысле неучем и невеждой. Досуги, образовавшиеся у Петра от школьных занятий, пошли у него на своего рода безделье – на воинские забавы, столь характерные для его натуры

и столь повлиявшие на его судьбу.

По дворцовым записям, отмечавшим в особых книгах всякого рода расходы на царскую семью, можно проследить, какими игрушками тешился Петр и в каком количестве они ему доставлялись. Это сплошь детское оружие: пищали, пистоли, карабины, пушечки, топорки, «лучки недмерочки», знамена и прапорцы, сабельки, барабанцы и т. п.

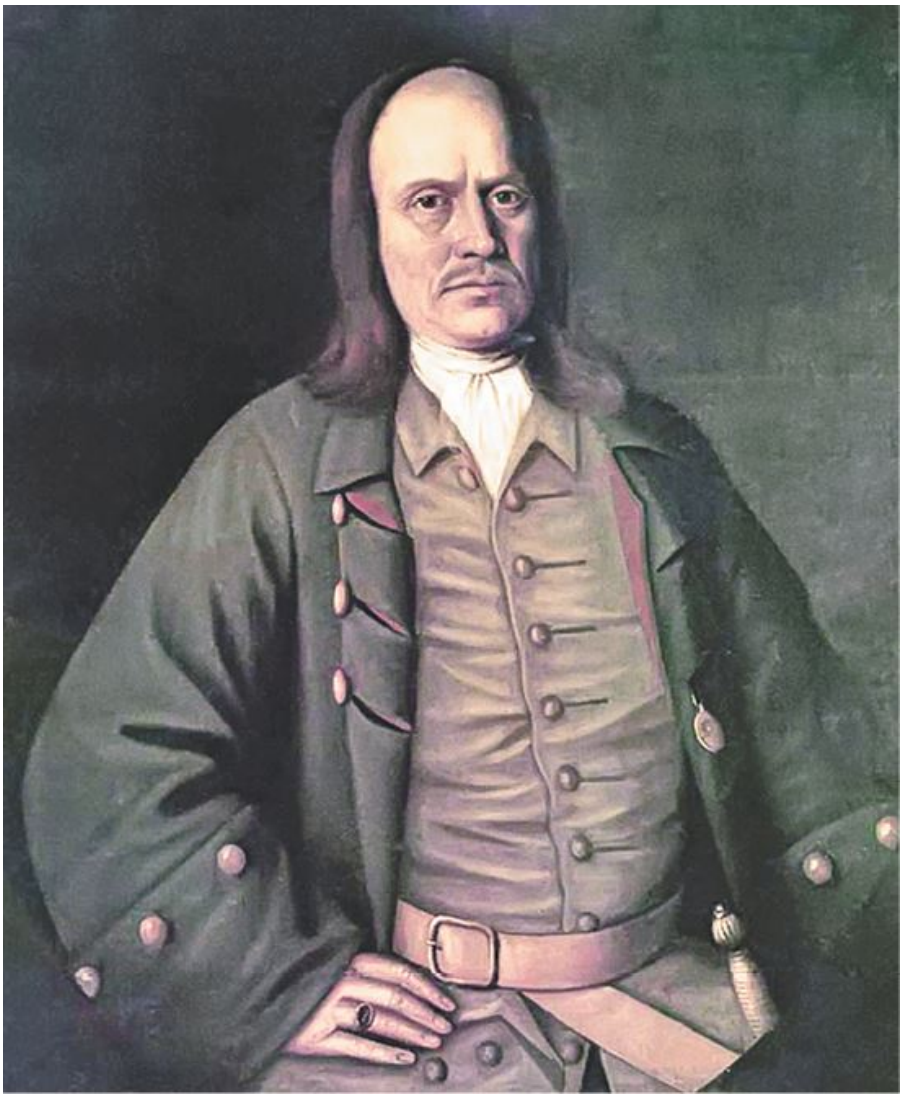
Не достигнув еще трех лет, Петр уже окружен этим грозным инвентарем и без конца портит его в играх со своими сверстниками, «потешными ребятками», состоящими в его свите «комнатными стольниками». Кроме таких ребяток, около него держат карликов, входивших тогда в придворный штат как его нормальная принадлежность. У Петра была даже собственная маленькая карета, «вся испещренная золотом»; ее везли четыре крохотные «возника темно-карие» (лошадки); когда Петра в ней возили, по бокам шли четыре карлика, а пятый ехал сзади – также на крохотном коньке.

Азбука. Прописи

Из числа потешных ребяток Петра некоторые остались при нем и работали с ним в продолжение всей его жизни. Таков «канцлер» Г.И. Головкин, в 1721 году поднесший Петру торжественно, во главе сената, титул «императора всероссийского»; таковы А.А. Матвеев и А.М. Головин. Равным образом и «карлы» состояли при Петре, как привычная с детства принадлежность дворцового штата, всю его жизнь. Мы встречаем при нем карликов и карлиц не один раз на торжествах, где их

подают в пирогах на стол, и они, выйдя из вскрытого пирога, говорят речи собравшимся гостям.

В 1710 году Петр женит с большим торжеством одного из своих «карл», а в 1724 году его же хоронит с «крошечным попом» и большой процессией карликов и карлиц. Все это – переживания детства, в которых не следует видеть только собственных шутовских выдумок Петра.

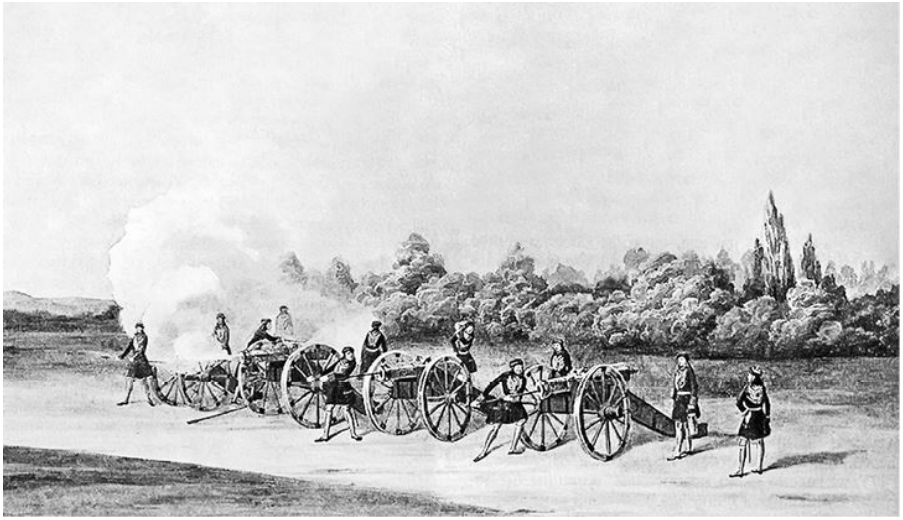


Сергей Леонтьевич Бухвостов – российский офицер, в 1683 году первым записавшийся в «потешный» Преображенский полк Петра Великого и прозванный Петром «первым российским солдатом»

Обычные для царских детей забавы стали принимать у Петра особый характер и размах во время его пребывания в потешных селах. Когда Петр с матерью после зимы, проведенной в Кремлевском дворце, выезжал на сельский простор, он, по-видимому, забывал свою азбуку, переплетенную в «пергамин зеленый», и на живой зелени полей развертывался во всю ширь своей даровитой и страстной натуры. Его не удовлетворяла малая «потешная» площадка, сделанная для него в 1682 году в Кремле у его хором и обставленная деревянными пушками. В селе Воробьеве в 1683 году, а позднее в селе Преображенском Петр стреляет из настоящих пушек и вместо «потешных ребяток» окружает себя взрослыми участниками забав. Уже в 1683 году около него видим «огнестрельного мастера» иностранца Зоммера, который для него производит «потешную огнестрельную стрельбу», и тогда же упоминаются у «потешного» дела будущие первые солдаты Преображенского полка С. Бухвостов и Е. Воронин.

С течением времени центром военных забав Петра становится село Преображенское, потому что под этим селом, на берегу реки Яузы, начиная, кажется, с 1685 года, возникает «потешных город», названный Пресбургом. Сначала в этом укрепленьице было всего два-три домика; но понемногу из него сделали целую крепость.[5]

С 1686 года туда везут из Москвы большое количество всякого рода строительных материалов. На стенах городка ставят башни; в городке строят церковь и царские хоромы. Вокруг городка возникают «слободы», в которых Петр поселяет участников своих забав, понемногу организуемых в «потешные полки» Преображенский и Семеновский. Нельзя сказать, чтобы Софья спокойно относилась к таким широким затеям Петра; но она не находила возможности им мешать. Во-первых, Петр все-таки был государем, и запрещать ему расходовать средства на постройки и на его личный обиход не приходилось. А во-вторых, забавы отвлекали внимание Петра от государственных дел и от самой Софьи, чем она должна была, конечно, дорожить. К совершеннолетию Петра у него в Преображенском образовалось большое и сложное военное хозяйство и воинская сила, ему преданная. Напрасно Софья относилась к ней с презрением, называя ее «Преображенскими конюхами»: «потешные полки» при столкновении Софьи с братом составили надежную охрану Петра и основные кадры его войск.[6]



Артиллерийская батарея «потешных» войск Петра

Так употреблен был Петром досуг от несостоявшейся схоластической науки. В петровских «потехах» пришла к Петру, впрочем, и некоторая наука непредвиденных и необычных свойств. Возня с пушками и всяким оружием, Преображенские постройки и всякое воинское хозяйство приучили Петра к рукоделию и мастерствам. Есть ряд записей, показывающих, как постепенно Петр обзаводился всякого рода инструментами для изучения ремесел.

В 1684 году к нему во дворец поступают от каменщиков их «снасти»: «лопатки и молотки железные», за которые дано 16 алтын. В том же году к нему приказано «в хоромы взнесть на печать доску кованую красной меди, гладкую» в десять квадратных вершков; трудно определить ее назначение, но, конечно, она назначалась для каких-то ручных упражнений. За ней последовали «два топорика маленьких плотничьих» с гайками, «чтобы было крепко».

В 1686 году Петру сделан был «верстак столярный» и покупалась в его хоромы «кузнечная всякая снасть». Так, в 12–14 лет Петр переходил от ремесла к ремеслу, набивая в них свою изумительно переимчивую руку. Это было своего рода знание, в токарном ремесле дошедшее до тонкого художества. Другого рода знание оказалось необходимым для Петра при изучении военного дела – правил фортификации и артиллерийской стрельбы. Здесь надо было уметь считать и чертить и мерить. Не усвоив «цыфири» в Кремлевском тереме, он принимается за нее на ходу в Преображенском и усваивает ее уже в виде иноземном – с латинской номенклатурой: «аддиция», а не сложение, «субстракция», а не вычитание, и т. д. За такой простой

«цыфирью» следуют более сложные упражнения в высших степенях математических познаний.

Сохранились отрывки учебных упражнений Петра, в которых он излагает правило определения широт с помощью «астролябиума» и опыт с мортирой, как взять дистанцию, «когда хочешь на уреченное место стрелять». В эти высшие сферы счисления Петр, конечно, не мог подняться сам и искал учителей; разумеется, он их искал не среди схоластов-монахов, а среди иностранцев-техников, которые в большом количестве вращались тогда в дворцовом быту и деловых сферах Москвы. Сам Петр рассказывал, что, когда в его руки попала астролябия и он не знал, как ею пользоваться, то обратился к доктору Захару фон дер Гульсту; тот тоже не знал, но обещал, что «сыщет такого, кто знает», и действительно «сыскал голландца именем Франца, прозванием Тиммермана». «И тако (писал Петр) сей Франц через сей случай стал при дворе быть беспрестанно и в компаниях с нами». Не надобно удивляться тому, что в малолетстве Петра вокруг него мелькают иностранцы. Артиллерист Зоммер, доктор Гульст, математик Тиммерман, конечно, не одни были в житейской обстановке Петра. В дворцовом обиходе того времени за всяким делом, требовавшим специальных знаний, обращались к «немцам» в Немецкую слободу; Много их служило и в потешных селах особенно в Измайловском, где царь Алексей завел обширное и правильное хозяйство.

Ян Голе. Портрет Петра Первого

Что же касается до Преображенского, обычной резиденции маленького Петра, то оттуда до Немецкой слободы было, что называется, рукой подать – не более двух верст. И сноситься из Пресбурга со слободой можно было не только полем, но и водой, по реке Яузе, для чего у «потешного городка» на Яузе стояли потешные суда – гребной струг и шняка с прямым парусом. О том, как легко делались эти сношения, опять-таки рассказывает сам Петр. Когда ему случилось, гуляя по Измайловским амбарам,

найти там «иностранный» бот, на котором можно было лавировать парусами против ветра, то, в увлечении этой новинкой, его поразившей, Петр немедля же в слободе велел сыскать кого-нибудь из «компании морских людей», способных починить бот и управлять им. И как в свое время доктор Гульст нашел Тиммермана, так теперь Тиммерман нашел Карштен Брандта, «который оный бот починил и сделал машт и парусы и на Яузе при царе лавировал». В этих обращениях Петра к «немцам» не было ничего принципиального, заранее обдуманного, ясно сознанного; это было дело «обышное». Но не обычны оказались его последствия.

Мальчик, лишенный правильного, по тому времени, нормального богословско-схоластического образования и, за отсутствием нормальных отношений во дворце, удаленный от дел правительством Софьи, ударился в «потехи», в которых пользовался услугами техников-немцев. Общение с ними, более короткое, чем у других членов царской семьи, поставило мальчика под культурное влияние этих представителей Запада. Практические уроки военного дела, фортификации, навигации, сопрягались, естественно, с теоретическими уроками по математическим наукам. Забава связывалась с обучением и постепенно создавала в лице Петра новый, в царской семье еще небывалый культурный тип.

Старшие братья и некоторые сестры Петра по своему образованию были богословы и словесники; Петр же оказался военным техником и математиком. Те жили и мыслили «с манеру польского», он начал жить с «манеру немецкого». Никто этого не хотел, никто этого не готовил; сама жизнь вылила Петра в новые формы. А необычные способности и порывистая страстность натуры Петра придала этим формам необыкновенную яркость. К своему совершеннолетию Петр представлял собой уже определенную личность; с точки зрения «истовых» москвичей, он представлялся необученным и невоспитанным человеком, отошедшим от староотеческих преданий. Вернется ли он на правую стезю или вовсе с пути совратится, решать пока было нельзя.

IV. Молодость Петра Великого

Придворная борьба. «Потехи» и Немецкая слобода. Крушение традиций

Настал 1689 год, когда Петру должно было исполниться семнадцать лет. По понятиям того времени, он достигал совершеннолетия и выходил из-под опеки сестры. По пришествии в «совершенный» возраст младшего царя роль Софьи кончалась. Обе стороны – как Софья с ее правительством, так и царица Наталья с ее родней – понимали, что близится перемена. Первые ее не хотели, вторые на нее уповали. Сам же Петр был в увлечении новым для него корабельным спортом, строил суда на Переяславском озере и, по-видимому, не думал ни о чем, кроме личных забав. Как бы ни относилась его мать к этим забавам, она понимала, что надо с ними кончить и что пора приготовить сына к выступлению в серьезной правительственной роли.

Для этого избрано было сильное средство: Петра женили в январе 1689 года, когда ему было только 16 лет и 8 месяцев. Действовали по присловью: «женится, переменится», и, очевидно, в расчете на раннее возмужание Петра, который, по отзывам современников, казался гораздо старше своих лет. Однако сильное средство не помогло.

Жену Петру выбирала мать, а не сам он; он не чувствовал к ней никакой склонности и месяца через два после свадьбы уже оставил свою молодую царицу Евдокию Федоровну и умчался снова в Переяславль к своим кораблям. Оттуда он писал своей «паче живота телесного дражайшей матушке» и там получал письма от «женушки Дуньки», но ответных его писем к жене нет ни одного. О своем «бытии» в Переяславле он пространно сообщал дяде Льву Кирилловичу Нарышкину, чувства свои изъяснял матери; для жены же как будто не оставалось у него ничего. Его родные и дядька его князь Борис Алексеевич Голицын могли таким образом убедиться, что женитьба не подействовала и что необходимо иначе воздействовать на Петра, чтобы втянуть его в политическую игру против Софьи.

Софья между тем пыталась навсегда укрепить себя в правительстве. Все понимали, что ее роль временная: Софья же хотела сделать ее постоянной, независимой от возраста царей. По ее указанию в торжественных и официальных актах стали именовать ее «самодержицей»; писали: «великие государи цари… и великая государыня благоверная царевна и великая княжна София Алексеевна всея… России самодержцы». Двоецарствие обращалось в троевластие.

Софья взяла обычай показываться на дворцовых выходах вместе с царями в равном с ними качестве. Чтобы закрепить и узаконить это положение «царствующей царевны», Софья заговорила о том, чтобы ей венчаться царским венцом, и поручила выведать об этом настроении стрельцов. Как она сама, так и ее доверенный начальник стрелецких войск думный дьяк Шакловитый продолжали смотреть на стрельцов прежними глазами и видели в них удобное орудие для насильственного воздействия на дворец и столицу. Но напрасно Шакловитый доказывал стрелецким представителям возможность и легкость в данном деле такого воздействия. Стрельцы оказались более осмотрительными и сдержанными, чем были в прежние годы, и не обещали решительной поддержки. Софья поэтому остановилась в своем намерении. А между тем противная сторона наблюдала за Софьей и готовилась к борьбе с ней.

Евдокия Федоровна Лопухина

Петру исполнилось семнадцать лет 30 мая 1689 года. В июне мать уже вызвала его из Переяславля и более туда не отпустила. Петр все лето жил под Москвой, в Коломенском и Преображенском. По временам он появлялся в Москве и по разным поводам начинал ссоры с Софьей, показывая ей открыто свое неудовольствие и недружбу. По-видимому, его натравливали на сестру те люди, которые руководили кампанией против Софьи Нарышкинского кружка, главным образом князь Борис Голицын и Лев Нарышкин. Отношения напрягались с каждой неделей. Софья ждала открытого нападения «Преображенских конюхов» и готовила стрельцов к отпору. Развязка пришла в августе. Вследствие какого-то подметного письма в Кремле опасались, что

в ночь на восьмое августа последует покушение со стороны Петра, и собрали на ночь у дворца и на Лубянке, в Белом городе в Москве, большие отряды стрельцов. Об этом дали знать благожелатели Петра в Преображенское.

Петр спокойно там спал, когда ему сказали, что в Москве собрана воинская сила для нападения на него, чтобы его извести. Кто дал такой вид сообщению из Москвы, неизвестно; но Петр поверил в близкую опасность, выскочил ночью из дворца, не успев даже одеться, в близкую рощу и оттуда верхом помчался в Троицкую лавру, ища спасения в ее крепких каменных стенах. О его побеге официально было отмечено, что изволил он «идти скорым походом в одной сорочке»; неофициально выражались так, что «царя из Преображенского согнали, ушел он бос, в одной сорочке». «Вольно ему взбесясь бегать», говорил с досады Шакловитый, предчувствуя грядущие осложнения, но отрицая всякие покушения со стороны Софьи против Петра.

Эта ночь, проведенная в смертельном страхе и стремительном бегстве, имела огромное значение для Петра. В Троицкий монастырь примчался он почти без чувств, измученный физически и расстроенный до слез. С этого времени, по-видимому, начались у него «личные ужимки и кривления шеею», которые остались на всю жизнь. Это был тик или, по иному названию, «болезнь судорожных подергиваний», возникающая по большей части на почве вырождения. Иногда, уже много лет спустя, «в нощное время» Петр чувствовал «такие конвульсии в теле», что требовал посторонней помощи. Сам он приписывал эту болезнь испугу от стрельцов: при воспоминании о них, говорил он, «все уды во мне трепещут; помысля о том, заснуть не могу».

На кровавые воспоминания детства новым впечатлением ужаса легла эта ночь восьмого августа; после нее Петр стал страстным и непримиримым врагом того московского правительства, которое не уступало ему власти и, как он думал, покушалось на его жизнь. Основавшись у Троицы, собрав туда свою семью и послушные ему воинские силы, он потребовал у сестры удаления от дел. Постепенно на его сторону переходило московское боярство, патриарх, регулярные солдатские полки, большая часть стрелецких полков. Те же бояре и стрельцы, которые не сразу пошли из Москвы к Троице, не оказывали Софье никакой поддержки. Слишком явно было превосходство сил Петра и непререкаемо его право. Софье пришлось подчиниться.

После месяца борьбы и упорства, шестого сентября 1689 года, она сдалась и была заключена в подмосковном монастыре. Приговор, произнесенный над ней Петром, имел форму письма

его к брату Ивану. В нем Петр писал, что «теперь, государь братец, настоит время нашим обоим особам… царство править самим, понеже пришли есми в меру возраста своего, а третьему зазорному лицу, сестре нашей ц[аревне] С[офье] А[лексеевне] с нашими двумя мужескими особами в титлах и в расправе дел быти не изволяем… Срамно, государь, при нашем совершенном возрасте тому зазорному лицу государством владеть мимо нас».

Выражая готовность «яко отца почитать» слабоумного брата, Петр, однако, тут же просил его «позволить отечским своим изволением» на то, чтобы «не обсылаясь к тебе, государю, учинить по приказам правдивых судей, а неприличных переменить». Иначе говоря, Петр, устранив Софью от дел, устранял и брата от участия в руководстве делами. Власть всецело переходила к Петру и его родне. Двенадцатого сентября последовало от них назначение начальников в центральные учреждения Москвы, и таким образом настало на деле единодержавие Петра.

Сам Петр, однако, мало пользовался своей властью и все предоставил матери; она же передала свои полномочия брату Льву Кирилловичу Нарышкину, Тихону Никитичу Стрешневу и князю Борису Алексеевичу Голицыну. Первый ведал внешнюю политику, второй внутреннее управление, а последний «правил весь низ (Поволжье) так абсолютно, как бы был государем». Современники не находили, чтобы после Софьи, при царице Наталье дела пошли лучше. «Сия принцесса (говорит князь Борис Куракин) доброго темпераменту, добродетельного, токмо не была ни прилежная и ни искусная в делах и ума легкого»; поэтому «правление оной царицы Наталии Кирилловны было весьма непорядочное и недовольное народу и обидимое». Петр ничего этого не хотел знать; он жил своими личными интересами и весь ушел в потехи. А так как теперь над ним не было Софьи и ему некого было стесняться, то его потехи получили новый размах и характер.

В ту пору, когда Петр, сидя в Троицком монастыре, собирал силы против Софьи, к нему туда, вместе с прочими служилыми чинами, приехало много иноземцев; «и в ту бытность в Троицком монастыре (говорит князь Куракин) князь Борис Алексеевич Голицын тут привел в милость иноземцев, как: Петра Гордона генерала, полковника Лефорта, Р. Страсбурга, Ив. Чамбурса и других многих». С этих пор, по мнению Куракина, началась милость Петра к иностранцам и короткость («фамилиарите») с ними. «И по приходе к Москве начал его величество в (Немецкую) слободу ездить через предвождение его же князя Б.А. Голицына». Действительно, в первые годы по свержении Софьи Петр открыто

начал посещать Немецкую слободу и завязал там дружеские и любовные связи, вводившие в соблазн истовых москвичей. С другой стороны, увлечение навигационным спортом в это время приняло у Петра характер страсти. Не довольствуясь простором Переяславского озера, он «по такой своей склонности к морскому ходу и по своей куриезите обыкновенной ходил дважды к городу Архангельскому видеть море».

Мать пугалась за сына, молила его быть осторожнее, не пускаться в море. Но отбившийся от ее рук сын отвечал на страхи матери веселой шуткой. Из Архангельска он сообщал ей, что ждет там кораблей из Амстердама: «Чего для изволишь печалиться обо мне? Изволила ты писать, что предала меня в паству Матери Божьей; и таково пастыря имеючи, почто печаловать? тоя бо молитвами и предстательством не точию я един, но и мир сохраняет Господь».

На суше Петр не был безопаснее, чем на море, так как в эти годы его «потехи Марсовы» приняли характер больших маневров с изрядным количеством пострадавших. «Потешные бои», иногда, по словам Петра, равнялись судному дню, и их участники рисковали «переселиться в вечные кровы по чину Адамову, идеже (утешал Петр) и всем нам по времени быти». Так воспользовался своей политической победой молодой государь. «Не честь он, государь, делает, – бесчестье себе», – говорили о нем современные наблюдатели.

В эти годы (1690–1694) безответственных и безудержных «потех» в Немецкой слободе, на кораблях и на маневренных полях окончательно выявились все те склонности и особенности характера Петра, которые вызвали против него определенный протест и недоумение. Борис Куракин посвятил этим годам в жизни Петра особую любопытнейшую характеристику. По его замечанию, уже в эти годы вследствие небрежения Петра начал рушиться исконный чин московской дворцовой жизни, «церемоний придворных». Куракин о них говорит: «Уже в то время начало самое настало им иссякнуть, а наивпервых выходы в соборную церковь отставлены были, и един царь Иоанн Алексеевич начал ходить; также одеяние царское отставлено и в простом платье (Петр) ходит. Также публичные авдиенции многим отставлены (как были даваны авдиенции приезжим архиереям, посланникам гетманским, для которых бывали выходы народные), но уже оным даваны были авдиенции при выходах просто». «Последние церемонии дворовые отправлялися как обыкновенно» (по словам Куракина) при торжествах рождения и крещения сыновей Петра царевичей Алексея (февраль 1690 года) и Александра (октябрь 1691 года).

Д.Н. Кардовский. Петр и Лефорт. Маневры «потешного» флота на Плещеевом озере

А затем пошли новые порядки. Петр стал вовсе пренебрегать большим Кремлевским дворцом, неприятным для него по воспоминаниям о стрелецких выступлениях и деятельности Софьи. Он окончательно основался в Преображенском и зачастил в Немецкую слободу. Преображенское получило характер резиденции. Там в 1689 году построили «съезжую избу» на «Генеральном дворе», где поместилось управление «потешных» войск и где вообще Петр сосредоточил свою правительственную работу. В 1690 году вблизи Генерального двора выстроен был дом для самого Петра – «возле веселенькой рощи довольно большое деревянное строение».[7]

Из этого нового своего жилища Петр взял привычку ездить в Немецкую слободу, отстоявшую от Преображенского не более двух верст. Сначала он бывал там чинным гостем у генерала Гордона и у Лефорта. Но скоро последний втянул Петра в близкое знакомство с населением слободы. Веселый, общительный «дебошан французской» Лефорт стал явным фаворитом царя, принимал его у себя запросто и ввел Петра в круг слободского купечества и военщины. «Непрестанная бытность его величества началась быть в слободе Немецкой не токмо днем, но и ночевать – как у Лефорта, так и по другим домам, а особливо у Анны Монсовны. И многие купцы англенские и голландские… пришли в его величества крайнюю милость и конфиденцию и начали иметь свой свободный вход. Также все в слободе офицеры знатные из иноземцев и торговые… не могли единой свадьбы

учинить, чтоб его величество не звать, и при нем знатных персон, на свадьбы. И особливые банкеты чинили и балы и супе давали, также и ко многим на погребение звали».

Петр, словом, бросив Московский дворец, спустился в сравнительно низший и притом не русский круг и потянул туда за собой «знатных персон» боярского происхождения. А так как обращение в новой среде требовало некоторого приспособления к ней, то Петр и приспособлялся: «начал учиться всех экзерциций и языку голландского». Уроки голландского языка брал он у «мастера того языку» Андрея Виниуса; были особые учителя фехтования, верховой езды и прочих «артей» (искусств); только танцы усвоил Петр «с одной практики в доме Лефорта помянутого». Почему-то надобно было учиться даже барабанному бою и, обучившись «по барабаном от старосты барабанщиков Федора, Стремянного полку», Петр всю жизнь свою любил показывать это свое искусство и усердно барабанил в различных торжественных собраниях и пиршествах.[8]

Г.С. Мусикийский. Портрет Екатерины Первой. 1724 г.

Мало-помалу связь со слободой окрепла у Петра до такой степени, что он устроил себе там своего рода оседлость. Дом Лефорта стоял близко от Преображенского дома Петра, почти против него на другом берегу реки Яузы. В своем деревянном доме, имевшем значение официального царского жилища, Петр

стеснялся водворить новые свои обычаи. К тому же дом был очень невелик. Поэтому Петр пользовался домом своего сердечного любимца Лефорта как своим собственным.

В одном из писем Лефорта читаем: «Поверьте мне, что я не господин и того немногого, что у меня есть, ибо наши князья (надо разуметь: Петр со свитой), старые и молодые, оказывают мне честь своими более нежели частыми посещениями; даже когда меня не бывает дома, они не преминут покурить и попить у меня, как будто я и не отлучался». Так как для многолюдных собраний изящный, но небольшой дом Лефорта не годился, то Петр распорядился пристроить к нему большую залу и роскошно обставил ее серебряной посудой, картинами, зеркалами, коврами. В этой-то зале и справлялись все торжества на новый манер, на которых сходилась «компания» Петра, собранная из самых разнообразных туземных и иностранных элементов. Хозяином здесь был гораздо больше Петр, чем Лефорт; и здесь он уже не стеснялся вовсе.

В доме Лефорта, по словам Куракина, «началось дебошство, пьянство так великое, что невозможно, описать». На этой почве безудержного разгула вырос и знаменитый «всешутейший собор» с «неусыпаемою обителью» шутов и дураков. Если последняя «обитель» отражала в себе старый туземный обычай держать шутов и ими забавляться, то «собор» мог сложиться – в форме грубой пародии сначала на «католицую» иерархию, а потом, по мере увеличения затей, и на православное архиерейство, – только в обстановке разноверного, в большинстве протестантского и вольномысленного общества Немецкой слободы.

«Всешутейский собор» был попыткой организовать ритуал пьяных оргий в виде мистерий Бахуса. Пьяницы составляли правильную коллегию, служившую Бахусу под главенством «патриарха» и состоявшую из разных священных чинов до «дьяконов» включительно. Имея резиденцию в Пресбурге (почему патриарх и звался Пресбургским), собор действовал там и в слободе, а иногда выскакивал и на московские улицы, к великому соблазну православного народа. Вместе с ним царь «играл святки», посещая на Рождестве дома московских вельмож в шутовском маскарадном виде, целой процессией в несколько десятков, если не сотен участников. Эта «игра» пьяных и самодурных людей по боярским домам «так происходила трудная, что многие к тем дням приготовлялися как бы к смерти»; «сие славление (праздника) многим было бессчастное и к наказанию от шуток немалому: многие от дураков бывали биваны, облиты и обруганы».[9]

Ассамблея при Петре Первом

Вот чем Петр заменил прежний уклад дворцовой жизни. И тот, конечно, был не без грехов; но там грехи прятались за степенным, размерным «чином» показной благочестивой и порядливой жизни. У Петра же не было ничего благочестивого и порядливого, не было вообще никакого «чина», кроме кощунственного ритуала «всешутейшего собора». Современники, конечно, не имевшие возможности предугадать в Петре его гениальное будущее, видели в нем только сбившегося с пути юношу, от которого нечего ждать проку, который «в пустоши» уклонился и не годился для серьезного дела. Со временем прошло к Петру и серьезное дело, но годами сложившиеся «пустошные» привычки остались у него на всю жизнь. Как в эти годы молодого брожения, так и впоследствии он питал любовь к пирушкам, к пьяному разгулу, к грубой шутке, к маскарадному шутовству. За ним всю жизнь волочился его «всешутейский собор» и бегала «неусыпаемая обитель»; и посторонние наблюдатели с величайшим удивлением убеждались, что царь мог вести серьезные и умные разговоры под гам и выверты своих шутов, которых он по привычке даже не замечал.[10]

Как пирушки и шутовство приобрели у Петра большой размах и скандальную гласность, так и в данное время и его морские и воинские «потехи» приняли вид большого, хотя и «пустошного» дела. Нептуну и Марсу Петр служил, как Бахусу, без удержу и стеснений. С Переяславского озера, где он образовал целую верфь, он перекинулся на Белое море, стал строить там корабли и

заказывал их в Голландии, проводил голландскую эскадру от Архангельска до самой горловины Белого моря, посетил Соловки, выдержал сильную бурю около некой губы. Весь быт единственного русского порта в устьях Двины стал знаком Петру; все прелести и опасности «морского хода» он изведал вполне. На Белом море в Петре окончательно сложился моряк; в упоении морским делом он стал именовать себя «шкипером», а из своих приближенных составил целый морской штаб для неосуществленного пока флота.

С таким же увлечением отдавался Петр и всяким «Марсовым потехам», от вычурных фейерверков до больших маневров, переходивших иногда в «смертный бой». Фейерверками Петр увеселял всю Москву, доселе незнакомую с этим удовольствием, на них сбегался весь город, и зрители могли видеть не только замысловатые огненные картины, но и пострадавших от них по неосторожности людей. Так, однажды какой-то дворянин («a gentleman», по выражению Гордона) получил в голову пятифунтовую неразорвавшуюся ракету, от которой тут же испустил дух. В другой раз пострадали от ожогов личные приятели Петра, Страсбург и Тиммерман, и около них были убиты трое рабочих. Но такие частности не останавливали Петра.

На тех маневрах, которые происходили в окрестностях Преображенского и Семеновского, действующие части разделялись на «армии» под командой «генералиссимусов» Ф.Ю. Ромодановского и И.И. Бутурлина, и столкновения двух враждующих армий были так задорны, что переходили в настоящие боевые стычки, не обходившиеся без жертв. В июне 1690 года в одной из таких стычек опалило гранатой лицо самому Петру, а в сентябре был ранен в лицо и в ногу Гордон. В следующем году умер от раны князь И.Д. Долгорукий – «от тяжкие своея раны, паче же изволением Божиим», как выразился о нем Петр. Венцом «потешных» предприятий Петра был так называемый Кожуховский поход (от деревни Кожуховой, близ Коломенского) 1694 года.

На Коломенских лугах сражались две «армии» тысяч по пятнадцать в каждой. Одной командовал «король» или «царь» Пресбургский Федор (он же Фридрих) Ромодановский, другой – «царь Семеновский» или «король Польский» Ив. Бутурлин. Игра продолжалась недели с три, и «хотя добрый порядок был учинен, однако ж с обеих сторон убито с 24 персоны пыжами и иными случаи и ранено с 50». Для этого похода были мобилизованы не только обычные «потешные» полки, люди которых обыкли быть «в солдатской, матросской и плотнической службе», но и дворянство окружающих Москву уездов и все стрелецкие полки. По своему

масштабу эта «потеха» вышла из ряда остальных и может рассматриваться как пробная кампания всех накопленных Петром воинских сил его собственной выучки.[11]

V. Первые политические шаги

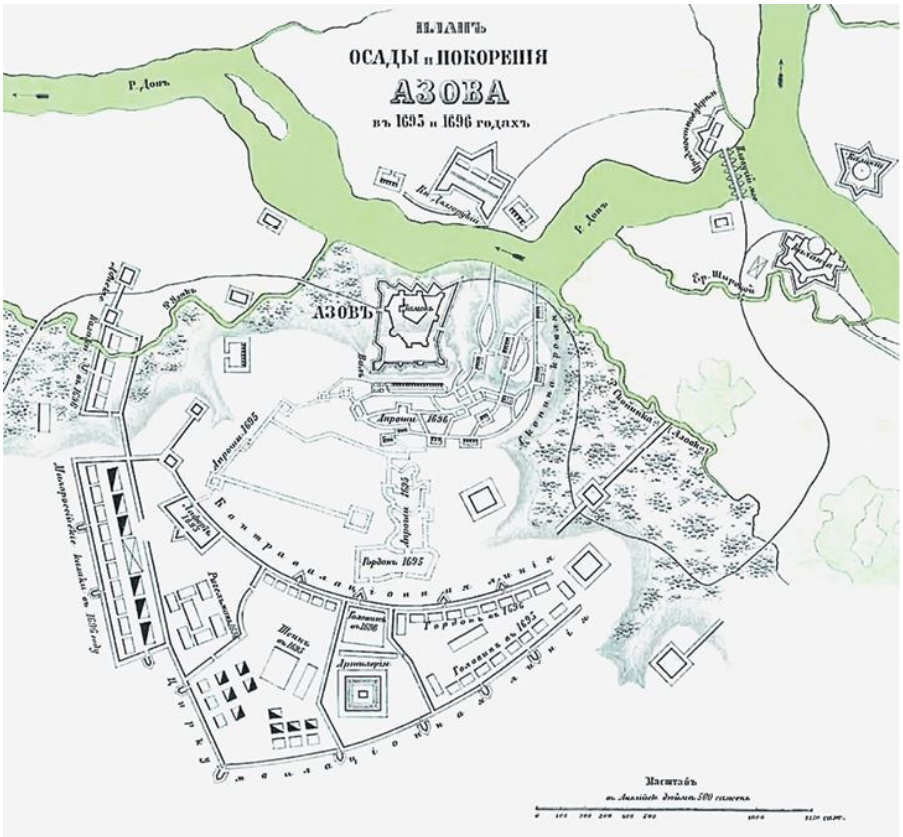
Война с турками и заграничное путешествие

Веселая жизнь безответственного монарха, не правившего государством, а «уклонявшегося в потехи», была омрачена безвременной кончиной его матери. Наталья Кирилловна умерла, не достигнув и сорока пяти лет, в январе 1694 года. Волей-неволей Петру приходилось самому браться за дела и слушать доклады по текущему управлению и внешней политике. Кипучая натура Петра недолго отдавалась печали: он стал, по его собственным словам, «яко Ной, от беды мало отдохнув и о невозвратном оставя, о живом думать». Пошли по-прежнему пирушки и потехи, но они осложнялись теперь заботами о практическом деле. Кожуховский «поход» показал Петру, какими силами он может располагать для войны; а необходимость и своевременность войны сознавалась тогда в московских правящих кругах под влиянием отношений к Крыму и Турции, как раз обострившихся в те годы.

Когда Петр убедился, из докладов своих посольских дьяков, в своевременности похода на юг, к Черному морю, он организовал этот поход по старому московскому правилу – маскировать главный удар демонстративным маневром. Дворянская конница и украинские казаки двинуты были весной 1695 года на Крым для того, чтобы скрыть главную цель похода – покушение на Азов. От старых московских политиков Петр мог точно узнать значение Азова, запиравшего выход с Дона в море, и ту роль, какую играла эта крепость во времена его деда царя Михаила Федоровича, когда казаки, взяв Азов, отдавали его Москве, а Москва его не решилась взять. Петр решился его взять и направил под Азов те войска, какие делали Кожуховский поход, то есть полки нового строя и стрельцов. Как известно, предприятие Петра в 1695 году не удалось: Азова не добыли, до Крыма не добрались, хотя и взяли турецкие городки в низовьях Днепра. Петр делал вид, что доволен достигнутым результатом, и устроил нечто вроде триумфального входа войск в столицу, но, конечно, все понимали, что удачи не было и что повторилась история несчастных Голицынских походов на Крым при царевне Софье.

Можно думать, что горше всех чувствовал неудачу сам Петр. Но, по меткому наблюдению С.М. Соловьева, «благодаря неудаче и произошло явление великого человека: Петр не упал духом, но вдруг вырос от беды и обнаружил изумительную деятельность, чтобы загладить неудачу, упрочить успех второго похода». Впервые здесь проявилась характернейшая черта Петра – подъем

энергии после неуспеха или катастрофы: не достигнув чего-нибудь, он обычно с невероятным упрямством повторял усилия для дальнейших действий в том же направлении. Вся зима 1695–1696 года прошла в напряженнейшей работе по подготовке нового похода на Азов, в особенности же по постройке флотилии, чтобы ею обложить Азов и с моря. Весной 1696 года осада Азова возобновилась, и в июле крепость сдалась. Это был весьма крупный военный и политический успех.[12]



План осады и покорения Азова русской армией в 1695 и 1696 годах

Он послужил исходной точкой для дальнейших предприятий Петра. До сих пор в своей политике Петр следовал московской традиции. Борьба с турками и татарами была ему завещана предшественниками; способы борьбы не отходили от старых форм. Нового было только то, что Петр бросил под Азов полки регулярного строя и во второй поход двинул флот. Сопровождавшие боевую деятельность Петра дипломатические сношения с его союзниками, цезарем и Польшей, велись также в

традиционном порядке. Но, отпраздновав с большим шумом Азовское взятие, Петр вступает на новый путь – небывалых и неожиданных мер. Он задумывает экстренную постройку флота для Азовского моря, образование кадра русских моряков, создание европейской коалиции против «врагов Креста Господня – салтана Турского, хана Крымского и всех бусурманских орд» и, наконец, сам инкогнито собирается за границу.

Во всем этом порыве энергии было много утопического. Молодой царь считал возможным в два года создать большой флот; считал возможным в полтора раза для этой специальной цели увеличить податные платежи, лежавшие на народе; считал осуществимым одним своим посольством склонить к союзу против турок цезаря и папу, Англию, Данию и Пруссию, Голландию и Венецию. Немудрено, что трезвые московские умы смутились, понимая несбыточность подобных мечтаний и тягость предположенных мероприятий. В Москве появились первые признаки оппозиции против Петра и зрел даже заговор на его жизнь. Царь сумасброд и «курилка», который «жил не по церкви и знался с немцами», бросался в необычные завоевательные предприятия и нещадно увеличивал тягло, – такой царь не внушал никому никакого к себе доверия и будил много опасений. Петру приходилось принимать серьезные репрессивные меры перед своим отъездом за границу, ибо созрел даже заговор на его жизнь.

За недоумевавшими и роптавшими современниками Петра и позднейший наблюдатель его действий в этот период готов признать в Петре не зрелого политика и государственного деятеля, а молодого утописта и фантазера, в котором своеобразно сочетались сильный темперамент и острый ум с политической наивностью и распущенным мальчишеством.

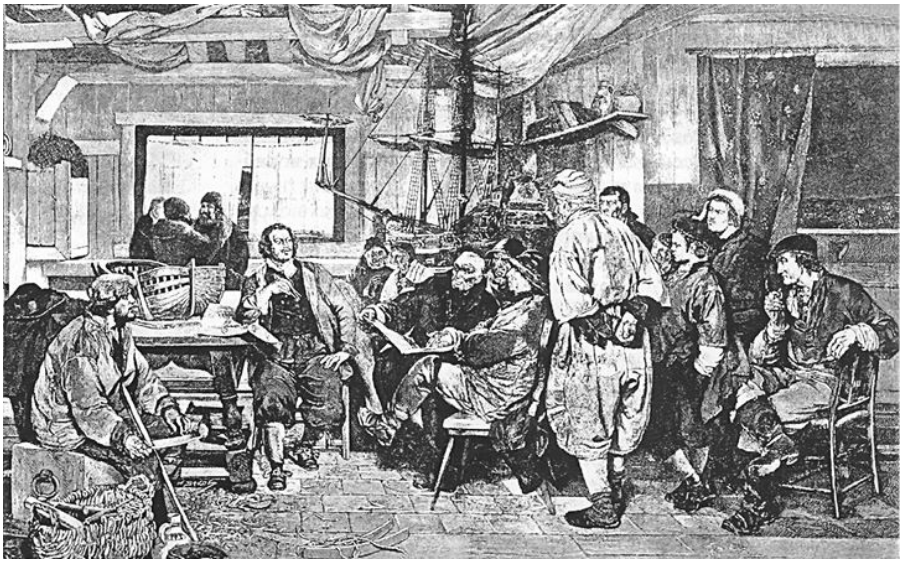
Таким именно Петр отправился за границу весной 1697 года. Через полтора года из заграницы в Москву вернулся созревший умственно и способный на серьезное дело человек.

Петр ехал за границу, зная четырнадцать ремесел, с руками грубыми от работы, с привычкой к военному делу, с навыком к работе на корабельной верфи. При этих условиях он мог толково и сознательно учиться европейской технике во всех ее специальных областях. Необыкновенная любознательность и восприимчивость Петра влекли его за пределы технической выучки ко всему тому, что можно назвать культурой; но по складу его натуры и привычек он должен был увлекаться больше предметами материальной культуры, чем культуры духовной и общественной. Моральная распущенность Петра, обусловленная

как общими свойствами полудикой московской жизни, так и особенностями его собственной обстановки, должна была препятствовать его личному облагорожению в условиях цивилизованной европейской жизни. И действительно длительное пребывание Петра в Западной Европе обогатило его новыми техническими знаниями, дало ему хорошее знакомство с внешней европейской культурой, сообщило ему много сведений из области точных наук и медицины, но не победило в нем его дурных замашек «дебошана» и оставило его на уровне полуцивилизованного человека.

В начале его путешествия он, при длительном свидании с двумя немецкими принцессами, представился им человеком невоспитанным. Они вполне оценили его природные свойства, его талантливость, ум и живость, но отметили, что он не умеет ни войти, ни начать беседы, ни опрятно есть. Во время ужина, когда он преодолел свою дикарскую застенчивость, он, напротив, стал чересчур развязен, охотно целовался с немцами, а маленькую принцессу Софию-Доротею приподнял для поцелуя за уши и испортил девочке весь головной убор. Когда дело дошло до тостов, то Петр почувствовал себя хозяином дела, заставляя присутствовавших много пить. При этом он пустил в ход те свои приемы, какие сохранил до конца жизни: сам пил мало, а чтобы другие от питья не уклонялись, велел запереть двери и поставил к ним одного из своих с приказанием никого не выпускать. Приказания свои он давал таким манером, что принцессы нашли его сердитым: «…он имеет доброе сердце и возвышенные чувства, но сердит», – писали они.

После многих месяцев жизни на Западе Петр основался месяца на два в Дептфорде, под Лондоном, и вместе со своею свитой поместился в частном доме. После его отъезда владелец дома просил у английского правительства возмещения убытков: оказалось, что постояльцы испортили не только дом, но и сад при нем, так как не соблюдали самых простых правил порядка и чистоплотности. Стало быть, многомесячное пребывание в европейской среде не оставило следа на нравах московской молодежи. И по возвращении домой Петр не стал культурнее. На официальном вечернем приеме у цезарского посла в Москве в октябре 1698 года Петр, будучи гостем, не задумался за столом мучить боярина Головкина, «насильно запихивать ему в рот и в нос салат и наливать уксус», а затем объявил, что у него самого заболел живот, но легко поверил, что от этого исцеляются высшим сортом токайского вина.



Феликс Коген. Петр Великий изучает судостроение в Голландии

В.А. Серов. Петр I на псовой охоте

Немного времени спустя на пиру у Льва Кирилловича Нарышкина, где были собраны иностранные дипломаты, Петр издевался над шведским поверенным в делах Книперкроном, сулил ему виселицу и «предоставил случай танцевать с дураком». В заключение «тот же посол получил от Священной десницы пощечины и истолковал их в доказательство любви». Из этого можно видеть, что за границей Петр приобрел выучку и знания, но не получил воспитания. И в последующие годы, когда требования политики и военные нужды всецело захватили Петра

и не оставляли ему досуга, он оставался тем же маловоспитанным и малоцеремонным человеком с наклонностью к грубой шутке и разгулу. Но после заграничной жизни он умственно вырос и созрел, и его природные способности вступили в фазу полного развития.[13]

Во внутренней душевной жизни Петра, наряду с заграничными впечатлениями, глубокий след оставил, по-видимому, стрелецкий бунт 1698 года. На далеком Западе слабели последние связи Петра с традиционным московским бытом; стрелецкий бунт порвал их совсем. Родина провожала Петра в его путешествие ропотом неодобрения, а встретила его возвращение прямым восстанием. Ужасающий стрелецкий розыск 1698 года в третий раз поставил Петра пред той враждебной ему средой, в которой на первом, наружном плане стояли стрельцы, а за ними придворные круги с Милославскими в центре и все вообще хулители Петра. В третий раз ликвидируя политическую смуту, Петр проявил неимоверное озлобление против своих антагонистов. Он вел дело к полному уничтожению стрелецкого войска и к истреблению наиболее ненадежных его представителей. Кровь лилась ручьями; Петр сам срубил несколько стрелецких голов и заставил своих окружающих быть палачами. Сотни трупов казненных висели и валялись целыми месяцами в Москве и в Преображенском. Стрелецкие полки были расформированы.

Это был свирепый террор, который Петру казался совершенно необходимым: при первых известиях о бунте он уже писал Ромодановскому, правившему тогда Москвой: «Семя Ивана Михайловича (Милославского) растет, в чем прошу быть вас крепким; а кроме сего ничем сей огнь угасить не мочно». «Крепким» он себя и показал в последовавшей репрессии. Петр принадлежал к типу людей словоохотливых, но скрытных. Его письма, богатые шутками и обстоятельные в деловой части, никогда не открывают читателю его внутреннего мира, и мы потому не можем судить, что он сам переживал в кровавые дни стрелецкого розыска и казней. В его бумагах сохранилась лишь одна горькая фраза, направленная на его собственных сестер Софью и Марфу: «в церкви поют “спаси от бед”, а в паперти деньги на убийство дают». Наблюдавшие личную жизнь Петра в эти дни современники отмечают, что царь способен был приходить в чрезвычайное раздражение, даже в бешенство.

В сентябре 1698 года, на пиру в известном нам доме Лефорта, Петр рассердился на своих ближайших сотрудников и пришел в такое неистовство, что стал рубить своей шпагой окружающих без разбора, в кого попадал удар, и многих серьезно поранил. Его

успел унять его любимец «Алексашка» Меншиков. Но недели три спустя сам Алексашка был на балу до крови побит Петром по пустяшному делу – за то, что танцевал, не сняв сабли. А еще через несколько дней на пиру у полковника Чамберса Петр опрокинул Лефорта на землю и топтал ногами. Все это признаки чрезвычайного душевного возбуждения. Петр, видимо, переживал с исключительной остротой свою борьбу со старой Москвой и вышел из этой борьбы, как из тяжелого внутреннего кризиса, с окончательным решением – порвать с ненавистной традицией.

Политические осложнения, поведшие к Шведской войне, помогли Петру отвлечься от его тяжелых переживаний.

VI. Воинский талант Петра

Операция завоевания Ингрии. Гродненская операция 1706 года. 1708 год и Полтава

Мысль о создании коалиции против турецко-татарского мира потерпела в Европе полное крушение. Петр к ней остыл. С Запада он вывез другие планы. Обстоятельства складывались так, что становилось возможным возобновить борьбу со Швецией за выход к морю. Не Москве приходилось искать союзников; напротив, прибалтийские государства сами желали союза с ней против Швеции. И Петр с увлечением обратился в эту сторону. Пробившись на берега Азовского моря, он удовольствовался на юге тем, что было сделано, и решил искать мира с турками. Очередной задачей для него стало пробиться к морю на западе. В самый момент заключения мирного трактата с Турцией он бросил свои войска на Финское побережье и начал «великую войну».

Несколько раз в XVII веке Москва вступала в борьбу со Швецией, но не имела удачи. Петр воспринял идею этой борьбы от отца и деда. Вместе с тем он усвоил и старую московскую стратегию. Обыкновенный московский план военных действий против шведов заключался в операции против Нарвы. Нарва влекла к себе как порт, ближайший к русским рынкам. Кроме того, взятие Нарвы, по мнению русских стратегов, обеспечивало обладание всем берегом на восток от этой крепости, сразу отдавало в руки русских всю Ингрию. Как только Петр начал готовиться к Шведской войне, он предпринял тайные разведки именно в Нарвском направлении и армию свою направил прямо под Нарву.

Известно, что произошло в ноябре месяце 1700 года под Нарвой. Русская армия была разбита; регулярные полки, ее составлявшие, требовали долгой работы над восстановлением их состава и снабжения. Утраченную под Нарвой артиллерию надобно было создавать вновь. Против шведов могла действовать только дворянская конница старого строя да иррегулярные инородческие и казачьи отряды. Принято думать, что в ближайшие годы (1701–1702) главным театром военных действий стали те места на Западной Двине, где действовал шведский король Карл против саксонской армии и русского вспомогательного корпуса. Лифляндию же с Ингрией считают местом второстепенных стычек, в которых шведский отряд Шлиппенбаха несколько раз подвергался разгрому от превосходных русских сил Шереметева. Рассеивая войска

Шлиппенбаха, Шереметев преследовал одну цель – разорение края и взятие укрепленных замков. Какого-либо сложного плана в русских действиях здесь не наблюдают.

Между тем можно предполагать, что такой план существовал. Его создание и выполнение, принадлежавшее самому Петру, было первым проявлением военного таланта Петра. Под Азовом Петр сражался в рядах своих войск, ходил под пулями и наводил пушки; в какой мере там он был стратегом, не видно. Под Нарвой его в день битвы не было, и нам неизвестны причины, по которым он тогда уехал от своей армии. Но тотчас же после Нарвы он явно вступает в ту роль, которую играет все последующее время. Он – верховный распорядитель всех военных действий и соединенных с ними хозяйственных операций и дипломатических сношений. Через две недели после Нарвского поражения он посылает Шереметева «ближних мест беречь для последующего времени и итить вдаль для лучшего вреда неприятелю (в Лифляндии)». В то же время с исключительной энергией он восстанавливает разбитые полки и готовит пушки, «поспешает артиллерию, как возможно: время, яко смерть», по его словам.

В начале 1701 года он едет на свидание со своим союзником саксонско-польским королем Августом Вторым и всю зиму 1700–1701 года ведет переговоры с разными европейским державами, стараясь отовсюду, откуда только можно, получить содействие и помощь. И в то же время в его голове зреет план возобновления военных действий в Ингрии на новый манер, не повторяя удара на Нарву. В мае 1701 года семи ладожанам, ходившим по Ладожскому озеру и по Неве до моря, был предъявлен чертеж Ижорской Земли, и они, смотря на чертеж, подробно описывали путь от города Ладоги, от Волховского устья, озером и Невой до самого моря. В то же время новгородские дворяне Кушелев, Бестужев и князь Мышецкий дали столь же подробную «роспись пути горнему», то есть описание сухопутной дороги от города Ладоги к Невскому устью. Эти сведения были необходимы потому, что Петр задумал устроить в городке Ладоге операционную базу для действий в направлении Невы и моря. Решение это было принято в первые же месяцы после поражения при Нарве, и в течение целого года в Ладогу свозилась артиллерия и всякие запасы. Можно думать, что Петр намеревался начать поход от Ладоги весной 1702 года; но вести о том, что шведы собираются напасть на Архангельск, заставили Петра отправиться туда спешно в апреле 1702 года в сопровождении гвардейских полков.

Староладожская крепость

На Белом море царь провел все то время, когда можно было опасаться появления там шведской эскадры, а затем – так как шведы не пришли – он в августе двинулся в Ладогу «прямым» путем, через леса и болота от Нюхчи на Белом море к Повенцу на Онежском озере. В середине сентября 1702 года он был уже в Ладоге, причем перетянул с Белого моря на руках своих солдат два морских суденышка (яхты), надо думать, на образец для постройки таких судов морского хода на реке Свири, на «Олонецкой верфи», которая тогда была устроена в Лодейном Поле. К этому времени в Ладогу были уже стянуты пушки, артиллерийские запасы, шанцевый инструмент и провиант; там же находился с войсками князь Репнин. Авангард русский стоял на реке Назии, вблизи шведской крепости Нотебурга (нынешний Шлиссельбург). Туда же Петр вызвал и Шереметева, находившегося до того времени в Пскове.[14]

Таким образом, была собрана значительная армия. Не отдыхая от своего похода на Белое море, Петр немедля, в сентябре же 1702 года, начал поход к морю. Этим самым восприяла начало его знаменитая операция завоевания Ингрии. До Петра московские стратеги считали Нарву ключом ко всей Ингрии и Невским устьям. Так вначале думал и Петр, почему и покусился, прежде всего, на Нарву. Теперь он думает иначе и строит свои расчеты по-новому. Осенью 1702 года он берет штурмом Нотебург и, не забывая его старого новгородского имени «Орешек», называет его, однако, новым именем

«Шлиссельбург» (Ключ-город), выражая этим мысль, что, захватив эту крепость, он овладел ключом к Ингрии и морю.

Весь ноябрь 1702 года Петр провел в устройстве вновь приобретенного города, укреплял его поврежденные осадой стены, был «зело обременен артиллерией неприятельской» (было взято 150 пушек) и занят отправкой шведского «полона» в Москву. К январю 1703 года он был уже в Москве, затем отправился в Воронеж, а в марте был уже в Шлиссельбурге и начал поход к морю по Неве.

Первого мая была взята шведская крепость Ниеншанц («Канцы») при впадении р. Охты в Неву. Ее положение не понравилось Петру: укрепление Ниеншанца слишком мало, и по характеру местности увеличить его невозможно; сам город далеко от моря. Петр решил искать в устьях Невы другого места для крепости и порта. И в том же мае была основана Петропавловская крепость, а под ее стенами город, который в первые дни назывался «Петрополем», а затем получил имя «Питербурха» или «Санкт-Петерсбурга». Таким образом, все течение Невы было завоевано и укреплено. Но этим Петр не удовлетворился, а вышел из Невы в залив и на острове Котлине к началу навигации 1704 года создал «ситадель Кроншлот» и несколько батарей, под защиту которых поставил флотилию из судов морских типов, построенную к тому времени на Олонецкой верфи. Выросла, стало быть, цепь укреплений в занятом районе; взять их атакой в лоб шведам с моря было бы чрезвычайно трудно: приходилось брать четыре ряда укреплений: Кроншлот («ситадель на фарватере»), Петрополь, Канцы и Шлиссельбург. Возможность фланговых атак Петр также предвидел. Они и были: в 1703 году с севера угрожал русским на Неве шведский генерал Кронюрт, а позднее, в 1704 году, генерал Майдель.

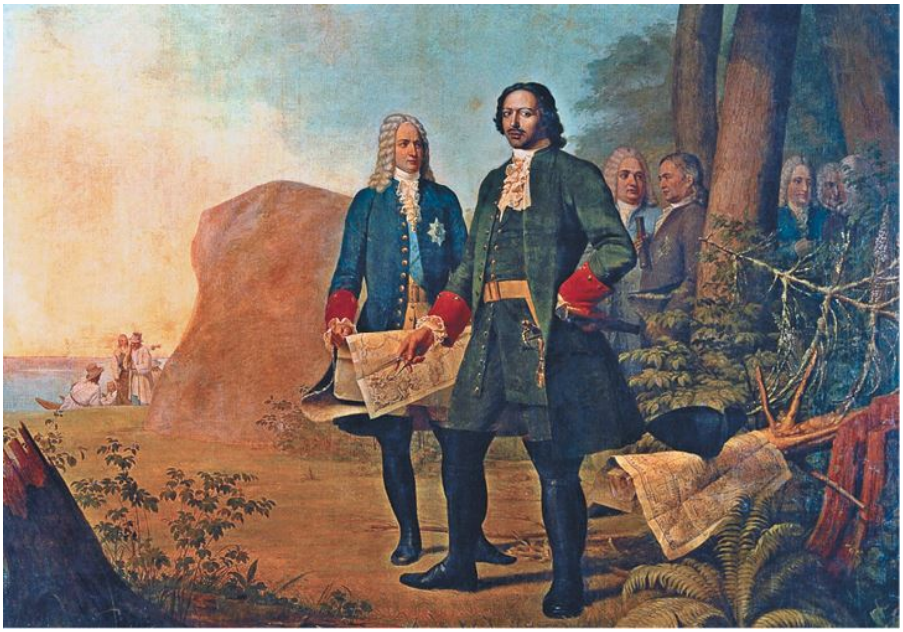
Адриан Шхонебек. Осада Шлиссельбурга. 1703 г.

В нескольких столкновениях у самого Петербурга и на реке Сестре русские отбили атаки шведов. Но северное направление не особенно беспокоило Петра. На севере, в глухой Финляндии, не было крупных шведских сил. Главным театром военных действий в данный момент был южный берег Финского залива. Там действовали крупные отряды шведов; оттуда мог явиться сам король Карл. Предупреждая возможность шведского нападения с этого фронта, Петр тотчас же по взятии Ниеншанца, летом 1703 года, в самые дни основания Петербурга, уже двинул Шереметева в Нарвском направлении. Шереметев взял Копорье и Ямбург. Последней крепости придавали тогда большое значение оплота со стороны Эстляндии. Петр сам посетил Ямбург и приказал спешно его укрепить, «понеже великое дело в том состоит». «Работали, как наискорее, всеми солдатскими полками»; трудилось до 22 000 человек.

Таким образом, определилось, что с левого фланга защитой Ингрии будет течение реки Луги и на ней крепость Ямбург. Но военное счастье улыбнулось Петру: летом 1704 года русским удалось взять Дерпт и Нарву. Этим задача обороны Ингрии и Петербурга с запада и юга была окончательно решена. Ямбург сыграл роль не оборонительного оплота, а базы для действий

против Нарвы, прочно теперь захваченной Петром. Не так хорошо и гладко обстояло дело на правом фланге. В 1706 году Петр пробовал осадить Выборг, в котором он правильно видел опорный пункт для операций шведов против Петербурга. Осада не удалась. Она была повторена с успехом только в 1710 году. Выборг сдался, и Петр изобразительно определил значение своего успеха: «уже крепкая подушка Санкт-Питербурху устроена», писал он в одном из частных своих писем. Действительно, с этих пор Петербург мог быть спокойным за свое ближайшее будущее.

В таком виде представляется операция устройства в Ингрии укрепленного района с Петербургом в центре. Взятая в целом, эта операция и задумана и исполнена мастерски. Каждый шаг в ней сознателен и обдуман; исполнение энергично и быстро. Ингрия завоевана прочно и послужила исходным пунктом для дальнейшего движения вперед. В центре завоеванной области создался город особого и многостороннего значения: в военном отношении Петербург главная защита магистрального русского пути из Московского центра на Запад; в торговом отношении это главный русский торговый порт на Балтике; наконец, в политическом отношении это русский наблюдательный пункт на Балтийском побережье, определяющий политику России в Балтийском вопросе и оттого ставший резиденцией русского правительства. Нет ничего случайного в создании Петербурга на Невских устьях: гениальный ум Петра понял значение этих устьев, сумел их добыть и укрепить, а затем и использовать. Во время Невской операции Петру было тридцать лет; он был в расцвете сил и впервые творчески проявил эти силы в сложнейшем военно-[15] олитическом предприятии освоения Ингрии.



А.Г. Венецианов. Петр Великий. Основание Санкт-Петербурга

Вскоре после того как Петр стал твердой ногой на берегах Финского залива, ход военных действий дал ему новый случай блеснуть воинским талантом. В 1705 году Петр ввязался в совместные действия с саксонскими войсками против Карла на территории Речи Посполитой. Совершив поход в Курляндию, русские войска стали на зимовку в Гродне. Но спокойно провести там зиму им не удалось. Карл XII под самый новый (1706) год внезапно выступил из Варшавы и приближался к Гродне. С обычной своей сметкой Петр сообразил, что Карл сможет блокировать русскую армию, если соединится со шведскими отрядами из Лифляндии и Польши, или же отрежет русским пути отступления к русской границе, если обойдет Гродну. Сейчас же Петр бросился из Москвы на место действия, а перед собой посылал письма своим генералам с указанием, что в случае успеха шведского марша «мы от единой нужды принуждены будем исчезнуть» и что поэтому необходимо скорее уходить из Гродны. Он много раз повторял свое мнение о необходимости отступления, вопреки мнениям бывших в Гродне генералов, и, наконец, дал прямой приказ отступать. Но было уже поздно: шведы переправились через Неман и обошли Гродну. Сам Петр не успел туда попасть, ибо пути уже были отрезаны. Убедившись в критическом положении своих войск и сообразив, что они не смогут уйти от преследования, Петр в то же время запрещал им вступать в открытый бой, так как не надеялся на успех такого боя

с «непобедимыми» шведами. Тогда он порекомендовал своим генералам военную хитрость.

Она была им изложена в письме к князю А.И. Репнину в Гродну от второго марта 1706 года в таких словах: «Ни о чем, только о способном и скором выходе думайте, несмотря на артиллерию и прочие тягости, как я вам пред сим пространнее писал. О выходе совет мой сей (однако ж и с вашей воли не сымаю): где лучше, изготовя мост чрез Неман и, кой час Неман вскроется, перешед при пловучем льду (для которого льда не может неприятель мосту навесть и перейтить) Неман и итить по той же стороне Немана на Слуцк… Однако ж надлежит при первом взломании льду поход учинить, прежде нежели малые речки пройдут (когда уже невозможно будет итить)».[16]

В переводе на более понятный нам язык совет Петра сводился к тому, чтобы воспользоваться весенним ледоходом по Неману и в тот момент, как только начнется движение льда, перейти по заранее готовому мосту из Гродны на левый берег Немана и отступать возможно быстрее, пока шведы будут задержаны льдом при наводке плавучих мостов.

Князь Репнин получил письмо Петра и исполнил его наказ в точности: в самую Пасху, 24 марта, при самом вскрытии Немана русская армия ушла из Гродны, бросив в реку все то, чего не могла увезти, и направилась на Брест, к русским границам: Карл целую неделю не мог навести моста из-за льда и, упустив таким образом противника, ушел в Саксонию. Петр оценил такой результат как своего рода победу и праздновал ее пушечным салютом и пиром, «а каковы были сему радостны и потом шумны», он обещал известить Меншикова особо.

Во всей этой Гродненской операции Петру принадлежала его обычная роль. Он не присутствует на месте самого действия, но отлично понимает обстановку. Он не только руководит действиями военачальников (хотя и не снимает с них воли – поступать по обстоятельствам), но и пытается помочь им всеми мерами и способами. Он направляет им на помощь отряды украинских казаков, которые должны доставить армии в Гродну через Брест провиант. Он устраивает в Слуцке «магазейн» и помещает там артиллерию и резервы. Можно удивляться тому, как ясно представляется его уму вся картина происходящей военной драмы и как верно он оценивает наиболее подходящий момент и способ спасения попавшей в ловушку армии. Его шифрованное письмо из Минска Репнину, цитированное выше, с указанием выхода из Гродны на Брест во время ледохода, является одним из самых наглядных доказательств его изумительного остроумия и стратегической гениальности.

Князь Аникита Иванович Репнин – русский военачальник и государственный деятель, генерал-фельдмаршал, участник Северной войны

Ознакомившись с этими свойствами Петра на примерах захвата Ингрии и освобождения армии из Гродны, мы легко уже поверим в то, что в кампании 1708–1709 годов Петр оказался на равной высоте с его «непобедимым» противником Карлом.

Конец 1707 и начало 1708 года были страшными днями для Петра. Карл ликвидировал войну в Саксонии и принудил Августа

Саксонского, союзника Петра, к миру со Швецией и к отречению от престола Речи Посполитой. Карл в сущности стал верховным распорядителем в Речи Посполитой, так как держал в полной своей власти поставленного им на польский престол короля Станислава Лещинского. Со всей своей армией Карл стал было на зимовку на реке Висле, готовясь к походу на последнего своего врага Петра. Петр ждал Карла: «Уже нам-то подлинно известно (писал он), что сия война над одними нами осталась». Но для него было неожиданностью, что Карл начал поход среди зимы, в начале января 1708 года. С Вислы шведы пошли на Неман, к Гродне, и так быстро, что Петр сам едва ушел от шведского авангарда, выехав из Гродны всего за два часа до вступления туда шведов. Из Гродны Карлу были открыты пути и в Лифляндию, и на Новгород, и на Москву, и в Украину. После некоторого колебания он двинулся на Березину и Днепр и занял в июле Могилев. Думали, что он имеет в виду Смоленск, а за ним Москву, но Карл, как известно, в сентябре 1708 года ушел на зимовку в Украину.

Вся летняя кампания прошла у шведов при очень плохом питании. Отступая перед шведской армией, русские систематически истребляли и прятали провиант и угоняли население. Подвоза от шведских границ не было. Вспомогательный корпус Левенгаупта со всякого рода запасами не успел настичь главную армию, пока она держалась в Могилеве. Быть может, именно стесненным материальным положением следует объяснять некоторую вялость действий Карла. Большие расстояния, пустынность и разоренность края, сопротивление русских отрядов на речных переправах, присутствие русских главных сил на путях к Москве – все это у Карла отнимало уверенность, что шведы, голодая, смогут до зимы поспеть в Москву. Зимовать же в Украине, конечно, было лучше, чем на верховьях Днепра: Украина к тому же обещала изменить Москве и передаться на сторону Карла и Лещинского; Украина сулила сытые и теплые квартиры и, наконец (как доносил Петру из Голландии русский посланник), «швед надеется в вольном казацком народе собрать много людей, которые проводят его прямыми и безопасными дорогами к Москве». Для Карла путь на Москву стал представляться наиболее удобным именно через Украину. В этом была его главная ошибка.[17]

Жан-Марк Наттье. Битва при Лесной. 1717 г.

Всю летнюю кампанию 1708 года Петр провел без определенного плана действий, зорко следя за Карлом, уклоняясь от решительных столкновений и всячески стараясь затруднить врагу его передвижение и питание. Порча дорог, борьба за переправы, угон населения, уничтожение запасов – таковы обычные способы борьбы с русской стороны. Всякому решительному натиску врага уступать, но «смотреть на неприятельские обороты и, куды обратится (неприятель) – к Смоленску или к Украине – трудиться его упреждать», то есть опережать врага на всяком принятом им маршруте. Так шло дело до поворота Карла на юг, в Украину. Когда же этот поворот определился и Карл не стал ждать вспомогательного отряда Левенгаупта, а приказал ему себя догонять, у Петра явился план.

Во-первых, он решился настичь Левенгаупта и действительно настиг его и разбил, отняв весь обоз и пушки; а во-вторых, он решил сопровождать шведскую армию на Украину параллельным маршем так, чтобы главные русские силы всегда находились между шведами и Москвой, прикрывая пути к русской столице. Таким образом, осенью 1708 года театр войны был перенесен на Украину, и Петр ждал решительных действий уже зимой: «не чаю (писал он), чтоб без генеральной баталии сия зима прошла; а сия игра в Божиих руках, и кто ведает, кому счастье будет?»

Окончательная «игра» действительно началась зимой 1708–1709 года и окончилась в июне 1709 года поражением шведов. В оценке этой игры русские и шведские военные историки очень расходятся. Первые считают, что со времени зимовки на Украине Карл потерял план действий. Действительно есть известие, что, отказавшись от наступления на Москву по прямой дороге от Смоленска, Карл не сразу нашел новый план – похода на Украину – и сказал сам одному из своих приближенных (Gyllenkrok'y), что у него нет никакого плана («hade ingen dessein»). Но эта фраза имела значение лишь для одного момента раздумья и колебаний. А затем Карл твердо стал на мысли идти на юг и после зимовки (или отдыха) на Украине предпринять оттуда марш к Москве.

Шведские писатели точно знают, что этот марш имел в виду прежде всего дорогу на Курск и Тулу от Белгорода, так как шведы считали Белгород важным пунктом Московского юга, где сходились дороги с разных сторон и откуда можно было оперировать в различных направлениях. Белгород не раз упоминался в современных известиях о войне – шведских, датских, русских; все, следившие за ходом борьбы Петра и Карла, понимали значение этого города для обеих сторон. Тем удивительнее, что русские военные писатели в описании кампании 1708–1709 годов мало обращали внимания на это обстоятельство и изображали пребывание Карла на Украине, как медленную агонию шведской армии, окруженной русскими отрядами. У этой армии нет общего плана действий; Карл заботится лишь о том, чтобы обеспечить своим войскам необходимый для них покой; он занят главным образом тем, чтобы вывести свою армию, каким бы то ни было путем, из критического положения, в какое она попала. Карла покинула его обычная стремительность: он даже страдает отсутствием необходимой энергии. В таких условиях осада Полтавы явилась будто бы не исполнением плана, а случайным эпизодом: «Карл решается на осаду и взятие Полтавы для того, чтобы чем-либо блестящим занять армию».[18]

Шведские историки, кажется, ближе к правильному пониманию дела. Как перед Гродненской операцией 1706 года Карл снялся с места среди зимы и начал поход против Петра, так он и в зиму 1708–1709 года в Украине не оставался на зимних квартирах до весны. Боевая инициатива исключительно принадлежала ему. Целью его операций был выход на пути к Москве. Уже в декабре 1708 года он сделал первую попытку наступления по линии реки Пела, чтобы выйти на тот важный узел дорог, который был на севере от Белгорода, на верховьях

Пела и Ворсклы. Но здесь он встретил крепости (Веприк) и главные русские силы. Ему не удалось использовать быстроту и внезапность движения, и он остановился, но лишь для того, чтобы несколькими неделями позже броситься южнее, обойти русских слева, взять Белгород и выйти на магистральный путь к Москве, «Муравский шлях». Скорый марш короля на Опошню и Красный Кут в феврале 1709 года был задержан русской конницей, а затем внезапной оттепелью и паводком. И на этот раз королю пришлось отойти назад, за Ворсклу, на ее высокий правый берег.

Новую, последнюю и самую рискованную попытку овладеть упрямо намеченной операционной линией на Москву, Карл делает в направлении Полтавы и того же Муравского шляха. На этот раз дело приходит к несчастной для него развязке. Шведская армия, усталая и поредевшая от голодовок и холодов суровейшей зимы, лишенная боевых запасов в сколько-нибудь достаточном количестве, к лету 1709 года уже не представляла собой той неодолимой мощи, какой была в предыдущие кампании. Ей не под силу стали безумно смелые планы ее короля. Когда Петр учел это, он отважился нанести ей решительный удар. На Ворскле, у Полтавы окончилась «игра» двух вождей, и гаданье Петра, «кому счастье будет», оказалось удачливым: счастье выпало ему.

Но это не было слепое счастье. Выше было сказано, что Петр уклонялся от решительных столкновений с врагом, следил за его движениями и старался держать свои главные силы между шведской армией и Москвой на главных путях к столице. Оба войска двигались параллельно, с Верхнего Днепра в Украину, и этот марш, руководимый самим Петром, русская армия совершила вполне удовлетворительно, не только не отставая от шведов, но ни на миг не покидая их без наблюдения и окружая их конными разведочными отрядами. Когда обозначился в Украине район, занятый шведами для «зимовья» на реках Суле и Пеле, Петр обставил его со всех сторон разведчиками, а главные силы расположил в Сумах и Лебедине на путях, которые вели с Украины в центр Московского государства.

Попытка Карла через Красный Кут достичь Белгорода очень озаботила Петра. Тенденция шведов двигаться на восток была ему, конечно, известна; но, по-видимому, только в этот момент, в феврале 1709 года, Петр действительно поверил в возможность сильного удара на Белгород и испугался не столько за Москву, сколько за Воронеж. Из Белгорода путь к Воронежу не был труден: верхнее течение реки Оскола на этом пути не могло служить серьезным препятствием. Поэтому, как только обозначилось движение Карла в сторону Белгорода, Петр переместил свою армию от Сум к Ахтырке и к Белгороду, сам же бросился в

Воронеж, чтобы поторопиться со спуском на воду строившихся там кораблей и чтобы распорядиться увозом хлебных запасов с Коротояка. Петру не казался вероятным поход шведов именно к Воронежу: «хотя, чаю, се обман есть (писал он), однако же что опаснее (осторожнее), то лучше». С чрезвычайной осмотрительностью Петр предусматривал все возможные, хотя бы и маловероятные последствия взятия Белгорода Карлом, и это свидетельствует нам о том, с какой чуткостью и сознательностью вел он дело обороны.

В феврале 1709 года он еще боится столкновений с главными шведскими силами; к лету же в его руках уже есть точные данные об ослаблении шведской армии и о недостатке у нее боевых припасов. Кроме того, все ненадежные элементы в тылу русской армии, именно казаки в Запорожье и на Дону, к тому времени были ликвидированы. Петр считает, что наступил перелом в соотношении враждующих сторон и что наступила пора взять инициативу в свои руки.

Полтавская баталия. Фрагмент мозаики М.В. Ломоносова

Ствол орудия, участвовавшего в Полтавской битве

В июне он начинает сближаться со шведской армией, переходит на правый берег Ворсклы на выручку осажденной Полтавы и этим вызывает шведов на бой. Результатом была гибель всей шведской армии. Предусмотрительность и осторожность до самой развязки, точное и чуткое определение момента для решительного удара, умелое руководство не только военными операциями, но всем тылом армии, всеми источниками ее довольствия и снабжения, – все это дело личного таланта и личного труда самого Петра. По его переписке видно, что он в центре всех отношений, во главе всех предприятий, что в нем Карл имеет соперника не равной стремительности и отваги, с одной стороны, но и не одинаковых духовных свойств – с другой. Петр по характеру сложнее Карла (он к тому же и старше); его организаторская способность выше; круг его интересов шире. Карл великолепный тактик, Петр глубокий стратег и государственный хозяин. В период Полтавской операции Петр уже в полном расцвете своих громадных душевных сил.

VII. Петр Великий в последнем периоде жизни

Петр в Западной Европе. Поездка в Париж в 1717 году. Жизнь в Невском «парадизе». Личные свойства Петра как деятеля

Полтавская битва, знаменовавшая собой для Швеции проигрыш войны, была поворотным пунктом и лично для Петра. Дальнейший ход военных действий и политических отношений повлек его в Западную Европу. Россия оказалась деятельным членом среднеевропейской коалиции против Швеции. Русские войска постоянно передвигались по Германии и Польше; русский флот плавал в южной части Балтийского моря. Сам Петр колесил по Германии. Лечился в Карлсбаде; вел переговоры в Берлине и Дрездене; смотрел войска и флот в Померании и Дании. Через Гамбург ездил он в Голландию; с политической целью посетил даже Францию. Он вышел лично на широкую политическую арену, развернулся во всю ширь своей деятельной натуры, обнаружил свои способности и знания. В последние пятнадцать лет его жизни о нем много говорили и писали при европейских дворах; поэтому есть возможность восстановить наиболее характерные черты его личности в последней фазе ее развития.

Современники, которые встречали Петра в эти годы, все согласно признавали в нем исключительную натуру и удивлялись его уму и разнообразным познаниям. Датчанин Юст Юль, наблюдавший Петра в течение двух лет по своей дипломатической службе, «удивлялся, с одной стороны, уму этого человека, правящего всем самолично, а с другой – природными его силами, благодаря которым он без утомления выносит все заботы и труды». Многое в Петре Юсту не нравилось; но он признает, что «царь храбр, рассудителен, благочестив, поклонник наук, трудолюбив, прилежен и поистине неутомим». Простой капитан шведского корабля, видевший Петра на своем фрегате, был сразу поражен «изумительной точностью» технических сведений царя.

В Париже в 1717 году царь также изумлял всех своей любознательностью и разносторонней осведомленностью. «Монарх этот (писал о Петре герцог Сен-Симон) удивлял своим чрезвычайным любопытством, которое постоянно имело связь с его видами по управлению, торговле, образованию, полиции. Любопытство это касалось всего, не пренебрегало ничем и в самых мелких своих чертах имело в виду пользу; любопытство неослабное, резкое в своих обнаружениях, ученое, дорожившее

только тем, что действительно стоило внимания, любопытство, блиставшее понятливостью, мягкостью взгляда, живой восприимчивостью ума. Все обнаруживало в царе чрезвычайную обширность познаний и последовательность стремлений».

По отзыву маршала Вильруа, «этот государь, мнимый варвар, вовсе не походит на такового». Отношение Петра к культурным и техническим диковинкам Парижа было действительно не поверхностным, а серьезным. Он внимательно изучал самые разнообразные учреждения: арсенал, монетный двор, фабрики и заводы, типографии, ботанический сад и «аптекарский огород», анатомический театр, обсерваторию, кабинеты математические, физические, механические. Он смотрел химические опыты и медицинские операции; все примечательное записывал и зачерчивал и, по своему давнему обычаю, все норовил испробовать сам, своей рукой. Обаяние его личности действовало неотразимо на тех, кто мог видеть его близко, и все поражались его знаниями, быстротою усвоения, ненасытной любознательностью, серьезным достоинством и непринужденностью, с какими он подходил ко всякому делу. Он не развлекал себя, а учился и исследовал, не стесняясь обстановкой и условностями этикета.

Якоб Хоубракен. Портрет императора Петра I

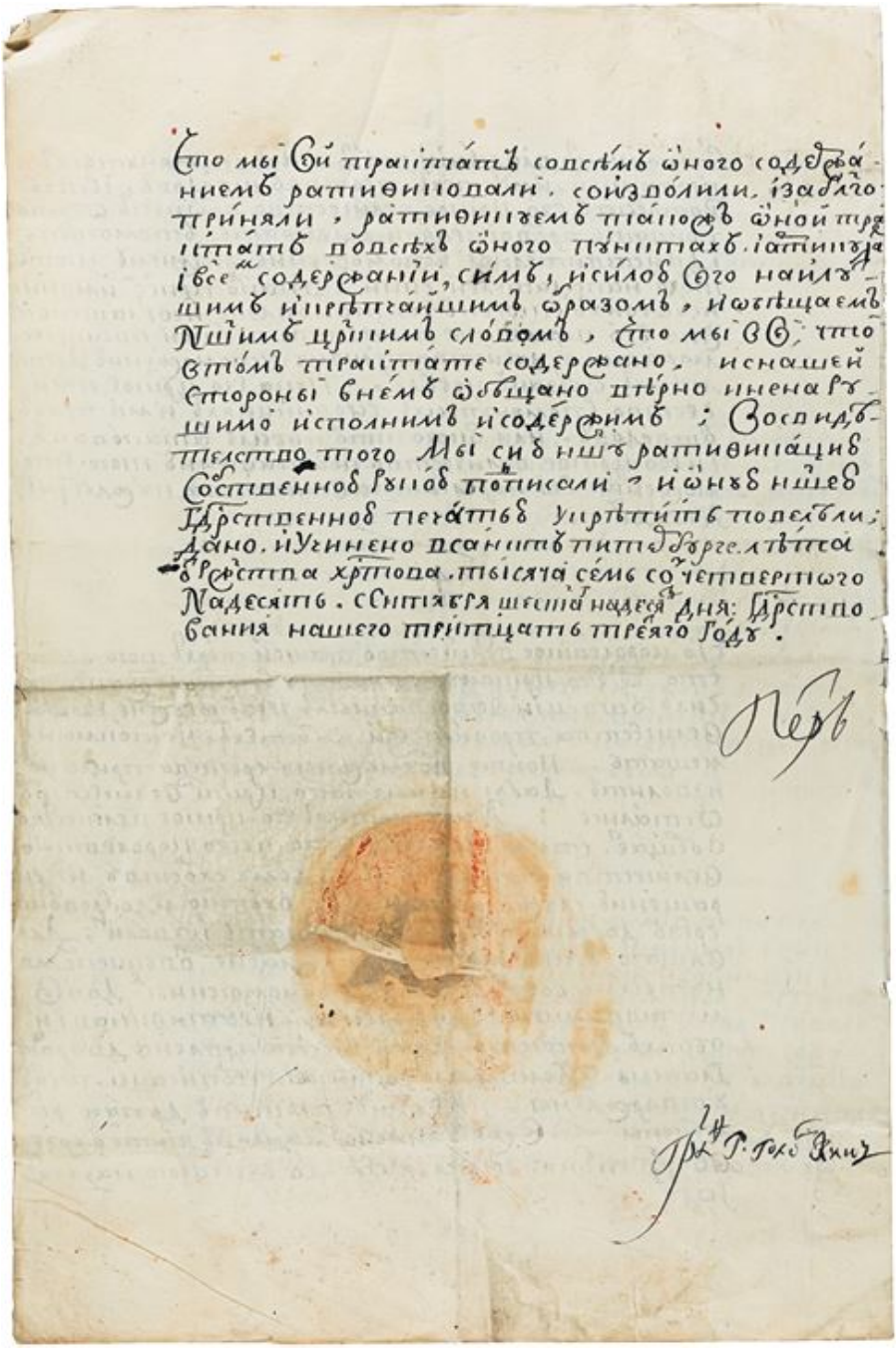
Большой знаток военного дела и воинских экзерциций, Петр, однако, не досмотрел парадного смотра французской гвардии, потому что нашел его несерьезным: «я видел нарядных кукол, а не солдат», признался он, приехав домой. Точно так же едва взглянул он на коронные королевские бриллианты, ибо не считал их делом. Не дослушал он и оперы, которой его думали увеселить и которая, очевидно, не входила в его вкусы.

В эти годы политического торжества и постоянного пребывания в международном обществе династических особ, их

придворных и дипломатов, Петр приобрел уверенные манеры и непринужденность обращения. Но это не была благовоспитанность в европейском смысле слова. У Петра так и не образовалось ни изысканных манер, ни выдержки. До самой смерти он оставался грубоватым и бесцеремонным человеком и не желал сдерживать свои настроения и чувства. Его всегда стесняла большая свита, светское общество, роскошные залы, парадный стол. Он с трудом исполнял требования этикета и норовил их избежать или просто нарушить. В 1712 году в Берлине ему приходилось тяжко от необходимости соблюдать известный церемониал; он его выдерживал не сполна. Так, дав королю Фридриху I обещание обедать с ним, он нашел возможным не сдержать слова и уйти есть к себе. Но зато вместо парадного обеда ему пришлось принять в тот же день парадный ужин, и он провел его как должно: вел королеву к столу (надев предварительно грязноватую перчатку), за столом разговаривал с дамами совершенно непринужденно, обходился без нечленораздельных звуков и не ковырял в зубах. После ужина он проводил королеву до ее покоев, как вежливый кавалер; но тут его более не хватило: на просьбу королевы освободить из плена шведского генерала Реншильда он ответил ей прямым отказом и, оставив ее, без церемоний ушел к королю.

В 1716 году та же грубоватость сказывалась у Петра и в Дании. Датский король находил Петра бесцеремонным и назойливым и со своей стороны не вполне с ним стеснялся. Поэтому Петр считал возможным бросать ему в лицо обвинения в беспорядочности и мотовстве, и королю Фридриху приходилось терпеть грубоватые, но в существе справедливые уколы Петра. В один из дней пребывания Петра в Копенгагене произошло такое событие, характерное для обоих монархов. Фридрих пригласил Петра на комедию в придворном театре; царь сказал, что он еще увидит, сможет ли прийти. Комедию отменили, вероятно, потому, что сочли слова царя невежливыми. А между тем к девяти часам вечера царь пришел в королевский замок, чтобы смотреть комедию, и, узнав, что она не идет, пожелал поговорить с королем. Один из датских придворных, встретивших царя на дворе замка, взял его под руку и повел вон, вежливо говоря, что «король его повелитель уже спит». Когда Петр спросил, куда его ведет придворный, тот объяснил, что хочет проводить царя в его покои. Но Петр возразил, что не намерен идти к себе, повернул назад, вошел в замок к королю и застал короля не спящим, а одетым и в обществе его министров. Нельзя сказать, чтобы монархи в этот день были взаимно любезными, современники отметили, что Петр почувствовал себя сильно оскорбленным, хотя

будто бы король и ухаживал за ним.



Договор с королем Пруссии Фридрихом Вильгельмом I с автографом Петра Первого. 1714 г.

Пребывание во Франции в 1717 году также сопровождалось

рядом неловкостей и выходок, шокировавших французов. С самого появления своего на французской почве, в Дюнкирхене, царь показал себя сразу же нравным и раздражительным; он плохо слушался указаний приставленного к нему камер-юнкера де Либуа, почему, например, едва не был захвачен морским приливом и спасся только верхом на лошади, погубив карету, в которой ехал. Он не хотел пользоваться предназначенными ему остановками в городах, а останавливался, где сам хотел. Он не пожелал ехать в крытых придворных экипажах, а, к удивлению французов, спроектировал свой, приказав поставить кузов одноколки на каретный ход («дрожины»), и таким образом познакомил французов с русским тарантасом.

Причуды и капризы Петра, не стеснявшего себя в дороге, заставляли де Либуа жаловаться своему правительству. Он не раз доносил, что царь необычайно подвижен, нетерпелив, вспыльчив и взыскателен, переменчив в своих удовольствиях и прогулках и потому «assez difficile a sercir». Добравшись до Парижа, Петр в первые же минуты своего пребывания там оказался неудобным гостем. Его вечером привезли прямо в Лувр, где для него был приготовлен стол и ночлег. Царь полюбовался роскошными комнатами дворца, посмотрел на убранный стол, но ужинать не сел, а только на ходу выпил и закусил и потребовал, чтобы его отвезли в частный дом, приготовленный для царя и его свиты на тот случай, если бы царь пожелал соблюдать инкогнито. Напрасно от имени короля и его регента упрашивали Петра сесть за стол и провести первые сутки во дворце. Он настоял на своем, проехал в отведенный ему дом и там лег спать в маленькой комнатке, предназначенной для его слуги. Как в этот вечер Петр откровенно требовал, чтобы его не стесняли, так и во все последующее время пребывания в Париже он ставил то же требование. Церемониал официальных визитов он проделал удовлетворительно, потребовав, однако, чтобы регент Франции и маленький король посетили его первые.

Во время визитов царь держал себя «с видом превосходства» («avec un grand air de supériorité»), но не выдержал серьезного тона при прощании с семилетним королем Людовиком XV. Он подхватил короля на руки и ласково держал его в своих могучих объятиях. Об этом эпизоде Петр затем писал жене своей Екатерине: «Объявляю вам, что в прошлый понедельник визитовал меня здешний королище, который пальца на два более Луки нашего (карлика), дитя зело изрядная образом и станом, и по возрасту своему довольно разумен, которому седмь лет».

Отделавшись от официальных визитов и представлений, Петр принялся за изучение Парижа и его окрестностей, причем не

стеснял себя в передвижениях по городу. Иногда он скрывался от своих официальных проводников и не задумывался перед тем, чтобы сесть в чужой экипаж и направить его по своему маршруту. Так он уехал в Булонский лес в карете одной дамы, которая приехала к его дому посмотреть на царя и должна была поневоле идти домой пешком. Визитами царь не считался ни с кем и мало оказывал внимания даже особам королевского дома. В своем обычном костюме он и не годился для салонов, так как не носил ни манжет, ни кружев на рукавах, ни галстука на шее, ни пышного парика на голове, ни благородной шпаги. Его наряд был нарядом профессионала-солдата, привыкшего к походной жизни и вооруженного тяжелым кортиком.

К.Н. Горский. Император Петр I несет на руках малолетнего Людовика XV

В общем, французы признали такой наряд некультурным («habit du farouche»), так же как и внешние манеры царя. От невнимания Петра, при случайной встрече, герцогиня де Роган даже ударилась в слезы, а муж ее назвал при этом Петра «животным» («Eh, qu'aviez-vous, madame, à attendee une honnêteté de cet animal-la!»). Такого рода эффекты нимало не смущали царя. На грубость герцога де Рогана не Петр, а один из свиты Петра ответил герцогу бранью; на претензии других представителей французской знати, желавших посетить царя при условии, что он

им отдаст визит, Петр отвечал добродушным советом, чтобы они сидели дома.

Интересы Петра лежали далеко от праздных сфер светского Парижа. В ученых и технических учреждениях он, напротив, чувствовал себя как дома: всем интересовался, охотно вступал в разговор на самые различные темы, начиная с мелочей того или иного производства и кончая вопросами точной науки и делом соединения церквей. Когда речь заходила о вещах мало ему понятных, Петр откровенно заявлял, что в данном деле он не сведущ, и указывал на то, что ему приходилось все время уделять на дела управления и войны. Когда же этот маловоспитанный и грубоватый «солдат» попадал по необходимости в общество, он подтягивался и держал себя вполне прилично, хотя и не по-светски. Тех черт робости и дикости, какими отличался Петр в молодые годы, теперь в нем уже не было. Скорее он казался самоуверенным и слишком развязным. В Версале он даже позволил себе что-то вроде оргии, вспомнив по многолетней привычке обычное служение Бахусовой и Венусовой потехе.

В таком же виде представляется Петр и у себя дома в последние годы его жизни. Это, прежде всего, трудолюбивый администратор-хозяин, богатый правительственным опытом и самыми разнообразными практическими познаниями. Около него, в Невском «парадизе», в новой столице, уже образовался «двор» – некоторое количество придворных чинов обоего пола и круг семей, составлявших высшее придворное общество. При этом дворе жили даже политические паразиты, вроде голштинского герцога Карла-Фридриха с его свитой, которому «Санкт-Питербурхское комиссарство Соляного правления» ежемесячно выплачивало из «кабинетной и соляной суммы» по 3000 рублей «на содержание его кухни».[19]

Новый двор имел свои церемонии и празднества, на которых Петр являлся парадно одетым и серьезным распорядителем и блюстителем этикета и порядка. Бывали и официальные увеселения, в которых вместе с двором принимали участие гвардейские полки, чиновничество и дворянство. Такие увеселения иногда захватывали весь город, обязательно плававший в шлюпках по Неве или ездивший по улицам в маскарадных процессиях. Петр был душою таких увеселений, следил за их порядком, не допускал уклонений от обязательного веселья, штрафовал уклонявшихся.

В течение года исполнялся этот круг парадов, праздников и процессий как нечто строго установленное, дополнявшее деловую жизнь правительства и руководящих сфер.

Правительственная работа и отбывание общественных

«обязанностей» не исчерпывали времени и интересов Петра. Он по-прежнему жил, мало стесняясь обстановкой и людьми, в привычном ему простом обиходе жизни, руководствуясь издавна усвоенными малокультурными привычками и вкусами. По утрам он ходил в плохом старом халате из простой китайской нанки; затем одевался «смотря по удобству», во что пришлось, и шутливо хвалился своим щегольством, если надевал манжеты, обшитые жалкими кружевами шириной пальца в два. Обычно же он обходился без всяких украшений, даже не носил обязательного в ту эпоху парика; если же считал необходимым его надеть, то обрезывал по своему вкусу и достигал этим большого уродства.

Однажды же он поступил еще с большей оригинальностью: на именинах его любимца Меншикова (30 августа), когда в саду к вечеру стало очень холодно и у Петра озябла голова, он прикрыл ее, при всем народе, снятым с чужой головы париком; при этом он не подумал, что на свою темную голову положил белокурый парик.

Е.Е. Лансере. Петербург в начале XVIII века

Как в одежде, так и в пище Петр был неприхотлив, хотя и обладал определенными вкусами. Он не любил рыбу, даже будто бы «рыбы никогда не кушал»; также не ел сладкого, очень любил фрукты и овощи, особенно огурцы и лимоны соленые, «да отменно жаловал лимбургский сыр». Есть он любил в малой компании, у себя дома, без посторонних, даже без прислуги, и заставлял служить себе за столом «дневальных деньщиков» (то

есть дежурных адъютантов). Большие парадные столы его стесняли. Он не всегда даже садился на первое место, ему как монарху принадлежавшее, а притыкался, где попало.

На торжественном, например, обеде при спуске корабля он помещался «на самом нижнем конце стола вместе с корабельными мастерами»; то же он сделал на собственных именинах в 1723 году: вечером в Летнем саду он уселся за столом иностранных шкиперов, которые и «толковали с ним безо всяких церемоний». А на свадьбе Головкина с Ромодановской Петр принял на себя должность «маршала» (распорядителя) и, воспользовавшись этим, даже вовсе не сел за парадный стол, а, отойдя к буфету, кушал там стоя, с большим аппетитом и просто руками. Он говаривал, что долгое и чинное сидение за столом выдумано в наказание большим господам. Пил Петр много, но отнюдь не был пьяницей; для него вино и водка не составляли болезненной потребности. Он, что называется, любил кутнуть, споить других и сам выпить; но есть много указаний на то, что он поддавался вину еще менее, чем другие, и редко доходил до больших степеней опьянения. Зато спаивать других было его страстью во все периоды его жизни. Обычно он, усадив гостей, запирал двери зала и запрещал кого бы то ни было выпускать с пирушки; сам же среди пира уходил отдыхать, а затем возвращался, чтобы, так сказать, доконать пирующих. Он прибегал даже к прямому насилию, чтобы привести в бесчувствие свою жертву. Когда Юст Юль скрылся от Петра на мачту корабля и уселся на такелаже, то царь сам полез к нему по снастям со стаканом в зубах и напоил его так, что тот едва мог спуститься вниз. Нечего поэтому удивляться тому, что Юст Юль, не любивший пить, через три недели после этого случая во хмелю обнажил шпагу, отбиваясь от угощения, и нагрубил самому Петру. Так как это сделала дипломатическая персона (Юль был датским посланником при Петре), то мог произойти серьезный казус, однако на следующий день и царь и дипломат просили друг у друга прощения, ибо «о случившемся знали только от других», по словам Петра.

Чрезвычайная подвижность Петра сказывалась в его манере быстро ходить и ездить. Его длинные ноги делали такие быстрые и широкие шаги, что сопровождавшие его постоянно должны были следовать за ним бегом. Ездил он не в тяжелой карете, так как, по ироническому замечанию одного современника (Берхгольца), «бедный император не имеет своего собственного цуга (то есть шестерни)». Он разъезжал на паре обычных лошадей в маленькой легкой двуколке, притом носился во весь дух, не зажигая по вечерам фонарей, но иногда имея перед собой двух

верховых. Верхом он любил ездить на лошадях малорослых, «для удобства»; но в торжественных случаях выезжал верхом на «превосходном гнедом коне», на котором был шитый золотом зеленый бархатный чепрак и богатое седло, чего (прибавляет очевидец) «никто не привык у него видеть».

В течение дня Петр обычно успевал побывать во многих местах, по делу и с бездельем, и не оставался подолгу без далеких поездок. Он снимался очень легко из своего «парадиза» в поездки не только по окрестностям «Питербурха», но и в далекие походы. Даже тогда, когда его последняя болезнь (камни) стала принимать тяжелую форму, он все-таки не отказывался от первого же предлога куда-нибудь ехать.

Так, всего за четыре месяца до своей кончины 9 октября 1724 года, он выехал в Шлиссельбург «на торжество (годовщины) Шлютельбурхского взятья», оттуда поехал в Ладогу и Старую Руссу. 27 октября вернулся вечером в Петербург, а двадцать девятого, поутру, уже «изволил путь свой взять в Дубки водою», к Сестрорецку. Там через два дня он перенес жестокую бурю, отстаиваясь на двух якорях; при этом одно из сопровождавших его суденышек погибло, и сам Петр добыл простуду, участвуя в спасении погибавших солдат. Второго ноября Петр вернулся в Питер с тем, чтобы больше уже из него не выезжать; но и больной, он продолжал двигаться по городу и участвовать в ассамблеях и иных собраниях, давая ход обычному своему глумливому юмору.

Петр I во время бури на Ладожском озере спасает утопающих

В официальном журнале Петра читаем под девятым января 1725 года: «Была свадьба деныщика его величества Василья Поспелова слуги Мишки на гудошнице Настасье, на которой присутствовали его императорское величество и ее величество государыня императрица и многие знатные особы; и для той свадьбы собраны были все гудошники». А на следующий день, десятого января, Петр «после кушанья изволил быть на родинах и крестинах у помянутых женившихся (Мишки и Настасьи)».

Через неделю Петр уже слег, а еще через полторы «преставился в своей конторке». В последние годы Петра, надо заметить, его обычная шутливость и подвижность иногда сменялись задумчивостью и вялостью. Он часто прихварывал и любил лечиться, пил воды и принимал разные «лекарства». Очевидно, организм его, могучий от природы, рано начал сдавать от излишеств и тревог.[20]

Время широкого размаха внешней политики и напряженной административно-законодательной работы не упразднило шутовских учреждений Петровой молодости и не смягчило грубой жестокости его расправ. «Всешутейший собор» и «неусыпаемая обитель» продолжали действовать до самой смерти их изобретателя. Всего за несколько дней до приступа последней болезни, в начале января 1725 года, Петр был занят «чином нового избрания» всепьянейшего князь-папы и всю ночь с

пятницы восьмого января на субботу девятого пробыл в «конклаве», производившем избрание с соблюдением всех церемоний шутовского «чина».

Некоторые члены «всешутейшего собора» были в особом приближении у Петра и пользовались его неизменным расположением. Таков был, например, типичный в своем шутовском роде, для нас мало постижимый человек, по имени Стефан, по прозвищу Медведь, исполнявший в «соборе» роль «посошника» князь-папы, носивший папин посох даже по городу, как «машину, сделанную в виде колбасы». Его кличка в составе собора была «Вытащи», и именно под этой кличкой («Vittaschy», «witaschy») он стал известен иностранцам, считавшим его и шутом, и «кнутмейстером» (палачом). Он постоянно пребывал при царе, иногда даже посещавшем его дом, постоянно играл с царем в шахматы, сопровождал царя в заграничных поездках и, по-видимому, ездил с ним в Париж. Когда он, будучи с Петром в 1722 году в Олонце, упал с лестницы, сломал себе ребра и умер, то Петр участвовал в его вскрытии или, как тогда выражались, «смотрел анатомии».

По смерти этого Степана «всешутейший собор» избрал нового «Вытащи». В лице Степана Медведя соединялись обязанности шута и палача, как в лице самого Петра уживались наклонности к веселому юмору и мрачной жестокости. Сохранились свидетельства того, что Петр в одно и то же время мог вести кровавые следствия с пытками и казнями и отдаваться беззаботному веселью.

В июне 1718 года его дни делились так: двадцать шестого он был в каземате своего сына царевича Алексея, осужденного на казнь, и царевич в тот день к вечеру отдал Богу душу. Двадцать седьмого Петр, посетив крепость, где лежало тело сына, праздновал годовщину Полтавской победы, и в саду его величества «довольно веселились» до двенадцати часу ночи. Двадцать девятого, в день именин Петра, веселье повторилось: был обед во дворце, на верфи спустили большой корабль работы самого царя, причем много пили. Ночью сожгли фейерверк, и общее веселье продолжалось чуть не до утра, а на другой день, тридцатого, хоронили царевича Алексея. Царь и царица «соизволили с телом царевичевым проститься и оное целовали», и после похорон присутствующие были «довольствованы в поминовение оного обыкновенным столом».

Портрет Анны Петровны, старшей дочери Петра I и Екатерины Алексеевны. Художник И.Н. Никитин запечатлел цесаревну Анну в 6–7-летнем возрасте. По моде и по правилам портретного искусства того времени девочка изображена как взрослая, в ярко-красной мантии, подбитой горностаем, свидетельствующей о принадлежности ребенка к царскому роду

Подобное же чередование мрачных и светлых картин видим позднее, в последние месяцы жизни Петра. Ноябрь 1724 года начался при дворе следствием над камергером Монсом, которого царь заподозрил в любовной связи с царицей. Монса и его близких обвинили в преступлениях по службе и 16 ноября Монсу отрубили голову. А двадцать второго двор уже праздновал

помолвку дочери Петра Анны с голштинским герцогом, и начались «великолепные концерты» и пиры в честь молодых, и по случаю именин императрицы (24 ноября) и по случаю праздника ордена Андрея Первозванного (30 ноября), причем современники отмечали, что царь был в эти дни очень весел». А тело Монса на Троицкой площади лежало на колесе, и при дворе шептались об истинной причине гибели казненного красавца.

Таков был тот жестокий век, в котором жил и воспитался Петр. Еще не было на свете цезаря Беккариа, еще существовала во всей силе общая вера в устрашение жестокими казнями как в единственное действительное средство борьбы с преступностью. И Петр глубоко верил в это средство, считая себя обязанным его применять для пользы управляемого народа. С этой точки зрения он иначе расценивал жизнь отдельного человека, чем ценим ее мы, и считал не только позволительным, но и похвальным истребление преступников и негодяев. Для него казнь была самым обычным делом тогдашнего правосудия, и сам он, как верховный его представитель, легко лишал жизни людей, по его мнению, провинившихся.

Один из дипломатов, аккредитованных при Петре, сообщал в 1721 году о таком случае: царь уследил своими глазами, как вороватый солдат утащил с пожарища церкви сплавившийся кусок медной крыши, и за то поподчивал его своей дубинкой. «Я не знаю отчего (писал дипломат): или трость была очень тяжела, или удар пришелся в такое место, но только несчастный на месте умер». Конечно, это была несчастная случайность, но можно быть уверенным, что Петр не почувствовал себя виноватым убийцей и не пожалел своей случайной жертвы. Не кровожадная жестокость руководила им, а сознание необходимости и целительности наказания, и если оно не исцелило, а казнило преступника, то это в глазах Петра простой случай, по существу не важный.

Кажется, именно этот случай необыкновенно сильно повлиял на представление о Петре художника В.А. Серова. По сообщению И.Э. Грабаря, Серов страшился Петра. «Воображаю (говорил он), каким чудовищем казался этот человек иностранцам и как страшен был он тогдашним петербуржцам. Идет такое страшилище, с беспрестанно дергающейся головой, увидит его рабочий – хлоп в ноги. А Петр его тут же на месте дубинкой по голове ошарашит: “Будешь знать, как поклонами заниматься вместо того, чтобы работать!” У того и дух вон. Идет дальше, а другой рабочий, не будь дурак, смекнул, что не надо и виду подавать, будто царя признал, и не отрывается от работы. Петр прямо на него и той же дубинкой укладывает и этого на месте:

“Будешь знать, как царя не признавать…” Страшный человек!»

Это глубоко неверное представление о внутреннем существе Петра. Петр был груб, даже очень груб и крут, но он не был кровожадным самодуром. Гораздо правильнее изображение характера Петра у его «ученика» И.И. Неплюева. Провинившись однажды по службе, Неплюев не решился оправдываться перед Петром, ибо знал, что тот уверток не любит, и потому прямо и откровенно повинился. Царь (рассказывает Неплюев), «взял меня за плечо, пожал, а я вздрогнулся, думая, что (он) прогневался». Но царь не прогневался: «Спасибо, малый, что говоришь правду! простит! Кто бабе не внук!» Такими словами ограничился Петр, готовый рассердиться, но смягченный «правдой».

В старости тот же Неплюев, сравнивая свое поколение с последующими, с гордостью говорил Екатерине Второй: «Нет, государыня, мы Петра Великого ученики, проведены им сквозь огнь и воду, инако воспитывались, инако мыслили и вели себя; а ныне инако воспитываются, инако ведут себя и инако мыслят; итак я не могу ни за кого, ниже за сына моего ручаться».

Другой «ученик» Петра, известный В.Н. Татищев, с таким же чувством гордости вспоминал время Петра, говоря, что все, чем он обладает, он получил от Петра, «и главное надо всем – разум». Такие воспоминания не оставляют после себя люди, способные только на злую жестокость и слепой произвол. Страшный в своем гневе и в своих болезненных припадках, Петр искупал этот страх уменьем примириться, даже покаяться и приласкать потерпевших. А вне этих ощущений страха впечатления от личности Петра могли быть высокого порядка: он казался образцом ума, работоспособности и сознания долга.

Отложив, что следует, на долю несчастного детства и плохого воспитания, общего влияния грубой эпохи и дикой среды, озлоблявших условий семейной и политической борьбы, что мы получим в остатке для оценки личных свойств Петра?

Прежде всего, необыкновенное богатство природных способностей Петра сразу же вызывает невольное удивление всякого, кто знакомится с ним. Его руки умеют делать буквально все, за что он ни возьмется, от тяжелой работы топором до тончайших упражнений на сложных токарных станках. Его глаз быстр и верен; он наблюдает быстро и точно. Его ум всеобъемлющ, хотя и не склонен к отвлеченностям; отличительное его свойство – уменье одновременно работать над многими разнородными предметами и притом с одинаковым вниманием и успехом. Дела текущего управления, крупные и мелкие; вопросы законодательства; редакция законоположений, отчетливая и мелочная, не лишенная юридической точности и

ясности; технические вопросы кораблестроения; шутливая переписка, дипломатические аудиенции, – все это проходит непрерывным потоком через деловой кабинет Петра, во всем он быстро осваивается и сразу делается хозяином положения. Упорный в серьезном труде, он с охотой, когда только возможно, вносит в него шутку. Эта склонность к чередованию углубленной работы с забавой и смехом явилась у Петра в молодости – от избытка сил, которых хватало на все, от «радости жизни», которой была богата его сильная и нервная натура.

Затем, с самых молодых лет Петра, сказывалась у него живая, можно сказать, страстная любовь к знанию, глубокое влечение и интерес ко всем отраслям науки. Математика и техника, астрономия, естествознание, медицина, география и картография – равно пользовались вниманием Петра. Всюду, куда бы он ни приезжал в своих европейских поездках, он устремлялся прежде всего на источники знания и искал сближения с представителями наук, посещал их в их кабинетах и лабораториях, осматривал музеи, искал «раритетов» и «куриозите». Для него чрезвычайно характерна та надпись, своего рода девиз, которую он вырезал на своей печати: «аз есмь в чину учимых и учащих мя требую». Он действительно всю жизнь «требовал» учения и верил в его силу.

В связи с этим свойством было другое: привычка и любовь к труду, точнее – к деятельности. Петр по своей натуре не знал бездействия и скуки, с ним сопряженной. На труд он смотрел как на необходимое условие благоденствия общественного и личного, требовал работы от других и сам давал пример: «Последуя слову Божию, бывшему к праотцу Адаму, трудимся, что чиним, не от нужды, но доброго ради приобретения», – писал он. Неплюеву он говорил: «Видишь, братец, я и царь, да у меня на руках мозоли, а все оттого: показать вам пример».

Государственные печати Петра Первого

Пример, конечно, производил впечатление: известен отзыв о Петре олонецких мужиков, вспоминавших о пребывании царя в их краю: «Вот царь – так царь! Даром хлеба не ел, пуще батрака работал». Читая в записках современников, видавших Петра только на людях, о его разъездах и развлечениях, мы не представляем себе, как напряженно он работал в свое трудовое время. В особенности трудно приходилось ему потому, что он не много находил достойных его самого талантливых сотрудников. В интимных беседах он жаловался, что с самого вступления своего во власть он почти не имел помощников и поневоле заведовал всем сам. Только в исходе Шведской войны, при лучших своих полководцах Шереметеве, Голицыне и Репнине, он признал их воинские таланты и сказал: «Дожил я до своих Тюреннов, но Сюллия еще у себя не вижу». Действительно, в сфере гражданского управления при Петре не выявилось ни одного сколько-нибудь равного Петру администратора, и творческая работа лежала на нем самом.

И.Н. Никитин. Петр I на смертном ложе. 1725 г.

Трудовая жизнь Петра и близкое знакомство с делом управления выработали в Петре одно ценнейшее качество, которое иначе нельзя назвать, как строгою честностью. Он любил правду и ненавидел ложь, обманы и лихоимство. На дело государственного управления смотрел он как на священный долг и нес свои обязанности чрезвычайно добросовестно. Себя он считал слугою государства и искренне писал о себе: «За мое

отечество и люди живота своего не жалел и не жалею». И действительно, Петр не жалел себя, когда дела требовали напряжения сил и энергии. Идея государства как силы, которая в целях общего блага берет на себя руководство всеми видами человеческой деятельности и всецело подчиняет себе личность, эта идея господствовала в эпоху Петра, и Петр ее усвоил. Он отдавал себя служению государству и требовал того же от своих подданных. В его государстве не было ни привилегированных лиц, ни привилегированных групп, и все были уравнены в одинаковом равенстве бесправия пред государством. Поскольку Петр считал себя лицом, постольку он мыслил и себя слугой государства наравне со всеми; а поскольку он являлся монархом, он олицетворял в себе государственную власть и сознавал себя самодержцем, который никому на свете не был обязан отчетом. Не один раз в речах Петра звучало это различие его собственной роли как человека и монарха, и надобно сказать, что Петр – человек, при всех его слабостях, всегда предстает пред нами с чертами неподкупного и сурово-честного работника на пользу общую. И как носитель неограниченной власти, он сознавал, что ею должен пользоваться осмотрительно, и не раз благодарил тех, кто воздерживал его от увлечений и ошибок. «Знаю я, что я также погрешаю и часто бываю вспыльчив и тороплив (говорил Петр); но я никак за то не стану сердиться, когда находящиеся около меня будут мне напоминать о таковых часах, показывать мне мою торопливость и меня от оной удерживать».

Нередко бывая жертвой своего темперамента, в припадках вспыльчивости, гнева и раздражения, в приступах рано постигших его болезней, Петр хорошо понимал, как в сущности слаба его воля, как мала его власть над собой.

Это сознание выразил он в знаменательных словах перед кончиной: «Из меня познайте, какое бедное животное есть человек». Так, в конце концов, определил сам себя самый могучий человек своей эпохи.

notes

Сноски

1

Перевод – трата, конец.

2

Внук – великий князь Петр Федорович, будущий император Петр III.

Ограничимся этими двумя примерами: других подобных было немало.

4

Ниже будет указано, что в оценке военных действий наш гражданский историк спускается до легкой насмешки над стратегами начала XVIII века и в этом расходится со специалистами и русскими, и шведскими.

5

Пресбург стоял на островке на реке Яузе. По словам очевидца, это была «настоящая маленькая крепость, обнесенная с трех сторон деревянными стенами, а с четвертой, у входа, землею в виде вала, с настоящим подъемным мостом, и вся окруженная водой; четыре маленькие башни заменяют в ней бастионы, а в середине против входа сделаны еще большие ворота с башней наверху».

6

Один из современников определенно говорит, что Петр «помалу привел себя теми малыми полками в охранение от сестры или начал приходить в силу»; «а из стрелецких полков возлюбил Сухарева полк и всякое им награждение давал и к себе привлек или, сказать, верными учинил».

7

Это слова Берхгольца, присутствовавшего в 1724 году, при торжественном сожжении этого дома самим Петром во время большого маскарада. В «Записках Юста Юля» (1710) этот дом характеризуется как «небольшое, неказистое, плохое подворье, построенное исключительно из леса и напоминающее священнический двор в Норвегии».

8

Так, в первое его посещение Дрездена, в 1697 году, Петр, слушая за парадным обедом оркестр, так воодушевился, что «сам взял барабан и в присутствии дам стал бить с таким совершенством, что превзошел далеко барабанщиков». То же бывало и в позднейшие годы.

9

Первым «патриархом» был Матвей Филимонович Нарышкин, «муж глупый, старый и пьяный», по словам Куракина. Он умер в 1692 году, и после него «патриархом» стал учитель Петра Никита Зотов с титулом «всешутейший отец Иоаникит Пресбургский, Кокуйский и Всеяузский патриарх». Таковым Зотов оставался до самой своей смерти в 1717 году.

10

Берхгольц видел «обитель» в самом конце жизни Петра, в 1724 году, и говорит, что она состояла из большего числа разного звания людей, которые, приехав за царем в гости, заняли три стола о двадцати или двадцати четырех приборах каждый. За одним из столов поместились одни простолюдины, которые разными кривляниями и забавными выходками стараются развеселить Петра, когда он не в духе; бывший среди них, во время обеда у герцога Голштинского, один простой матрос становился на голову и принимал удивительные позы.

11

Если считать период мобилизации, то дело растянулось месяца на два. Не особенно любезно со стороны Петра было назвать предводителя обреченной на поражение стороны «королем Польским»; быть может, Петр пользовался тем, что слово «польский» имело два смысла – от страны Польши и от «поля» (степи).

12

Он тому же учил и других. Так, в 1705 году он писал Б.П. Шереметеву, разбитому шведами: «Не извольте о бывшем несчастии печальны быть (понеже всегдашняя удача много людей ввела в пагубу), но забывать и паче людей ободривать».

13

Позднее, в 1700 году, пред самым началом войны со Швецией Петр издевался над недальновидным Книперкроном и лживо уверял его в своем миролюбии и приязни к Швеции.

Петр писал «Шлютельбурх».

Любопытно, что начальнику этого авангарда Апраксину Петр категорически запрещал разорять Ингрию: «Словесно вам говорено и в статьях положено, чтоб не трогать». Допуская разорение Лифляндии, царь Ингрию хотел сберечь для себя. Также пред вероятным взятием Риги, в 1709 году, он стал запрещать разорять и Лифляндию: «что разорят, то все приходится впредь нам же исправлять».

Этот путь в XVII веке определялся так: «старою прямою дорогою от Орешка Ладожским озером… и Сясью и Тихвиной реками приезжают на Тихвину, а с Тихвины ездят к Москве и по городам»; «та дорога из-за рубежа к Москве старинная, прямая, а не объезжая: от Ладожского озера до Москвы 550 верст, а через Новгород до Москвы 760 верст». Но и Новгород по Волхову пользовался той же дорогой из-за рубежа; и для него Нева имела значение.

16

Много раньше Петр писал: «Буде же изволите пожалеть пушек больших (которых ни пятнадцати нет), и за тем, для Бога, не раздумывайте: мочно их в Неман кинуть» (Гродна находится на Немане).

17

Тот же мотив в депеше датского посланника Грунда из Москвы: Карл, по совету Мазепы, думал идти из Украины на Белгород и на реку Донец, чтобы поднять там бунт против Москвы (декабрь 1708 – январь 1709 годов).

18

Слова Н.П. Михневича в его «Истории военного искусства». Они едва ли не основаны на словах фельдмаршала Реншельда.

19

Этот герцог сватался за дочерей Петра и получил руку старшей, Анны. От этого брака произошел император Петр Третий.

20

Иногда эти лекарства бывали очень странны: 15 июня 1714 года Петр «принимал лекарство, мокрицы и черви живые истолча, и кушал дома. На следующий день тоже принимал мокрицы и черви, и кушал дома, и был весь день дома».